

АРХЕОЛОГИЯ
РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ
Выпуск 2

Самарский государственный социально-педагогический университет
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Самарское археологическое общество
Научно-производственный центр «Бифас»

АРХЕОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Выпуск 2

САМАРА
2021

УДК 902/904
ББК 63.4 (4 Сам)
А87

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Самарского государственного социально-педагогического университета

Редакционная коллегия:

к.и.н. В.Н. Мышкин (отв. редактор), А.В. Денисов, Ю.И. Колев,
к.и.н. Р.Р. Саттаров, к.и.н. М.А. Турецкий, д.и.н. А.А. Хохлов

Рецензенты:

к.и.н. Л.А. Краева
к.и.н. С.Э. Зубов

А87 **Археология ранних кочевников Евразии. Выпуск 2. – Самара: СГСПУ, 2021. – 176 с., илл.**

ISBN 978-5-8428-1195-3

Сборник научных статей посвящен публикации археологических, антропологических и остеологических материалов из курганов ранних кочевников Евразии, истории изучения кочевого скотоводческого населения евразийских степей в раннем железном веке, проблемам хронологии и культурной атрибуции древностей этого периода. Книга адресована археологам, антропологам, этнографам, краеведам, преподавателям вузов и школ, студентам, всем интересующимся археологией и древней историей.

На обложке: фото курганного могильника Железный Мар (Россия, Самарская область, Алексеевский район), фото золотой нашивной бляшки из погребения 2 кургана 2 Андреевского курганного могильника (хранится в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина).

ISBN 978-5-8428-1195-3

Финансирование сборника осуществлено при участии ООО НПЦ «Бифас».

© 2021 Самарский государственный социально-педагогический университет

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ С КОНЦА XIX ВЕКА КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ ПОД ИСТОРИЧЕСКИМ НАЗВАНИЕМ «ЖЕЛЕЗНЫЙ МАР»

© 2021 А.А. Павлов, А.В. Денисов, Е.В. Волкова

Аннотация. В статье публикуются результаты проведенных архивных и полевых исследований по уточнению данных об известном с конца XIX века курганном могильнике под историческим названием «Железный Мар».

Ключевые слова: ранние кочевники, курганный могильник, Железный Мар, архивные данные.

NEW DATA ABOUT FAMOUS SINCE THE END OF 19 CENTURY BURIAL MOUND IRON MAR

© 2021 A.A. Pavlov, A.V. Denisov, E.V. Volcova

Abstract. The article deals with the results of archival researches and excavation survey, the main goal of which is to specify the information about famous since the end of 19 century burial mound Iron Mar.

Keywords: early nomads, burial mounds, Iron Mar, archive data.

Одной из наиболее древних находок, характеризующих историю ранних кочевников Урало-Поволжского региона, являются бронзовые удила (илл. 1, 11) из разграбленного крестьянами кургана под историческим названием «Железный Мар» (Мышкин, Скарбовенко, 2000. С. 12). Первым, кто дал подробную характеристику находке, был К.Ф. Смирнов. В своей работе «Вооружение савроматов» он датирует бронзовые удила VIII – VII вв. до н.э. и относит их, опираясь на классификацию А.А. Иессена, к I типу (кобанский тип удила), являющемуся наиболее ранним по времени происхождения (Смирнов, 1961. С. 77). К находкам из этого же кургана относят 11 бронзовых наконечников стрел (илл. 1, 1–10), датированных V в. до н.э. По поводу данного временного несоответствия К.Ф. Смирнов высказывает несколько предположений: «Учитывая архаический тип удила, который никак не может относиться к V в. до н.э., надо полагать, что либо удила и стрелы происходят из разных погребальных комплексов, либо, что менее вероятно, владелец коня V в. до н.э. использовал старые удила, возможно, найденные им в древнем погребении» (Там же. С. 77).

В настоящий момент бронзовые двуколыча-тые удила и 11 наконечников стрел входят в состав коллекции ГИМа под № 23500. Данная коллекция была передана музеем Императорской Археологической Комиссией (Отчет ИАК за 1889 г. С. 92).

Первой, кто провел архивные изыскания по поводу обстоятельств обнаружения вещей из кургана «Железный Мар», была О.К. Писарева. В своей статье «Охрана археологических древностей в Самарской губернии в последней четверти XIX века» автор упоминает дело «о найденных крестьянами села Благодаровки при раскопке курганов разных вещей и древесного угля» за 1889 год (ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 105. Д. 43). В статье достаточно подробно рассказывается о хорошо отлаженной цепочке взаимодействия между уездным исправником, губернатором, Археологической Комиссией и человеком, назначенным губернатором следить за производством раскопок, в итоге позволившей предотвратить разграбление курганов и произвести их последующие раскопки (Писарева, 2017. С. 18).

Более детальное изучение дел № 43 ГБУСО ЦГАСО («О найденном крестьянами села Благодаровки при раскопке курганов разных вещей и древесного угля»), № 65/1889 ИАК (о древностях добытых крестьянами из кургана «Железный Мар» близ села Благодаровка Самарской губернии), а также других архивных материалов (илл. 2), касающихся данного памятника, позволило выявить ряд фактов, представляющих интерес для будущих исследований этого памятника¹.

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность коллегам из других городов – В.Ю. Зуеву и Д.В. Серых за помощь в сборе и уточнении информации, необходимой для написания этой статьи.

История раскопок кургана «Железный Мар» начинается в конце XIX в. Крестьяне села Благодаровки Усманской волости Бузулукского уезда на протяжении довольно продолжительного времени разрушали несколько курганов под общим названием «Железный Мар». По народной легенде, в этих курганах были скрыты сокровища разбойника Гришки Отрепьева. Также местных крестьян интересовало большое количество угля, происшедшего из самого крупного кургана. Неизвестно, сколько времени продолжалось разграбление курганов, но в мае 1889 года оно было остановлено местными сельскими властями.

Бузулукский уездный исправник, узнав о разграблении курганов от местных властей, распорядился учредить наблюдение за ними с целью их сохранения до приезда археологов. Видимо, одновременно с этим он пишет рапорт от 20 мая 1889 года Самарскому губернатору А.Д. Свербееву, в котором описывает сложившуюся ситуацию, а также передает изъятые у крестьян медные конские удила, 11 стрелок, сплав и уголь. Стоит отметить, что количество предметов, переданных и указанных в рапорте первоначально, не совпадает. В рапорте от 20 мая 1889 года говорится об изъятии у крестьян около 100 штук медных стрелок, а также человеческих костей (ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 105. Д. 43. Л. 2–5).

Ситуацию несколько проясняет следующий рапорт от уездного исправника Господину Самарскому Губернатору от 6 июня 1889 года. В рапорте перечисляются предметы, представленные в дополнение к первому рапорту: 97 стрелок, 11 блях, медное кольцо, пластина, пуговица, стеклянная бусина голубого цвета и сплав меди. Можно предположить, что была проведена некая работа по изъятию у крестьян вещей, найденных ими при раскопках кургана (ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 105. Д. 43. Л. 9–10). Однако о дальнейшей судьбе предметов, переданных со вторым рапортом, на сегодняшний момент ничего неизвестно.

7 июня 1889 года в Императорскую Археологическую Комиссию со стороны Самарской Губернской канцелярии было отправлено донесение о найденных крестьянами села Благодаровки предметах и об учреждении наблюдения за курганами во избежание продолжения их разрушения (ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 105. Д. 43. Лл. 6–8). Донесение от самарского губернатора в ИАК поступило 12 июня.

Именно в этот день было заведено дело № 65/1889 ИАК (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65).

Тем временем «Самарские губернские ведомости» 24 мая 1889 года опубликовали небольшую заметку о грабительских раскопках кургана «Железный Мар». В заметке говорится о раскопанных в урочище «Железный Мар» трех курганов и найденных вещах: бронзовых удил, до 100 бронзовых наконечников стрел, сплаве металла черного цвета и человеческих костях. Также в заметке упоминается о громадном количестве угля, добытом из курганов, и о подземном ходе, на который натолкнулись крестьяне при раскопках одного из курганов (Самарские губернские ведомости. № 38. С. 6). А уже 5 июня 1889 года газета «Московские Ведомости» публикует, полностью повторяя «Самарские губернские ведомости», заметку о древностях, добытых крестьянами из кургана «Железный Мар» (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 2).

28 июня ИАК выделяет кредитные средства в размере 100 рублей на окончательное исследование «Железного Мара», а также просит самарского губернатора найти человека, наиболее способного для проведения археологических работ. Также Комиссия рекомендовала вести дневник с тщательной фиксацией материала и процесса работ и выслала брошюру, знакомившую с тем, как необходимо правильно вести археологические работы (ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 105. Д. 43. Л. 11–12).

Самарский губернатор А.Д. Свербеев нашел такого человека. Им стал советник Самарского губернского правления и главный редактор «Самарских губернских ведомостей» Семен Веселицкий, который незамедлительно приступил к работе. Процесс раскопок, подробное описание слоев и подземного хода, первоначальные выводы – все это было записано в форме отчета, составленного статским советником (Там же. Л. 25–28).

Отчет С. Веселицкий начинает с подробного описания местоположения памятника: «В 2,5 верстах² от с. Благодаровки Усманской волости Бузулукского уезда, к югу, на возвышенной равнине, с которой в ясную погоду, видны окрестности на расстоянии от 50 до 70 верст во все стороны, на душевой земле крестьян названного села, расположена группа курганов из коих один, названный местными крестьянами «Железный Мар», имеет очень значительные размеры, а остальные числом

² 1 верста = 1,06 км.

семь, представляют небольшие земляные насыпи, вроде могил» (Там же. Л. 25). Далее С. Веселицкий дает характеристику курганному могильнику: «Первый из означенных курганов – конусообразной формы, с усеченною верхушкой имеет в настоящем своем виде до 3,5 аршин³ в высоту и около 110 сажень⁴ в окружности, а остальные около 1,5 аршин в высоту и до 3 сажень в диаметре. Все они в разное время раскопаны крестьянами села Благодаровки. В особенности частым и обширным раскопкам подвергался главный курган «Железный Мар» в нем вырыто до 15 огромных ям в вертикальном направлении, от чего вершина его и представляет в настоящее время усеченный конус. По словам крестьян, в первоначальном виде курган имел правильную коническую форму и возвышался от поверхности земли на 5 аршин» (Там же. Л. 25).

Перед проведением раскопок С. Веселицкий собрал информацию у местных крестьян о находках с этого памятника, которую затем перенес в свой отчет: «Так стало известно, что до 1889 года ничего ценного не попадалось, за исключением лишь нескольких кузнечных молотков, найденных как-то давно в восточной части самого большого кургана и куда-то утраченных. В нынешнем же году, углубляя конец из прежней ямы в этой же части кургана, крестьяне напали на громадный слой древесного (березового) угля, которого было извлечено и продано до 150 пудов⁵, причем, попала и масса железной (изгари?)⁶. Дальнейшее исследование этого кургана показало, что насыпная земля из коей он состоит, не везде одинакова: в восточной части его насыпь состоит из красной глины, тогда как в остальных частях из чернозема» (Там же. Л. 27). На основе всех вышеперечисленных фактов С. Веселицкий делает вывод, что «... первоначально здесь было кузнечное заведение, на которое потом насыпана масса земли и образовавшийся таким образом искусственный (холм?), бла-

годаря удобству своего положения стал служить наблюдательным пунктом» (Там же. Л. 27).

Далее в своем отчете автор останавливается на описании остальных курганов: «Остальные маленькие курганы, разрытые в разных направлениях, ничего замечательного не представляют, за исключением лишь одного, лежащего сажень в 80 от «Железного Мара». Приступив весной текущего года к раскопкам сего кургана с целью отыскания скрытых в земле сокровищ, крестьяне с. Благодаровки откопали на глубине 1,5 аршина от верхушки кургана, человеческий скелет, который и передали в Усманское Волостное Правление (череп от этого скелета при сих представляется)⁷. Не довольствовавшись, однако же этою находкою кладоискатели решились продолжить свои раскопки на этом месте дальше и, углубив яму еще аршина на 1,5 в материк, откопали здесь в крепком глинистом грунте, два отверстия, в ряд подземных ходов, из коих одно к востоку от центра, а другое к северу, но тут были остановлены Сельским Начальством» (Там же. Л. 28). Эти данные С. Веселицкий, по всей видимости, взял у местных крестьян и бузулукского уездного исправника перед началом собственных раскопок.

Тщательное исследование подземных ходов статским советником дало следующие результаты: «оба означенных отверстия овальной формы и имеют до 1,25 аршина высоты и одного аршина ширины, так что человек среднего роста и не тучный может свободно пролезть в них» (Там же. Л. 28). Чем исследователь и не преминул воспользоваться. «Посылка в одно из этих отверстий мальчика, вызвавшегося слазить туда для определения направления хода, показала, что ход, начинаясь отверстием в восточную сторону от ямы, идет в горизонтальном направлении дальше в ту же сторону. По снятии в этом месте сверху земли, обнаружилось, что ход этот, аршина через два от начала имеет расширение, так что представляет пространство круглой формы аршина два в длину и ширину и столько же в высоту. В этом пункте ход разветвляется на два из коих, один продолжается, по-прежнему, на восток, а другой идет на юг и ар-

³ 1 аршин = 0,7112 м.

⁴ 1 сажень = 2,13 м.

⁵ 1 пуд = 16,3 кг.

⁶ По поводу количества угля данные разных источников весьма разнятся. Так, «Самарские губернские ведомости» сообщают о найденном громадном количестве угля, часть которого, именно 60 пудов, была продана крестьянами (Самарские губернские ведомости. № 38. С. 6), а в «Записках императорского русского археологического общества» говорится о 750 пудах угля (Записки ... С. 155).

⁷ Впоследствии череп был отправлен в Московское Антропологическое общество (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 3). В настоящее время в коллекции Музея антропологии МГУ значится шесть черепов из Благодаровки, принятых от Ф.Д. Нефедова в 1888 году (Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986. С. 50).

шина через полтора и тот и другой оканчиваются в грунте. Ход отверстия [...] от центра кургана идет по тому же направлению, то есть на север, но не горизонтально, а постепенно продолжаясь кверху, и теряется в насыпной земле кургана. Во всех этих ходах, за исключением костей мелких животных ничего не найдено» (Там же. Л. 28).

Исходя из полученных данных С. Веселицкий делает вывод о происхождении подземных ходов: «Таким образом, величина, расположение и направление сих ходов, а также отсутствие всяких следов человеческой деятельности, ясно показывают, что эти ходы – ничто иное как норы и логовище какого-либо большого зверя» (Там же. Л. 28).

На этом история работ С. Веселицкого заканчивается. Неизвестно, продолжилась ли переписка губернатора А.Д. Свербеева с ИАК или нет. Скорее всего, в связи с отъездом Свербеева в Петербург, отчет статского советника Веселицкого и часть изъятых у крестьян предметов так и не дошли до Археологической Комиссии. Однако 77 из 100 выданных на раскопки рублей были возвращены в ИАК. Дело № 65/1889 ИАК было окончено 19 августа 1891 г.

«Железный Мар» в начале XX века был известен заинтересованным историей гражданам Самары. Об этом говорит тот факт, что В.А. Миллер, прибывший в Самару в 1908 году, в числе прочих заявок на раскопки в Самарской области заказал Открытый Лист (илл. 3) на раскопки кургана «Железный Мар» (Археологические исследования... С. 35). Но до раскопок «Железного Мара» так и не дошло, так как все время В.А. Миллера заняло исследование Барбашинского могильника золотоордынского времени, привлекавшего многих любителей истории и археологии того времени.

Следующее посещение памятника археологами относится к 1970 году, когда отряд САЭ под руководством Г.И. Матвеевой посетил «Железный Мар», определив его как одиночный курган (илл. 4). Был снят глазомерный план памятника, дано его краткое описание. По данным разведок 1970 года, одиночный курган «Железный Мар» расположен в 4 км к востоку от деревни Благодаровки Борского района Куйбышевской области. В отчете 1971 года также даются размеры кургана: диаметр 30 м, высота 3 м и указывается наличие на нем триангуляционной вышки (Матвеева, 1971. С. 22). По результатам этих исследований памятник был поставлен

на учет как «Одиночный курган «Железный Мар». Остается загадкой, почему Г.И. Матвеевой не были замечены другие курганы, входящие в данный могильник. Можно лишь предположить, что малые курганы были скрыты высокими посевами.

В 2017 году отряд ООО НПЦ «Бифас» проводил археологические разведки в Борском районе Самарской области; одной из стоявших задач было посещение одиночного кургана «Железный Мар» с целью мониторинга его текущего состояния. Памятник обнаружить не удалось. Как выяснилось позднее – в связи с неверными привязками кургана в отчете 1970 года. В связи с этим возникла необходимость провести архивные исследования, результаты которых отражены в первой части данной статьи. Собранные данные позволили в 2020 году скорректировать планы и приступить к полевым исследованиям. В ходе археологических разведок в Борском и Алексеевском районах Самарской области сотрудникам ООО НПЦ «Бифас» удалось уточнить местоположение АОН «Одиночный курган «Железный Мар», а также зафиксировать еще несколько курганных насыпей, составляющих с ним единый комплекс, который и был известен с конца XIX в. как курганный могильник под общим названием «Железный Мар» (илл. 5).

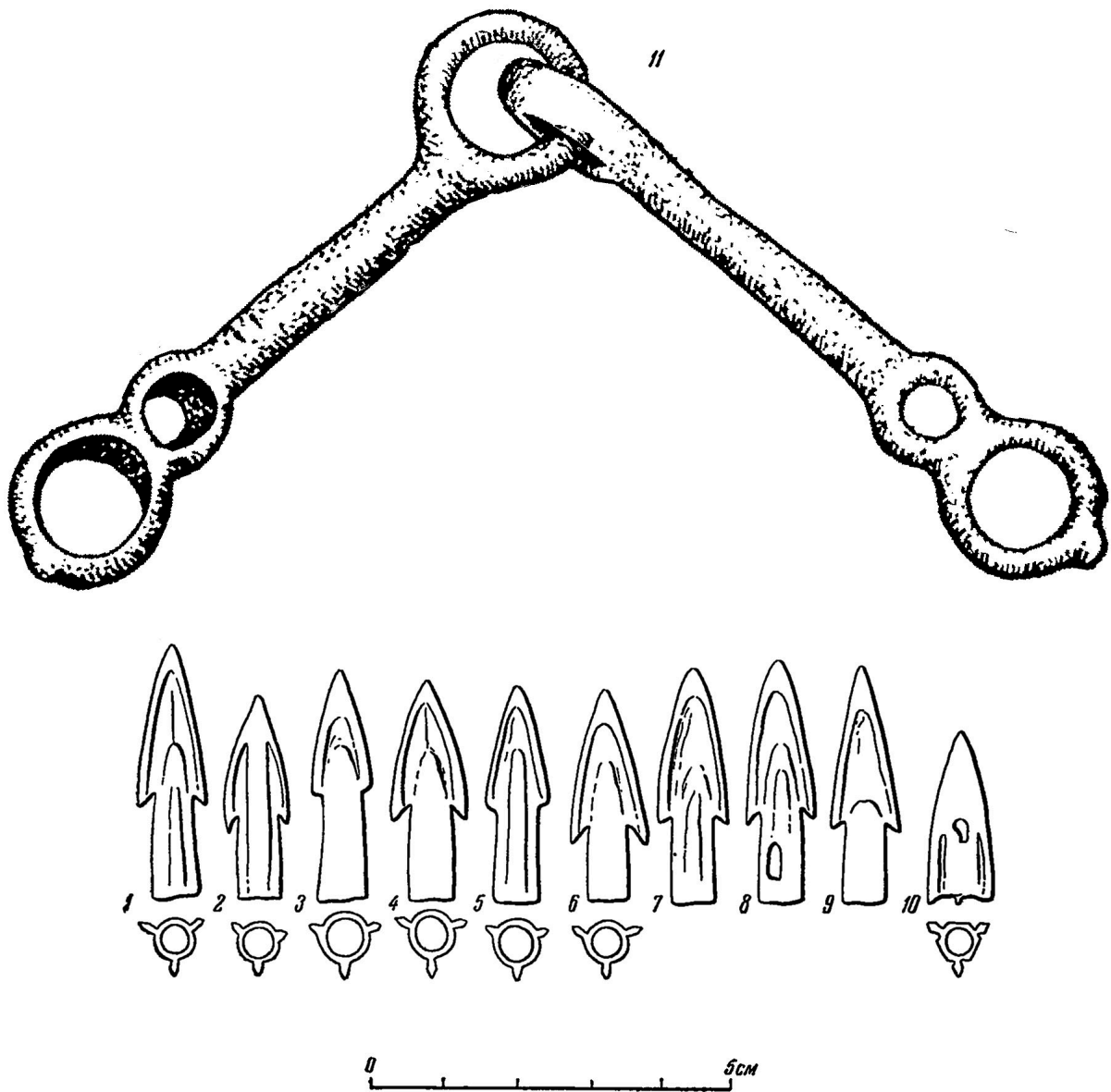
Разведки 2020 года подтвердили наличие еще как минимум пяти курганных насыпей помимо одиночного кургана «Железный Мар». Напомним, по данным С. Веселицкого, могильник состоит из восьми курганов, включая самый большой. По данным на 2020 год, диаметр «Железного Мара» (наибольший курган в могильнике) составляет около 65 м, а высота достигает порядка 4 м (илл. 6). Также на нем был зафиксирован действующий тригопункт (Волкова, 2020). В ходе осмотра курганного могильника на поверхности большинства насыпей, включая и самый большой курган, фиксировалась обожженная глина. Данный факт, а также неоднократное упоминание о большом количестве угля, добытого из курганов местными крестьянами, может свидетельствовать о наличии так называемых глиняных мавзолеев, характерных для восточных памятников савроматского времени.

Спустя 131 год курганный могильник под общим историческим названием «Железный Мар» вернулся на археологическую карту Самарской области. Во время обследования в 2020 году на памятнике зафиксированы следы регулярных граби-

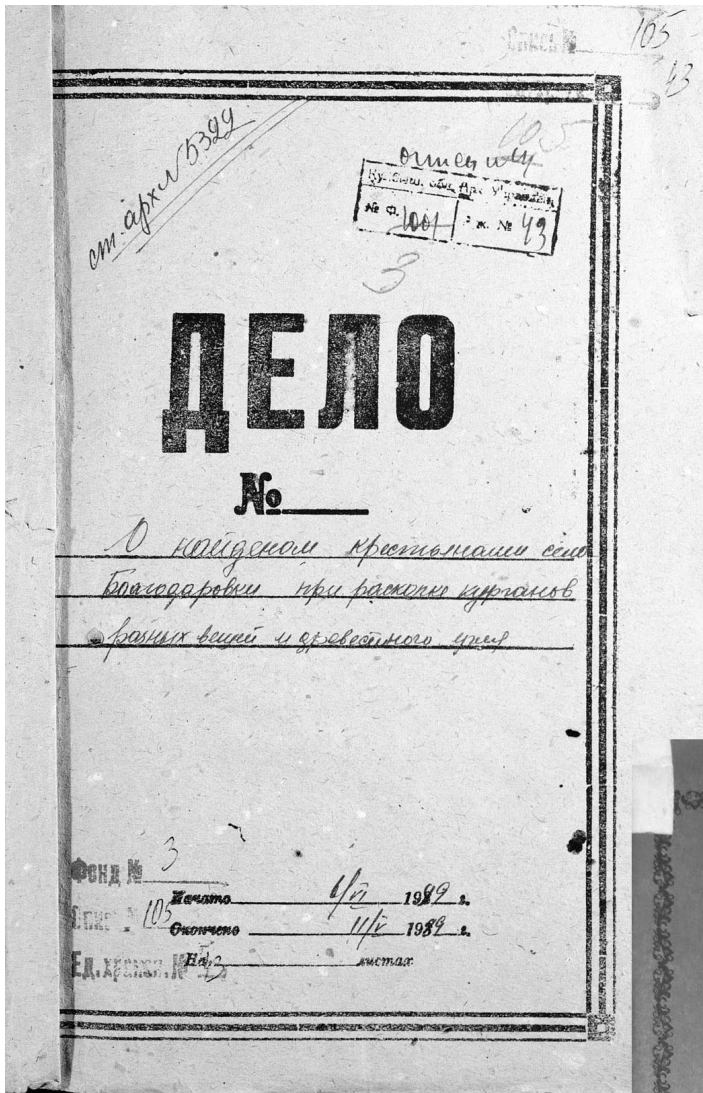
тельских разрушений, которые угрожают полностью уничтожить этот уникальный комплекс, если в ближайшем будущем не будут проведены профессиональные археологические раскопки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

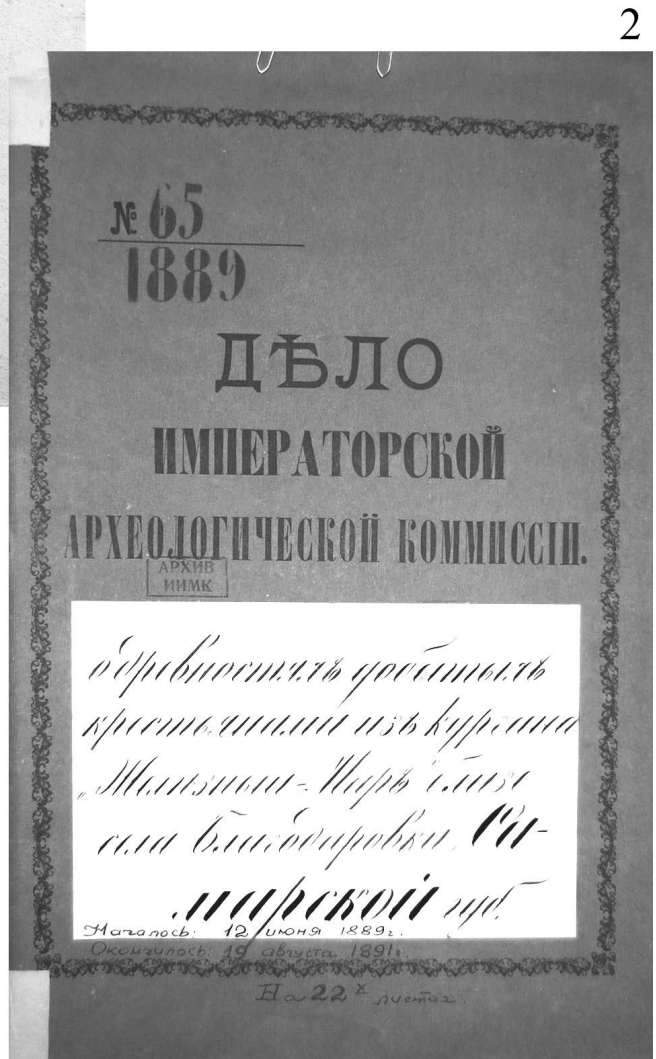
- Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б.** Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 224 с.
- Археологические исследования на территории города Самара. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике // Ред. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2011. 96 с.
- Архив ИИМК РАН. Фонд 1. Опись 1. Дело № 65. 22 л.
- Волкова Е.В.** Отчет об археологических разведках в Алексеевском и Борском районах Самарской области в 2020 г. Самара, 2020.
- ГБУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 105. Д. 43. 43 л.
- Записки Императорского русского археологического общества. Том 4. Вып. I. СПб., 1889. С. 463.
- Матвеева Г.И.** Отчет о раскопках в Волжском и Ставропольском районах и о разведках в Похвистневском, Кинель-Черкасском, Кошкинском, Челно-Вершинском и Борском районах в 1970 г. Куйбышев, 1971 // Архив ИА РАН.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.** Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 9–81.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892. 122 с.
- Писарева О.К.** Охрана археологических древностей в Самарской губернии в последней четверти XIX века // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. Самара: Изд-во Самарского университета, 2017. № 1. С. 16–22.
- Самарские губернские ведомости. № 38. 1889 г.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов // МИА. М.: Изд-во: Академии наук СССР, 1961. № 101. 170 с.

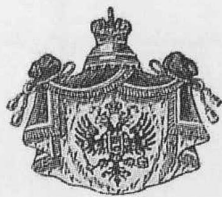
Илл. 1. Коллекции вещей из грабительских раскопок курганного могильника «Железный Мар» (Смирнов, 1961. Рис. 20, Б; 43, 5).

1

Илл. 2. Первые листы архивных дел о разграблении курганов: 1 – Дело «О найденном крестьянами села Благодаровки при раскопке курганов разных вещей и древесного угля»; 2 – Дело «Императорской археологической комиссии о древностях, добытых крестьянами из кургана «Железный Мар» близ села Благодаровки, Самарской губернии».

Открытый листъ.

№ 190 восьмой годъ.

Открытый лист
на 1908 год

Выдан этот лист Агроному Василию Александровичу Миллеру ИМПЕРАТОРСКОЮ Археологическою Коммиссиею на право производства археологических раскопок в течение 1908 года на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям в пределах окрестностей станции Кряж, имения Барабашина Поляна, Самарского уезда, кург. Железный Мар, близ сел Коноваловка и Тургеневка, Бузулукского уезда, и в окрестностях с. Кайбалы Ставропольского уезда, Самарской губ., с обязательством доставить в Коммиссию отчет или дневник по произведенным раскопкам, а также, при особой описи всех находок, наиболее ценные и интересные из найденных предметов, для представления их на Высочайшее Государя Императора воззрение.

Председатель Императорской
Археологической комиссии (подпись) гр. А. Бобринской.

Скрепил:

Верно: Делопроизводитель (подпись) А. Раевский

Лист этот действителен на один год и, по минованию надобности, должен быть представлен обратно в Коммиссию.

(Л. 5)

26. Курган Железный мар (рис. 95)

Находится в 4 км к Востоку от деревни Благодаровки Борского района Куйбышевской области. Курган расположен среди распаханного поля. Сам курган не распахан, на нем установлена триангуляционная вышка. Диаметр кургана 30м, высота 3 м.

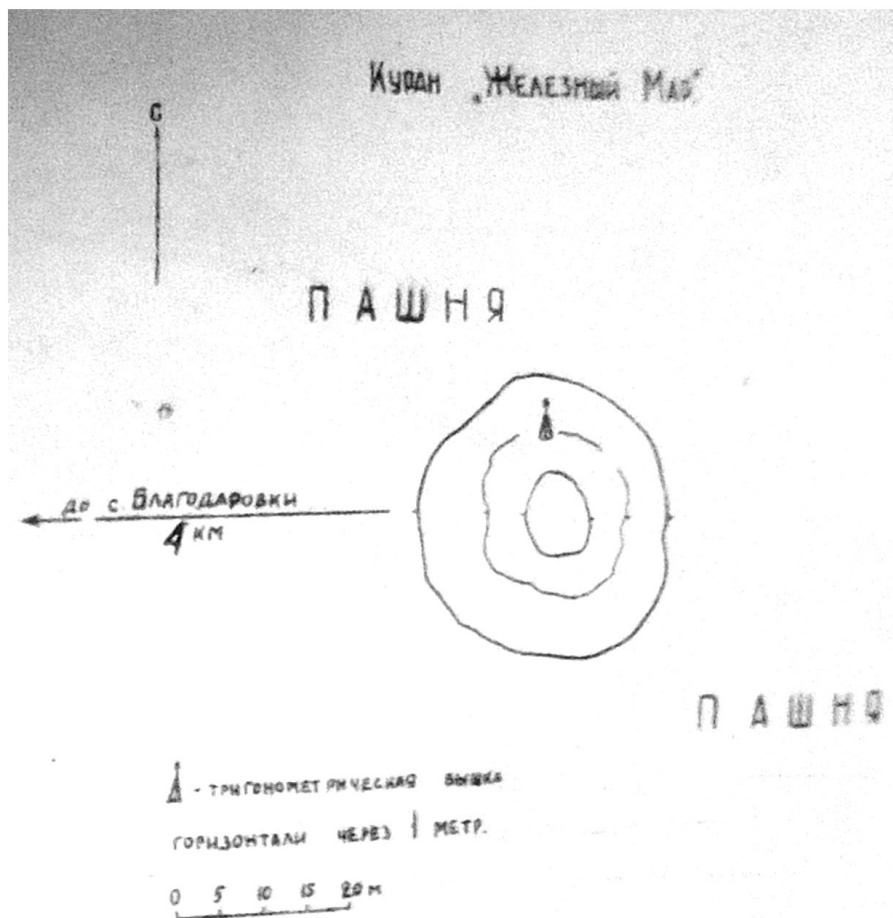
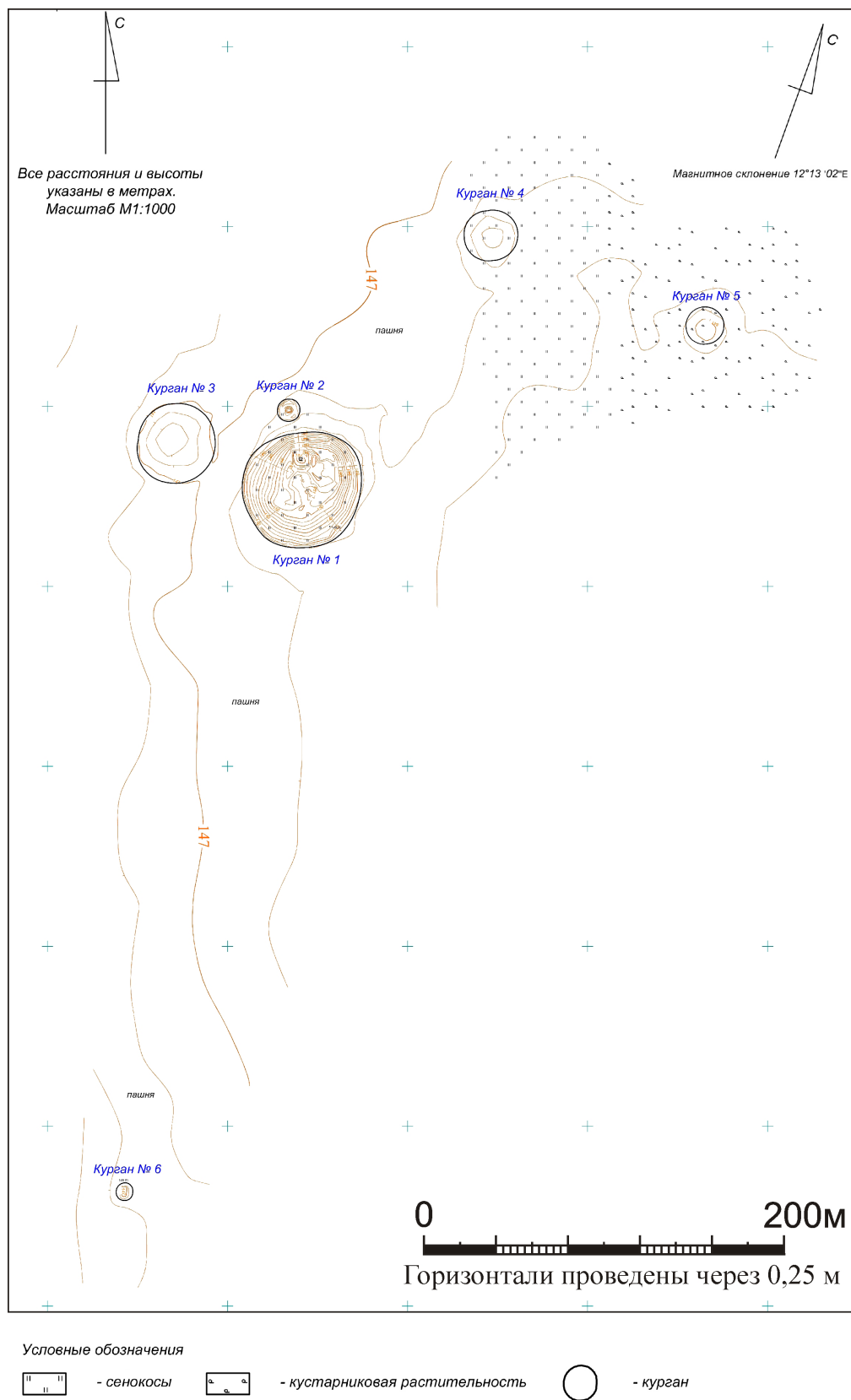

Рис. 95.

Илл. 4. Выкопировки из отчета Г.И. Матвеевой с планом 1969 г. и описанием одиночного кургана «Железный Мар» (по: Матвеева, 1971. С. 22. Рис. 95).

Илл. 5. Топографический план 2020 г. памятника Одиночный курган (курганный могильник) «Железный Мар» (по: Волкова, 2020. Илл. 8).

А

Б

Илл. 6. Фотографии большого кургана могильника «Железный Мар»: А – большой курган могильника «Железный Мар» (фото 2020 г.); Б – предположительное место раскопа 1889 года.

О РАСКОПКАХ Б.Н. ГРАКОВА НА АЛЕБАСТРОВОЙ ГОРЕ У ПОС. НЕЖИНСКОГО В 1927–1928 ГГ.

© 2021 В.Ю. Зуев

Аннотация. В статье опубликована часть отчетов и дневников раскопок Б.Н. Гракова (1899–1970) курганов на Алебастровой горе в Оренбуржье (Южное Приуралье) в 1927–1928 гг. Этот памятник, анализировавшийся многими специалистами по сарматской археологии, является одним из ключевых в системе хронологии древностей кочевников скифо-сарматской эпохи. Результатом изучения архивных материалов из Архива Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге удалось уточнить многие позиции комплексов из курганов этого могильника и исправить неточность отнесения почти всех погребений из четырех курганов этого могильника к прохоровской археологической культуре, выделив несколько комплексов эпохи скифской архаики и классики.

Ключевые слова: скифы, сарматы, курганы, Южное Приуралье, мечи, кинжалы, зеркала, наконечники стрел, архаика, классика, эллинизм.

ON THE EXCAVATIONS OF B. N. GRAKOV ON THE ALABASTER MOUNTAIN NEAR THE VILLAGE NEZHINSKY IN 1927–1928

© 2021 V.Yu. Zuev

Abstract. The article contains a part of reports and diaries of excavations by B.N. Grakov (1899-1970) of burial mounds on Alebastrovaya Mountain in Orenburg (Southern Urals) in 1927 and 1928. This monument, analyzed by many experts in Sarmatian archeology, is one of the key in the system of chronology of antiquities of the nomads of the Scythian-Sarmatian era. As a result of the study of archival materials from the Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg, it was possible to clarify many positions of the complexes from the burial mounds of this burial ground and correct the inaccuracy of attributing almost all burials from the four burial mounds of this burial ground to the Prokhorov archaeological culture, highlighting several complexes of the Scythian archaic and classical era.

Keywords: Scythians, Sarmatians, barrows, Southern Urals, swords, daggers, mirrors, arrowheads, archaic, classic, Hellenism.

Б.Н. Граков (1899–1970) был одним из пионеров южноуральской археологии советской эпохи (илл. 1, 1). Пять лет (с небольшими перерывами), начиная с 1927 г., он вел самостоятельные археологические исследования на территории Оренбуржья и Северного Казахстана. В результате этих исследований им были написаны несколько работ (Граков, [1928] 1929¹. С. 145–155; Grakov, 1928. P. 25–62; Grakov, 1929. P. 169–182; Граков, 1930.

¹ Двойная датировка сборника объясняется исторической традицией. Реально сборник вышел в 1929 году. Но его составители очень старались успеть издать его к 25-летию юбилею работы В.А. Городцова в Историческом музее и 40-летию научной деятельности. Поэтому на страницах 4-го тома Трудов Секции археологии мы видим 1929 год, но во всех справочниках типа «Указателя советской археологической литературы» указан, вопреки педантичным законам библиографии, 1928 год юбилейного городцовского сборника.

С. 59–76; Граков, 1935. С. 91–119; Граков, 1947. С. 101–121), заложивших основы самостоятельной научной традиции в деле изучения археологии эпохи ранних кочевников Южного Урала, традиции, которая непрерывно развивалась в советской науке многие десятилетия.

Гракову принадлежит заслуга введения в научный оборот не только многих интересных памятников этого региона, но и фундаментальных понятий, к числу которых относятся выделенные им культуры – блюменфельдская, прохоровская, сусловская и шиповская. В 40-е годы он создал периодизацию древностей Поволжья и Приуралья для всей эпохи ранних кочевников, которая продолжала функционировать как общепринятая более полувека! Это

большая редкость для классификаций археологического материала, учитывая его свойство быстро накапливаться и изменять устоявшиеся представления ученых. Наконец, в стенах Института истории материальной культуры и на Кафедре археологии Московского университета Б.Н. Граков воспитал целую плеяду замечательных исследователей памятников эпохи ранних кочевников Евразии, которые вместе уже со своими учениками продолжили дело, начатое им в двадцатые годы.

К сожалению, далеко не все, что сделал Б.Н. Граков на рубеже 20–30-х годов в Поволжье и Приуралье, было впоследствии им введено в научный оборот. Неопубликованными остались не только памятники, но и обстоятельные описания крупномасштабных новостроечных работ Южно-уральской экспедиции ГАИМК, которая вела исследования в зоне проектируемых гидроэлектростанций бассейна р. Урал. Руководил раскопками и работами по составлению карт археологических памятников этого региона Б.Н. Граков, а его ближайшими помощниками были А.И. Тереножкин и К.В. Сальников.

Но научное наследие Гракова этих лет не было совершенно забыто: оно стало предметом пристального внимания, прежде всего, его непосредственных учеников. Многие материалы были изданы в 60-е годы К.Ф. Смирновым, а некоторые (главным образом – его работы в Заволжье) позднее – И.И. Гущиной, М.Г. Мошковой и К.Б. Фирсовым (Смирнов, 1961; Смирнов, Петренко, 1963; Смирнов, 1964; Мошкова, 1963; Гущина, Мошкова, 1990. С. 26–47; Гущина, Мошкова, 1999. С. 42–59; Гущина, Фирсов, 2000. С. 15–21). Эта работа продолжается, и сейчас готовятся к публикации мате-

риалы работ Гракова в Приуралье за период с 1927 по 1936 г.² Главная цель этой работы заключается в полном издании архивных и музейных материалов граковских экспедиций, хранящихся в Москве, Санкт-Петербурге и Оренбурге. Накопленный опыт этой работы подсказывает необходимость проведения тщательного анализа всех сохранившихся до наших дней источников, как неопубликованных, так и введенных в разные годы в научный оборот. Значение их велико, поскольку они играли важную роль в процессе формирования граковских представлений о периодизации и культурной принадлежности памятников ранних кочевников Поволжья и Приуралья, которыми долгие годы руководствовались археологи, изучающие скифо-сарматскую эпоху в истории Евразии. Примером плодотворности такого подхода может стать история изучения одного из могильников, который был раскопан Б.Н. Граковым в 1927–1928 гг. в урочище Алебастровая гора у пос. Нежинский в Оренбуржье. Несмотря на то, что материалы этого памятника неоднократно издавались разными исследователями, дневник раскопок Б.Н. Гракова никогда не публиковался целиком. То же следует сказать и об инвентаре четырех курганов, которые, как это будет показано ниже, всегда воспроизводились лишь частично и по одним и тем же рисункам, выполненным в конце 50-х годов специально для публикаций К.Ф. Смирнова. Далее здесь приводится полностью описание раскопок, которое сопровождается оригиналами зарисовок Б.Н. Гракова и О.А. Кривцовой-Граковой (1895–1970) (илл. 1, 2).

² В Оренбурге готовится к изданию второй том по истории археологии Оренбуржья А.А. Евгеньева (Евгеньев, 2007. С. 523–530), которому я приношу благодарность за помощь в работе с текстами отчетов Б.Н. Гракова 1927 и 1928 годов.

Раскопки Б.Н. Гракова в Оренбургской губернии в 1927 г.³

Отчет об археологических раскопках в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда, произведенных Б.Н. Граковым летом 1927-го года по Открытому листу за № 5/64558 от 11 мая 1927 года⁴

В продолжение раскопок, произведенных Государственным Историческим Музеем в Нижнем Поволжье летом 1925 года и 1926 года, давших обильный материал эпохи скифо-сарматских племен, Музеем в истекшем 1927 году предприняты были археологические изыскания в бассейне Верхнего Урала с целью отыскания в этом районе культур, связанных с вышеуказанными Поволжскими. Такое направление изысканий вызывалось тем обстоятельством, что многие нити вели от Поволжских скифо-сарматов именно в Приуральские степи.

Исторический музей поручил производство этой работы Б.Н. Гракову. Совершенно равное участие в ней приняла сотрудница Музея О.А. Гракова, которой была сделана большая часть зарисовок во время работ. Раскопки производились на средства Музея (500 руб.), отпущенные по Гос. Бюджету.

Ввиду хорошей сравнительно литературы по памятникам курганного типа в Оренбургском крае, мы решились не отдавать времени большим рекогносцировкам⁵. Следуя по пути Макаренки, направляясь от Оренбурга вдоль по р. Уралу к Орску, мы остановились весьма скоро в 17–18 верстах от Оренбурга на В. в окрестностях пос. Нежинского. Для этой местности Н.Е. Макаренко отмечены 1) несколько курганов в 8-ми верстах от Оренбурга у часовни, 2) на тридцатой версте от Оренбурга (в 4-х верстах от Нежинки) направо от тракта три кургана; далее исследователь отметил ряд курганов в 3–4 верстах за Нежинкой и дальше (Тр. Оренб. Архивн. Комиссии. Вып. XXII, стран. 7, §1 и 2)⁶. Между тем, в окрестностях пос. Нежинского оказался ряд других курганов, которые не могли быть замечены с тракта на Орск Н.Е. Макаренко, имевшим целью раскопки в поселке Красногорском, куда он ехал и потому, конечно, не имел возможности заходить в сторону от дороги⁷.

Кроме группы Макаренка в 4 верстах от Нежинки к Оренбургу (илл. 2), где при нашем осмотре оказалось еще три кургана – а всего шесть (местность этой курганной группы называется «Красный Яр»), нам удалось отметить два кургана (оба около 2-х метров высоты) на Алебастровой горе к С.В. от Нежинки, в четырех верстах (илл. 2 и 3, 1).

³ Архив ИИМК РАН. Фонд 2. Опись 1927/1. Дело № 167. Начато 26 мая 1927 г. Окончено 19 мая 1928 г. Отчет о раскопках Б.Н. Гракова сопровождается письмом из Главнауки (Народного Комиссариата по Просвещению) от 19 мая 1928 г. за № 50/390 в Гос. Академию Материальной культуры (получено: 26 мая 1928 г. Входящий № 853): «Главнаука Наркомпроса препровождая при сем отчет о раскопках, произведенных Б.Н. Граковым в Оренбургской и Иваново-Вознесенской губ., а также заявку на открытый лист в Оренб. губ., Иваново-Вознесенскую и Ковровский уезд Владим. губ. – сообщает, что ввиду необходимости срочного выезда т. Гракова на место раскопок и согласно отзыва А.А. Спицына на представленном т. Граковым отчете – Главнаука НКП нашла возможным выдать тов. Гракову просимый им открытый лист. Начальник Главнауки [подпись] Зав. Музейным Отделом [подпись] Секретарь Управления [подпись]» (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1927/1 Д. 167. Л. 2, 2^{об}).

⁴ На 1-м листе Отчета имеется рукописная резолюция: «На сопровождении имеется следующее заключение: Я ознакомился с отчетом Б.Н. Гракова и со своей стороны нахожу его вполне удовлетворительным. А.А. Спицын. 1928 г. V. 11.»

⁵ В подготовке к экспедиции Б.Н. Граков пользовался трудом оренбургского краеведа И.А. Кастанье. Кастанье. 1910. 331 с. – Прим. В.Ю. Зуева.

⁶ Кастанье. 1910. С. 7. § 1, 2. И.А. Кастанье приводит усеченную цитату из статьи Н.Е. Макаренко о поездке и раскопках 1903 г. (Макаренко, 1906. С. 76–94). Привожу цитату из статьи Н.Е. Макаренко: «Выѣхавъ изъ Оренбурга по направлею къ пос. Красногорскому, я встрѣтилъ курганы въ 8 верстахъ отъ Оренбурга на возвышенности, гдѣ поставлена часовенка – четыре кургана; нѣсколько далѣе, въ лѣвую сторону отъ тракта – четыре невысокихъ кургана. На 13 в. въ правую сторону отъ тракта – три большихъ кургана (надъ самымъ спускомъ къ низменности). Пос. Нѣжинскій – верст. въ 3–4-хъ отъ пос. у суходола Нѣжинскаго – семь кургановъ въ 6–7 в. – два кургана. Еще далѣе у большого оврага, не доѣзжая р. Елшанка, – четыре кургана» (Макаренко, 1906. С. 91). – Прим. В.Ю. Зуев. См. также: Зуев, 2012. С. 385–410.

⁷ На момент поездки Б.Н. Гракова и О.А. Граковой в Нежинку в 1927 году авторам отчета было 28 и 32 года соответственно. О.А. Кривцова-Гракова с 1915 г. по 1918 г. училась в Петрограде на Высших женских Бестужевских курсах у М.И. Ростовцева (1870–1952). Супруги Граковы поехали на раскопки спустя 26 лет после раскопок в пос. Красногорском А.Л. Аниховского (1876–1939) и ровно 25 лет спустя после поездки Н.Е. Макаренко (1877–1938). Все перечисленные лица были живы в то время. М.И. Ростовцеву было 57 лет, и он жил в Нью-Хэвене (США). Иосифу Антоновичу Кастанье (1875–1958) было 52 года, и он жил в Париже. А.Л. Аниховскому был 51 год, и он был директором школы в подмосковных Горках, а Н.Е. Макаренко было 50 лет, и он жил в Киеве, продолжая заниматься археологией. Кроме М.И. Ростовцева и Б.Н. Гракова к теме изучения сарматских древностей Оренбуржья никто из перечисленных лиц более никогда не обращался. – Прим. В.Ю. Зуева.

Далее на север в 8–9 верстах от поселка на высоком левом берегу речки Нежинки против «Сакмарских выселков» высятся шесть двухметровых курганов, из которых один был разрыт казаком Ушаковым, но он до погребений не добрался; это произошло лет восемь тому назад. //-----// (так в тексте. – В.З.) У самого почти выселка Нежинки на В.С.В. от него в полуверсте на урочище «Башкирское стойло» (илл. 2) оказалась на самом почти берегу Р. Урала группа из 9 курганов.

Мы подвергли раскопкам один из курганов на Алебастровой горе, семь в группе на Башкирском стойле и два в группе на Красном Яру. Почти все курганы в этой местности имеют расплывчатую форму с диаметром от 10 до 30 метров, с более или менее правильным круглым основанием; высота их в большинстве случаев едва-едва достигает одного метра, чаще ниже.

Насыпи, высотой достигающие от 1,5 до 2 метров, очень малочисленны. Форма курганов с высотой выше полуметра носит типичные черты влияния эрозии в виде крутой северной полы, пологой южной и положения высшей точки курганов не над его действительным центром, а всегда несколько ближе к северу. Отличие представляет курганы поздне-кочевнические правильной полушарной формы, диаметром в 5–8 метров (см. Дневник раскопок, курган № 2 у Красного Яра). Рвы наблюдались нами у подошвы кургана № 1 на Красном Яру и у насыпей типа кургана № 2 там же.

Всего нами были вскрыты 22 погребения в 10-ти курганах. Из них погребения № 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9 и, м.б. 10 в кургане на Алебастровой горе и почти все погребения на Башкирском стойле, характеризуются вещами, позволяющими отнести их к сарматской культуре эллинистической эпохи (см. описание вещей и рисунки к ней). [...]

Ограбления нами наблюдались двух типов – 1) узкой миной – лазейкой и 2) большой ямой воронкой сверху курганной насыпи. Время ограбления Нежинских курганов едва ли надо отнести на долю русских колонистов, так как сочлененность некоторых выкинутых костей скелетов, неразрушенность кочевнических погребений над ограбленной могилой кургана № 4 на Башкирском стойле и, наконец, отсутствие на курганах с ограблениями каких-либо впадин, как кажется, говорят за близость времени ограбления ко времени погребений.

Курганы носят у местных казаков название «бугров». Запись во время раскопок велась в виде дневника, который здесь прилагается.

Дневник археологических раскопок в окрестностях поселка Нежинского Оренбургской губернии и уезда (с 5–18 июня 1927 г.)

На Алебастровой горе в 4-х верстах к С.С.В. от поселка Нежинского находятся два кургана, высотой около двух метров каждый (илл. 2). Один из них высится на крайнем западном отроге горы, другой почти прямо от него на восток над обрывом. Нами был избран второй из них.

Этот курган имеет правильное круглое основание, но форма его с севера на юг отличается значительной пологостью южной и крутизной северной полы; наиболее высокая точка насыпи находится ближе к северу, а не в действительном ее центре (илл. 3, 1). Курган, таким образом, имеет форму столь характерную, под влиянием эрозии для большинства местных курганов⁸.

Диаметр кургана – 31,6 м с С. на Ю., высота – 1,6 м. Раскопки произведены большой площадью с вершины насыпи послойно, колодцем 10×10 м с тремя выводными траншеями на запад, восток и юг, перпендикулярно к середине соответствующих стенок колодца, ширина этих траншей по три метра, длину они простиралась до конца насыпи.

Насыпь состояла из перемешанного чернозема и глины, изредка в ней находились камни, а именно – мелкие известняковые плиты, кое-где встречались угольные включения. Судя по тому, что непосредственно на горизонте всюду в колодце и во всех трех траншеях встречена уплотненная, и как кажется слегка обожженная прослойка глины, несомненно искусственного происхождения, надо полагать, что такая прослойка тянется под всю насыпь. Аналогичная площадка была встречена на Башкирском стойле в

⁸ В оригинале на плане кургана № 1 на Алебастровой горе Б.Н. Граковым допущена ошибка (Архив ИИМК РАН. Фонд 2. Описание 1927/1. Дело № 167. Л. 20. Илл. 4). Погребение № 1 на плане сориентировано неверно: длинной осью могилы с ЮВ на СЗ. В данном издании ошибка исправлена. – *Прим. В.Ю. Зуев.*

кургане № 2 (см. ниже). Может быть, и здесь имеем то же явление, что было обнаружено Н.Е. Макаренко у поселка Красногорского, Орского уезда (ОАК за 1903 год, стр. 127, строки 9 и см. снизу)⁹. Толщина глиняного слоя под насыпью нашего кургана достигала 0,08 м (илл. 9, 1); она прерывалась в разных местах, прорезавшими ее могильными ямами.

Раскопка была начата нами с южной траншеи. Дальнейшее описание раскопок идет в порядке их последовательности.

ЮЖНАЯ ТРАНШЕЯ. 1) На расстоянии 0,75 м от южного края колодца и 0,5 м от восточной стенки траншеи на глубине 0,5 м найдены: часть лопатки, берцо, грифельная кость и бабка лошади; в С.З. углу траншеи на пространстве полутора квадратных метра – крупные угли и зола; в двух метрах против центра к югу от центра стенки колодца – берцо лошади; 2) На глубине 0,6 м на метр от колодца по восточной стенке траншеи и на 0,75 м от этой стенки крупный кусок угля; повсюду мелкий уголь и зола, особенно в С.З. углу; 3) На глубине 0,7 м от поверхности, у западной стенки куча выкида площадью около 2-х кв.м; 4) На глубине 0,9 м на расстоянии 1,1 м от колодца по восточной стенке крупный и мелкий уголь с золой; 5) От глубины 1,0–1,2 м, против центра стенки остатки наклонно стоявшего колеса с обгорелой осью и часть дужки, обращенной к югу (по описи № 1). На горизонте убитый слой глины, толщиной 0,08 м.

ПОГРЕБЕНИЕ № 1 (илл. 3, 2). Около указанной кучи выкида, под колесом, оказалась неглубокая яма яйцевидной формы, ориентированная СВ – ЮЗ, широким концом к ЮЗ, длиной 0,9 м, наибольшая ширина – 0,6 м, глубина от горизонта 0,15 м, от поверхности пола 1,45 м. На дне ямы остатки костяка маленького ребенка, головой на Ю.З., лицом к Ю., причем от костяка сохранился раздавленный череп, несколько ребер и тлен в виде мелких чешуек от остальных костей. В С.В. конце могилы раздавленный сосуд, с цилиндрическим горлом, яйцевидным корпусом и плоским дном (по описи № 2) (илл. 3, 3).

ЗАПАДНАЯ ТРАНШЕЯ. 1) На глубине 0,65 м в 4-х м от стенки колодца находилось много крупного угля, золы и древесных гнилушек; возле стенки колодца и по всей остальной части траншеи те же явления повторялись непрерывно, начиная с глубины 25–30 см. 2) На глубине 0,65 м и ниже на расстоянии 1,3 м от С. стенки траншеи у стенки колодца кусок теменной и трубчатой кости человека; в 80 см от стенки колодца и в 0,5 м от С. стенки траншеи ребро; в 1,75 м от стенки колодца и в 1 м от С. стенки траншеи кусок гнилого бревна; в 2 м от стенки колодца и в 0,5 м от С. стенки траншеи мелкие ребра человека: на расстоянии 0,8 м от стенки колодца и в 0,75 м от Ю. стенки траншеи дубовый столб (диаметром 0,1 м). 3) На глубине 0,75 м у Ю. стенки траншеи большой кусок обожженного дерева и стоящий кусок гнилого столбика, в 1 м от стенки колодца и на таком же расстоянии от С. стенки траншеи. 4) На глубине 1,45 м у самой стенки колодца, выветрившиеся черепки глиняного сосуда (по описи № 3). Повсюду на горизонте такая же глиняная площадка, как и в Ю. траншее.

ПОГРЕБЕНИЕ № 2 (илл. 4, 1). Могила открылась на горизонте, отчасти она уходила под С. стенку траншеи и представляла собою широкий четырехугольник, ориентированный с З. на В. Длина ее – 2,1 м, ширина – 1,6 м, глубина от горизонта – 2 м. В могиле человеческих костей не оказалось, но на разных глубинах попадались отдельные кости лошади (8 спинных позвонков, лежавших в порядке хребта, 3 ребра, берцо, грифельная кость и часть таза); повсюду крупные гнилушки дерева и уголь, мельчавший с глубиной. Два упомянутых столба в траншее приходились у С.В. и Ю.З. углов ямы.

ПОГРЕБЕНИЕ № 3 (илл. 4, 1). Могила шла перпендикулярно, поперек могилы № 2 по самой середине ее и представляла узкий четырехугольник, ориентированный с С. на Ю. Длина ямы – 2,1 м, ширина 1,1–1,0 м, глубина от горизонта 2,18 м. В засыпке ямы гнилушки дерева, уголь и несколько костей лошади (берцо, часть таза и ребро) – ниже дна предшествующей ямы. На дне могилы в Ю.З. углу растрескавшийся сосуд, с узким горлом, черный лощеный, с резным линейным орнаментом на плечиках и корпусе (по описи № 6, илл. 4, 2), раздавленный землей, на расстоянии 1,1 м от него по З. стенке могилы второй сосуд в том же состоянии, с резным зигзаговым орнаментом по плечу (по описи № 5, илл. 4, 3). Около первого сосуда у З. стенки череп жеребенка, два его позвонка и лопатка с плечевой костью. У В. стенки согнутая в локте рука молодого человека, запястьем к северу. Под локтем железный нож (по описи № 4). В южном конце могила наискось перерезана широкой норой зверька. Обе могилы, по-видимому, ограблены.

⁹ ОАК за 1903 г. С. 127.

ВОСТОЧНАЯ ТРАНШЕЯ. 1) На глубине 0,15 м вдоль Ю. стенки на расстоянии 1,5 м от Ю.З. угла траншеи – бедро лошади. 2) В Ю.З. углу на глубине от 0,8 м до 1,2 м много угля и кусок гнилого дерева. 3) В Ю.З. на глубине 1,3 м появился дубовый столбик (около 10 см в диаметре) и около него два куса дерева. 4) Этот столб шел до глубины 1,5 м; в С.З. углу на той же глубине кость коровы. В траншее на горизонте наблюдалась та же, что и в первых двух глиняная обмазка.

КОЛОДЕЦ (10×10 м): 1) На глубине от 0,1 до 0,2 м недалеко от центра к В. лошадиная бабка, к С.В. углу столб, доходивший до глубины 0,4 м (диаметр около 0,12 м). Столб гнилой, но явно недавнего происхождения; 2) На глубине 0,2–0,3 м в Ю.В. углу плечо человека; 3) На глубине 0,3–0,4 м много крупного и мелкого угля по всей площади; 4) На глубине 0,4–0,5 м немного к С. от центра куча угля; 5) На глубине 0,5–0,6 м много крупного и мелкого угля в Ю.В. части колодца; в Ю.В. углу бедро человека; в середине колодца к С.В. ребро человека. На глубине 0,5 м в Ю.В. углу лежала горизонтально плита розового песчаника (0,3×0,2×0,11 м); 6) На глубине 0,7–0,8 м к С.В. от центра кусок истлевшего дубового дерева; 7) На глубине 0,8–0,9 м – две круглых трубчатых кости лошади в центре к Ю.З. углу крупный кусок дерева и уголь; 8) На глубине 0,9–1 м в С.В. углу 2 человеческих ребра и позвоночник лошади, у середины В. стенки лопатка овцы, к югу от нее бок лошади, в Ю.В. углу пяточная кость человека, в С.В. углу куча камней – плитняка, рядом с ней берцовая кость человека и к Ю.З. от середины колодца черепная коробка человека; 9) На глубине 1,0–1,1 м крупный уголь в С.В. углу; 10) На глубине 1,1–1,2 м в середине западной стенки большая берцовая кость человека, у середины восточной стенки – темя и позвонок человека, бедро лошади; почти у самого центра от той же стенки кусок совершенно обугленного дерева; у середины Ю. стенки – череп человека, почти у самого центра ближе к С. стенки – копыто лошади; 11) На глубине 1,2–1,3 м кое-где уголь. 12) На глубине 1,3–1,4 м в С.З. углу колодца ребро человека; 13) На глубине 1,4–1,5 м в С.З. углу крупные угли и гнилое дерево, около центра черепки лощеного глиняного сосуда (один с ручкой по описи № 7); в С.В. углу две обгорелые плахи, бедро человека, у середины З. стенки кусок горелой плахи, на горизонте недалеко от центра западной стенки плечо и позвонок человека, по всей площади колодца на горизонте убитый слой глины толщиной 0,05–0,08 м, прерываемый могильными ямами. На горизонте в Ю.З. углу при засыпке колодца найдена выпуклая полушарная серебряная бляха, точно сходная с найденными на лошади в погребении № 4 (по описи № 26).

ПОГРЕБЕНИЕ № 4 (илл. 5, 1). Обнаружено на глубине 1,45 м в северной половине колодца. Костяк мужчины лежал в осокоревой колоде (илл. 5, 1), был ориентирован головой на З.С.З., вытянуто. Рост его 1,56 м. Левая рука вытянута; плечо правой опрокинута зверьками за голову; локтевая и лучевая кости на месте, ноги вытянуты. У пояса медная (?) совершенно разрушившаяся пряжка (илл. 5, 3), слева вдоль головы деревянная ложка (по описи № 12, илл. 5, 4). Снаружи колоды, слева в головах, перевернутый череп лошади, мордой на запад. У лошади во рту железные одночленные удила, но с подвижными кольцами (по описи № 8, илл. 5, 2); на лобной части черепа – круглая бляха (по описи № 11, илл. 5, 3), за ушами сложены крестообразные бляхи, соединенные на темени пряжкой (по описи № 9 и 10, илл. 5, 3)¹⁰.

ПОГРЕБЕНИЕ № 5 (илл. 6, 1). Обнаружено в той же половине колодца ближе к стене, на В. от погребения № 4, в яме имевшей форму прямоугольника с округленными углами, ориентирована по линии З.С.З. – В.Ю.В. Длина могилы 2,1 м, ширина 1,1 м, глубина 1 м.

Яма постепенно сужалась ко дну. По стенкам ее кое-где сохранились вертикальные осокоревые кольца и остатки плетня из таких же веток вдоль стен могилы в виде тлена коры и прутьев. Кое-где попадались в засыпке могилы фаланги пальцев. В восточном углу – несколько обломков провалившегося из насыпи кургана обуглившегося дерева. В засыпке могилы очень много угля и золы. На дне ямы вытянуто лежал костяк мужчины головой на З.С.З., ростом 1,61 м. Под костяком темно-бурый тлен от пояса до пяток. Весь костяк был покрыт тленом от веток. Под головой много угля и кусок белой глины (по описи № 13). В ногах куча углей. Там же в южном углу уплощенно круглодонный глиняный сосуд, с четырьмя сверлинами с одной стороны (по описи № 14, илл. 6, 5), прикрытый свалившимся сверху камнем. У правой щеки обломок бронзового зеркала (илл. 6, 3), покрытый остатками деревянного, подбитого кожей футляра (по описи № 15); зеркало лежало на куске плоского песчаника (илл. 6, 2). Под правой плечевой костью железный нож (по

¹⁰ Материал этого погребения издан: Кривцова-Гракова, [1928] 1929. С. 297.

описи № 16, илл. 6, 4). Между ногами, против лобка, круглая глиняная чашка, до краев наполненная белой глиной (по описи № 17, илл. 6, 6).

ПОГРЕБЕНИЕ № 6 (илл. 7, 1). Могила обнаружилась на горизонте в Ю.В. углу колодца, уходила на 0,2 м под В. его стенку, имела форму неправильного с округленными углами прямоугольника и была ориентирована по линии С.С.З. – Ю.Ю.В. Яма сильно суживалась книзу, имела очень неровные стены, была сделана в грунте с большим содержанием известнякового плитняка, отчего засыпка могилы наполовину состояла из камня. Длина могилы – 3 м (наверху) и 2,46 м (внизу), ширина – 1,94 м (наверху) и 1,09 м внизу, глубина 1,8 м. В верхнем слое засыпки у З. стенки – позвонки и часть таза лошади; с глубины 0,7 м в могиле разбросано несколько черепков грубого сосуда (по описи № 18). В С.В. углу впадина в стенке могилы и в ней половина бараньего таза. Кое-где попадался мелкий уголь и тлен дерева. На дне ямы лежал костяк женщины, вытянутый совершенно прямо, с руками вдоль тела, головой на Ю.Ю.В., ростом 1,5 м (илл. 7, 2). Череп раздавлен. Костяк сплошь был покрыт тленом дерева и лежал на черном тлене от войлока или кошмы, толщиной от 0,01 до 0,05 м. Тлен этот покрывал все дно могилы. На шее, груди, а также у кистей рук был рассеян гешировый бисер, вместе с несколькими бусами розового коралла, шаровидными и ветвистыми (по описи № 19, илл. 7, 3, 4). У правого плеча лежало биконическое алебастровое пряслице (по описи № 20, илл. 7, 5, 6). Тут же, ближе к стенке могилы, лежала половина сильно разрушенного медного зеркала, от которого едва удалось взять выпуклый ободок (по описи № 21, илл. 7, 7).

ПОГРЕБЕНИЕ № 7. Яма обнаружена на горизонте к С. от могилы № 6; она имела причудливо неправильные очертания и носила признаки ограбления сверху; направление ее с С.З. на Ю.В. При вскрытии ее оказалось на некоторой глубине, когда был пройден низ грабительского хода, что действительная ее форма – прямоугольник с округленными концами и что к С.В. она была расширена на 0,6 м грабительским ходом, имевшим на горизонте 2 м длины и заходившим за С.З. угол могил. Длина собственно могильной ямы 2 м, ширина – 1 м, глубина от горизонта 1,65 м. В яме попались 1) на глубине 0,75 м посередине – ключица человека и ближе к южному концу, его же ребро; в С.В. стенке на этой глубине заканчивалась грабительская яма; 2) На глубине 1,15 м – кусок дерева и в южном углу нижняя челюсть человека; 3) На глубине 1,6 м – в южном углу лопатка и плечо человека; 4) На дне могилы кусочки черного тлена от кошмы, уголь и кусочки белой глины. По всей глубине могил попадались угольки. В одной из входивших в могилу нор найден черепок глиняного горшка.

ПОГРЕБЕНИЕ № 8. Яма обнаружилась на горизонте в центре колодца, в форме прямоугольника с закругленными углами, она ориентирована по линии С.З. – Ю.В., длиной 2,4 м, шириной 1,4 м, глубиной от горизонта – 0,8 м. В засыпке могил небольшое количество угля повсеместно; 1) На глубине 0,5 м в С.З. конце ямы несколько обломков бронзовой пластины зеркала (по описи № 24, илл. 8, 1) и локтевая кость человека и два черепка сосуда (один от плоского дна); 2) На глубине 0,6 м в середине могилы тазовая кость и кости ног человека в беспорядке; 3) На глубине 0,65 м в С.З. конце могилы кусок того же бронзового зеркала, много угля и малая берцовая кость человека; 4) На глубине 0,65 м и до дна в том же конце шли в беспорядке кости человека: фаланги, позвонки, сломанный череп, на тех же глубинах в Ю.В. конце несколько черепков того же сосуда, что и выше (по описи № 23), а также лопатка, большая берцовая кость и ребро человека; 5) На дне могил в Ю.В. конце ключица и перевернутая нижняя челюсть человека, в середине дна локтевая и ключевая кости.

ПОГРЕБЕНИЕ № 9 (основное) (илл. 9, 1, 2). Еще при исследовании площади колодца на расстоянии 4,25 м от С.З. угла колодца по З. стенке и в 0,5 м от нее была обнаружена большая плита известняка, стоящая вертикально и под нею другая. По этим камням обнаружилась в С.З. углу колодца каменная кладка, одним углом входившая в западную стенку колодца. Размеры кладки: длина с С.З. на Ю.В. – 2,8 м, ширина 2,1 м, толщина всюду – 0,4–0,5 м. Кладка состояла из горизонтально положенного в несколько рядов, количество которых неопределенно в виду пестрых размеров камня, плитняка-известняка, добываемого в настоящее время в значительных количествах в Алебастровой горе. Эта кладка камня лежала на указанном выше подо всею насыпью убитом слое глины (толщиной 0,5–0,8 м), находившаяся над древним горизонтом (илл. 9, 1), все это заставляет думать, что курган был сооружен. Крупные размеры сооружения, аккуратное расположение кладки и точная укладка на глинобитной площадке, которая так или иначе была бы нару-

шена, будь это кладка над впускной могилой, – все это заставляет думать, что курган был сооружен для могилы, находящейся под этой кладкой и что она является основной, хотя и находилась не в самом центре насыпи. Могильная яма оказалась под кладкой и имела довольно неправильные очертания на горизонте (илл. 9, 2), благодаря суркам, и ниже давала форму четырехугольника, ориентированного по линии С.В. – Ю.З. Могила имела размеры: длину – 2,45 м, ширину – 1,6 м и глубину 1,1 м. С запада под каменной кладкой шла узкая грабительская мина, шириною 1,2 м, глубиною 1,05 м, в которой найден яйцевидный с цилиндрической шейкой неполный алебастровый сосуд (по описи № 25, илл. 8, 2). Через отверстие грабительского входа могила заплывла красной глиной, имевшей косослоистый характер, представлявшей в своем строении сток из отверстия мины. В могиле оказались на половине глубины в С.В. конце – фаланга от руки человека, баранье плечо и лопатка. Непосредственно же под каменной кладкой находились остатки совершенно перетлевшего дерева, не проникавшего внутрь ямы. Общая конструкция могильного сооружения по этим остаткам представляется в следующем виде: кладка камней покоилась на деревянном настиле, над не засыпанною ямой и не осела в могилу, благодаря проникшей в нее до разрушения настила через грабительскую мину глине. Ограбление состоялось, таким образом, недолго спустя после создания сооружения.

ПОГРЕБЕНИЕ № 10 (илл. 9, 3). Обнаружено в С.В. углу колодца на глубине 1,2 м в насыпи кургана ударом лопаты по бедренной кости лошади и плечу человека. Непосредственно тут же обнаружен был полуразрушенный костяк человека, от которого сохранились *in situ* часть таза, правая нога, и локтевая и лучевая кости с кистью от правой руки. Покойник был ориентирован на Ю.В. На расстоянии около метра от костей к югу лежали кости черепа. У ступни лежала пяточная кость коровы. В углу колодца у С. стенки найдена вторая лучевая кость.

**Опись вещей из раскопок в окрестностях поселка Нежинского
Оренбургского уезда летом 1927 года**

**Коллекционный список Отделения Ранне-Исторической Археологии ГИМ
Археологического отдела**

Наименование отделения: Отделение Ранне-Исторической Археологии

Губерния: Оренбургская

Уезд: Оренбургский

Местность: Окрестности поселка Нежинского

Время регистрации: 10–20 января 1928 г.

№ по книге поступления: 61881

Способ поступления и сопроводительные документы: Из раскопок на средства Исторического музея при дневнике раскопок и черновой полевой описи на одном листе.

Историческая справка: Раскопки произведены Б.Н. Граковым и О.А. Граковой в июне 1927 года в окрестностях поселка Нежинского Оренбургской губернии и уезда.

№	Положение предмета в раскопках, его наименование и описание	Материал	Размер	Примечание
Курган на Алебастровой горе в 3-х верстах к С.С.В. от поселка Нежинского				
ПОГРЕБЕНИЕ № 1				
1	Часть обгоревшей оси с частью расширения для подушки	Дерево	Дл. 0,32 м Шир. 0,1 м	
2	Часть сосуда: корпус яйцевидный, шейка низкая, с отогнутым бортиком; сохранилось еще 3 черепка, один из них с остатками плоского дна	Глина	Выс. 0,1 м	Собрано из кусков. Илл. 3, 3
В насыпи кургана в ЗАПАДНОЙ ТРАНШЕЕ				
3	8 сильно выветрившихся черепков	Глина		

№	Положение предмета в раскопках, его наименование и описание	Материал	Размер	Примечание
ПОГРЕБЕНИЕ № 3				
4	Нож	Железо	Дл. 0,07 м	Сохр. одно лезвие (Смирнов. 1948. С. 81. Рис. 23)
5	Горшок плоскодонный, с округлыми плечиками; частично сохранившаяся шейка слабо отогнута наружу. Плечо украшено двумя опоясывающими сосуд бороздками, между которыми заключен резной зигзаговый орнамент	Глина	Выс. 0,2 м	Собран из кусков. Илл. 4, 3
6	Горшок плоскодонный, с округленным корпусом; шейка – коническая, с сильно отогнутым плоским бортиком; поверхность – лощеная черная; по плечикам две резных объемлющих сосуд бороздки, от которых попарно до половины корпуса низбегают на расстоянии 2–3 см друг от друга резные бороздки	Серая глина, с значительной примесью песка, хорошо обожженная	Выс. 0,26 м	Собран из кусков. Илл. 4, 2
В насыпи КОЛОДЦА, в центральной части				
7	18 фрагментов плоскодонного лощеного сосуда с низкой шейкой и слабо отогнутым бортиком; орнамент как у № 6-го настоящей описи	Глина как у № 6-го		
ПОГРЕБЕНИЕ № 4				
8	Удила одночленные; стержень в сечении – прямоугольный; кольца – подвижны и плоски	Железо	Дл. 0,23 м	Илл. 5, 2
9	Крестовидная, сложная бляха на ремне, состоящая из выпуклого полушара, подотланного с обратной стороны круглой пластинкой и пяти закругленных на концах пластинок; при ней пряжка с растительным орнаментом	Бляха из бронзовой пластинки, покрытой серебром. Подстилающий кружок из бронзы. Пряжка посеребренная бронза	Диам. средней части 0,42 м. Длина пластинки 0,3 м. Длина пряжки 0,35 м	Пряжка соединяла эту бляху с № 10. Илл. 5, 3
10	Такая же бляха, но без пряжки	То же	Размер тот же	Илл. 5, 3
11	Круглая бляха на ремне; на ней три круглых заклепки и ободок; на ремне круглая гайка	То же	Диаметр 0,093 м	Илл. 5, 3
12	Ручка ложки	Дерево	Длина 0,096 м	
ПОГРЕБЕНИЕ № 5				
13	Кусок белого вещества	Белая глина	Дл. 0,07 м	
14	Горшок, уплощенно-круглодонный с выпуклым бортиком по плечу, низкой отогнутой шейкой и широким устьем. На одной стороне у плечика два отверстия	Глина	Выс. 0,225 м. Диам. устья 0,145 м	
15	Неправильный фрагмент зеркала с частью края; сохранилась часть деревянного, проложенного кожей футляра; под зеркалом находился камень, на котором неясный обломок бронзы	Бронза Песчаник	Дл. 0,085 м. Шир. 0,06 м	Илл. 6, 2 Илл. 6, 3
16	Нож	Железо	Дл. 0,096 м	Илл. 6, 4
17	Чашка круглодонная, полушарной формы, массивная, с подражением веревочному орнаменту по краю и отверстием с одной стороны	Глина	Выс. 0,086 м	Чашка была наполнена мелом. Илл. 6, 6
В насыпи МОГИЛЫ № 6				
18	6 фрагментов грубого сосуда	Глина		
ПОГРЕБЕНИЕ № 6				
19	Мелкий черный бисер; 5 штук ветвистых и 9 шаровидных бусин	Бисер из гешира; бусы коралловые		Илл. 7, 3

№	Положение предмета в раскопках, его наименование и описание	Материал	Размер	Примечание
20	Пряслице биконическое	Алебастр	Диам. 0,033 м	Илл. 7, 5
21	Часть круглого зеркала с плоским ободком	Бронза	Диам. 0,142 м	Илл. 7, 7
ПОГРЕБЕНИЕ № 8 (в засыпи, в норе сурка)				
22	Осколок сосуда	Глина		Того же самого, что под № 7
ПОГРЕБЕНИЕ № 8 в засыпи могилы				
23	6 фрагментов лощеного сосуда	Глина		Того же самого, что под № 7
24	Часть зеркала, круглого, с ободком по краю и коротким стержнем	Бронза	Диам. 0,138 м. Дл. стержня 0,03 м	Собрано из кусков. Илл. 8, 1
В грабительском ходе ПОГРЕБЕНИЯ № 9				
25	Половина яйцевидного сосуда; два объемлющих валика; шейка – цилиндрическая; бортик – отогнутый и плоский	Алебастр	Высота 0,11 м	Илл. 8, 2
В насыпи кургана, при засыпке КОЛОДЦА				
26	Полушарная с ободком бляха, на тонкой пластине	Бляха – серебро; пластинка – бронза	Диам. 0,034 м	Совершенно сходна с средней частью нащечников № 9 и 10, но чеканного серебра. Рис. 5, 3

Отчет о раскопках в Оренбургской губернии, произведенных Б.Н. Граковым летом 1928 года¹¹

По заданию РАНИОН¹² и Исторического Музея, на средства этого музея, мною в июне истекшего года была продолжена работа по раскопке курганов под Оренбургом. Моею ближайшею целью было исследование погребальных памятников скифо-сарматской эпохи.

Эта цель и была преследуема. Попутно было затронуто несколько памятников других эпох, но чисто случайно. Недостаток средств (было отпущено 500 руб.) не позволил мне остановиться на крупных насыпях. В работе принимал участие Н.П. Кивокурцев¹³, окончивший I МГУ по отделению археологии.

Работа протекала в двух направлениях. Во-первых, в разведках памятников; во-вторых, в раскопках некоторых из них. Всего за время разведки открыто 20 групп курганов, содержащих 83 кургана, и один древний рудник. Все эти памятники расположены в окрестностях пос. Нежинского и станицы Каменнозерной на правом берегу р. Урал и в окрестностях пос. Благословенского и аула № 1 на левом берегу той же реки. Расположение памятников нанесено на карту (илл. 10) и с некоторых курганных групп сняты планы (прилагаются к настоящему отчету).

Памятники дают в общем очень однообразную картину.

I. В кургане № 1 III-ей из раскопанных групп (урочище «Ванькина шишка») было обнаружено единственное скорченное погребение, содержащее сосуд андроновской культуры.

II. Огромное большинство могил относится к скифо-сарматской эпохе. Они, как основные, так и вводные, были обнаружены во всех 6-ти подвергнутых раскопкам группах. Два из этих погребений (курган № 5 II-й группы и курган № 1 VI-й группы) должны быть отнесены к скифской эпохе (VI – IV в. до Р. Хр.) и характеризуются обширной ямой, западной ориентировкой покойника, присутствием реалгара и обезглавленными тушками баранов. Все это сближает оба погребения с таковыми же в Суловском могильнике (1 тип по П.С. Рыкову). Наиболее интересными вещами в первой могиле являются каменное блюдо и бронзовое шило, во второй – бронзовая прорезная бляшка; последние указывают на какую-то связь с Ананьинскою культурою (см. подробнее об этом: Grakov, 1929. P. 180–182. – Прим. В.Ю. Зуева).

¹¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 2, Оп. 1928/1. Д. 178. Начато и окончено 20 марта 1929 г. Отзыв дан РАНИОН 26. III. 1929. На обложке отчета карандашом: «Заключение: Жаль, что нет масштаба у плана № 1. Жаль, что нет фотографий. Некоторое сомнение вызывает метод раскопки кургана, например, 16 м в диаметре колодцем 6×6 м. Кто может поручиться, что в полах кургана имеются погребения, ускользнувшие таким образом от исследователя. А мы будем считать эти курганы уже расследованными. Кроме того, а выводы? Ведь работы ведутся 2 года. Берутся ли кости? В списке их нет. А это – большая потеря, так как остеологическое исследование выброшено. Ученый специалист ГИК К.Э. Гриневиц 26. III 1929 г.»

Константин Эдуардович Гриневиц (1891–1970) (илл. 1, 4) – выпускник Харьковского университета. Ученик В.П. Бузескула. С 1918 г. в Петрограде. Ученик Б.В. Фармаковского и С.А. Жебелева. С 1927 г. в Москве – заместитель заведующего музейным отделом Народного комиссариата просвещения. С 1928 г. действительный член Института археологии и искусствознания РАНИОН.

В деле имеется сопроводительное письмо из Государственного Исторического Музея в Главнауку от 20 марта 1929 г. за № 1465: «ГЛАВНАУКА. Отдел по делам музеев. Государственный Исторический музей препровождая при сем отчет о раскопках Б.Н. Гракова в окрестностях г. Оренбурга летом 1928 года, поддерживает ходатайство о выдаче Б.Н. Гракову открытого листа на раскопки в Оренбургской губернии и прилегающей части Казакстана. ПРИЛОЖЕНИЕ: Отчет о раскопках на 17-ти листах с 42 рисунками. Зам. Директора ГИМ: Матвеев. Ученый секретарь [подпись]». – Прим. В.Ю. Зуева.

¹² Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Существовала при Факультете общественных наук Московского государственного университета с 1924 г. по 1930 г. В ассоциацию входил и Институт археологии и искусствознания (1921–1931), археологической секцией которой руководил учитель Б.Н. Гракова В.А. Городцов (1860–1945), с которым Граков сотрудничал и в Государственном Историческом музее. В.А. Городцов курировал и координировал работы Б.Н. Гракова в Поволжье и Приуралье начиная с 1925 года. В 1929 году ученики В.А. Городцова: А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, А.П. Смирнов и С.В. Киселев начали кампанию по дискредитации В.А. Городцова как вредителя в сфере археологии и враждебного марксизму теоретика вещеведения. Единственным учеником из круга археологов, который открыто отказался участвовать в травле В.А. Городцова, был Б.Н. Граков. Их обоих уволили из ГИМа и Института археологии и искусствознания. Вместе В.А. Городцов и Б.Н. Граков в 1929 году переехали в Ленинград, и для них это было началом периода скитаний и гонений. – Прим. В.Ю. Зуева.

¹³ Николай Петрович Кивокурцев (1902–1944) (илл. 1, 3). Выпускник I МГУ по кафедре археологии. Ученик В.А. Городцова. Племянник А.Н. Зографа. Сотрудник ГМИИ им. А.С. Пушкина. В 30-е годы сотрудник Керченской экспедиции ГАИМК, сотрудник Керченского краеведческого музея. Исследователь Мирмекия. Погиб на фронте Великой Отечественной войны. Ему посвящен (в числе прочих погибших археологов) XII выпуск КСИИМК: От редакции. 1946. С. 3–4). Подробнее о Н.П. Кивокурцеве см.: Лепехина, 2017. С. 310–318. О деятельности Н.П. Кивокурцева как эпитафиста и археолога см.: Федосеев, 2012. С. 385. Прим. 29. – Прим. В.Ю. Зуева.

Остальные погребения – сарматской эпохи и распадаются в целом на две подгруппы. Первая из них относится к типу погребений Прохоровки Оренбургского уезда (Материалы по археологии России, вып. 37¹⁴) и представлена 20-ю погребениями. Все они заключены в длинных и узких ямах, глубоких (до 2-х м) и за исключением 7-ми ограблены. Они характеризуются южно ориентировкою, подсыпкою мела и его кусками, осокоревым плетнем по стенам могилы, заключением покойника сверху жердями и подстилкой из таких же жердей. Две могилы (в курганах № 2 и № 3 I-й группы) (илл. 4, 1 и 12, 3) представляли собою коллективные ямы, очень большие, которые располагались с З. на В., т.е. иначе, чем остальные, но покойники положены как и в остальных. В той же группе в кургане № 3¹⁵ наблюдалась зачаточная катакомба (илл. 13, 1–2), как и в самой Прохоровке; здесь покойник лежал на подстилке из мха. Характерными вещами являются кинжалы с прямым перекрестием и серповидным навершием, бронзовые трехгранные стрелы, кожаные колчаны. Керамика бедна и встречена только дважды (курган № 4 в IV-й группе) (<...>¹⁶). Встречены (что до сих пор единично в Прохоровской культуре) вещи в скифском зверином стиле: псалии из бронзы с конскими головками и уздечный набор в виде головок грифонов (курган № 3, I-я группа) (илл. 9–12).

К первым двум столетиям нашей эры должны быть отнесены погребения на Маячной горе (группа IV, курганы № 2 и № 3) в узких ямах с Ю.З. и Ю.Ю.В. ориентировкою. Для них характерны серые лощенные сосуды с округлым корпусом и слабо уплощенным дном, имеющие высокую шейку, а также железные черешковые трехлопастные стрелы (группа IV курган № 3 (<...>)). Кроме того, в группе VI, курган № 2, вскрыто характерное катакомбное погребение, с катакомбою в западной стенке; к сожалению, и покойник, и вещи в беспорядке из-за древнего ограбления (<...>).

Следует отметить присутствие каменной кучи над могилою кургана № 3 I-й группы (илл. 12, 1), что наблюдалось под Нежинским поселком в 1927-м году трижды и каменную одежду кургана № 2 в IV группе.

Древние ограбления целиком приходились на долю скифо-сарматских могил и состояли, что уже наблюдалось и в 1927-м году, либо из узких нор, либо из очень обширных ям – воронок.

III. Поздне-кочевнические погребения этого года весьма малочисленны, но совершенно сходны с открытыми в 1927-м году.

Древнейшие из них – впускное погребение в кургане № 1 (<...>) в IV группе. Оно характеризуется остатками деревянной колоды, западно ориентировкою и присутствием коня и в виде головы и копытных частей ног. При нем найдены железная пряжка и нож. Погребение это – торкского типа (по В.А. Городцову)¹⁷.

Другое погребение, основное в кургане № 1 II-й группы, в колоде же и ориентированное на запад, с берестяным колчаном, железными стрелами, стременами, удилами и медной чашкой, вероятно, относится уже к татарской эпохе (<...>).

М.б., также позднекочевническое погребение, без вещей, головою на В. в насыпи кургана № 4 в I-й группе.

Вообще говоря, все перечисленные могильные памятники повторяют культуры, обнаруженные нами в 1927 году и так или иначе, исключая Андроновской, сходны с поволжскими культурами.

Памятником другого типа является Чудской рудник («Рудницкая шишка»), на который мы наткнулись при разведках курганных групп. От когда-то длинной галереи (обвалилась, по словам казаков, несколько лет тому назад) осталась теперь пещера с правильными вертикальными стенками, длиной 3 сажени, шириною около сажени и высотой в полтора человеческих роста. Она уходит совершенно горизонтально в глубь невысокого холма из твердой глинистой породы; у входа две небольшие кучи медной рудной породы, перемешанною с галькой. Вокруг этого холма раскидан еще ряд мелких холмов. Рудник находится на левом берегу р. Бердянки к югу от аула № 1. В настоящее время пещера служит убежищем для пастухов.

Всего за время раскопок вскрыто 19 курганов, содержащих 29 погребений. Запись наблюдений велась в форме дневника, здесь прилагаемого.

¹⁴ Ростовцевъ. 1918. – Прим. В.Ю. Зуева.

¹⁵ Опечатка автора отчета. Должно быть: в кургане № 4.– Прим. В.Ю. Зуева.

¹⁶ Здесь и далее – ссылки на рисунки другой части отчета, выходящей за рамки данной публикации. – Прим. В.Ю. Зуева.

¹⁷ Городцовъ, 1908. С. 142. Разбор проблемы торков см.: Федоров-Давыдов, 1966. С. 6. – Прим. В.Ю. Зуева.

Дневник раскопок Б.Н. Гракова в окрестностях г. Оренбурга в июне 1928 года

Раскопки начаты в районе работы 1927 года, в окрестностях поселка Нежинского (18 верст от Оренбурга на восток. Здесь они производились с 1 по 13 июня; после чего они были перенесены на левый берег реки Урала в окрестности аула № 1 и поселка Благодановского (см. прилагаемую карту) (илл. 10, 1).

I группа: Курганы на Алебастровой горе (илл. 10, 2)

С 1 по 5 июня вскрыты три кургана, расположенные на возвышенности низкой и почти плоской, носящей по каменоломням название Алебастровой горы, находящейся в 4-х верстах к северу от Нежинского поселка. Четыре кургана не образуют здесь сколько-нибудь связной группы. Из них один (№ 1) был вскрыт в 1927 году (см. отчет 1927 г.¹⁸), а три остальных в истекшем сезоне (илл. 10, 2).

КУРГАН № 2.

Высота – 0,8 м.

Диаметр – 15 м.

Форма – уплощенный шаровой сегмент; северная пола круче. Вокруг основания едва заметен заплывший ров, шириной 4–5 м. Раскопки произведены колодцем 7×7 м.

Насыпь до глубины 0,5 м состоит из чернозема и глины, почти наполовину смешанных с местным известняковым плитняком. С этой глубины камень становится реже и появляются комья материковой глины. Камень сосредотачивается ближе к центру.

1. До указанной глубины находки состоят из поломанных конских ребер, овечьего плеча и черепков сосуда (в С.З. углу колодца, на глубине 0,4 м, по описи № 1 1928 г.).

2. На глубине 0,5–0,6 м в двух метрах по западной стенке колодца от севера – лопатка, берцовая кость и 2 позвонка лошади; недалеко от центра, ближе к Ю.З. углу колодца – плечо, берцовая кость и правая половина человеческого таза, тут же – остатки истлевшего бревна; вдоль середины восточной стенки широкая полоса (до 1 метра) гнилушек дерева; тут же в 1,5 м от Ю. стенки колодца – черепки сосуда (по описи № 2 1928 г.).

3. На глубине 0,6–0,7 м на том же месте, где выше лежали кости коня, оказался его разбитый череп, плечо и разбросанные зубы; к югу от них на метр от западной и в 3 м от южной стенки – овальное бронзовое с незамкнутыми находящими концами кольцо или серьга (по описи № 3 1928 г. илл. 11, 5); в центре колодца два трехгранные втульчатые наконечника стрел из бронзы (по описи № 4 1928 г.); вдоль восточной стенки, занимая ее на протяжении 5,5 м и почти весь Ю.В. угол, – полоса древесного тлена; на нем в Ю.В. углу бок и фрагменты грубого сосуда с черною поверхностью (по описи № 1 1928 г.).

4. На глубине 0,7 м в Ю.З. углу сильно разрушенный железный меч (илл. 11, 7). Лежавший по линии Ю.В. – С.З. Длина его *in situ* – 61 см, ширина лезвия под крестовиною 6 см, длина ручки – 11 см. На всем лезвии – следы дерева от ножен. Ручка – плоская, железная, без деревянной обкладки; вследствие плохой сохранности его удалось взять только навершие и верхнюю часть лезвия (по описи № 5 1928 г.). На той же глубине, в центре колодца, – лопатка лошади и три бронзовых наконечника стрел, трехгранные и втульчатые (по описи № 8 1928 г.).

5. На горизонте в центре колодца – три черепка сосуда с коричневатой поверхностью (по описи № 7 1928 г.) и у середины южной стенки фрагменты сосуда, один из них с ручкою (по описи № 6 1928 г.). По всему колодцу изредка сверху донизу, мелкий древесный уголь.

Таким образом, уже сверху намечались признаки ограбления кургана большою ямою, суживающею книзу, причем расположение камня указывало на то, что он был выкинут из кучи, находившейся над могилою.

На горизонте открылась могила в форме широкого прямоугольника, ориентированного по линии З.С.З. – В.Ю.В., причем В.Ю.В. конец ее – округлен. Края ямы изуродованы наверху нижней частью грабительской ямы. Размеры могилы длина 4,3 м, ширина 2,9 м и глубина 1,4 м (илл. 11, 1).

¹⁸ Архив ИИМК РАН. Фонд 2. Опись 1927/1. Дело № 167. Начато 26 мая 1927 г. Окончено 19 мая 1928 г.

В могиле обнаружено следующее:

1. На глубине от горизонта до 0,35 м в разных местах – локоть, лучевая кость, плечо, два ребра, небольшой кусок черепа человека и плечо, левая половина таза крупной лошади. Повсюду – тлен дерева и куски коры (осокорь).

2. 0,35–0,7 м, в середине ямы – черепная крышка человека, два бедра, большая и малая берцовые кости (в естественном сочленении), один локоть и две лопатки. Всюду дерево в виде слабого тлена и черепки сосуда (по описи № 9 1928 г.).

3. На глубине 0,7–1,05 м – таз, бедро и голень лошади у северной стенки и бедро и череп человека; пряслице из камня (по описи № 10 1928 г. илл. 11, 4) и незначительные черепки сосуда в центре ямы.

4. На глубине 1,05 м и до дна, в Ю.В. углу, – половина таза и шейные позвонки человека; у середины северной стенки – локоть и лучевая кость (в естественном порядке) и полное бедро человека.

На дне ямы, 2/3 площади от западного конца заняты сплошной массой перемешанных человеческих, конских и бараньих костей, причем в С.З. углу под бедром и голенью лошади в относительном порядке лежали спинные позвонки барана с лопаткою.

В западном конце могилы покоились остатки двух костяков, мужского и женского, частично не истлевших, но выкинутых грабителями (илл. 11, 1).

Костяк № 1 лежал у стенки могилы, головою на З.Ю.З. Сохранились поврежденная черепная крышка, без нижней челюсти, локоть правой руки, с надетым на него бронзовым браслетом (по описи № 13 1928 г., илл. 11, 3), в полном порядке – обе ноги, прямо вытянутые, и крестец таза (правой половины не доставало). Таким образом, костяк покоился на спине и имел вытянутые конечности. Против левой ступни лежали накрест две голени овцы и под ними лопатка. Между ног, против лобка лежала голубая с белыми глазками бусина (по описи № 11 1928, илл. 11, 6), на месте отсутствовавшей правой половины таза – вторая половина плоской бусины (по описи № 12 1928 г.).

Костяк № 2 лежал непосредственно рядом с первым к западу. Сохранились – средняя часть черепной крышки с лобной долею и вытянутая нижняя часть левой ноги. Костяк, очевидно, лежал на Ю.Ю.З. вытянуто на спине. Его сопровождали: пучок бронзовых стрел, трехгранных со втулкою, с остатками кожи от колчана (по описи № 15, илл. 11, 2), лежавший остриями к Ю.Ю.З. у левой щеки; в области левого бедра – отсутствовавшего *in situ* половина железного «серповидного» навершия кинжала (по описи № 14 1928 г.).

По подсчету костей в могиле должно было находиться три костяка.

КУРГАН № 3.

Высота – 0,9 м.

Диаметр – 11,8 м.

Форма – уплощенный шаровой сегмент; северная пола круче других. Рыт колодцем 8×8 м, с четырьмя траншеями от середины стенок колодца до окраин пол, перпендикулярно к колодцу; ширина траншей – 1,5 м.

Северная траншея – находок нет.

Южная траншея – находок нет.

Западная траншея – находок нет.

Восточная траншея – Над лентой глины дерево, поперек траншеи, шириною от стенки колодца – 17 см, толщиной – 4–5 см, кое-где под ним мелкие угольки.

В колодце: 1. На глубине 1–15 см – находок нет. С этого слоя показались признаки каменной кучи (описание ниже).

2. На глубине 0,15–0,30 м в С.В. углу колодца – кусок человеческого черепа.

3. На глубине 0,3–0,45 м наблюдается в С.В. углу колодца до горизонта широкий слой красной глины, уходящий под кучу камней и в северную траншею. У середины В. стенки – три пяточные кости барана и ручка сосуда (по описи № 19 1928 г. илл. 12, 7. По рисунку: Смирнов, 1964).

4. На глубине 0,45–0,60 м, на расстоянии 1,2 м от Ю.З. угла в южной стенке – пяточная кость человека, обломки дерева и вдоль западной стенки слабый тлен дерева; далее под находкой бараньих пяточных костей предыдущего слоя оказались кости двух баранов, причем от одного в порядке оказалась спинная часть

хребта с лопаткою и плечевой костью. У В. стенки – остатки досок, уходящих под стенку. Указанный слой глины в С.В. углу продолжался.

Уже с первого слоя насыпи кургана наблюдалась в средней части колодца куча плиточного известняка, в основе состоявшая из 4–5 слоев. Высота ее 0,9 м, длина с З. на В. 5,5 м, ширина в западном конце 4,5 м, в восточном конце 3 м. В плане куча имела форму подковы, обращенной шипами на юг (илл. 12, 1). Между нижними плитами кучи в С. конце оказались защемленными два ребра и ключица человека.

На горизонте лежали осокоревые доски (горбыль) шириною около 10–20 см, толщиной от 2 до 3 см. Они направлялись вдоль стенок колодца и неглубоко уходили под стенку, занимая приблизительно площадь 9×9 м, составляя покрытие могилы и поддерживая находившую на ней каменную кучу (илл. 12, 1).

На горизонте, под кучей камня, обозначилось пятно могилы, имевшей очертания прямоугольника с округленными углами, ориентированного по линии С. – Ю. Очертания ямы испорчены норами, а в С.В. углу грабительской лазейкой, отмеченной в насыпи широкой полосой глины. Размеры могилы: длина – 4,4 м, ширина – 3,8 м, глубина – 1 м.

В верхней части засыпки могилы обнаружены у Ю.В. угла осевшие наклонно вниз доски от лежавшего на горизонте настила. Остатки его и мелкие угли попадались до дна ямы. На стенке местами сохранились остатки плетня (илл. 12, 2).

1. На глубине около 0,2 м в Ю.В. углу – два обломка сосуда (по описи № 20 1928 г.).

2. На глубине 0,4 м найден один наконечник бронзовой стрелы (по описи № 16 1928 г.).

3. На глубине 0,6 м от середины могилы по Ю.В. углу разбросано 8 бронзовых стрел (по описи № 17 1928 г. Зарисовка по: Смирнов, 1964); у середины ямы верхняя половина бедра и кусок черепа человека.

4. На глубине 0,75 м у середины Ю. стенки – обломки человеческого черепа.

5. На глубине 0,9 м в Ю.В. углу могилы и отсюда к середине ее по Ю. стенке расстроженный череп и угол нижней челюсти человека, а также часть бедра лошади.

На дне могилы оказалось следующее (илл. 12, 3): Вдоль западной и восточной стенок лежали два костяка. Середина была ограблена миною с С.В. угла и представляла беспорядочно разбросанные кости человека, мелкие черепки сосуда (по описи № 21 1928 г.), два наконечника бронзовых стрел (по описи № 18 1928 г.) и бок лошади, лежавший в порядке рядом с ее же бедром. Два обломка черепа и половина нижней челюсти лежали у С. стенки могилы в середине.

Костяк № 1 у В. стенки, почти истлевший, лежал вытянуто на спине, головой на юг. У правого бедра лежал кинжал (по описи № 23 1928 г. Илл. 12, 11. Зарисовка по: Смирнов, 1964), у которого отсутствовало острие. В верхнюю часть левого бедра вонзился бронзовый наконечник стрелы (по описи № 22 1928 г.).

Костяк № 2 вдоль западной стенки, истлел почти совершенно; особенно череп, от которого едва-едва сохранилось пятно. Покойник лежал вытянуто, головой на юг, на спине. Рост его 1,7 м. У его правого бедра – железный кинжал с остатками серповидного навершия и прямого перекрестия (по описи № 24 1928 г. Илл. 12, 12. Зарисовка по: Зуев, 2004); длина его *in situ* – 0,4 м. Между рукою кинжала и бедром бусина (разбитая, по описи № 25 1928 г.). У правого колена снаружи – бронзовый наконечник стрелы (по описи № 26 1928 г.). В ногах костяка, в углу могилы, – две пары железных удил (илл. 12, 4. Зарисовка Б.Н. Гракова) одни с бронзовыми псалиями, имеющими на концах головки лошадей (по описи № 28 1928 г. Илл. 12, 6. Зарисовка Б.Н. Гракова); другая с одним костяным псалием (по описи № 29 1928 г. Илл. 12, 8. Зарисовка по: Смирнов, 1964). Под ними остатки кожи и ремней, и разбросанные вокруг скобки из бронзы, частью с головками грифонов, от уздечного набора (по описи № 27 1928 г. Илл. 12, 5. Зарисовка Б.Н. Гракова. Ср.: илл. 12, 9. Зарисовка по: Смирнов, 1964). Против голени костяка у З. стенки могилы – кости лошади: бедро, берцовая, под ними лопатка. Под нею в порядке хребта 8 позвонков коня и 7 бараньих; те и другие спинные. Оба костяка покрыты вдоль осокоревым горбылем и лежат на подсыпке из белой глины. И под ними, и в ограбленной части, дно могилы устлано горбылем того же дерева с С. на Ю.

КУРГАН № 4.

Высота – 0,3 м.

Диаметр – около 10 м.

Курган изуродован окопами во время гражданской войны и ямой от добычи камня. Рыт колодцем 4×4 м.

В Ю. половине колодца на горизонте обнаружено пятно могилы, уходящей под стенку. В эту стенку проведена траншея шириною в 3 м, длиною – 2,5 м.

Форма могилы – квадрат 2,2×2,2 м.

Могила вырыта в очень твердом грунте, состоящем из желтой глины и правильных слоев известняка. Над могилою в насыпи кургана погребение № 1: Расстроенный костяк, головою на восток. Уцелели только череп и ноги.

В могиле: 1. На глубине 0,3 м – кость ноги барана у В. стенки. 2. На глубине 0,3 – 0,4 м там же тлен дерева и угольки; бронзовая стрела (по описи № 30) на середине могилы. У южной стенки бронзовая стрела (по описи № 31) и неопределенный кусок железа. 3. На глубине 0,5 м еще стрела (по описи № 32). 4. На глубине 0,9 м в могиле бронзовая стрела (по описи № 33) и лучевая кость человека. 5. На глубине 1,2 м – железное лезвие кинжала в двух обломках в Ю.З. углу; локоть человека и пятка коровы в центре, в С.В. углу другая часть того же лезвия (по описи № 34). 6. На глубине 1,3 м в середине ямы коровий позвонок. 7. На глубине 1,4 м большая берцовая кость человека. 8. На глубине 1,5 м – две ключицы человека. 9. С глубины 1,65 м от западной стенки могилы начинается уступ, шириною 1,15 м, а восточную часть могилы занимает яма с подбоем под южную и восточную стенки (Илл. 13, 1. Раскопки 1928. Зарисовка Б.Н. Гракова). 10. В этой яме на глубине 1,8 м у середины З. стенки остатки кожаного колчана с бронзовыми стрелами (по описи № 35 1928 г. Илл. 13, 3. Зарисовка по: Мошкова, 1963). Найдена в Ю. конце грудная кость, под стрелами правая половина человеческого таза. Яма ниже указанного уступа имела следующие размеры: с С. на Ю. – 2,3 м, вместе с подбоем, ширина с З. на В. от уступа с подбоем 1,35 м. Без подбоя 0,9 м, глубина ее от уступа 0,5 м, высота подбоя 0,3 м (илл. 13, 2. Зарисовка Б.Н. Гракова).

На дне ямы, наполовину в подбое правым боком и головою в южном подбойчике лежал костяк мужчины, вытянуто на спине, головою на юг (череп раздавлен камнем), ростом 1,5 м. Недоставало всей правой стороны костяка. Он лежал на подстилке из мха (кукушкин лен), под которым по всему дну могилы – порошок белой глины. Под этим дно могилы устлано крупными углями. При костяке оказались: у конца пальцев левой руки – железный нож (по описи № 37 1928 г.), у колена левой ноги снаружи в беспорядке три наконечника бронзовых стрел (по описи № 36 1928 г.). В ногах один, под тазом другой – куски белой глины.

Примечание: Могила носит несомненные признаки работы не грабителей, а сурков, следы деятельности которых были найдены в большом числе.

ОПИСЬ
вещей из раскопок Б.Н. Гракова под Оренбургом, летом 1928 года

№	№ кургана и наименование вещей	Примечание
I группа: Курганы на Алебастровой горе		
КУРГАН № 2		
1	Фрагменты сосуда	Насыпь, Ю.З. угол
2	То же	Насыпь, Ю.З. угол
3	Бронзовое височное кольцо с несомкнутыми концами	Насыпь у центра, илл. 11, 5
4	2 бронзовые трехгранные наконечника стрел	Там же
5	Навершие и часть лезвия железного меча	Насыпь, Ю.З. угол, рис 11,7
6	Черепки сосуда с ручкою	Горизонт
7	Черепки сосуда	Горизонт
8	3 бронзовых трехгранные наконечника стрел	Насыпь, слой 4
9	Черепки сосуда	Могила, слой 2
10	Каменное пряслице	Могила, слой 3
11	Голубая бусина с глазками	Костяк № 1, илл. 11, 6
12	Желтая плоская бусина	Костяк № 1
13	Браслет бронзовый с незамкнутыми концами	Костяк № 1, илл. 11, 3

№	№ кургана и наименование вещей	Примечание
14	Половина железного серповидного напершия	Костяк № 2
15	23 бронзовых наконечника стрел, с остатками кожи от колчана	Костяк № 2, илл. 11, 2
КУРГАН № 3		
16	Наконечник бронзовой стрелы	Верхний слой могилы
17	8 бронзовых наконечников стрел	Из засыпи могилы, илл. 12, 10
18	2 бронзовых наконечника стрел	Середина дна могилы
19	Ручка сосуда	Насыпь кургана, илл. 12, 7
20	Два черепка сосуда	Верхний слой могилы
21	Часть горла сосуда	Дно могилы середина
22	Наконечник бронзовой стрелы	Костяк № 1
23	Железный кинжал	Костяк № 1, илл. 12, 11
24	Фрагменты железного кинжала	Костяк № 2, илл. 12, 12
25	Части бусины	Костяк № 2
26	Наконечник бронзовой стрелы	Костяк № 2
27	Набор бронзовый от узды в зверином стиле	Костяк № 2, илл. 12, 5 и 9
28	Железные удила с бронзовыми псалями	Костяк № 2, илл. 12, 6
29	Железные удила с одним костяным псалием	Костяк № 2, илл. 12, 8
КУРГАН № 4		
30-33	Три бронзовых наконечника стрел	В засыпке могилы
34	Часть железного лезвия меча	Там же
35	Остатки колчана с 14 бронзовыми стрелами	Там же, илл. 13, 3
36	3 бронзовых наконечника стрел	У левой ноги костяка
37	Железный нож	У левой руки костяка

Результаты раскопок курганов на Алебастровой горе 1927–1928 гг. Б.Н. Граков частично опубликовал (Граков, [1928] 1929. С. 145–155), но обобщил и ввел в научный оборот только 20 лет спустя – в докладе, переработанном в статью, о единстве и своеобразии савромато-сарматской культуры (Граков, 1947. С. 116–117). После этого доклада материалы раскопок под Оренбургом в конце 1920-х годов Б.Н. Граков передает на изучение своим ученикам (Смирнов, 1948. С. 80–86).

Первое оценочное суждение Б.Н. Гракова о курганах на Алебастровой горе – то, что это единый по культуре прохоровский могильник большой родоплеменной семьи. Забавно, что Б.Н. Граков в докладе 1947 года приводил на этот счет суждения *pro* и *contra*, хотя уже в публикациях 1929 г. он категорически настаивал, что все погребения в курганах на Алебастровой горе, кроме средневекового, относятся именно к прохоровской эпохе (Граков, 1929. Р. 169–182). В докладе 1947 г. аргументов *contra* было гораздо больше, что и теперь с публикацией материалов раскопок очевидно, но

выводы о культурном единстве он постулировал жестко и однозначно – по сути, не опровергая сомнения, а дидактически навязывая свое мнение, как истинное и несомненное, хотя и базирующееся на пустоте ограбленных разновременных могил. Он пишет в тексте статьи: «Курганы [на Алебастровой горе. – В.З.] расположены на четырех самых высоких точках горы, расстояние между ними от 150 до 650 м. Но их содержимое подтверждает их отношение к одной и той же прохоровской культуре» (Граков, 1947. С. 116).

Б.Н. Граков сам себя как бы убеждал в том, что эти курганы образуют единый в культурном отношении могильник. Он пишет: «Далекое расположение насыпей друг от друга не исключает их единства: группа прохоровской культуры, с курганами, далеко раскиданными друг от друга для использования высших точек данного холма или гряды, встречается, хотя и не особенно часто» (Граков, 1947. С. 116). Он явно имеет в виду ситуацию с эпонимными для культуры курганами у с. Прохоровка, где они образуют две разновременные груп-

пы, отстоящие друг от друга более чем на полкилометра (Зуев, 2003. С. 49).

Б.Н. Граков хорошо понимал и отмечал то, что курганы на Алебастровой горе сильно ограблены и разновременны: «Могильные сооружения группы на Алебастровой горе гораздо более различаются между собой в деталях <...>. Группа была, несомненно, много богаче по инвентарям: говорю «была», так как она в древности подверглась ограблению и очень жестокому. Самые курганы явно отстоят друг от друга во времени <...>, и их погребения, может быть, охватывают более полутора или даже до двух столетий» (Граков, 1947. С. 116).

Но все эти резонные доводы *contra* Б.Н. Граков оставил без внимания, утверждая в итоге без каких-либо доказательств, что: «Вся группа просуществовала около трех веков. <...> При всем том ее принадлежность к одной культуре несомненна, и внутренняя связь курганов, связанных единством традиции, неоспорима. <...> Это – кладбище одной большой семьи с основным погребением женщины-родоначальницы, к тому же конной женщины. Столь же тщательно и грандиозно очищенное огнем надмогильное сооружение. Думаю, что в этом отражается значение покойницы, как жрицы» (Граков, 1947. С. 117).

В этой же статье Б.Н. Граков охарактеризовал хронологические позиции каждого из четырех курганов, будучи абсолютно уверенным, что могильник на Алебастровой горе возник в эпоху существования прохоровской археологической культуры IV – II в. до н.э.

«Курган № 1, раскопанный в 1927 г., был больше других и стоял на самой возвышенной точке горы, в ее юго-восточном углу. Его высота – 1,6 м, диаметр 31,6 м, т.е. величина для этих мест очень почтенная. В насыпи часто попадались гнезда древесного угля, которые не образовывали, впрочем, целого кострища. Подо всем курганом на древнем горизонте тянулась ровная, тщательно уплотненная и слегка обожженная прослойка глины, толщиной около 10–12 см. Во многих местах она была прорезана впущенными позднее могилами. Всего в кургане было 10 погребений; 7 из них – прохоровской культуры, с обычным инвентарем и ритуалом, причем 4 были ограблены еще в древности. Основная могила (№ 9) находилась немного на ЮВ от центра. Над ней лежала очень правильная кладка из известнякового плитняка разной величины, ори-

ентированная с СЗ на ЮВ. Ее длина 2,8 м, ширина 1,1 м, толщина 0,4–0,5 м. Она приходилась на глинобитной площадке, расположенной на горизонте подо всем курганом. Под этим сооружением попереки могила лежало совершенно истлевшее и не осевшее вниз перекрытие. Это случилось потому, что еще до его разрушения могила была ограблена и через узкую грабительскую мину в стенке заплывала глиною. Яма была четырехугольная, ориентирована с СВ на ЮЗ и имела размеры 2,45×1,6×1,1 м. Грабители очистили ее совершенно: в ней оказались, и то не на месте, фаланги человеческой руки, плечо и лопатка барана» (Граков, 1947. С. 116).

Позволю себе внести несколько критических замечаний в интерпретации Б.Н. Гракова по поводу его раскопок курганов на Алебастровой горе. Прежде всего отмечу, что велись они методически не совершенно. По сути дела, молодой Б.Н. Граков, начиная раскопки в Приуралье в 1927 году, совершал их по старой методе копания курганов колодцем с контрольными узкими траншеями по сторонам света, характерной для археологии XIX века. Этим он ничем не отличался от своих дореволюционных предшественников – А.Л. Аниховского, Н.Е. Макаренко и С.И. Руденко (чьи раскопки в Прохоровке Б.Н. Граков называл образцовыми и исчерпывающими). К чему это привело, мы хорошо теперь знаем по результатам исследований в Прохоровке Л.Т. Яблонского (Яблонский, 2010), инициированных мною (Зуев, 2003). Немаловажно отметить, что на эту ошибочную методу Б.Н. Гракову указали тогда же, о чем свидетельствует отзыв К.Э. Гриневича на отчете Граковых о раскопках 1928 г. Внимательное чтение отчета, послойная фиксация наблюдений в дневниках раскопок убеждают в двух важных моментах, которые следует поставить на вид как важные замечания.

1) Б.Н. Граков при раскопках кургана № 1 (как и многих последующих памятников, раскопанных им в Оренбуржье) не разобрался в структуре деревянных надмогильных конструкций, которые явно существовали над основным погребением ряда курганов (на Алебастровой горе – почти всех). Он их снес, прорезав колодцем и узкими траншеями, говоря лишь о «гнездах» угля и гнилого дерева в насыпи и отметив, что вокруг основного погребения существовала утрамбованная («убитая») глиняная площадка материкового выкида из основного погребения кургана (типа конструкции Красногор-

ского кургана, раскопанного А.Л. Аниховским и Н.Е. Макаренко в 1902–1903 гг. – см.: Зуев. 2012.).

2) Курганы на Алебастровой горе, судя по размерам их насыпей и соотношению с траншеями и колодцами раскопок Б.Н. Гракова, так и остались недоисследованными полностью. В отношении кургана № 1 на Алебастровой горе можно даже точно указать, что ЮЗ сектор этого кургана со сложным деревянным сооружением в насыпи конкретно остался нетронутым в археологическом отношении. Делая столь критический вывод о работах 1927–1928 гг. молодого археолога, которому сопутствовала удача при раскопках предшествующих лет (впрочем, работы Б.Н. Гракова и В.А. Андрюфагина (1900–1948?) в Блюменфельде до сих пор остаются не опубликованными в полном объеме), хочется все же отметить, что десять лет спустя, работая как археолог-полевик, уже на Украине Б.Н. Граков копал курганы Никопольского могильника целиком на снос (Граков, 1962. С. 58).

Как же Б.Н. Граков пришел к убеждению, что в основном погребении (№ 9) кургана № 1 на Алебастровой горе было захоронение «конной женщины, жрицы»? Об этом он писал так в 1947 г.: «Было бы совершенно нелегко сказать, было ли это основное погребение женским или мужским, если бы грабители не оставили в своей узкой mine один предмет – почти полный большой алебастровый флакон. В урочище Башкирское стояло в женском погребении № 3 кургана № 4 найден точно такой же глиняный флакон, наполненный белой глиной. Таким образом, ритуальное назначение этой формы сосудов очевидно» (Граков, 1947. С. 116).

Гендерная «очевидность» вывода Б.Н. Гракова вызывает большие сомнения. Наполнение белым меловым веществом сосуда из грабительского хода основного погребения (илл. 8, 2) – вряд ли столь убедительный аргумент. Я думаю, что это осознавал и сам Б.Н. Граков, делая примечание к этому пассажию: «Крупные яйцевидные флаконы не следует смешивать с малыми римского времени, которые имеют явное туалетное назначение и встречаются, хотя и редко, в мужских могилах» (Граков, 1947. С. 116. Прим. 1). То, что этот сосуд мог принадлежать и мужчине, убеждает интересный погребальный инвентарь из погребения № 5 этого же кургана (илл. б), где мужчина был погребен с обломком краскотерки и бронзового зеркала у изголовья, а между его ног находился сосуд

– курильница (?), также, как и в погребении № 9, заполненный по край белой глиной с мелом. Мало того, что эта деталь была не отмечена Б.Н. Граковым (видимо, по причине, усложняющей воссоздаваемую им картину поклонения «прохоровцев» из кургана № 1 «конной женщине-жрице», главе семьи), но и весьма важно, что такой обряд погребения во впускной могиле № 5 никак не может датироваться позднее рубежа V – IV в. до н.э. Но этот резон не был учтен Б.Н. Граковым. По его мнению, курган № 1 на Алебастровой горе: «Позднейший из курганов <...>. В целом весь этот курган по отдельным находкам <...> относится к III – II вв. до н. э.» (Граков, 1947. С. 117).

Не меньше вопросов порождает и оценка Б.Н. Граковым кургана № 2 на Алебастровой горе. «Курган № 2 – высотой 0,8 м, диаметром 15 м; насыпи всюду, но в небольшом количестве древесный уголь, куча из камня над могилой раскидана древними грабителями. В громадной, до 12,5 кв.м, при глубине 1,4 м, общей могиле незначительные остатки двух мужчин и одной женщины. Ритуал и положение – обычные для прохоровской культуры. Инвентарь – тоже. В его составе меч с рукояткой чертомлыцкого типа, кинжал прохоровского типа, бронзовые наконечники стрел – по системе Рау, скорей позднего IV в., бусы и браслет времен царских курганов Скифии. Весь комплекс – скорее IV в.» (Граков, 1947. С. 117).

В чем обычность погребения двух мужчин и одной женщины в одной могиле для ритуала прохоровской культуры – это почти что риторический вопрос, на который нет ответа. А вот согласиться с сопоставлением меча из кургана № 2 с формой клинков из царского Чертомлыцкого кургана (илл. 14, 1) решительно невозможно. Как отметил специалист по скифскому вооружению Д.А. Топал, судя по абрисному рисунку Б.Н. Гракова речь может идти о клинках VI – начала V в. до н.э. Этот меч «напоминает поздние среднескифские клинки с массивным перекрестьем и наверху округлых форм. В классике и конкретно – в IV в. до н.э., их уже нет (и, конечно же, это никакой не тип Чертомлыка)»¹⁹. Сравнение меча из кургана № 2 и Чертомлыцкого кургана, может быть, и делает честь визуальной памяти Б.Н. Гракова как художника, но неверно с точки зрения технологического анализа

¹⁹ Благодарю докт. ист. наук Д.А. Топала (г. Кишинев) за консультацию.

этих клинков. Дело в том, что рукояти чертомлыкских клинков откованы вместе с перекрестьями (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 222–223. Кат. № 184–187). Тогда как навершие и перекрестье клинка с Алебастровой горы насадные, то есть технологически этот меч совершенно другого рода произведение оружейного мастерства, несомненно, скифской эпохи. Близкой аналогией мечу из кургана 2 на Алебастровой горе является клинок из кургана 7 погребения № 1 Ново-Кумакского могильника, который М.Г. Мошкова датирует VI – V вв. до н.э. (Мошкова, 1962. С. 223; С. 235. Илл. 7, 10).

Колчаный набор наконечников стрел из этого кургана (илл. 14, 2), также характерен для времени рубежа VI – V вв. до н.э. по типологии наконечников стрел К.Ф. Смирнова и А.И. Мелюковой (Смирнов, 1961. С. 137. Рис. 35; Мелюкова, 1964. С. 21–23; 28. Рис. 1).

Особая тема, ставшая заметной проблемой сарматской археологии (Зуев, 2004. С. 210–213), – датировка комплекса находок в погребении кургана № 3. Б.Н. Граков датировал это погребение началом IV в. до н.э., и эта дата стала своеобразным «камнем преткновения» в трудах его учеников и последователей.

Сам ученый писал об этом комплексе в 1947 г.: «Курган № 3 – высотой 0,9 м, диаметром 21,8 м; в насыпи немного углей. В центре – могила под подковообразную кучю камня, выгнутой к северу, очень большой (высота до 90 см, длина 5,5 м, ширина 3,0–4,5 м); под ней горбыль на площади 81 кв.м; прямо под кучей обширная яма до 17 кв.м, при глубине в 1 м. В ней покоились по прохоровскому ритуалу 3 покойника, убитые воины, одно погребение разграблено. Важная черта инвентаря – *существование кинжала с антеннами и кинжала с серповидным навершием и прямым перекрестием* (выделено мной. – В.З.), набор конских узд в очень хорошем зверином стиле, обычно не свойственном прохоровским погребениям, и архаизирующий набор бронзовых стрел, едва ли позже первой половины IV в.» (Граков, 1947. С. 117).

Очень интересно отметить, что при всей тщательности графической фиксации всех находок 1927–1928 гг. два клинка именно из этого погребения Б.Н. Граков вовсе не зарисовал, отметив их наличие лишь на схеме плана погребения (илл. 12, 3). Уникальное для археологии сочетание клинков

у двух воинов, лежащих в одной могиле рядом, один из которых – меч с почковидным перекрестием, а другой – кинжал с прямым перекрестием и серповидным навершием (типичный прохоровский клинок), осталось незафиксированным для науки в момент раскопок!

Все ученики-сарматологи Б.Н. Гракова упорно повторяли его слова об этой важной черте инвентаря данного комплекса, но никто из них не зафиксировал графически и фотографически два этих клинка вместе! И К.Ф. Смирнов (илл. 14, 3, а, в), и В.Г. Петренко (илл. 14, 3, б), и М.Г. Мошкова (илл. 14, 3, в), и А.М. Хазанов (илл. 14, 3, д), и И.И. Гущина (илл. 14, 3, е), и ученики учеников – В.М. Клепиков (Клепиков, 2002. С. 29) и К.Б. Фирсов (илл. 14, 3, е), посвящая внимание материалам раскопок на Алебастровой горе, упорно воспроизводили графически только один и тот же фрагмент меча с почковидным перекрестием (в разных графических трактовках) и упорно игнорировали фиксацию фрагментов второго клинка, хранящихся в фондах Государственного Исторического музея. В 2004 г. я опубликовал оба меча²⁰ (илл. 14, 3 ж, з), что сделало более очевидным, что комплекс находок в погребении кургана № 3 на Алебастровой горе явно датирован неверно и слишком необоснованно омоложен был Б.Н. Граковым и его последователями (Зуев, 2004. С. 210–213). Кли-

²⁰ В 1999 г., благодаря любезной помощи И.И. Гущиной и К.Б. Фирсова, в условиях переезда археологических хранений из одного здания в другое, я смог ознакомиться с материалами из раскопок Б.Н. Гракова, хранящимися в ГИМе. Все предметы из кургана № 3 находятся прикрепленными нитками или проволокой к двум планшетам, составленным еще в 1929 г. Находки в насыпи и рядом с костяком № 1 расположены на планшете № К 151/11а. Находки при костяке № 2 закреплены на планшете № К 150/14б. На обороте обоих планшетов имеются соответствующие экспликации, из содержания которых становится ясно, что номера вещей в публикуемой здесь полевой описи и в описи находок, составленной в музее, не соответствуют друг другу. «Планшет К 151/11а. ГИМ. Инв. № 66441. Р.Урал. Оренбургская губ., Оренбургский уезд, пос. Нежинский. I группа на Алебастровой горе. Курган № 3. Описи № 17–20 из насыпи могилы и при костяке № 1. Раскопки Б.Н. Гракова. Планшет К 150/14б. ГИМ. Инв. № 66441. Р.Урал. Оренбургская губ., Оренбургский уезд, пос. Нежинский. I группа на Алебастровой горе. Курган № 3. При костяке № 2. Описи № 21–26. Раскопки Б.Н. Гракова в 1928 г.». В настоящее время железные удила с бронзовыми зооморфными псалиями экспонируются на постоянной выставке музея, остальные вещи располагаются на планшете, за исключением обломка бусины, которая вообще не значится в хранении. Для работы с коллекцией мне было разрешено размонтировать планшеты, обмерить и зарисовать предметы, которые затем были прикреплены к своим местам.

нок, лежащий у правого бока западного костяка, по своим пропорциям никак не мог быть прохоровского типа, поскольку является массивным, овальным в сечении длинным тесаком, откованным из массивной чугушной заготовки, характерной для мечей скифской эпохи (Минасян, 2004. С. 65–67). Технология изготовления клинков прохоровского типа совершенно другая (Зуев, Карташов, 2011. С. 93–115). В этом погребении были обнаружены не два клинка разных эпох, что заставляло омолаживать это погребение до начала IV в. до н.э., а два меча эпохи скифской архаики, которые дают основание утверждать, что курган № 3 с его сложной надмогильной конструкцией и коллективным захоронением как минимум трех воинов был воздвигнут на рубеже VI – V вв. до н.э.

Для определения хронологической позиции последнего в группе кургана на Алебастровой горе Б.Н. Граков использовал колчаный набор наконечников стрел. Он писал в 1947 г.: «Курган № 4 – высотой 0,30 м, при диаметре 10 м. Могильная яма – в виде квадратного входа (2,2×2,2 м), с уступом вдоль западной стенки и узким, но глубоким подбоем под восточной. В ней в обычном положении прохоровского типа, на подстилке из мха, густой посыпке белой глиной и на слое углей – мужской костяк. В инвентаре наконечники стрел, очень близких самой Прохоровке, но несколько архаичнее; часть из них близка кургану № 2 Алебастровой горы, т.е. весь комплекс относится к IV – III вв.» (Граков, 1947. С. 117). С позиций сегодняшнего дня, когда у дер. Прохоровки в Оренбуржье полностью исследованы две разновременные группы курганов, необходимо уточнение, о каких курганах – ранней (V – IV вв. до н.э.) или поздней (II – I вв. до н.э.) группы – идет речь (Яблонский, 2010. С. 204–207; Зуев, 2020. С. 386–390). Говоря о колчаных наборах Прохоровки, Б.Н. Граков имел в виду находки в погребении из кургана 3, который относится к северной (ранней) группе курганов V – IV в. до н.э. Ссылка самого Б.Н. Гракова на более архаичный облик наконечников стрел из колчанного набора из погребения в кургане № 4 на Алебастровой горе (илл. 13, 3) и ссылка на погребение из кургана № 2 этого же могильника в принципе верны, что уточняет дату кургана № 4 в сторону удреждения до рубежа V – IV вв. до н.э.

Таким образом, в 30–40-е годы прошлого века, в системе периодизации савромато-сармат-

ских древностей Б.Н. Гракова могильник на Алебастровой горе играл важную роль такого памятника, в котором отразились все фазы существования выделенной им прохоровской культуры от раннего IV в. до н.э. до II в. до н.э., погребения которого, предшествуя, смыкались с памятниками I в. до н.э. стадии А по системе датировки П. Рау, или, иначе, с памятниками среднесарматской (суловской) культуры.

Совсем по-иному оценил курганы на Алебастровой горе К.Ф. Смирнов, впервые издавший большую часть их инвентаря. Практически все курганы этого могильника он отнес к завершающему этапу савроматской культуры, датировав их основные погребения временем от рубежа V – IV до конца IV в. до н.э. Наиболее ранним в этой группе он считал погребение в кургане № 3 (рубеж V – IV вв. до н.э.). За ним, по мнению К.Ф. Смирнова, были сооружены в этом могильнике погребения в курганах № 2 (первая половина IV в. до н.э.) и № 4 (вторая половина IV в. до н.э.). Наконец, основное погребение в кургане № 1 К.Ф. Смирнов отнес к IV в. до н.э., а впускные – к III – II вв. до н.э. (Смирнов, 1964. С. 59–61).

Следует отметить, что К.Ф. Смирнов в своем исследовании подчеркнул как характерную особенность хронологии погребений курганов на Алебастровой горе их зависимость от датировки наиболее раннего погребения в кургане № 3. Сделал он это неслучайно, поскольку анализ погребального инвентаря этого кургана указывал на то, что многое в нем относится ко времени VI – начала V в. до н.э., и только утверждение Гракова о том, что в этом погребении был найден клинок прохоровского типа, заставляло Смирнова омолаживать этот комплекс примерно на столетие, а за ним и хронологию всей группы курганов на Алебастровой горе, считая этот могильник одним из позднейших памятников «савроматской» (блюменфельдской) археологической культуры. Не приводя изображения клинка прохоровского типа из кургана № 3, К.Ф. Смирнов в книге о вооружении савроматов называет этот клинок кинжалом (Смирнов, 1961. С. 18), а в книге о ранней истории и культуре сарматов (несомненно, уже будучи знакомым с материалами раскопок в коллекции Государственного Исторического музея) – в отличие от Б.Н. Гракова – мечом (Смирнов, 1964. С. 60).

Датировку К.Ф. Смирнова кургана № 3 на Алебастровой горе поначалу приняла и М.Г. Мошкова, публикуя близкие этому комплексу материалы из Ново-Кумакского могильника (Мошкова, 1962. С. 225). Однако в 1963 г. она пересмотрела хронологическую позицию курганов на Алебастровой горе. Занимаясь составлением свода археологических памятников прохоровской культуры, она вслед за Б.Н. Граковым и вопреки мнению К.Ф. Смирнова отнесла все погребения этого могильника (за исключением одного средневекового в кургане № 1) к памятникам прохоровской ранне-сарматской культуры, датировав IV в. до н.э. комплексы курганов № 2, 3 и 4, а рубежом IV – началом III в. до н.э. «все погребения, включая и основное» в кургане № 1 (Мошкова, 1963. С. 18). Основанием для таких выводов послужило опять-таки сообщение Гракова о находке в кургане № 3 у западного костяка кинжала прохоровского типа. Говоря об этом кинжале, Мошкова также не привела его изображения, заметив лишь, что он является типичным и сохранился в обломках (Мошкова, 1963. С. 33). При этом, описывая клинок, найденный у восточного костяка, как «меч с антенным навершием и с почковидным перекрестьем», М.Г. Мошкова охарактеризовала его как *единственную находку* (выделено мной. – В.З.) в памятниках прохоровской культуры, поскольку «этот тип мечей относится, как правило, к концу VI – началу V в. до н.э.» (Мошкова, 1963. С. 33).

Специально о дате кургана № 3 могильника на Алебастровой горе и о типах найденного в нем оружия писал в своей книге, посвященной истории военного дела сарматов, А.М. Хазанов. Говоря о прототипах сарматских мечей и кинжалов с кольцевым навершием, он отнес к их числу форму меча с антенным навершием. «Из парного погребения в кургане № 3, – пишет он, – группы Алебастрова гора (раскопки Б.Н. Гракова, 1928 г.) происходит акиак с короткими волютами, плавно сведенными конец к концу в почти что замкнутое кольцо (Табл. I, 1–2). Рядом со вторым костяком был найден кинжал с серповидным навершием вполне сформировавшегося типа. Бронзовые втульчатые наконечники стрел из этого погребения имеют довольно архаический облик, однако они встречаются в комплексах начала прохоровской культуры. Поэтому погребение в целом датируется довольно точно – IV в. до н.э.» (Хазанов, 1971. С. 7). Относи-

тельно идеи А.М. Хазанова использовать меч с Алебастровой горы в качестве прототипа для клинков с кольцевидным навершием (илл. 15) следует сразу же сказать, что она неверна, поскольку в качестве ее обоснования автор использует совершенно произвольные описание и рисунок, не имеющие ничего общего с оригиналом меча, хотя А.М. Хазанов и ссылается при этом на рисунок плана погребения и вещей, предоставленный ему Б.Н. Граковым, которые он зачем-то перевернул на 180 градусов²¹. Симптоматичным в этом случае является и тот факт, что А.М. Хазанов в своей книге опять-таки не приводит зарисовок меча прохоровского типа, который позволяет датировать этот комплекс IV в. до н.э.

Хронологический анахронизм с клинками из погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе приводил к констатации парадокса в сарматской археологии многих убежденных сторонников граковской периодизации и много лет спустя, после того, как она была закреплена в трудах К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой. Так, в 2002 г. волгоградский археолог В.М. Клепиков отмечал, что в эпицентре формирования прохоровской культуры в Южном Приуралье кинжал прохоровского типа у западного костяка из погребения в кургане № 3 является чуть ли не единственным зафиксированным для науки примером столь раннего бытования таких клинков в IV в. до н.э. и что в Поволжье таких клинков столь рано вообще неизвестно (Клепиков, 2002. С. 29).

Между тем значение вопроса о форме клинков из данного кургана имеет огромное значение для построения хронологии памятников блюменфельдской и прохоровской культур Волго-Уральского региона. Как мне уже приходилось писать,

²¹ В примечании к приведенной выше цитате А.М. Хазанов пишет: «Сужу по рисунку, предоставленному мне Б.Н. Граковым, так как в настоящее время часть навершия не сохранилась. ГИМ, инв. № 66441». (Хазанов, 1971. С. 7). Следует обратить внимание, что на рисунке оба кинжала выделены черной заливкой, дающей иные формы, чем это сохранилось в отчетах Б.Н. Гракова. При подготовке второго издания книги А.М. Хазанова в Санкт-Петербурге в 2008 г. (Хазанов, 2008. С. 29. Рис. 6, 1, 2) я предложил научному редактору издания А.В. Симоненко сообщить автору о явной неточности с мечами из кургана № 3 на Алебастровой горе. Подумав, А.В. Симоненко отказался это делать, мотивируя тем, что он переиздает книгу А.М. Хазанова как памятник научной мысли своего времени, иначе нужно было бы в ней многое переделывать. Должен отметить, что А.В. Симоненко относится к своим работам более рационально, дополняя и устраняя ошибки в книге о сарматских всадниках Северного Причерноморья при ее переиздании.

упорная констатация факта нахождения в одном погребении меча с антенным навершием и почковидным перекрестьем и кинжала прохоровского типа является аномально единственным случаем в археологической практике, позволяющим обосновать концепцию эволюции мечей и кинжалов прохоровского типа из скифских форм клинкового оружия предшествующего времени (Зуев, 1998. С. 143–150). Изучение этого парадокса привело меня к убеждению, что клинки прохоровского типа в Приуралье и Поволжье появляются только лишь в середине II в. до н.э. одновременно на этих территориях (Зуев, 2020. С. 383–391). Поэтому становится ясно, что, вероятнее всего, в силу плохой сохранности меча (что странно для клинков прохоровского типа и характерно для мечей скифской эпохи) у западного костяка из погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе Б.Н. Граков даже в процессе раскопок в 1928 г. не смог зафиксировать форму его рукояти. Вызывает сомнение и точность его фиксации размеров кинжала, поскольку совокупная длина только трех разрозненных фрагментов клинка, сохранившихся в коллекции ГИМа из раскопок на Алебастровой горе, составляет 27,5 см – почти 70% длины, указанной Б.Н. Граковым для меча у западного костяка в этом погребении.

Что еще свидетельствует в пользу удревнения хронологии погребального комплекса из кургана № 3 на Алебастровой горе?

Погребальное сооружение, насколько оно детально зафиксировано в дневнике раскопок Гракова, не оставляет сомнения в том, что оно было сооружено для коллективного одновременного погребения и не нарушалось (насколько можно судить из-за попытки ограбления центральной части могилы) более поздними подзахоронениями. Следовательно, комплекс находок в этом кургане является одновременным. Относительно южной ориентировки погребенных необходимо заметить, что она не может выступать хронологическим показателем для данного погребения, поскольку такая ориентировка начинает встречаться в коллективных захоронениях кочевников Приуралья начиная с конца VI в. до н.э. Характерным примером столь ранней фиксации южной ориентировки погребенных могут быть погребения могильника Бесоба, раскопанного на Илеке под руководством М.К. Кадырбаева (Кадырбаев, 1984. С. 84–93). Таким образом, в данном случае мы скорее всего

имеем дело с конструктивными особенностями конкретного захоронения, а не с традицией, столь характерной для прохоровской археологической культуры.

Набор бронзовых наконечников стрел из кургана № 3 (илл. 14, 5) (12 экз. наконечников стрел были зарисованы в фондах ГИМа К.Ф. Смирновым) был датирован им же концом V – началом IV в. до н.э. только потому, что, *по устному сообщению* Б.Н. Гракова, из этого погребения происходит кинжал прохоровского типа (Смирнов, 1961. С. 132. Рис. 30, В). М.Г. Мошкова, отобрав из находок только 7 наконечников стрел, датировала их началом IV в. до н.э. (илл. 14, 4). (Мошкова, 1963. Табл. 14, 16). Архаический облик наконечников стрел из погребения в кургане № 3 отметил в своем исследовании А.М. Хазанов, но он принял датировку всего комплекса М.Г. Мошковой (Хазанов, 2008. С. 27).

Очень важным для рассматриваемой темы является анализ круга аналогий уздечному набору из погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе. Графическую реконструкцию конской узды из этого погребения выполнил К.Ф. Смирнов для своего исследования по вооружению савроматов (илл. 16, 2. Смирнов, 1961. С. 146. Рис. 44, 6). Для него было очевидным, что этот комплекс не может относиться к прохоровской эпохе.

М.Г. Мошкова, после раскопок Ново-Кумакского могильника в 1958–1959 гг., в ходе которых ею были найдены очень близкие бронзовые бляхи для ремней конской упряжи в курганах № 6 (у погребения 2) и № 7 (погребение 1), датированные ею VI – V вв. до н.э., оценивала набор конской узды в кургане № 3 на Алебастровой горе следующим образом: «Наиболее архаичные роговые двудырчатые псалии были найдены в кургане № 3 у Алебастровой горы (илл. 16, 3). Это единственный подобный экземпляр в прохоровских погребениях, и датируется он не позднее первой половины IV в. до н.э. Столь же ранними являются двудырчатые псалии, сделанные из бронзовых или железных довольно массивных стержней, концы которых заканчиваются профильными изображениями головок лошадей, повернутых в одну сторону (илл. 16, 1). Обычай украшения различных предметов конского снаряжения изображениями в зверином стиле вообще является одной из характерных черт савроматской культуры и в прохоровское время сохраняется в очень редких случаях почти исклю-

Таблица I. Сопоставление датировок разными исследователями комплексов из курганов на Алебастровой горе

Комплекс	Граков 1947	Мошкова 1963	Хазанов 1971	Смирнов 1964	Мышкин 2020	Зуев 2004
Курган 1 погр. 4	XII в. (Кривцова-Гракова, 1929. С. 297)	-	-	-	-	-
Кург. 1 погр. 10	?	?	?	?	?	?
Кург. 1 погр. 7	III – II вв. до н.э.	IV – III вв. до н.э.	-	III – II вв. до н.э.	-	?
Кург. 1 погр. 3	III – II вв. до н.э.	IV – III вв. до н.э.	-	III – II вв. до н.э.	-	вт. пол. II в. до н.э.
Кург. 1 погр. 6	III – II вв. до н.э.	IV – III вв. до н.э.	-	III – II вв. до н.э.	-	вт. пол. II в. до н.э.
Кург. 1 погр. 8	III – II вв. до н.э.	IV – III вв. до н.э.	-	III – II вв. до н.э.	-	вт. пол. II в. до н.э.
Кург. 1 погр. 1	III – II вв. до н.э.	IV – III вв. до н.э.	-	III – II вв. до н.э.	-	кон. IV в. до н.э.
Кург. 1 погр. 2	III – II вв. до н.э.	IV – III вв. до н.э.	-	III – II вв. до н.э.	-	IV (?) в. до н.э.
Кург. 1 погр. 5	II в. до н.э.	IV – III вв. до н.э.	-	III – II вв. до н.э.	-	V – IV вв. до н.э.
Кург. 4	IV – III вв. до н.э.	перв. пол. IV в. до н.э.	-	вт. пол. IV в. до н.э.	-	рубеж V в. до н.э.
Кург. 2	конец IV в. до н.э.	IV в. до н.э.	-	рубеж V – IV вв. до н.э.	-	начало V в. до н.э.
Кург. 1 погр. 9	Конец III в. до н.э.	IV – III вв. до н.э.	-	вт. пол. IV в. до н.э.	-	рубеж V – IV вв. до н.э.
Курган 3	перв. пол. IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	начало IV в. до н.э.	вт. пол. V – нач. IV в. до н.э.	вт. пол. V – нач. IV в. до н.э.	конец VI в. до н.э.

чительно в погребениях IV в. до н.э. Оба первые типа псалий характерны для савроматов и в *прохоровских погребениях встречаются как исключение* (выделено мной. – В. З.)» (Мошкова, 1963. С. 36–37).

Исследования двух последних десятилетий убедительно свидетельствуют, что комплекты узды, подобные находке в кургане № 3 на Алебастровой горе, датируются в основном второй половиной VI – началом V в. до н.э.

Самыми поздними по типу псалиев, сопоставимых отчасти с находками на Алебастровой горе, являются псалии из раскопок С.А. Мазараки после 1886 г., поступившие в коллекцию графа А.А. Бобринского (илл. 16, 4, а) (Бобринской, 1901. С. 74. Табл. X, 11). Позднее В.А. Ильинской удалось уточнить, что этот псалий найден в кургане Роменского уезда у с. Хитцы в Посулье на р. Удай (Ильинская,

1968. С. 78–79. Табл. LVI, 8). Она датировала находки из этого кургана временем первой половины V в. до н.э. И вслед за гр. А.А. Бобринским называла зооморфное украшение бронзового псалия головкой барана, а не лошади. Более точно издал этот псалий, у которого один конец имеет вид заостренной пластины, А.Д. Могилов, считающий его характерным для конской упряжи конца VI – V в. до н.э. (Могилов, 2008. С. 35. Тип II. 3. 2. 15. Рис. 71, 4). Согласен с этой датой и Д.С. Гречко (Гречко, 2017. С. 53–70).

Однако серию точных аналогий псалию с Алебастровой горы дали раскопки С.Ю. Гуцалова в бассейне р. Илек – кургана № 16 могильника Кырык-Оба II (Гуцалов, 2007. Рис. 12. II, 1), кургана № 1 (Гуцалов, 2009. Рис. 3, 7) и кургана № 5 (Гуцалов, 2007. Рис. 16. III, 3) могильника Илекшар I (илл. 16, 4, б–з). Эти курганы, в том числе и кон-

ские уборы из них, безусловно, датируются второй половиной VI в. до н.э. На этот хронологический диссонанс между датой находок в кургане № 3 на Алебастровой горе (конец V – IV в. до н.э.) и датой материалов из раскопок С.Ю. Гуцалова обратил внимание В.Н. Мышкин в исследовании зооморфных псалиев Самаро-Уральского региона (Мышкин, 2020. С. 60. Рис. 2, 3–5).

И последнее уточнение, связанное с публикацией дневников раскопок Б.Н. Гракова 1927–1928 гг. курганов на Алебастровой горе. Речь идет о фрагментах керамики из кургана № 3, найденных в потревоженной грабителями насыпи кургана над погребением. В своем отчете Б.Н. Граков не сделал зарисовок фрагментов керамики, но взятые при раскопке находки взял и внес их в полевую опись. Под № 19 в описи значится ручка сосуда. Готовя издание по истории и культуре сарматов, К.Ф. Смирнов зарисовал этот обломок сосуда (илл. 17, 1) в профиль (Смирнов, 1964. С. 334. Рис. 40, 1, з). Работая параллельно с ним, М.Г. Мошкова сделала на основе фрагментов керамики графическую реконструкцию большой кружки (илл. 17, 2), правда, поместив свой рисунок в свод по памятникам прохоровской культуры, она ошибочно отнесла его к инвентарю кургана № 2 (Мошкова, 1963. С. 48. Табл. 5, 23). Я внимательно просмотрел фрагменты керамики, сохранившиеся в коллекции находок из раскопок курганов на Алебастровой горе в 1927 и 1928 г. Ничего подобного нарисованному М.Г. Мошковой ни в коллекции находок из кургана № 2, ни из коллекции находок в кургане № 3 я не нашел. На планшетах, относящихся к материалам из кургана № 3, действительно прикреплен нитками фрагмент устья коричневого лепного сосуда с частью ручки, устьем прикрепленный к планшету, который К.Ф. Смирнов, видимо, так и зарисовывал, не отделяя обломок. В результате он не заметил, что по краю устья кувшина небольшого размера (диаметр горла сосуда – 9,5 см; вероятный диаметр сосуда 12,5 см; высота горла сосуда – 2 см; ширина ручки – 1,5 см) идет орнамент, выполненный косыми насечками. Поэтому привожу здесь свою реконструкцию этого лепного сосуда, насколько это позволяет сделать сохранившийся в коллекции ГИМа материал (илл. 17, 3).

Подытожить представления о хронологических позициях комплексов, раскопанных Б.Н. Граковым в 1927 и 1928 г., можно, сведя мнения ис-

следователей в общую таблицу I. В ней отражена временная последовательность сооружения погребальных комплексов в курганах на Алебастровой горе с учетом стратиграфических особенностей каждого погребения (Табл. I). Как видим, общая картина далека от единства. И это заставляет задуматься: в чем причина этих разных тенденций в распределении материала? Почему для Б.Н. Гракова все курганы на Алебастровой горе виделись исключительно памятниками прохоровской археологической культуры, тогда как уже для К.Ф. Смирнова основные комплексы в этих курганах датировались скифским временем и отождествлялись с савроматами (все основные погребения 4 курганов; к сарматской эпохе III – II вв. до нашей эры он относил 7 только впускных погребений, с учетом одного недатируемого комплекса и одного средневекового захоронения). И почему опять же для М.Г. Мошковой все датируемые погребения являлись прохоровскими, из которых три комплекса отнесены ею к раннему IV в. до н.э. и девять определены интервалом конца IV – началом III в. до н.э.?

После прочтения отчетов Б.Н. Гракова и сравнения их с его статьями, написанными еще совсем молодым ученым до 1929 года, становится понятной та установка, целеполагание, к реализации которых очень напористо стремился ученый, начиная свои работы в Южном Приуралье десятилетие спустя после выхода в свет исследования М.И. Ростовцева (Ростовцевъ, 1918). Исследованиями археологов школы П.С. Рыкова к концу 20-х годов XX в. довольно отчетливо выработалась общая периодизация древностей Поволжья скифского, раннесарматского и среднесарматского периодов. На этом фоне археологические памятники Приуралья казались яркими, но несистематизированными феноменами общей скифо-сарматской эпохи. И разобраться с этим материалом Б.Н. Граков стремился прежде всего путем открытия нового обширного материала, характеризующего прохоровскую археологическую культуру, столь эффектно открытую трудами М.И. Ростовцева и С.И. Руденко в материалах из погребений в курганах у дер. Прохоровка в Оренбуржье. И именно открыть, зафиксировать, осознать, невзирая на ограбленность в древности, археологические комплексы именно прохоровской культуры стало для Б.Н. Гракова в те годы своего рода *idée fixe*. В отчетах и статьях он

постоянно ведет подсчеты – сколько именно ему известно памятников культуры, которые ассоциируются с ранними сарматами, доводя их число к 1929 году до 60 комплексов (Граков, 1929. Р. 170). И он, безусловно, очень торопился, совершая в этом состоянии вполне естественные ошибки. У него за плечами уже были раскопки яркого памятника скифской эпохи – Блюменфельдского кургана А 12. И ему хотелось своими раскопками в Южном Приуралье нащупать и обобщить на массовом материале облик материальной культуры типа древностей Прохоровки, которая в его понимании должна была заполнить лауну между периодом скифских древностей типа Блюменфельда и периодом сарматских древностей римской эпохи, уже обозначенных на материалах Поволжья в трудах П.С. Рыкова и П.Д. Рау. Он писал сразу после полевого сезона 1928 г. в Оренбуржье, чтобы успеть отослать в Хельсинки статью в сборник в честь А.А. Спицына: «Картина, которую я наметил для себя, в основном следующая. Благодаря работе, проделанной археологами в Поволжье за последние пять-шесть лет, более или менее доказано, что в районе нижней Волги и в стране, простирающейся вдоль реки Урал, подобная культура, представленная гробницами в курганах, преобладала с VI и, по крайней мере, до IV века до нашей эры. [...] После изучения характерных черт, упомянутых выше, я смог наблюдать (ESA III, стр. 53–61), и мне кажется с достаточным основанием, что это вариант скифской культуры Причерноморья, который представит перед нашими глазами. Если, с одной стороны, дату возникновения подобных гробниц можно было бы уточнить по многочисленным данным и зафиксировать на конце VI века до н.э. С другой стороны, мы должны искать конец этой культуры где-то между IV и III веками (ESA III, стр. 60–61). Тем не менее, несколько находок 1927 г. позволили мне с уверенностью утверждать, что уже в конце IV века новая культура прочно утвердилась в районе, расположенном вдоль реки Урал и в Заповолжье [...], и что особенно ярко это проявилось в находках, сделанных в районе «Прохоровки», в Оренбуржье (МАР 37). Эта культура (назовем ее

ранней сарматской культурой) весьма отличается по своим погребениям, ритуалам и объектам. [...] Я не буду подробно останавливаться на культуре «Прохоровки», но ограничусь лишь двумя указаниями. Эта культура широко распространена на территории от Оренбурга до Актюбинска и Саратова (к настоящему времени обнаружено 60 гробниц, большинство из которых еще не опубликованы); хронологически его можно поместить между второй половиной IV века и I веком до нашей эры» (Граков, 1929. Р. 169–171). Выше, в текстах отчетов, Б.Н. Граков более подробно охарактеризовал, какие именно задачи он решал, проводя раскопки не только на Алебастровой горе, но и в других памятниках восточного Оренбуржья, делая акцент на поиск памятников именно прохоровской археологической культуры.

Бурные события жизни, развернувшиеся в судьбе Б.Н. Гракова после 1929 года (изгнание из Государственного Исторического музея, переезд в Ленинград, тесное общение с эпиграфистами и нумизматами Эрмитажа, устройство на работу в Государственную Академию истории материальной культуры, тревожные политические события первой половины 30-х годов, атмосфера террора, возвращение в Москву и работа в новостроечных экспедициях на Южном Урале и в Казахстане), задержали реализацию программы поиска памятников ранней сарматской культуры в Приуралье. Но не смогли остановить это стремление, которое он реализовал в конце концов 20 лет спустя. Благодаря таланту, упорству в достижении поставленных целей, волевому преодолению некоторых ошибок как в методике работ (что объяснялось особенностью эпохи), так и в практике, а также полагаясь во многом на помощь со стороны его верных учеников, ученому удалось превратить установки, сформулированные в конце 20-х годов прошлого века, в программу научных исследований, которые определили вектор развития отечественной сарматологии практически на столетие. Сейчас осознать и оценить все это помогает бережное, но критическое изучение творческого наследия, оставленного всем нам Б.Н. Граковым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.

Бобринской А.А. Смъла. Т. III. 1901. 174 с. XX табл.
Городцовъ В.А. Типы погребеній печенеговъ, торковъ, половцевъ и татаръ до XIV в. // Труды Тринад-

- цатаго археологического съѣзда въ Екатеринославѣ. М., 1908. Т. 2. Протоколы. С. 142.
- Граков Б.Н.** Курганы в окрестностях поселка Нержинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // Василию Алексеевичу Городцову к сорокалетнему юбилею научной деятельности. М., [1928] 1929. С. 145–155. (ТСА РАНИОН. Т. 4).
- Граков Б.Н.** Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана // Вестник Центрального Музея Казакстана. Кзыл-Орда, 1930. № 1. С. 59–76. Отд. изд.: Кзыл-Орда, Казиздат, 1930. 20 с.
- Граков Б.Н.** Работы в районе проектируемых южно-уральских гидроэлектростанций // Известия ГАИМК. Л., 1935. Вып. 110. С. 91–119.
- Граков Б.Н.** Γυνακοκρατοῦμενοι (пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 101–121.
- Граков Б.Н.** Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники Скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. М., Наука, 1962. С. 56–113.
- Гречко Д.С.** Об эволюции конской узды на юге Восточной Европы в VI в. до н.э. // Древности. Харьков, 2017. Вып. 15. С. 53–70.
- Гущина И.И., Мошкова М.Г.** Курганы у с. Харьковка в Заволжье (раскопки Б.Н. Гракова и П.С. Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 26–47.
- Гуцалов С.Ю.** Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2. С. 75–92.
- Гуцалов С.Ю.** Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // РА. 2009. № 3. С. 73–78.
- Гущина И.И., Мошкова М.Г.** Раскопки Б.Н. Гракова в Заволжье у сел Блюменфельд и Кано в 1925 году // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 42–59.
- Гущина И.И., Фирсов К.Б.** Коллекции из раскопок Б.Н. Гракова в собрании Государственного Исторического музея (Краткий обзор фонда) // Скифы и сарматы в VII – III в. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 15–21.
- Евгеньев А.А.** Археология Оренбуржья в 20–30 годы XX века // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2007. Т. 9. № 2. С. 523–530.
- Зуев В.Ю.** К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной научной конференции 2–5 сентября 1998 г. СПб.: Эрмитаж, 1998. С. 143–150.
- Зуев В.Ю.** Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (по итогам экспедиции 2001 года). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 71 с.
- Зуев В.Ю.** О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 205–220.
- Зуев В.Ю.** Красногорский курган // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев: Изд-во Дом «Скиф», 2012. С. 385–410.
- Зуев В.Ю.** Датировка клинкового оружия финала скифской эпохи и находки гераклейских амфор в Приуралье (Заметки к дискуссии) // Маргулановские чтения 2020: Материалы международной научно-практической конференции «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Т. 1. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. С. 383–391.
- Зуев В.Ю., Карташов П.Н.** Типология и технология производства клинкового оружия на стыке скифской и сарматской эпох (по материалам Южного Приуралья) // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 93–115. (XIV чтения памяти Анны Мачинской).
- Ильинская В.А.** Скифы днепровского лесостепного Левобережья. (Курганы Посулья). К.: Наукова думка, 1968. 203 с. LXIII табл.
- Кадырбаев М.К.** Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.
- Кастанье И.А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург: Типо-лит. Т-ва «Киримовъ, Хусаиновъ и К^о», 1910. 331 с. (ТОУАК. Вып. XXII).
- Клепиков В.М.** Сарматы Нижнего Поволжья в IV – III в. до н.э. Волгоград, 2002. 216 с.
- Кривцова-Гракова О.А.** Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 года // Василию Алексеевичу Городцову к сорокалетнему юбилею научной деятельности. М., [1928] 1929. С. 288–299. (ТСА РАНИОН. Т. 4).
- Лепехина Е.В.** Н.П. Кивокурцев (1902–1944) забытый представитель довоенной эрмитажной нумизматики // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 г. Материалы и сообщения памяти Татьяны Юрьевны Стукаловой (17.12.1958 – 16.01.2017). Москва, 23–24 ноября 2017 г. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 310–318.
- Макаренко Н.Е.** Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренбургского уезда // ТОУАК. 1906. Вып. XVI. С. 76–94.
- Мелюкова А.И.** Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с. (Археология СССР. САИ Д 1–4).
- Минасян Р.С.** Технические секреты изготовления вещей кургана Аржан-2 // Горный журнал. Цветные металлы. Черные металлы. Специальный выпуск. СПб., 2004. С. 65–67.
- Могилов О.Д.** Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. К., Кам'янець Подільський,

2008. 439 с.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники Скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. М.: Наука, 1962. С. 204–241.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Наука, 1963. 56 с. (Археология СССР. САИ. Серия Д 1–10).

Мышкин В.Н. Псалии с зооморфными изображениями у кочевников Самаро-Уральского региона // НАВ. 2020. Т. 19. № 2. С. 56–73.

ОАК за 1903 г. – Оренбургская губерния // ОАК за 1903 годъ. СПб., 1906. С. 126–128.

От редакции <П. Н. Кивокурцев> // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 3–4.

Ростовцевъ М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг.: ГАК, 1918. 103 с. 7 табл. (МАР. Вып. 37).

Смирнов К.Ф. Сарматские погребения Южного Приуралья // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. С. 80–86.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М., 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. М., АН СССР, 1963. 40 с. 30 табл. (Археология СССР. САИ. Д 1–9).

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966. 276 с.

Федосеев Н.Ф. История изучения коллекции керамических клейм Керченского музея // Вопросы эпиграфики. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012. Вып. IV. С. 371–386.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 294 с.

Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 383 с.

Grakov B.N. Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural // ESA. Helsinki, 1928. Т. 3. P. 25–62.

Grakov B.N. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg // ESA. Helsinki, 1929. Т. 4. P. 169–182.

1

2

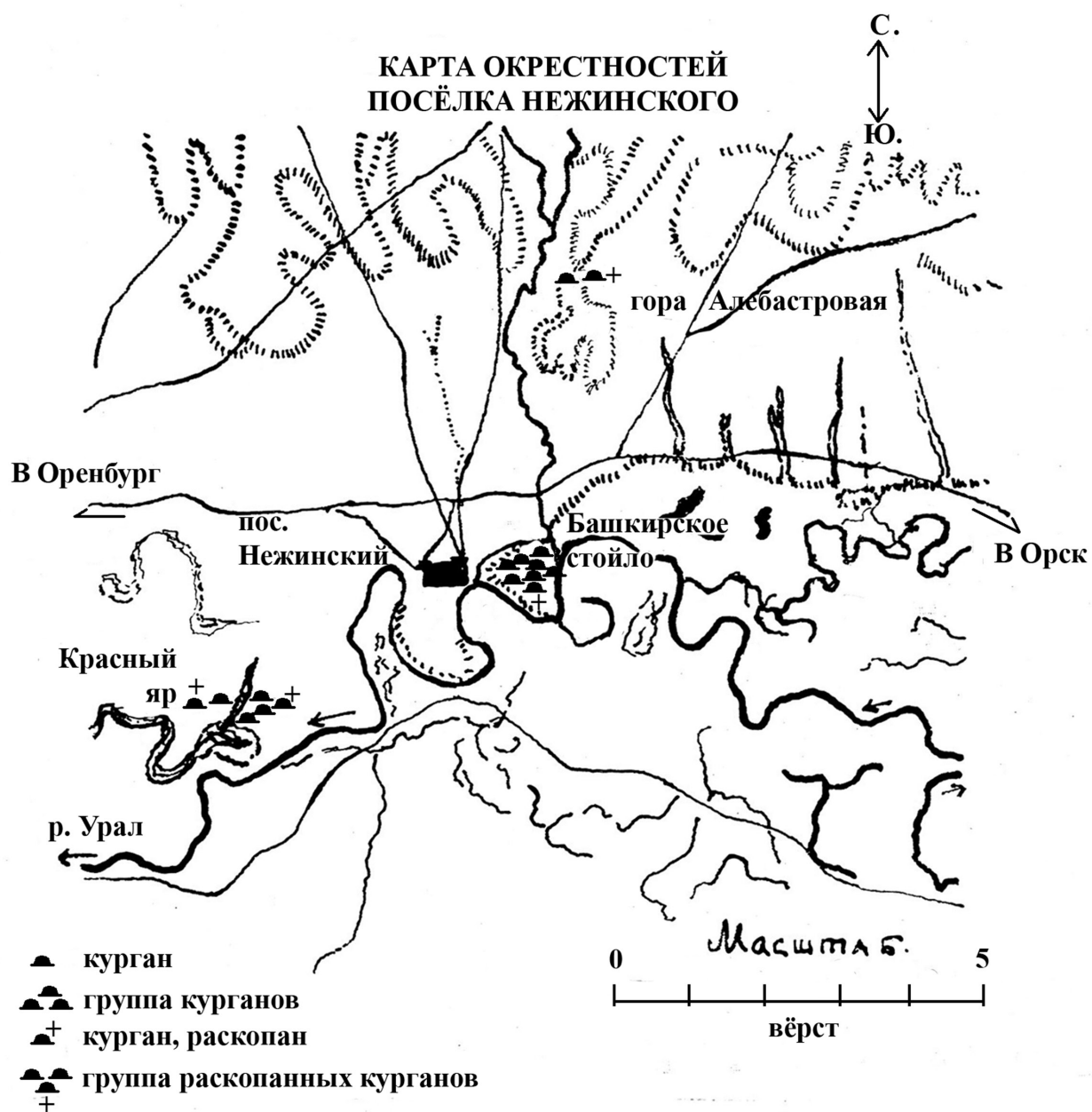

3

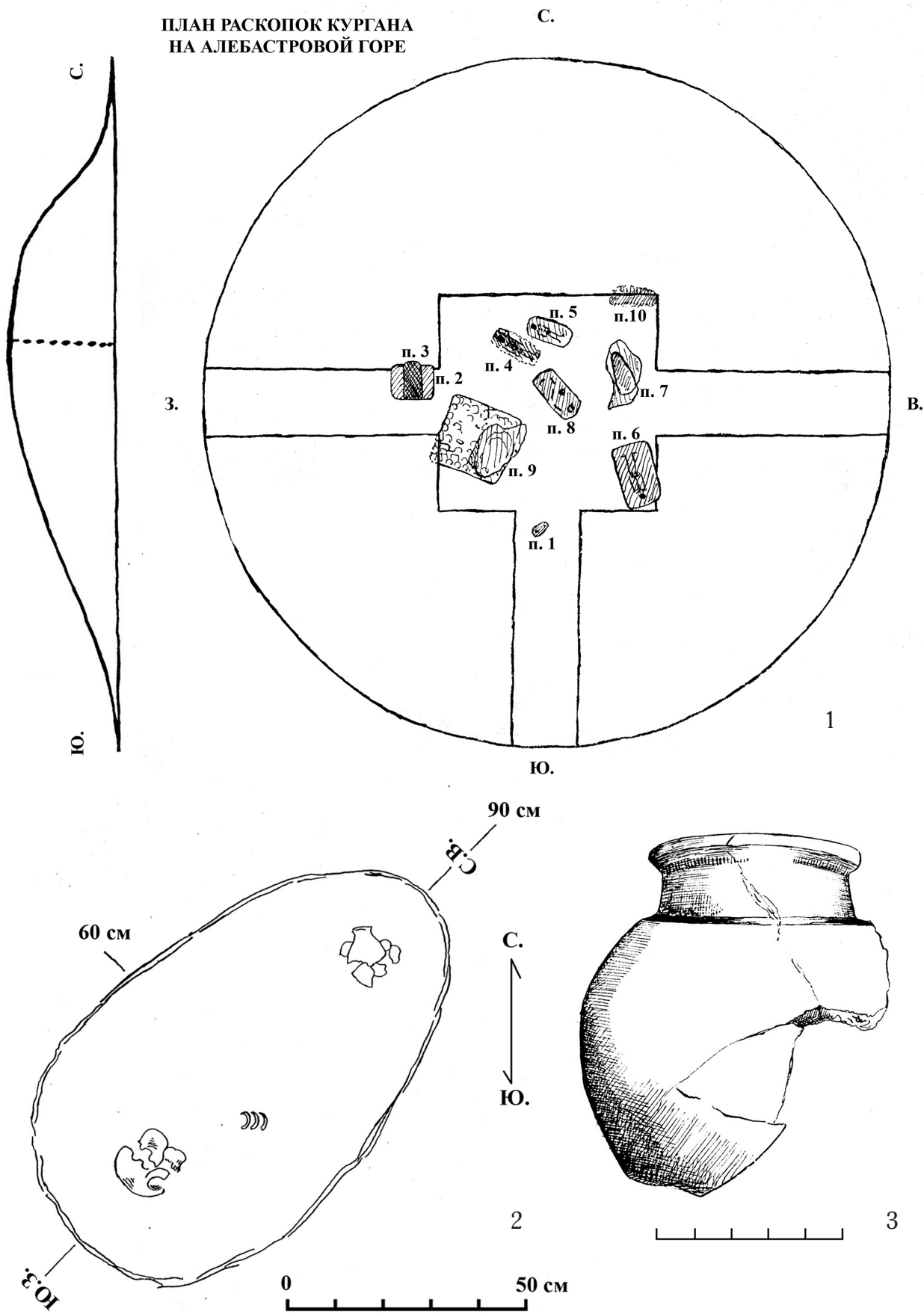

4

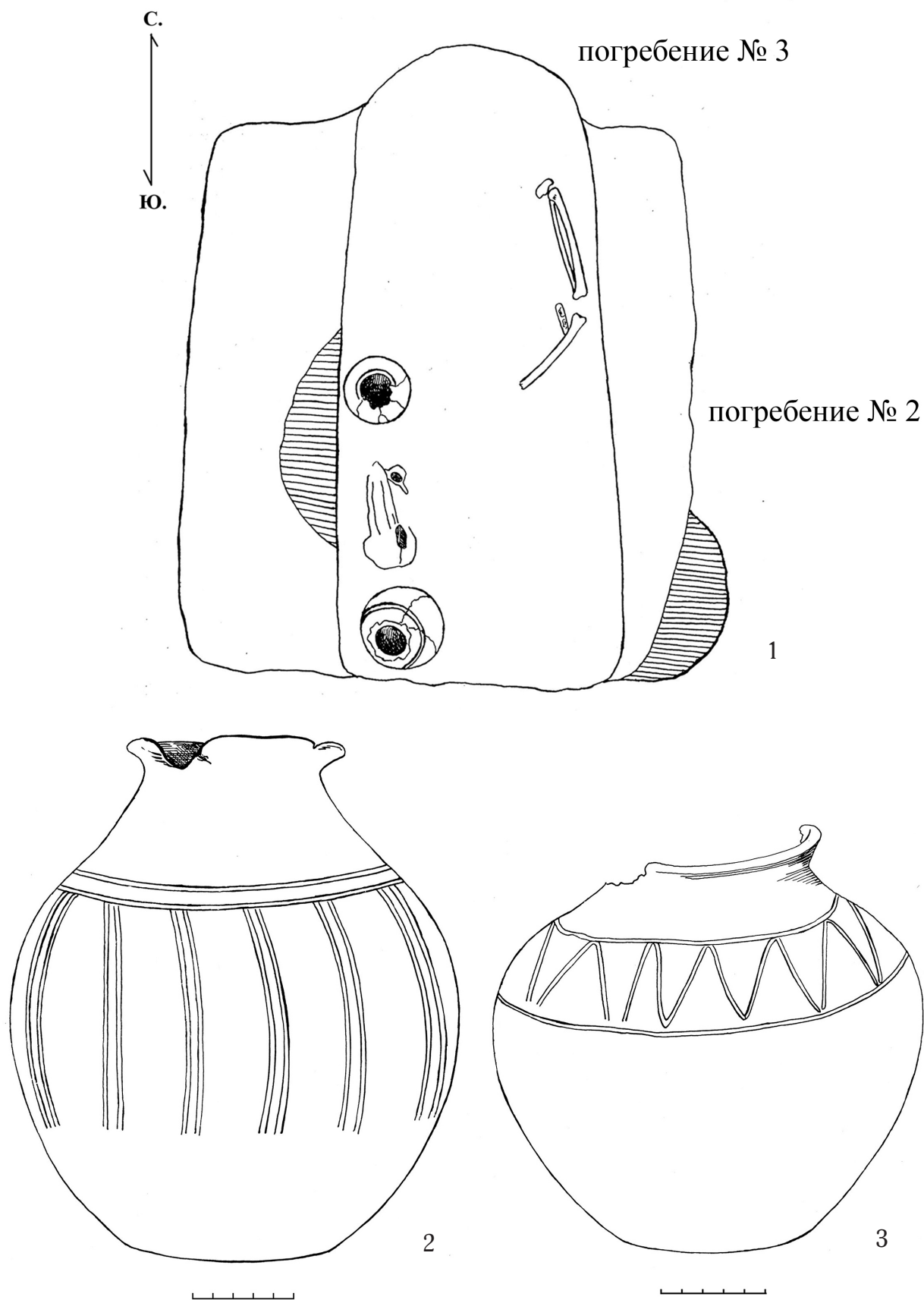
Илл. 1. 1 – Борис Николаевич Граков (1899–1970); 2 – Ольга Александровна Кривцова-Гракова (1895–1970); 3 – Николай Петрович Кивокурцев (1902–1944); 4 – Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970).

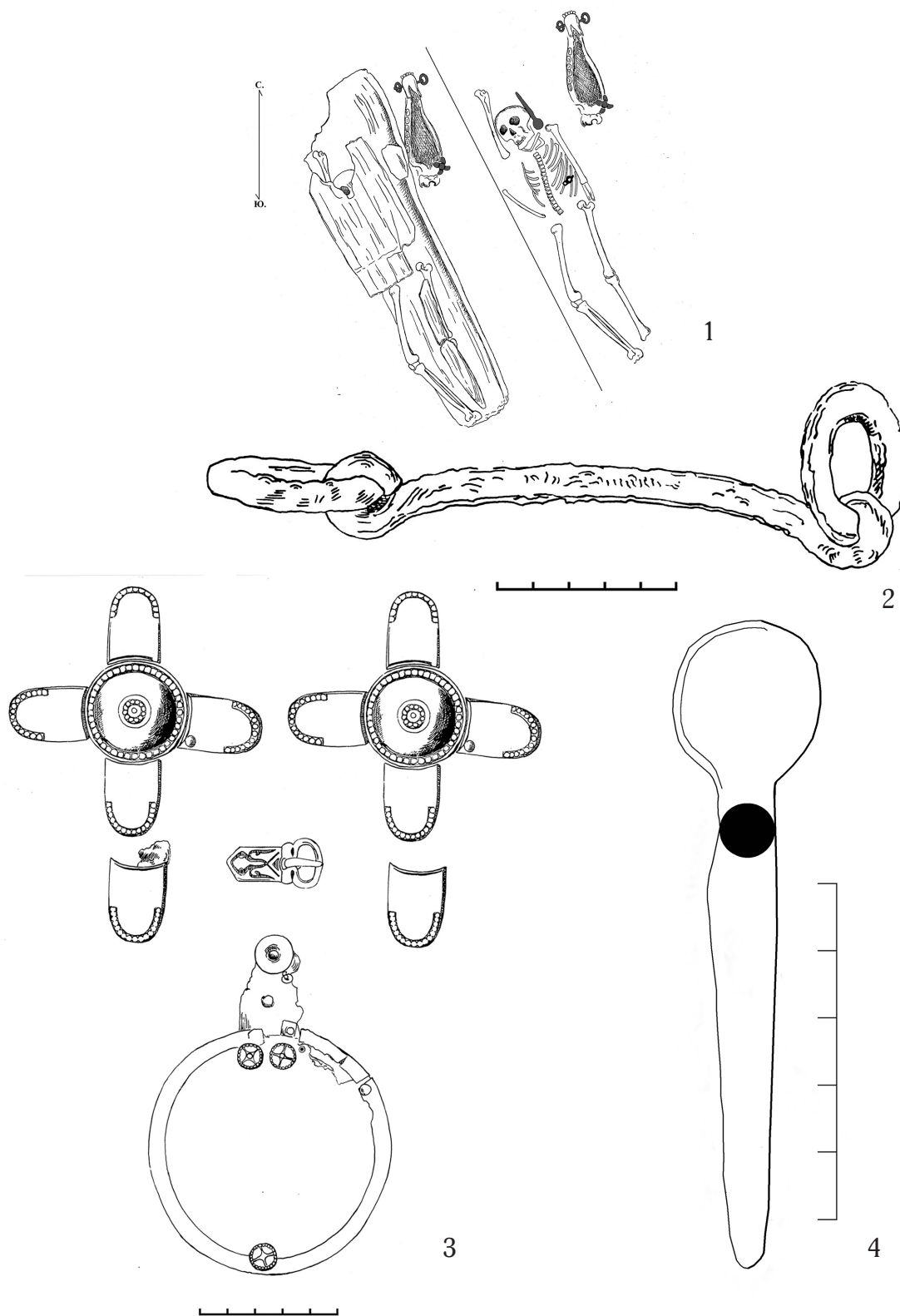
Илл. 2. Карта 1927 г. окрестностей пос. Нежинский.

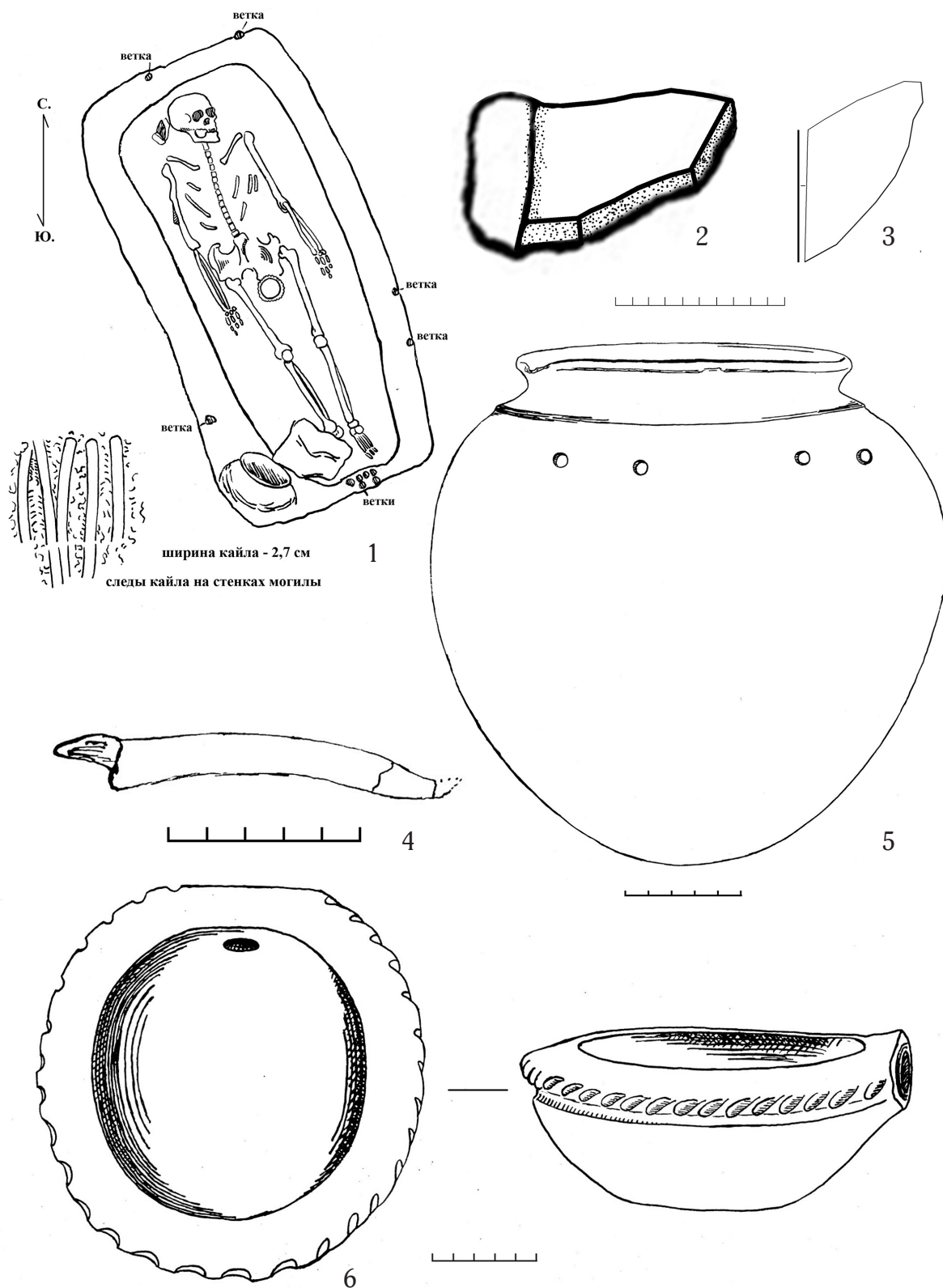
Илл. 3. 1 – план раскопок кургана № 1 на Алебастровой горе и его контур. 1927 г.; 2 – план погребения № 1 в кургане № 1 на Алебастровой горе. 1927 г.; 3 – сосуд в четырёх фрагментах с плоским дном из погребения № 1 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи 1927 г. № 2)

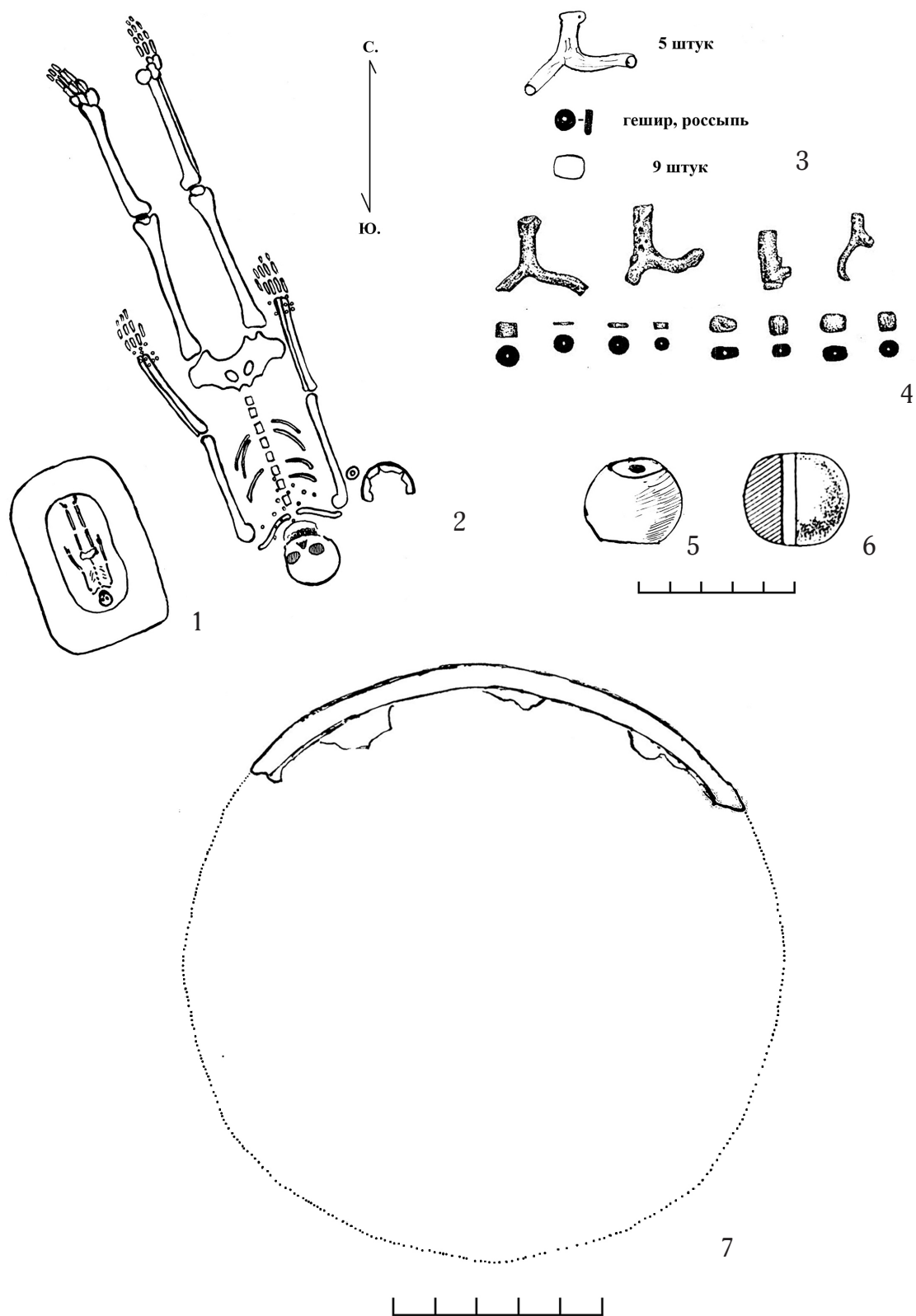
Илл. 4. 1 – план погребений № 2 и № 3 в кургане № 1 на Алебастровой горе 1927 г.; 2 – чёрный лощёный плоскодонный горшок с отогнутым венчиком из погребения № 3 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи 1927 г. № 6); 3 – плоскодонный горшок с отогнутым венчиком из погребения № 3 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи 1927 г. № 5).

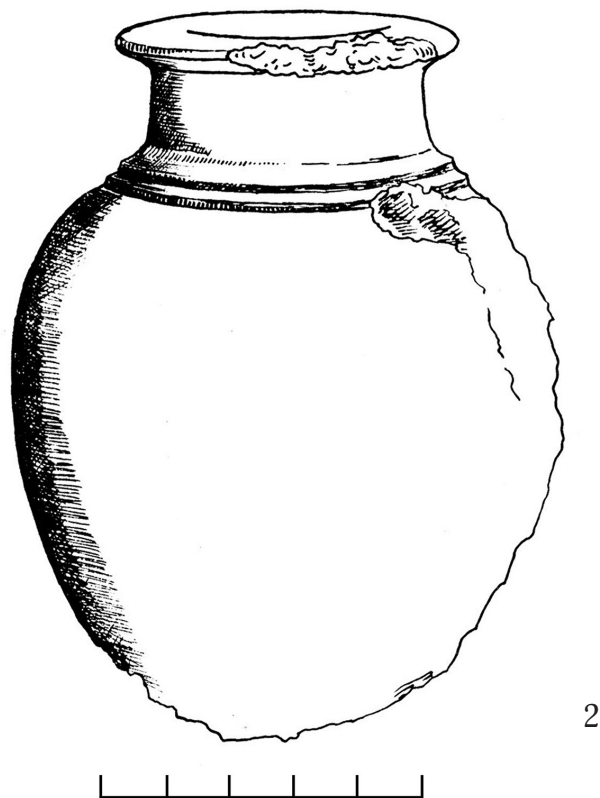
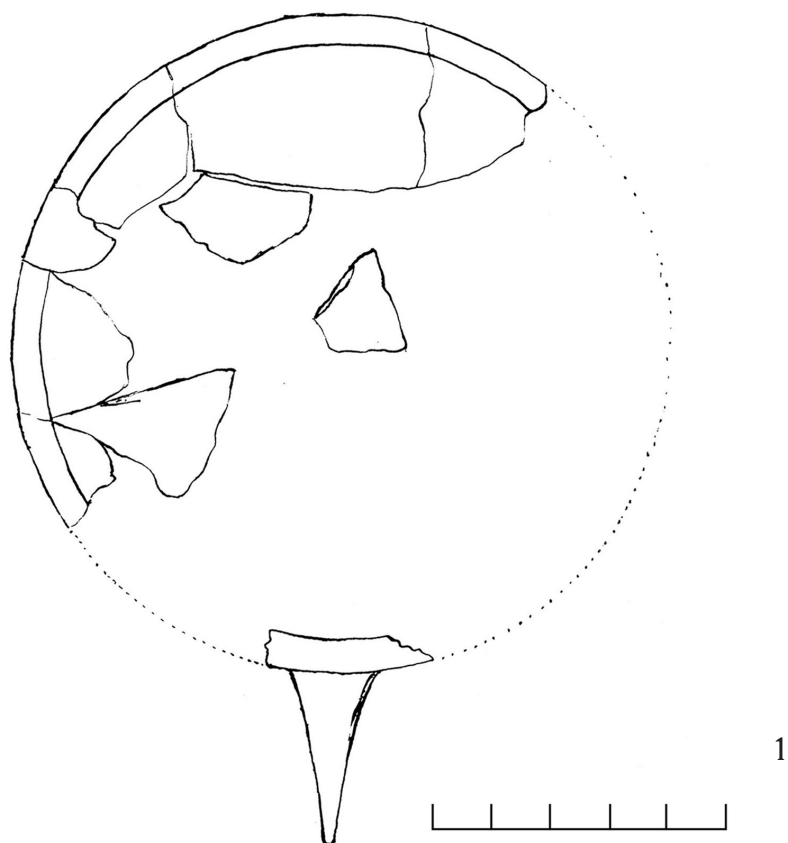
Илл. 5. 1 – план погребения № 4 в колоде и без неё в кургане № 1 на Алебастровой горе 1927 г.; 2 – железные удила одночленные. Стержень в сечении прямоугольный. Кольца подвижны и плоски. Из погребения № 4 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи 1927 г. № 8); 3 – две крестовидные бляхи на ремне, бронзовые с серебром, состоящие из выпуклого полушария, подстланные с обратной стороны круглой пластиной и пяти закруглённых на концах пластинок. При одной бляхе – посеребрённая бронзовая пряжка с растительным орнаментом, соединявшая бляхи вместе. (по описи 1927 г. № 9 и 10). Круглая бляха на ремне. На ней три круглых заклёпки и ободок. На ремне – круглая гайка (по описи 1927 г. № 11). Всё из погребения № 4 в кургане № 1 на Алебастровой горе 1927 г.; 4 – деревянная ложка из погребения № 4 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи 1927 г. № 12).

Илл. 6. 1 – план погребения № 5 в кургане № 1 на Алебастровой горе и следы кайла на стенках могилы; 2 – песчаниковая плитка (по описи 1927 г. № 15); 3 – обломок бронзового диска зеркала (по описи 1927 г. № 15); 4 – железный нож из погребения № 5 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи 1927 г. № 16); 5 – круглодонный горшок с низкой отогнутой шейкой и широким устьем. На одной стороне у плечика две пары отверстий. Из погребения № 5 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи 1927 г. № 14); 6 – глиняная круглодонная чашка, наполненная мелом, с подражанием верёвочному орнаменту по краю и отверстием с одной стороны из погребения № 5 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи 1927 г. № 17).

Илл. 7. 1 – план погребения № 6 в кургане № 1 на Алебастровой горе; 2 – положение погребённой на дне могилы № 6; 3 – коралловые и гешировые бусы из погребения № 6 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по рисунку О.А. Кривцовой-Граковой, по описи № 19 1927 г.); 4 – те же бусы (по Гущина, Фирсов. 2000. С. 16. Рис. 1. 3–5); 5 – алебастровое пряслице из погребения № 6 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по рисунку О.А. Кривцовой-Граковой, по описи № 20 1927 г.); 6 – то же пряслице (по М.Г. Мошковой 1963. Табл. 24, 15); 7 – фрагмент бронзового зеркала с ободком по краю из погребения № 6 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи № 21 1927 г.).

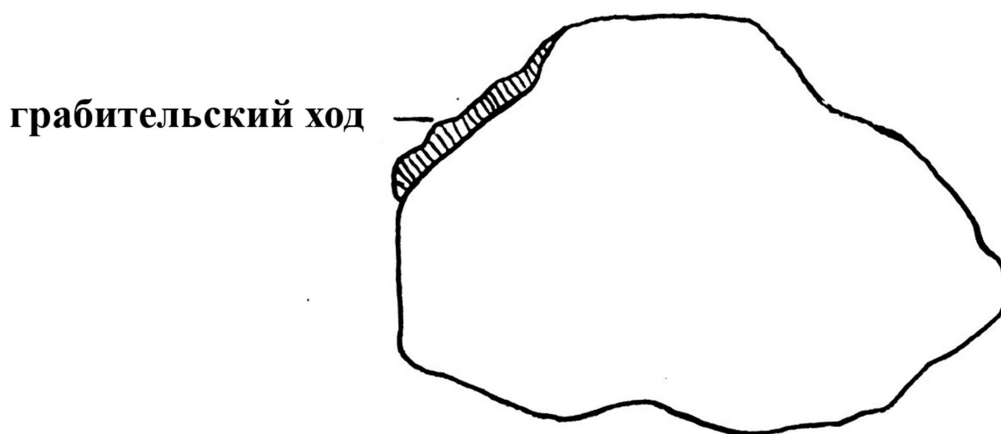

Илл. 8. 1 – фрагменты бронзового зеркала с ободком по краю и коротким треугольным стержнем из погребения № 8 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи № 24, 1927 г.); 2 – половина яйцевидного сосуда из алебастра с двумя валиками по плечу цилиндрической шейки и отогнутым венчиком из грабительского хода в погребении № 9 в кургане № 1 на Алебастровой горе (по описи № 25, 1927 г.).

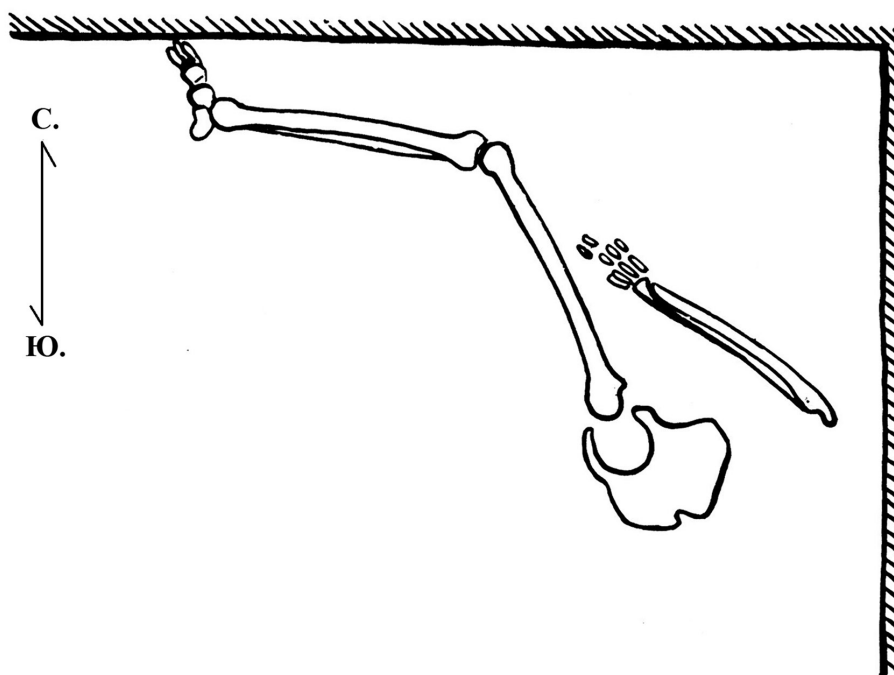

кладка камней над могилой № 9

1

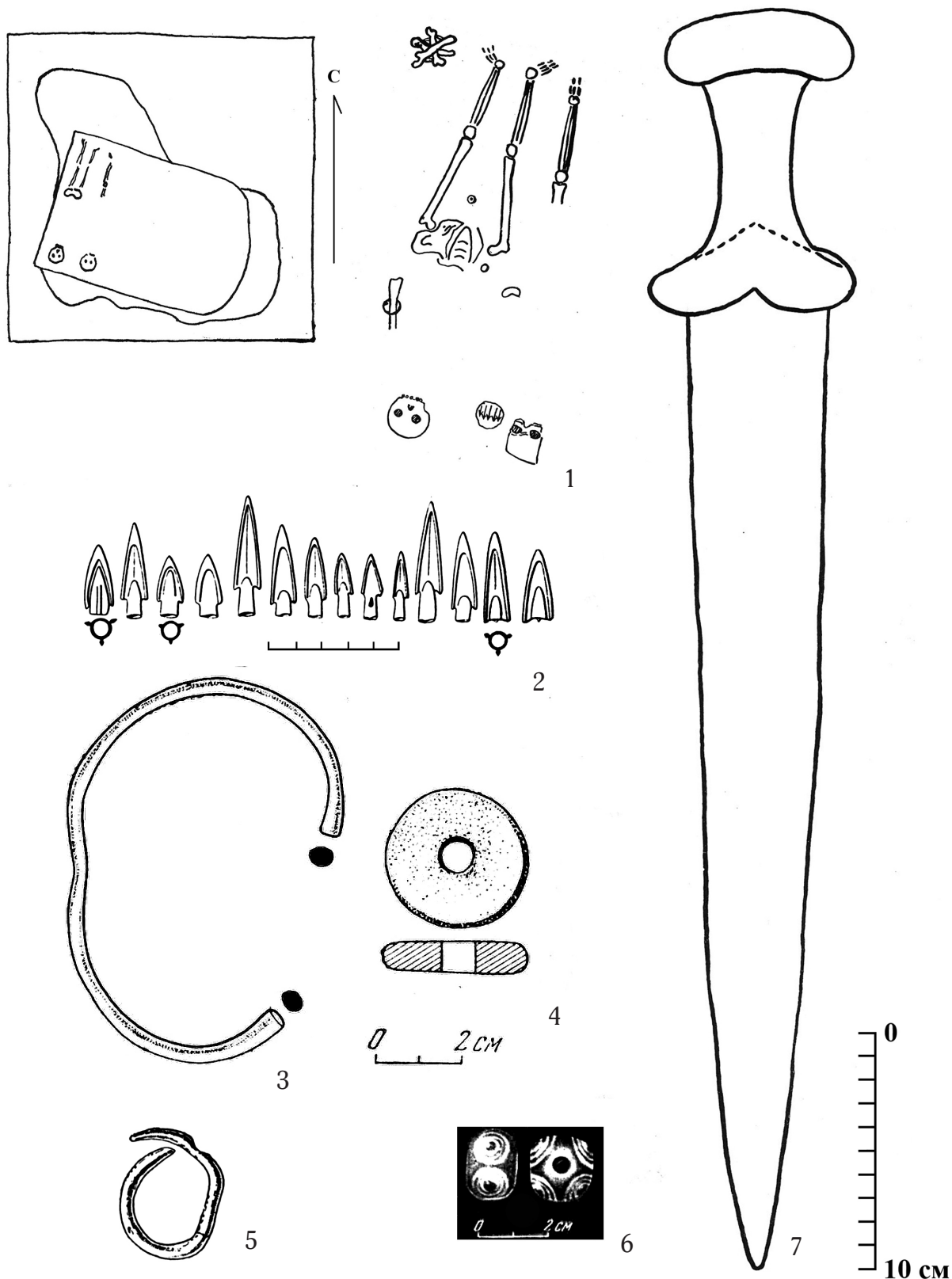

2

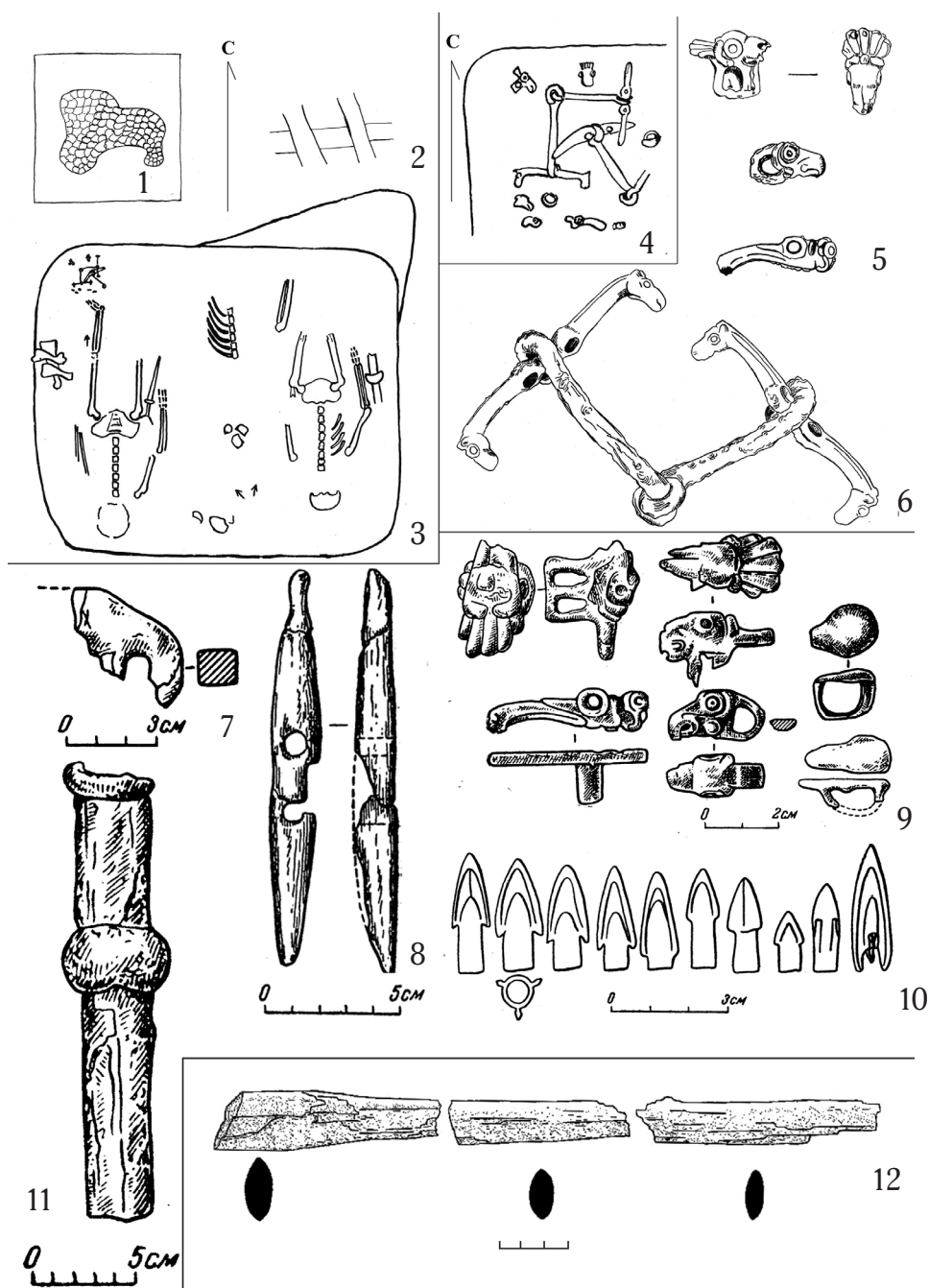

3

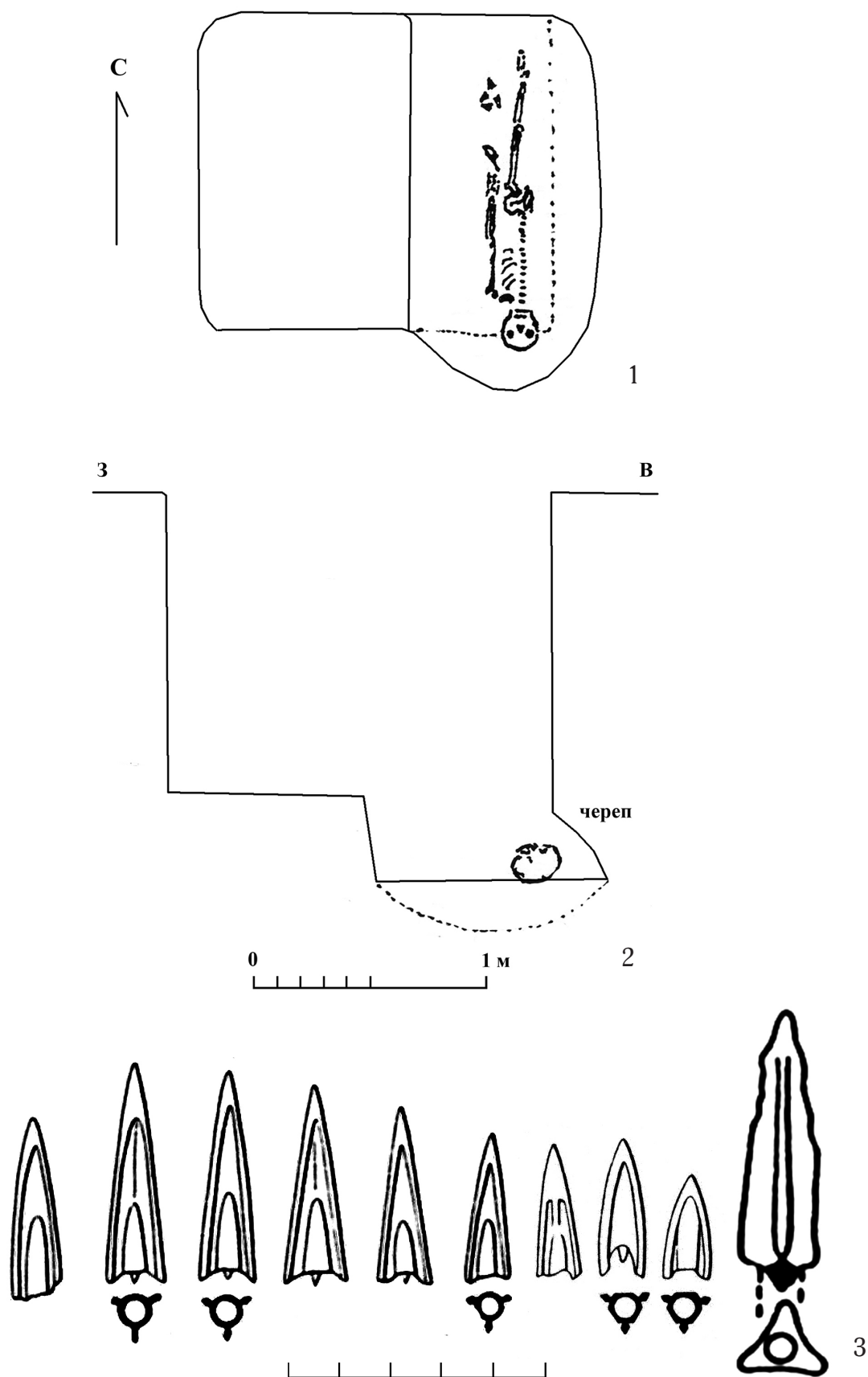
Илл. 9. 1 – кладка камней над основным погребением № 9 в кургане № 1 на Алебастровой горе и глиняный выкид под всей поверхностью кургана на уровне древнего горизонта; 2 – очертания сверху погребения № 9 в кургане № 1 на Алебастровой горе и следы грабительского хода в С.З. стенке погребения № 9; 3 – схема погребения № 10 в кургане № 1 на Алебастровой горе.

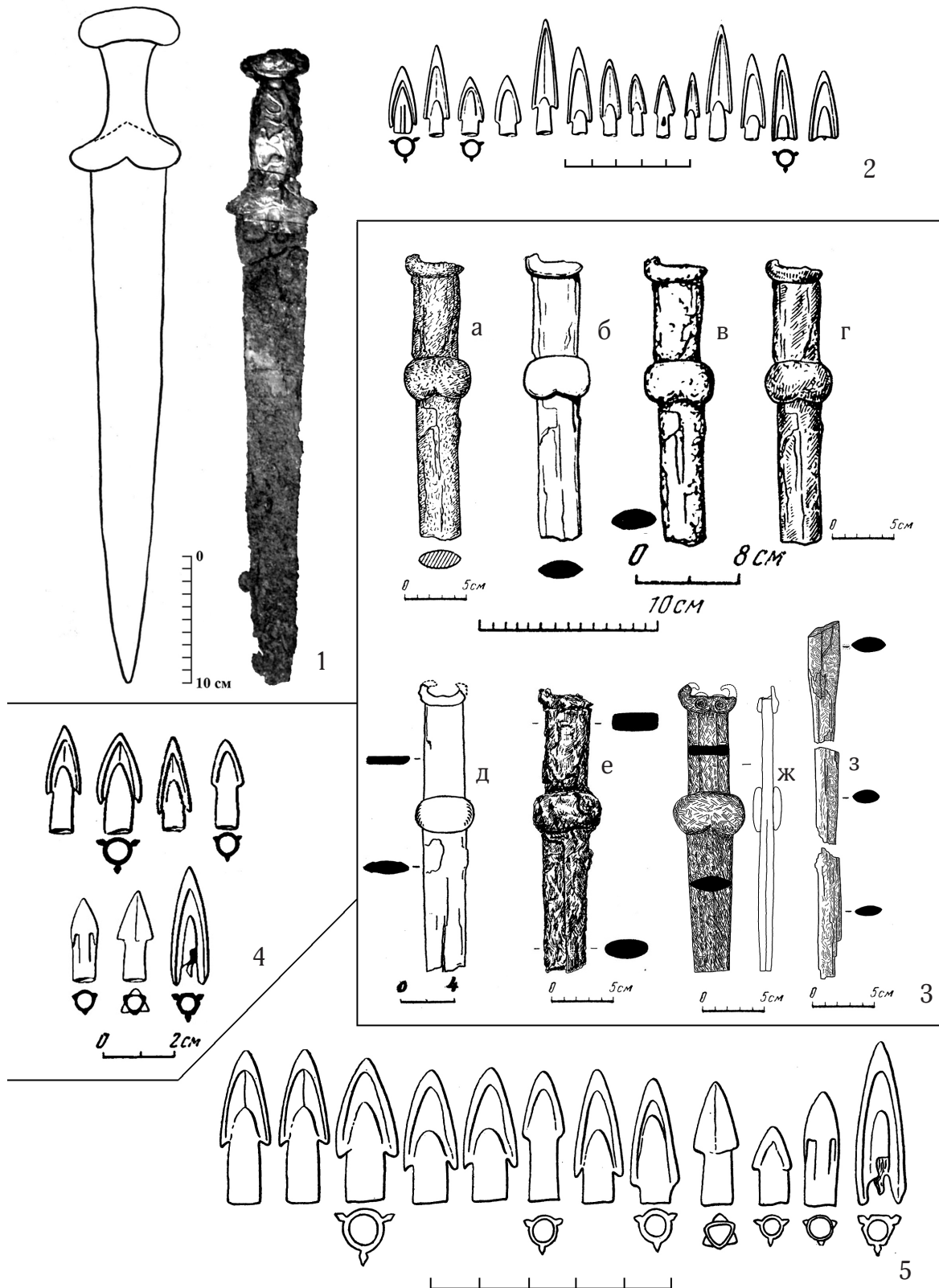
Илл. 11. 1 – контуры грабительской ямы и могилы, а также положение *in situ* костяков в кургане № 2 на Алебастровой горе 1928 г.; 2 – бронзовые втульчатые наконечники стрел из погребения в кургане № 2 на Алебастровой горе (по описи № 15 1928 г. прорисовка: Мошкова. 1963); 3 – бронзовый браслет с несомкнутыми концами (по описи № 13 1928 г. прорисовка: Мошкова. 1963); 4 – каменное пряслице (по описи № 10 1928 г. прорисовка: Мошкова. 1963); 5 – бронзовое височное кольцо с несомкнутыми концами (по описи № 3 1928 г. прорисовка: Мошкова. 1963); 6 – голубая бусина с глазками (по описи № 11 1928 г. фотография: Мошкова. 1963); 7 – железный меч из погребения в кургане № 2 на Алебастровой горе (по описи № 5 1928 г.).

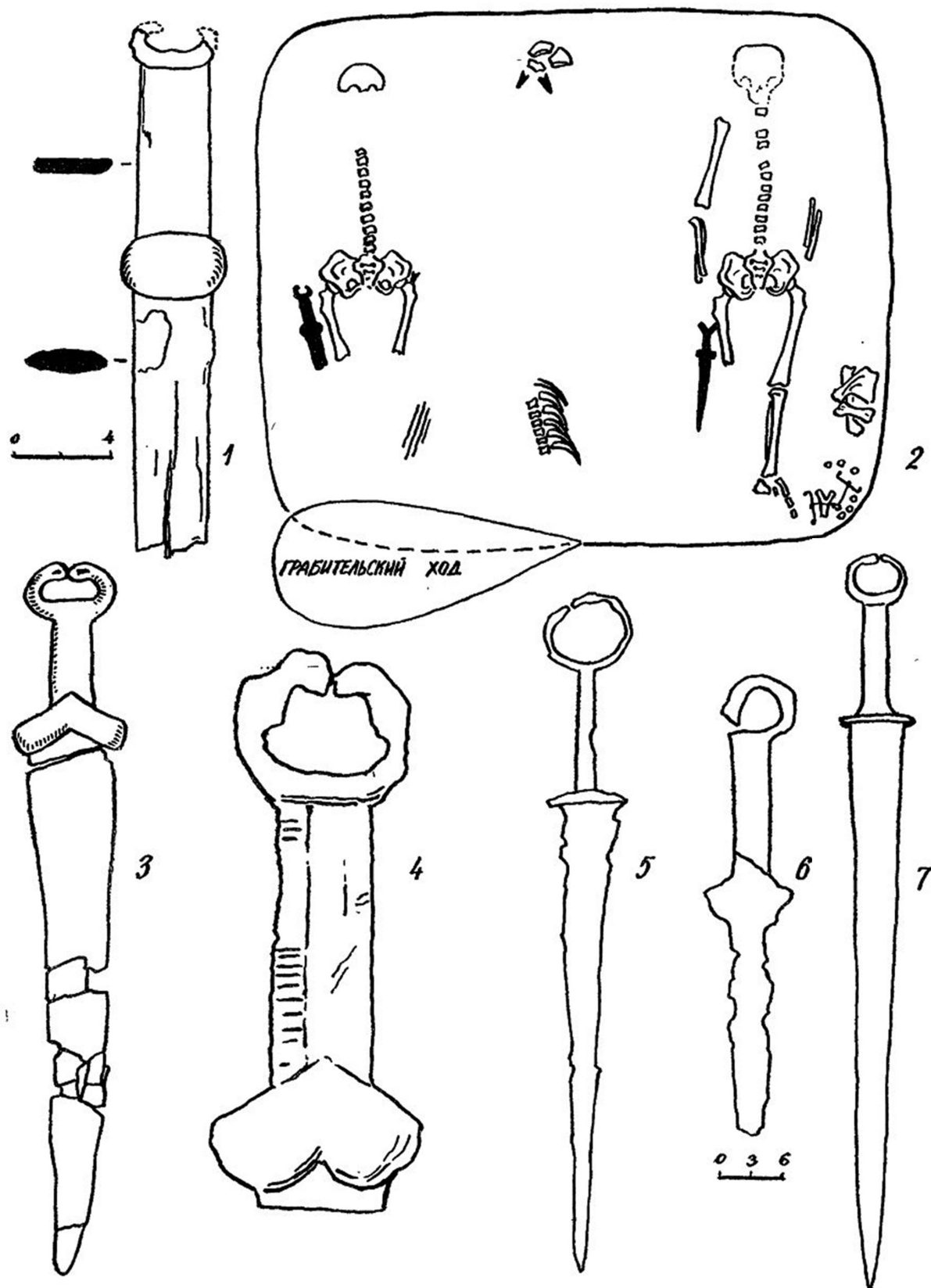
Илл. 12. 1 – схема каменной кучи над погребением в кургане № 3 на Алебастровой горе (раскопки 1928 г. Зарисовка Б.Н. Гракова); 2 – отпечаток плетня на стене погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе (Раскопки 1928 г. Зарисовка Б.Н. Гракова); 3 – план погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе (Раскопки 1928 г. Зарисовка Б.Н. Гракова); 4 – зарисовка двух уздечных наборов в ногах западного погребённого в погребении кургана № 3 (Раскопки 1928 г. Зарисовка Б.Н. Гракова); 5 – выборочная зарисовка украшений с ремней узды (по описи № 27 1928 г. Зарисовка Б.Н. Гракова); 6 – железные удила с бронзовыми зооморфными псалями из погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе (по описи № 28 1928 г. Зарисовка Б.Н. Гракова); 7 – фрагмент горла сосуда с ручкой (по описи № 19 1928 г. Зарисовка К.Ф. Смирнов. 1964); 8 – костяной псалий от второго комплекта конской узды из погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе (по описи № 29 1928 г. Зарисовка К.Ф. Смирнов. 1964); 9 – бронзовые пронизи от двух комплектов конской узды из погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе (по описи № 27 1928 г. Зарисовка К.Ф. Смирнов. 1964); 10 – бронзовые наконечники стрел из погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе (по описи № 17 1928 г. Зарисовка К.Ф. Смирнов. 1964); 11 – железный кинжал с почковидным перекрестьем и антенновидным навершием, найденном у восточного погребённого в погребении кургана № 3 на Алебастровой горе (по описи № 23 1928 г. Зарисовка К.Ф. Смирнов. 1964); 12 – три фрагмента железного клинка без рукояти и окончания клинка, найденные у западного погребённого в погребении кургана № 3 на Алебастровой горе (по описи № 24 1928 г. Зарисовка В.Ю. Зув. 2004).

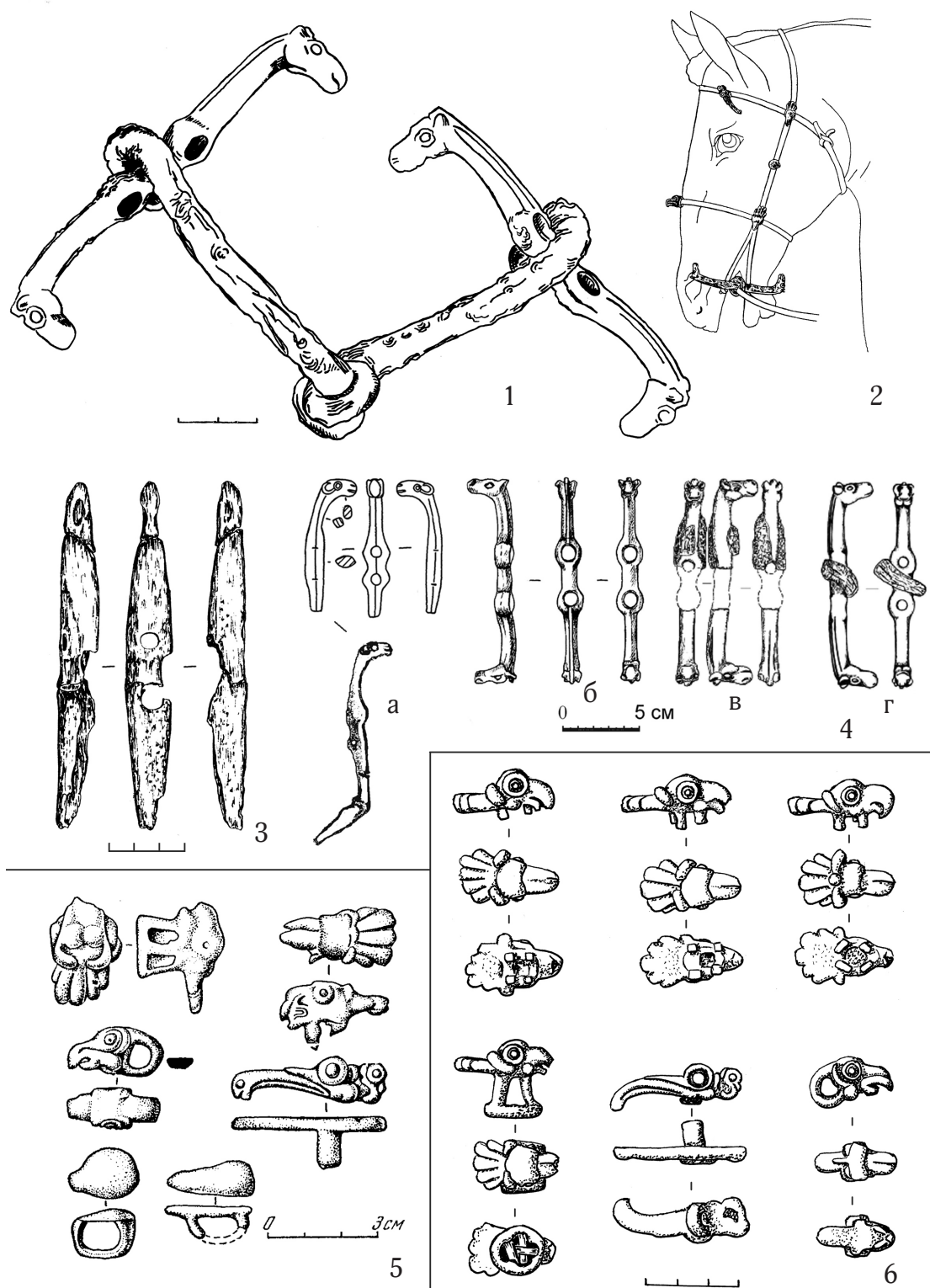
Илл. 13. 1 – план погребения в подбое кургана № 4 на Алебастровой горе (зарисовка 1928 г. Б.Н. Гракова); 2 – разрез подбоя по линии З.–В. в кургане № 4 на Алебастровой горе (зарисовка 1928 г. Б.Н. Гракова); 3 – бронзовые втульчатые и один железный черешковый наконечники стрел из погребения в кургане № 4 на Алебастровой горе (по описи № 35 1928 г. Зарисовка по: Мошкова. 1963).

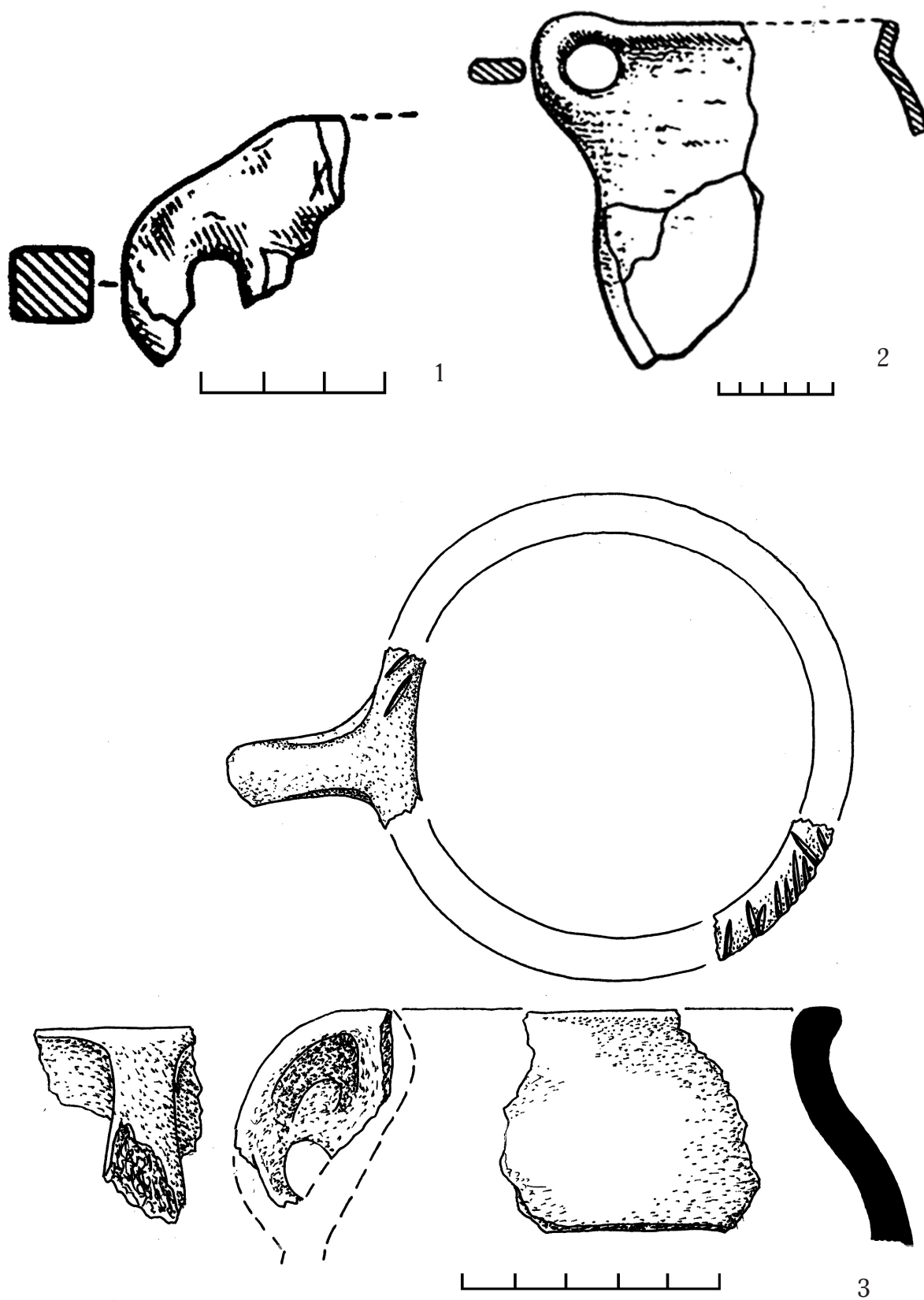
Илл. 14. 1 – сопоставление меча из кургана № 2 на Алебастровой горе (в прорисовке Б.Н. Гракова, 1928 г.) с клинком из Чертомлыкского кургана (по: Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991); 2 – бронзовые наконечники стрел из погребения в кургане № 2 на Алебастровой горе (по: Смирнов. 1961); 3 – зарисовки клинков из погребения в кургане № 3 на Алебастровой горе (а–ж – клинок восточного костяка; з – фрагменты клинка западного костяка. В едином масштабе, но с авторскими размерами): а – по: Смирнов. 1961; б – по: Смирнов, Петренко. 1963; в – по: Мошкова. 1963; г – по: Смирнов. 1964; д – по: Хазанов. 1971; е – по: Гущина, Фирсов. 2000; ж, з – по: Зуев. 2004; 4 – бронзовые наконечники стрел из кургана № 3 на Алебастровой горе (по: Мошкова. 1963); 5 – бронзовые наконечники стрел из кургана № 3 на Алебастровой горе (по: Смирнов. 1961).

Илл. 15. Этапы эволюции клинкового оружия скифо-сарматской эпохи по А.М. Хазанову (Хазанов. 2008. С. 29. Рис. 6): 1, 2 – Алабастровая гора, курган № 3; 3 – с. Осьмушкино; 4 – ст. Елизаветовская; 5 – с. Чумляк; 6 – Крестовая гора; 7 – Марычевка.

Илл. 16. 1 – железные удила с бронзовыми псалиями с головками коней на концах от конской узды, лежавшей в ногах западного костяка в погребении кургана № 3 на Алебастровой горе (зарисовка Б.Н. Гракова, 1928 г.); 2 – реконструкция этой уздечки с бронзовыми зооморфными пряжками (по: Смирнов. 1961. С. 146. Рис. 44, б); 3 – костяной псалий от второго комплекта уздечки с железными удилами, лежавшего в ногах западного костяка в погребении кургана № 3 на Алебастровой горе (по: Гуцина, Фирсов. 2000. С. 18. Рис. 3, 2); 4 – бронзовые двудырчатые псалии с головками коней: а – из кургана у с. Хитцы на р. Удай в Посулье, Украина, из раскопок графа А.А. Бобринского (по: Могилов. 2008. С. 286. Рис. 71, 4); б – из кургана № 16 могильника Кырык-Оба II, раскопки С.Ю. Гуцалова; в – из кургана № 1 могильника Илекшар I, раскопки С.Ю. Гуцалова; г – из кургана № 5 могильника Илекшар I, раскопки С.Ю. Гуцалова (по: Мышкин. 2020. С. 65. Рис. 2, 3–5); 5 – бронзовые пряжки уздечного набора из кургана № 3 на Алебастровой горе (по: Мошкова. 1963.); 6 – бронзовые пряжки с головками грифонов уздечного набора из кургана № 3 на Алебастровой горе (по: В.Ю. Зуеву).

Илл. 17. 1 – фрагмент венчика сосуда с ручкой из кургана № 3 на Алебастровой горе (по: Смирнов. 1964. С. 334. Рис. 40, 1, з); 2 – графическая реконструкция этого горшка (по: Мошкова. 1963. С. 48. Табл. 5, 23); 3 – графическая реконструкция сосуда из кургана № 3 (по: В.Ю. Зуев).

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ИШКИНИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

© 2021 В.В. Ткачев, О.Ф. Бытковский

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания № АААА-А21-121011190016-1 «Проблемы степного природопользования в условиях современных вызовов: оптимизация взаимодействия природных и социально-экономических систем» и проекта РНФ № 18-18-00137 «Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжских и Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа».

Аннотация. В статье публикуются материалы четырех погребений раннего железного века, полученные в результате археологических исследований в Гайском районе Оренбургской области. Анализ конструктивных особенностей погребальных конструкций, элементов обряда и сопутствующего инвентаря позволил определить хронологический диапазон совершения данных захоронений в рамках конца VI – V в. до н.э.

Ключевые слова: Восточное Оренбуржье, курган, ранний железный век, кочевники, сарматское время, погребение, сосуды, бронзовые наконечники стрел.

MATERIALS FROM EARLY NOMADIC BURIALS ISHKININSKY ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT IN EASTERN ORENBURG

© 2021 V.V. Tkachev, O.F. Bytkovskiy

Abstract. The purpose of this article is to introduce the materials of the Early Iron Age burials obtained as a result of archaeological research in the Gayskiy district of the Orenburg region into scientific circulation. Analysis of the structural features of burial structures, elements of the rite and funeral stock made it possible to determine the chronological range of these burials within the framework of the end of the VI – V centuries BC.

Keywords: Eastern Orenburg region, burial mound, Early Iron Age, nomads, Sarmatian time, burial, vessels, bronze arrowheads.

Летом 1998 г. совместной экспедицией Орского историко-краеведческого музея, Института степи УрО РАН и Орского гуманитарно-технологического института проводились археологические исследования трех курганных групп в окрестностях пос. Ишкинино в Гайском районе Оренбургской области. Могильники Ишкиновка I–III располагались на правом берегу р. Сухая Губерля, в 6–9 км выше по течению от пос. Ишкинино (илл. 1, 1).

В 1991 г. краеведом из г. Новотроицка Р.Н. Ацевым был обнаружен могильник, располагавшийся в 6 км вверх по течению р. Сухая Губерля, в устье ее правого притока ручья Жериклинский, названный позже Ишкиновка I. Сведения об этом памятнике, а также об Ишкининском руднике он сообщил сотрудникам Орского историко-краеведческого музея. В ходе археологической разведки

О.Ф. Бытковский, кроме того, открыл поселение эпохи бронзы в районе Ишкининского рудника (Бытковский, 1999). Указанные объекты в 1992 г. были включены в реестр памятников археологии Оренбургской области.

В октябре 1996 года В.В. Ткачевым были произведены рекогносцировочные раскопки каменной ограды 4 в могильнике Ишкиновка I (Ткачев, 1997). Тогда же, в 2 км вверх по течению р. Сухой Губерли, зафиксирован еще один курганный могильник, названный Ишкиновка II. В 1998 г. в результате обследования памятников Ишкининского археологического микрорайона и проведения стационарных археологических раскопок указанных некрополей возникла необходимость выделения группы курганов в 3 км выше по течению от могильника Ишкиновка I в самостоятельный могильник Ишкинов-

ка III с проведением детальной инструментальной съемки описываемых некрополей.

Целью археологических раскопок могильников Ишкиновка I–III было получение исходной информации для решения вопросов определения культурной принадлежности, периодизации и хронологии памятников Ишкининского археологического микрорайона, приуроченного к древним горным выработкам в зоне локализации медесодержащих минералов.

В результате проведенных работ в могильниках Ишкиновка I–III были получены материалы, характеризующие динамику культурных трансформаций в данном районе, начиная с эпохи ранней бронзы и заканчивая ранним железным веком. В общей сложности было исследовано 8 курганов, содержащих более 57 разновременных и разнокультурных погребений, основная масса которых относилась к различным стадиям эпохи бронзы (Ткачев, 2005; 2011). Раннекочевнический материал был выявлен в трех погребениях могильника Ишкиновка I и в одном погребении могильника Ишкиновка III.

Целью данной статьи является введение в научный оборот археологических материалов раннего железного века из указанных могильников.

Могильник Ишкиновка I, курган № 2.

На момент раскопок курган № 2 представлял собой округлую в плане земляную насыпь полусферической формы со слегка уплощенной вершиной диаметром 30 м и высотой 1,1 м. По периферии насыпи на поверхности прослеживались камни, образующие окружность. В северо-западном секторе центральной части кургана отмечено небольшое возвышение и зафиксирована концентрация выступающих над поверхностью камней в виде наброски подпрямоугольной в плане формы, ориентированной в широтном направлении, размерами 10×8 м (илл. 1, 2).

Курган раскапывался вручную методом кольцевых траншей с оставлением двух перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света.

Под насыпью располагалась конструкция в виде кольцевой ограды диаметром около 20 м из крупных камней, выполнявшая функцию крепиды, удерживающей от разрушения грунтовое сооружение над основными погребениями (илл. 1, 2–4).

В центре подкурганной площадки были выявлены пять разновременных захоронений, два из которых относились к эпохе бронзы (№ 1, 3) и три впускные могилы (№ 2, 4, 5) раннего железного века (илл. 2). С последними соотносится каменная наброска на поверхности грунтовой насыпи (илл. 1, 2). Под гумусным слоем в центральной части насыпи найдены: бронзовый трехлопастной наконечник с выступающей втулкой и несколько мелких фрагментов керамики, которые по морфологическим характеристикам можно отнести к РЖВ (илл. 1, 5, б).

Погребение № 2 (впускное) располагалось в центре кургана с небольшим смещением к северу (илл. 2, 1). Заполнение могилы представляло собой каменную забутовку. Погребение № 2 прорезало своей юго-восточной стенкой северо-восточный угол основного погребения № 3 и почти полностью перекрывало впускное погребение 5, контуры которого удалось проследить ниже уровня дна описываемой могилы (илл. 3, 1). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами размерами 2,3×1,45 м была ориентирована длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ. В насыпи могильной ямы на различных уровнях встречались костные останки и часть инвентаря из разрушенных в процессе свершения обряда погребений №№ 3, 5 (илл. 3, 2–5).

На дне могильной ямы лежал скелет взрослого человека в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, кисть правой руки покоилась на бедре, череп слегка развернут влево и наклонен к груди, что объясняется, по всей видимости, тем обстоятельством, что под голову покойного в момент захоронения был подложен какой-то предмет, что вызвало вторичное смещение черепа. Ступни отсутствовали (илл. 3, 1). В восточном углу могилы расчищены фрагмент челюсти, фаланга пальца, малая берцовая кость, ребра и обломок трубчатой кости человеческого скелета вперемешку с камнями. В центральной части могилы, справа от костяка, обнаружена бедренная кость взрослого индивида. Указанные костные останки, вероятно, связаны с разрушенным погребением № 5. У восточной торцевой стенки могилы в сочленении с сохранением анатомического порядка фактически *in situ* зафиксированы не тронутые в ходе совершения захоронения № 2 ступни погребенного из

разрушенной могилы № 5 (илл. 3, 1). У северной стенки расчищена лопатка овцы, под которой прослежено пятно органического тлена неправильной формы размерами 30×30 см. Фрагменты ребер и позвонков овцы были обнаружены также среди развала глиняного сосуда 2, у той же стенки могильной ямы. Инвентарь представлен следующими предметами:

– Колчаный набор – у правого плеча костяка. Состоял из 15 бронзовых наконечников стрел, у большинства которых сохранились остатки древков. В наборе присутствуют два наконечника с внутренней втулкой, один из которых трехлопастной (илл. 3, 17), второй – трехгранный (илл. 3, 16), остальные – трехлопастные с внешней втулкой (илл. 3, 6–14, 18–21).

– Фрагмент железного колчанного крючка, изготовленного из округлого в сечении прута диаметром до 1 см (илл. 3, 15). Лежал рядом с колчаным набором у правого плеча костяка.

– Бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой найден в окислах колчанного крючка (илл. 3, 15).

– Костяная ложечка, выполненная из лопатки животного, – рядом с колчаным набором, у правого плеча костяка. Длина сохранившейся части изделия около – 10,2 см (илл. 3, 22).

В центральной части могильной ямы, у северной стенки располагались развалы двух лепных глиняных сосудов:

– Сосуд 1 яйцевидной формы с короткой шейкой, отогнутым наружу венчиком, плоским вогнутым дном. Поверхность бледно-оранжевого цвета с серо-коричневыми пятнами, в верхней части тулова присутствуют следы бледно-серого ангоба. Высота сосуда – 24,3 см, диаметр дна – 14,6 см, тулова – 21,5 см, венчика – 11,4 см. Глиняное тесто плохо отмучено и перемешано, в формовочной массе примесь шамота (илл. 3, 23).

– Сосуд 2 плавнопрофилированный плоскодонный горшок с короткой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком. Поверхность оранжево-красного с коричневыми пятнами цвета. Высота сосуда – 26,2 см, диаметр дна – 12,8 см, тулова – 23,6 см, венчика – 12,8 см. Глиняное тесто рыхлое, расслаивается, в формовочной массе примесь шамота и дресвы (илл. 3, 24).

Погребение № 4 (впускное) выявлено в северо-западном секторе центральной части раскопа, в

5,5 м к ЗСЗ от условного центра кургана (илл. 2, 1). Могильная яма подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами длиной 2,0 м и шириной 0,9 м была ориентирована длинными сторонами по линии ССВ-ЮЮЗ. Могила, вероятно, ограблена. На дне у северной торцевой стенки бессистемно лежали кости человека (ребра, челюсть, трубчатые кости) и ребра овцы (илл. 4, 1). В этой части погребения среди хаотичного скопления костных останков были сделаны следующие находки:

– Две фаянсовые цилиндрические бусины белого цвета. Диаметр бусин составлял 0,2 см и 0,15 см (илл. 4, 2, 3).

– Фаянсовая пронизь белого цвета. Длина изделия – 0,8 см, диаметр – 0,4 см (илл. 4, 5).

– Бронзовая пронизь, изготовленная из свернутой пластины толщиной 0,1 см. Длина изделия – 0,5 см, диаметр – 0,5 см (илл. 4, 6).

– Бронзовая серьга в виде согнутого в полтора оборота колечка, изготовленного из круглой в сечении проволоки диаметром 0,15 см. Диаметр изделия – 1,4 см (илл. 4, 4).

В центральной части могильной ямы у западной стенки *in situ* сохранились отдельные предметы погребального инвентаря:

– Сосуд лепной яйцевидной формы с плоским дном, плавным профилем тулова, короткой вогнутой шейкой и отогнутым наружу венчиком с округлым срезом. Высота сосуда – 20,4 см, диаметр дна – 9,7 см, тулова – 18,8 см, венчика – 13,5 см. Сосуд изготовлен из хорошо отмученного глиняного теста с примесью шамота и кальцитов. Обжиг неравномерный, поверхность оранжево-коричневого цвета с черными пятнами, в изломе черепок черный (илл. 4, 8).

– Фрагмент круглого бронзового зеркала. Размеры изделия – 7,2×6,5 см, толщина – 0,2 см. Предмет был сломан в древности, вероятно, в ритуальных целях. В захоронение преднамеренно помещен лишь сегмент, состоящий из двух обломков (илл. 4, 7).

Погребение № 5 (впускное) располагалось в центре кургана с небольшим смещением к северу, практически полностью было перекрыто и разрушено захоронением № 2 (илл. 2, 1). Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами размерами 2,4×1,6 м была ориентирована длинными сторонами по линии ЗЮЗ-ВССВ. Ниже уровня дна погребения № 2 были расчищены раз-

розненные кости человеческого скелета: трубчатые, фаланги пальцев, нижняя челюсть, ребра, позвонки и пр., сосредоточенные преимущественно в центральной и восточной частях могилы (илл. 5, 1). По всей видимости, погребенный лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой на запад, о чем свидетельствуют находки фаланг пальцев ног на дне могилы, но еще более отчетливо на это указывает положение сохранившихся *in situ* ступней и их локализация у восточной стенки могильной ямы (илл. 3, 1).

При расчистке погребения № 2 (в заполнении на различных уровнях) были обнаружены переотложенные предметы, которые, по всей видимости, входили в состав погребального инвентаря погребения № 5 (илл. 3, 2–5), разрушенного в ходе совершения более позднего захоронения:

– Три бронзовых трехлопастных наконечника стрел с выступающей втулкой (илл. 3, 3–5). Найдены в верхних слоях заполнения погребения № 2, среди камней.

– Фрагмент биметаллического предмета, являвшегося деталью железной застежки или петли для бронзового изделия, возможно, колчанного крючка (илл. 3, 2). Также выявлен в верхних слоях заполнения погребения № 2, среди камней.

– Набор из 5 бронзовых трехлопастных наконечников стрел найден у северной стенки, в заполнении ниже сосуда 1 погребения № 2. Один из них имел внутреннюю втулку, а четыре других были снабжены выступающей втулкой, причем один экземпляр характеризуется пулевидной формой с едва выступающими лопастями (илл. 5, 2–6).

– Бронзовый трехгранный наконечник стрелы с внутренней втулкой (илл. 5, 8). Зафиксирован в заполнении погребения № 2, у западной торцевой стенки.

– Бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с ромбическим пером и длинной выступающей втулкой (илл. 5, 7). Найден в заполнении погребения № 2, у западной торцевой стенки.

– Обломок лезвия железного однолезвийного ножа размерами 2,7×1,9 см (илл. 5, 9). Обнаружен у западной торцевой стенки.

Могильник Ишкиновка III, курган № 3.

Исследованный курган располагался на периферии могильника в 250 м к северо-востоку от кургана № 1. Округлая в плане земляная насыпь оплывшей уплощенной формы диаметром 22 м по

северному склону имела высоту 1 м, по южному 0,54 м. У южной подошвы кургана визуально фиксировался ровик в виде небольшого понижения порядка 0,15 м шириной до 4 м и протяженностью около 18 м.

Раскопки кургана проводились вручную. Для получения стратиграфических данных были оставлены одна меридиональная и три широтные бровки шириной до 0,4 м, одна из которых проходила через условный центр кургана, дополнительные – в 6 м к северу и югу от центральной. С целью получения дополнительной информации в центральной части кургана были оставлены еще две вспомогательные меридиональные бровки, в результате чего центр насыпи был разбит на четыре квадрата размерами 6×6 м.

Под насыпью было выявлено четыре погребения эпохи бронзы (№ 1–3, 5) и одна впускная могила (№ 4) раннего железного века.

Погребение № 4 (впускное) располагалось в центральной части кургана. Могила имела катакомбную конструкцию. Меридионально ориентированная входная яма размерами 1,8×1,25 м прорезала основное погребение № 3. Глубина входной ямы составляла 1,75 м от нулевой отметки. В южной торцевой стенке была вырублена широтно ориентированная погребальная камера размерами 1,5×1,1 м, располагавшаяся перпендикулярно к входной яме. Вход в катакомбу был оформлен в виде ступеньки высотой 0,37 м, в результате чего дно погребальной камеры фиксировалось на глубине 2,12 м от нуля, высота свода составляла около 0,4 м (илл. 5, 10). Данное погребение, к сожалению, было полностью ограблено, никаких находок ни во входной яме, ни в погребальной камере сделано не было.

В верхних слоях насыпи был найден сильно коррозированный железный предмет (илл. 5, 11), который, по нашему мнению, можно связать с исследованным погребением.

Таким образом, захоронения, выявленные в кургане № 2 могильника Ишкиновка I, составляли два последовательных стратиграфических горизонта, связанных с функционированием насыпи в раннем железном веке. Первоначальная конструкция была сооружена в позднем бронзовом веке над двумя погребениями № 3 и № 1 алакульской культуры. Она представляла собой земляную насыпь, обнесенную кромлехом (кольцевой оградой)

из массивных каменных плит. Спустя тысячелетие, уже в раннем железном веке, в этот курган было совершено впускное захоронение № 5. Несколько позже эту могилу перекрыло другое впускное погребение № 2, забутованное камнями.

Еще одно погребение № 4 с аналогичной структурой засыпи могилы было впущено в полу насыпи. После этого над указанными погребениями была сделана досыпка в виде каменной наброски подквадратных в плане очертаний, создавшая своеобразный «панцирь» на поверхности кургана. Данная группа захоронений, исходя из особенностей обряда и вещевых комплексов, относится к савроматской эпохе и может быть датирована концом VI – V в. до н.э. (Смирнов, 1964).

Данные курганной стратиграфии свидетельствуют о том, что наиболее раннюю хронологическую позицию занимает погребение № 5, поскольку оно, прорезав основную могилу № 3, практически полностью было разрушено впускным погребением № 2. Ранней дате этого захоронения не противоречат архаичные черты погребального обряда и характер сопровождающего инвентаря, типичные для памятников региона конца VI в. до н.э. Простая прямоугольная могильная яма с закругленными углами, вытянутое на спине положение костяка, ориентировка погребенного головой на запад относятся к числу ранних элементов обряда. Кроме того, обращает на себя внимание стремление устроителей ритуала использовать погребальную конструкцию предшествующего времени с кольцевой каменной кладкой, которая обрамляла грунтовое сооружение. Такого рода кольцевые сооружения из камня или глины часто присутствуют в насыпях курганов данного периода (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 3).

С погребением № 5, видимо, можно связать серию бронзовых наконечников стрел, зафиксированных на дне самой могилы, в насыпи погребения № 2 и насыпи кургана. Они достаточно разнообразны. В коллекции присутствуют трехлопастные наконечники с внешней и внутренней втулкой, имеющие сводчатые и треугольные головки. Один наконечник с очень маленькой головкой и едва выступающими лопастями близок трехгранным изделиям этой категории. Наибольший интерес представляет находка двухлопастного наконечника с длинной втулкой и ромбическим пером. Представленные в коллекции типы наконечников харак-

терны для памятников конца VI в. до н.э. Южного Приуралья и Восточного Оренбуржья (Смирнов, 1961. Табл. I, В; II, Б). Обломок биметаллического бронзово-железного предмета, по всей видимости, является фрагментом петли колчанного крючка и вписывается в круг типичных для памятников этого времени находок (Смирнов, Петренко, 1963. Рис. 10). Следует также указать на то, что в насыпи кургана был обнаружен обломок горловины глиняного сосуда с трубчатым носиком-сливом, который, вероятно, тоже происходит из разрушенного погребения № 5. Это хорошо согласуется с предполагаемой датой захоронения, поскольку указанный фрагмент глиняной емкости в наибольшей степени соответствует морфологическим характеристикам сосудов отдела VI по типологии К.Ф. Смирнова (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 8, 37).

Несколько более поздним временем датируются, по всей видимости, погребения №№ 2, 4 из рассматриваемого кургана, на что недвусмысленно указывают стратиграфические наблюдения. Синхронность этих захоронений косвенно подтверждается тем обстоятельством, что обе могилы имели идентичную структуру засыпи с каменной забутовкой и были перекрыты единой досыпкой в виде «панциря» на поверхности первичной насыпи. Погребения совершены в прямоугольных ямах со скругленными углами. В могиле № 2 скелет покоился в вытянутом положении на спине головой на восток. Яма № 4 была ориентирована длинными сторонами по линии С-Ю. Несмотря на то, что погребение было нарушено, можно предполагать южную ориентировку скелета. Перечисленные признаки соответствуют погребальным стандартам ранних кочевников региона второй половины V в. до н.э., когда спорадически начинает фиксироваться южная ориентировка, которая канонизируется к IV в. до н.э. в период расцвета прохоровской культуры (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 2; 3).

Инвентарные наборы из обсуждаемых захоронений хорошо согласуются с отмеченными признаками погребального обряда. В погребении № 2 обнаружен колчаный набор, включавший 15 бронзовых трехлопастных наконечников стрел, два из которых имели внутреннюю втулку, остальные 13 – выступающую. Относительно более поздний возраст данного комплекта наконечников подтверждает практически полное отсутствие изделий со сводчатой головкой и превалирование предме-

тов с треугольной вытянутой головкой, которые в то же время сохраняют достаточно крупные размеры, в отличие от грацильных прохоровских наконечников IV в. до н.э. (Смирнов, 1961. Табл. II, В). Находки фрагмента железного колчанного крючка, костяной ложечки и двух плоскодонных сосудов являются дополнительным аргументом в пользу предложенной датировки комплекса (Смирнов, 1961. Рис. 10). Глиняные плоскодонные сосуды из этой могилы относятся к отделу IV горшков с яйцевидным туловом и отогнутым венчиком и в полной мере соответствуют стандартам лепной керамики из погребений V в. до н.э. (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 8, 15, 17).

Предметы из периферийного погребения 4 тоже укладываются в отрезок времени, не выходящий за рамки V в. до н.э. Наиболее информативной находкой для определения культурно-хронологической позиции этого захоронения является плоскодонный глиняный сосуд с отогнутой наружу горловиной. Он находит ближайшие аналогии среди керамики отдела IV (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 8, 13). Обломок бронзового зеркала лишен датирующих признаков.

Бронзовые и фаянсовые украшения, представленные пронизьями и колечком с заходящими концами, также имеют широкий диапазон бытования в раннем железном веке.

Помимо описанных комплексов с эпохой раннего железа, возможно, связано совершение в кургане № 3 могильника Ишкиновка III впускного погребения № 4, разрушившего основную могилу № 3. Могильная яма имела катакомбную конструкцию, но костные останки и инвентарь отсутствовали. Не исключено, что с этим погребением связана находка в насыпи кургана железного предмета неизвестного назначения.

Следует также отметить, что ранним железным веком, вероятно, датируется еще ряд памятников в Ишкининском археологическом микрорайоне. Судя по топографической приуроченности, конструктивным и морфологическим особенностям курганов, к этому времени относятся могильники Ишкиновка V и курган Ишкиновка VII, расположенные, соответственно, рядом с могильниками Ишкиновка I и II. Стандартам раннего железного века соответствует часть расположенных на возвышенной площадке первой надпойменной террасы правобережья р. Сухая Губерля курганов и находка каменной стелы в могильнике Ишкиновка III. К эпохе раннего железа, несомненно, относятся курганные могильники Камейкино I и Ишкиновка VIII. Таким образом, можно констатировать перспективность дальнейшего изучения памятников раннего железного века Ишкининского археологического микрорайона в среднем течении реки Сухая Губерля.

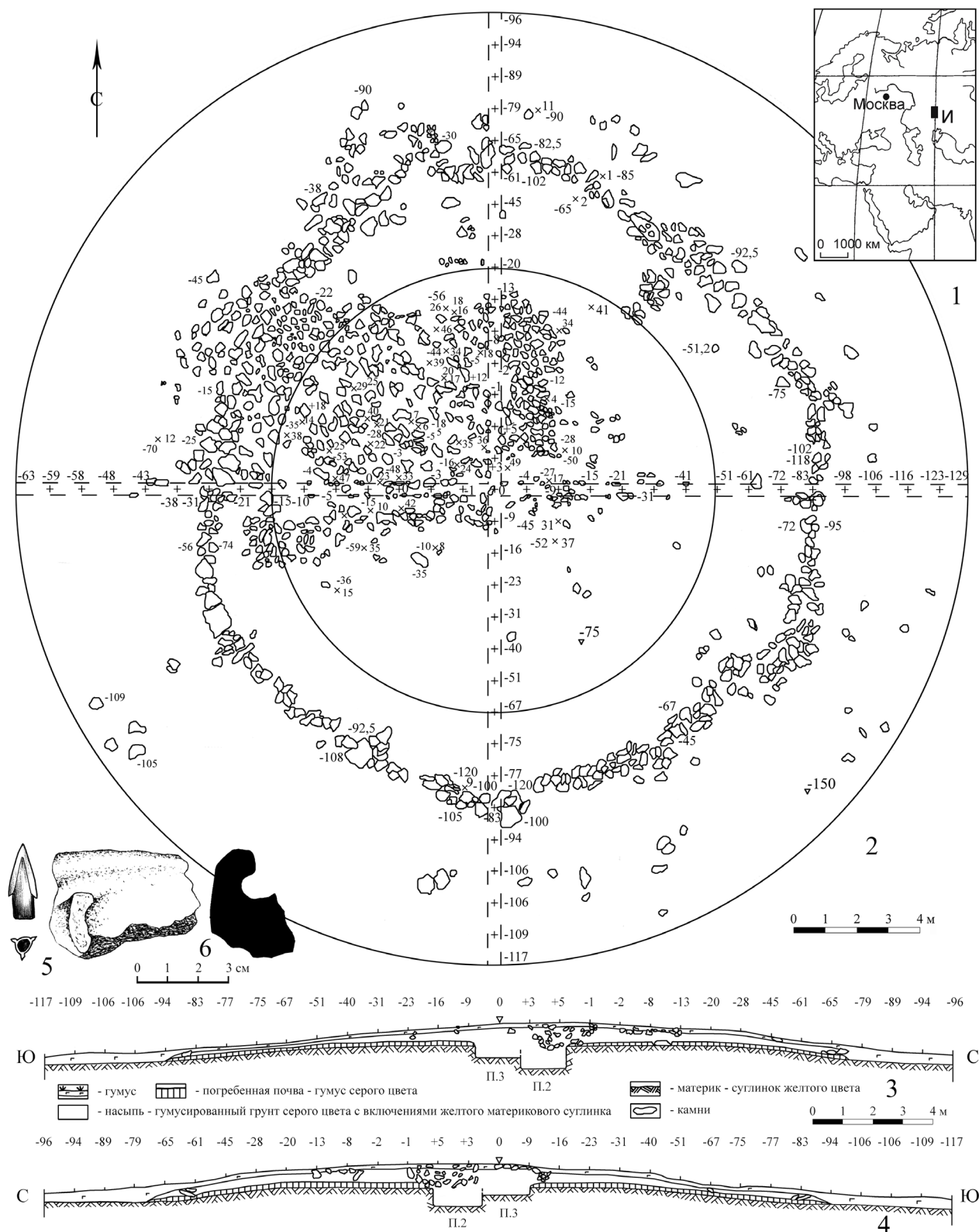
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бытковский О.Ф. 20 лет поиска // Исторический вестник «Нам 60»: сборник материалов. Орск: Орский краеведческий музей, 1999. С. 8–10.
Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 166 с.
Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1–9. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 40 с.
Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
Ткачев В.В. Раскопки в Восточном Оренбуржье // Археологические открытия 1996 года. М.: ИА РАН,

1997. С. 285–286.

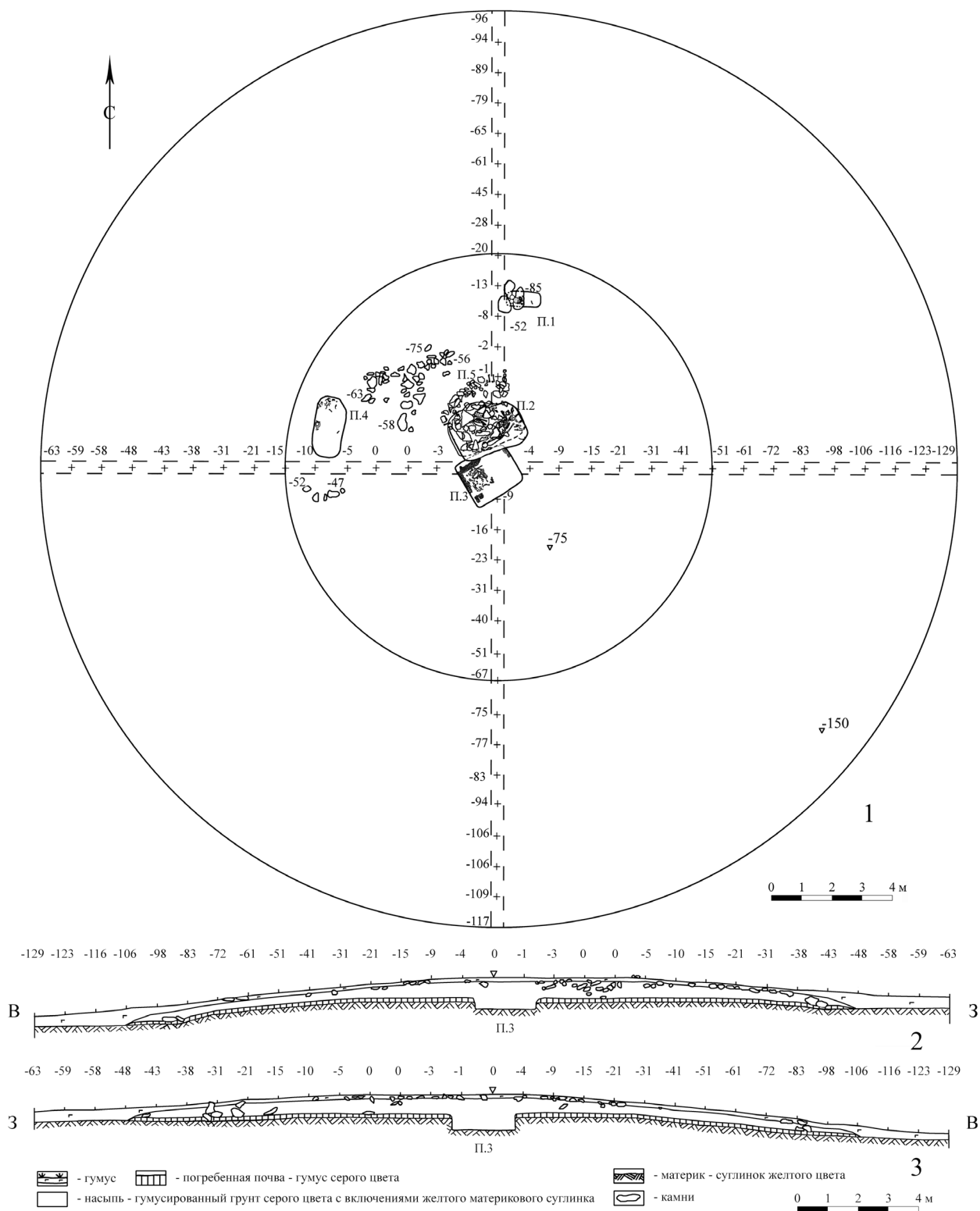
Ткачев В.В. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: сб. науч. ст. / Под ред. А.А. Бисембаева. Уральск: ГККП Западно-Казахстанский обл. центр истории и археологии, 2005. Вып. 4. С. 182–198.

Ткачев В.В. Ишкининский археологический микрорайон эпохи бронзы: структура, периодизация, хронология // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 220–230.

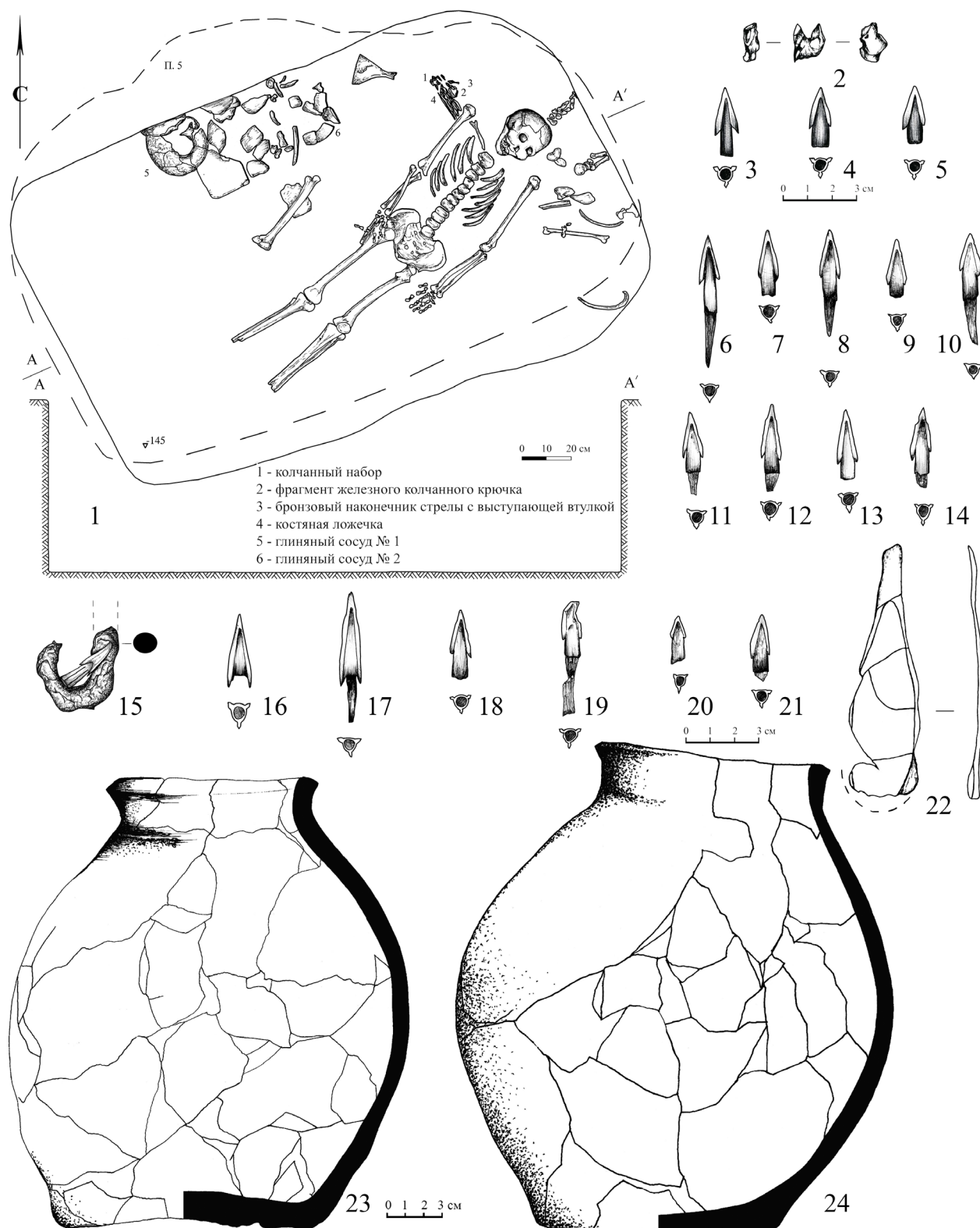
Илл. 1. Могильник Ишкиновка I, курган 2.

1 – район локализации Ишкининского археологического микрорайона на карте Северной Евразии; 2 – план кургана после расчистки каменных конструкций; 3 – профиль меридиональной бровки, восточный фас; 4 – профиль меридиональной бровки, западный фас; 5–6 – находки раннего железного века из насыпи кургана: 5 – бронза, 6 – керамика.

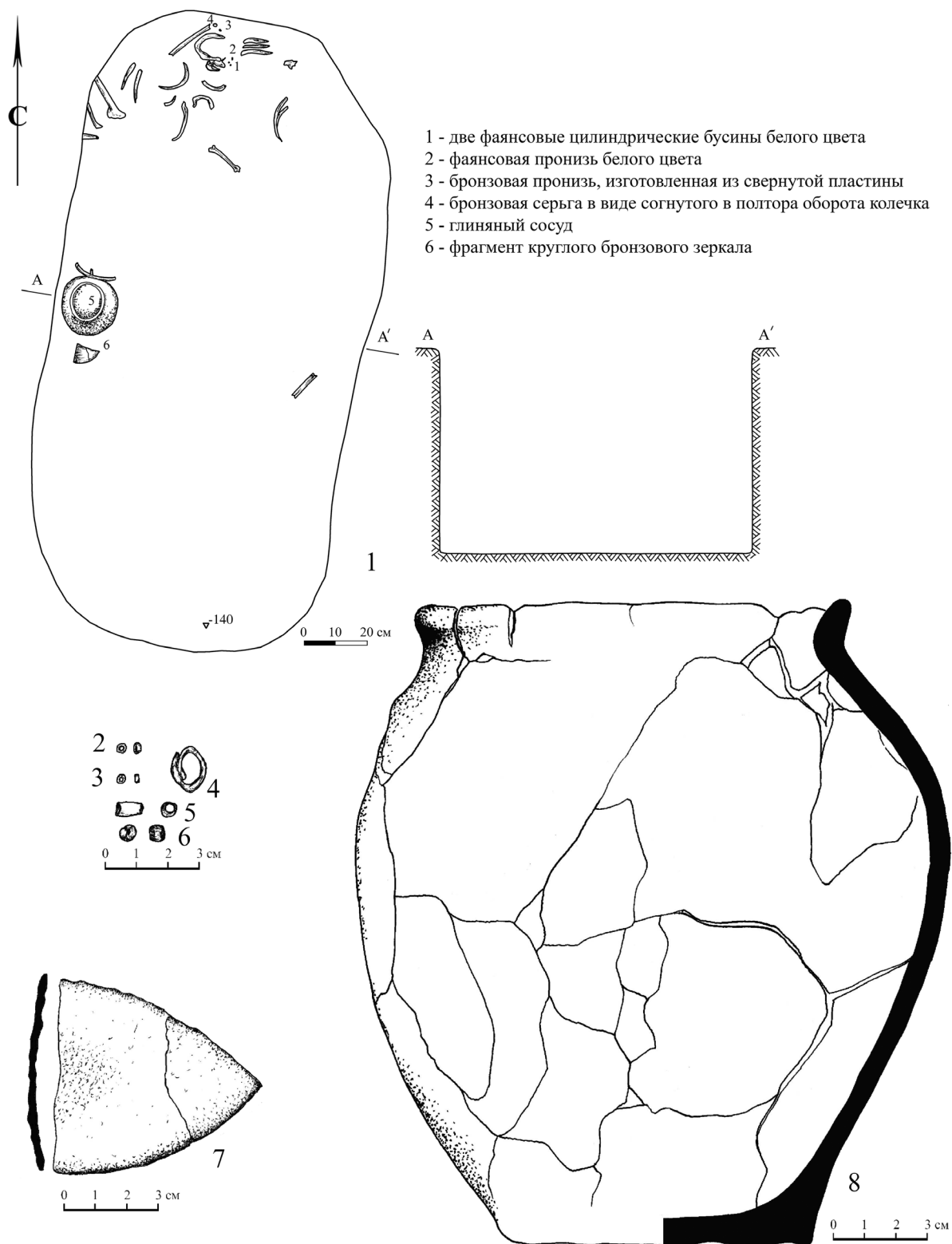
Илл. 2. Могильник Ишкиновка I, курган 2.

1 – план кургана после снятия насыпи; 2 – профиль широтной бровки, северный фас; 3 – профиль широтной бровки, южный фас.

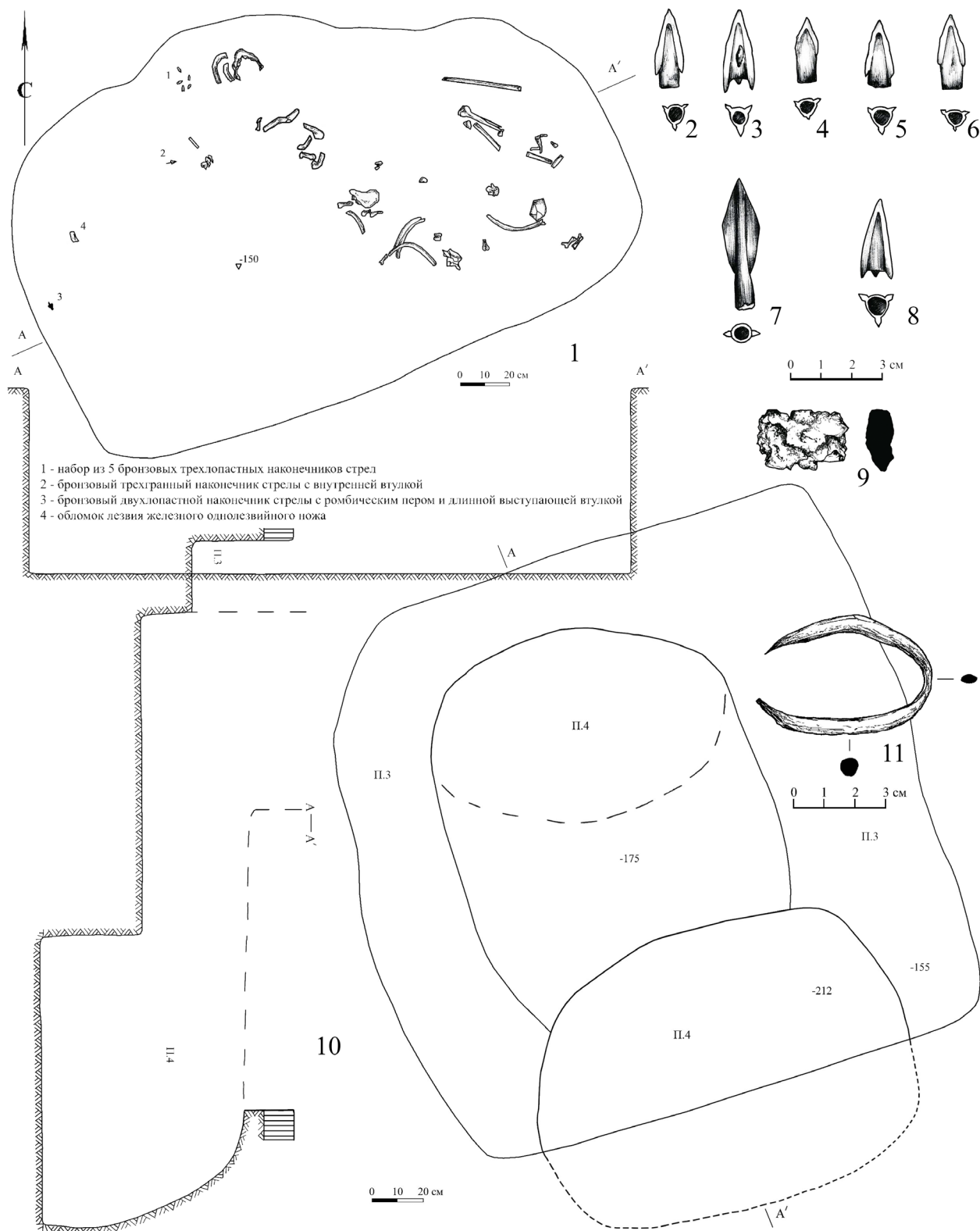
Илл. 3. Могильник Ишкиновка I, курган 2.

1 – план и разрез погребения № 2; 2–5 – находки из засыпи могильной ямы: 2 – железо, бронза, 3–5 – бронза; 6–24 – инвентарь погребения № 2: 6–14, 16–21 – бронза, 15 – железо, 23, 24 – керамика.

Илл. 4. Могильник Ишкиновка I, курган 2.

1 – план и разрез погребения № 4; 2–8 – инвентарь погребения № 4: 2, 3, 5 – фаянс; 4, 6, 7 – бронза, 8 – керамика.

Илл. 5. Материалы могильников Ишкиновка I (1–9) и Ишкиновка III (10, 11).

Могильник Ишкиновка I, курган 2: 1 – план и разрез погребения № 5; 2–9 – инвентарь погребения № 5: 2–8 – бронза, 9 – железо. Могильник Ишкиновка III, курган 3: 10 – план и разрез погребения № 4; 11 – железный предмет из насыпи кургана.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ САВРОМАТСКОГО И РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2021 А.А. Хохлов, В.Н. Мышкин

Аннотация. В статье приводятся антропологические материалы и представлены характеристики черепов из погребений савроматского и раннесарматского времени, исследованных на территории Самарского Поволжья. Краниологические источники рассмотрены в контексте проблем морфологической изменчивости облика кочевников эпохи раннего железа, происхождения составляющих их общности компонентов, автохтонной или иммиграционной природы, возможности взаимодействия культур кочевников с местными оседлыми группами населения.

Ключевые слова: ранний железный век, Самарское Поволжье, кочевники, савроматы, ранние сарматы, краниологические материалы.

CRANIOLOGICAL MATERIALS FROM BURIALS OF THE SAVROMATION AND EARLY SARMATIAN PERIODS ON THE TERRITORY OF THE SAMARA VOLGA

© 2021 A.A. Khokhlov, V.N. Myshkin

Abstract. The article presents anthropological materials and the characteristics of skulls from burials of the Savromation and Early Sarmatian times, studied on the territory of the Samara Volga region. Craniological sources are considered in the context of the problems of the morphological variability of the appearance of the nomads of the Early Iron Age, the origin of their common components, autochthonous or immigration nature, the possibility of interaction of nomadic cultures with local sedentary groups of the population.

Keywords: Early Iron Age, Samara Volga region, nomads, Savromations, Early Sarmatians, craniological materials.

Антропологические материалы, полученные при исследовании погребений савроматского и раннесарматского времени на территории Самарского Поволжья, уже рассматривались в ряде статей (Мышкин и др., 1999; Мышкин и др., 2000; Хохлов, 2000; Мышкин и др., 2018). Данная статья посвящена подведению определенных итогов проводившихся исследований.

Количество антропологических материалов из погребальных комплексов Самарского Поволжья невелико по сравнению с числом костных останков ранних кочевников, происходящих из курганных могильников, которые исследованы в степях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Вероятно, это обусловлено прежде всего недостаточной изученностью степных и лесостепных районов Южного Средневожья.

Половозрастные и краниологические характеристики скелетов кочевников савроматского и

раннесарматского времени приведены в таблицах 1–5. Некоторые из исследованных черепов представлены на двух иллюстрациях (илл. 1–2).

Шесть черепов обнаружены в погребениях, которые можно отнести к савроматскому времени. Пол погребенных этого периода определен в четырех случаях: два черепа мужские, один – женский. Скелет юноши 14–16 лет обнаружен в коллективном погребении 1 кургана 25 могильника Гвардейцы I. Череп этого погребенного плохо сохранился и представлен лишь мозговой коробкой. Найденные в погребении бусы позволили датировать этот комплекс IV–III вв. до н.э. Однако широтная ориентировка погребенных и савроматский облик керамики дали основания ограничить дату IV в. до н.э. (Мышкин и др., 1999. С. 147–149). Второй череп – мужчины 35–40 лет (табл. 1) – происходит из погребения 3 кургана 2 могильника Бобровка I, которое по колчанному крючку может быть датиро-

вано V в. до н.э., возможно, второй его половиной (Скарбовенко, Ломейко, 2018. С. 98).

Череп подростка (вероятнее всего, девочки 13–14 лет) из погребения 4 в кургане 31 могильника Гвардейцы I имеет хорошую сохранность. Вещей в погребении не было, однако, его частично перекрывал выкид из раннесарматского погребения 1, датированного III–I вв. до н.э. Вытянутое на спине положение погребенной и западное направление её ориентировки позволили предположить, что погребение совершено в савроматское время (Мышкин и др., 1999. С.151–152).

Для сравнения с другими черепами детские черепа были переведены во взрослые при помощи коэффициентов возрастного перехода (Алексеев, 1978. С. 230–231). Получена общая их краткая характеристика: брахикрания, низкий свод, узкий лоб. Лицевой отдел женского черепа из погребения 4 в кургане 31 сравнительно широкий, средневысокий, уплощенный по горизонтали, имеет сильно выступающий в профиль нос с высоким переносьем (Мышкин и др., 1999. С.155–156).

Такие или близкие по величинам признаки, в частности, брахикрания, низкий или средневысокий свод, умеренный горизонтальный профиль лица характерны для некоторых савроматских краниологических выборок Нижнего Поволжья (Тот, Фирштейн, 1970; Балабанова, 2000) и Южного Приуралья (Хохлов, Фризен, 2004), синхронных им или несколько более ранних по времени серий черепов саков Центральной Азии (Алексеев, Гохман, 1984; Яблонский, 2017), а также носителей черкаскульской и карасукской культур финальной бронзы лесостепной зоны Западной Сибири (табл. 2).

Семь черепов (шесть мужских и один подростка) происходят из курганов 1, 2, 3 могильника Березки I (табл. 1). Эти погребальные комплексы могут быть датированы временем в пределах V в. до н.э., либо, если они были возведены на протяжении непродолжительного отрезка времени и являются относительно одновременными кургану 5, временем в пределах рубежа V–IV вв. до н.э. и не позднее начала IV в. до н.э. (Мышкин и др., 2000. С. 73; Скарбовенко, 2005. С. 393; Мышкин, 2012. С. 231–234). Следует отметить, что в характеристиках погребальной обрядности и облике ряда предметов материальной культуры комплексов из курганов могильника Березки I фиксируются культурные традиции, характерные для кочевников как

савроматского, так и раннесарматского времени (Мышкин и др., 2000. С. 75). Только один череп из погребения 2 в кургане 1 имел удовлетворительную сохранность, позволившую определить его мерные параметры. Он относится к европеоидному типу, широколицему, умеренно гиперморфному, брахикранному, со слабо профилированным по горизонтали лицом и хорошо выступающим носом. Именно этот комплекс антропологических характеристик характерен для черепов из погребений савроматского времени.

Брахикранный, широколицый морфологический комплекс представлен также черепом из погребения 7 кургана 1 могильника Карабаевка I (илл. 1, Б). Это погребение может быть датировано IV до н.э., возможно, его началом (Мышкин, 2009. С. 339; Мышкин и др., 2018. С. 113). Таким образом, преемственность у скотоводческих обществ, кочевавших на летних пастбищах Самарского Заволжья в савроматское и раннепрорховское время, прослеживается не только в культурных традициях, но и в физическом облике.

Своеобразен мужской череп, происходящий из погребения 2 кургана 4 могильника Колокольцовка I, раскопанного на территории Красноармейского района (табл. 3). Для этого комплекса была получена радиоуглеродная дата, калиброванное значение которой укладывается в рамки рубежа V–IV вв. до н.э. (см. статью О.В. Михайловой в настоящем сборнике). Он мезокранный, имеет широкий и наклонный лоб, широкое, уплощенное лицо, узкие, несильно выступающие носовые кости. По комплексу признаков данный череп демонстрирует промежуточные европеоидно-монголоидные черты.

Раннесарматская культура III–I вв. до н.э. представлена серией погребений, в которых обнаружены девять мужских и шесть женских черепов (табл. 1, 3). Черепа, включенные в исследуемую выборку, происходят, в основном, из погребений могильников Журавлиха I и Тамбовский I. Эти памятники расположены недалеко друг от друга в бассейне р. Большой Иргиз на территории Большешеглушицкого района Самарской области. Раннесарматские погребальные комплексы этих двух могильников более поздние, чем рассмотренные выше захоронения могильников Березки I, Бобровка I, Карабаевка I. По вещам – зеркалу, набору втульчатых бронзовых и железных наконечников

стрел, мечу с серповидным навершием и прямым перекрестием и некоторым другим – погребение в Тамбовском I могильнике было датировано рубежом IV–III вв. до н.э. – III в. до н.э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 205). Время совершения погребений в кургане 1 могильника Журавлиха I, приходится на III – первую половину II в. до н.э. (Кузнецов, Мышкин, 2003. С. 152).

По сумме признаков мужская выборка характеризуется преимущественно средними размерами основных признаков мозговой коробки и лица, то есть мезоморфией в целом, и мезокранией. Лоб несколько наклонный, нос лепторинный, с высоким переносьем, сильно выступает в профиль. Горизонтальная профилировка несильная. Женская выборка по средним характеристикам отличается от мужской относительно более крупной мозговой коробкой, прямым лбом, несколько менее выступающим в профиль носом.

При этом следует отметить, что различия между мужской и женской выборками, как и их характеристики, ввиду малого числа наблюдений, единичности и разрозненности погребений, происходящих из разных могильников, разумеется, не могут полностью отражать физические особенности кочевников, кочевавших в раннесарматское время в степях Самарского Поволжья.

Анализ индивидуальных характеристик черепов этой группы показал, что она не является однородной. Большую их часть по комплексу характеристик следует отнести к числу типично европеоидных. В составе этой части выборки можно выделить несколько разных морфологических комплексов.

Один из них – брахикранный, широколицый, близкий ранее выявленному на черепах из погребений савроматского и раннепрохоровского времени, раскопанных на территории Самарского Поволжья, в частности, в погребении 1 кургана 31 могильника Гвардейцы I (табл. 3).

Среди черепов данного морфологического комплекса, которые происходят из погребений как савроматского времени, так и раннесарматского (в том числе раннепрохоровского), имеются два морфологических варианта. Черепа одного варианта характеризуются невысоким сводом и сравнительно уплощенной горизонтальной профилировкой лица. Черепа второго варианта – мезо-брахикранные, со средневысоким сводом и более

профилированным лицом. Первый вариант имеет аналогии среди краниологических материалов, происходящих из курганов ряда других кочевнических культур, прежде всего, сакского круга. Второй вариант близок к тому, который характерен для краниологических материалов эпохи поздней бронзы, в частности, андроновской/федоровской культуры Казахстана. Этот вариант зафиксирован также в могильниках финала средней бронзы (потаповский культурный тип), исследованных на юге Среднего Поволжья. Можно предположить, что он может быть эпохально остаточным, сохраняясь и передаваясь через какие-то группы населения от эпохи поздней и финальной бронзы до раннего железного века.

Второй морфологический комплекс, выявленный среди европеоидных черепов суммарной краниологической выборки ранних сарматов Самарского Поволжья, по своим характеристикам существенно отличается от первого. Черепа, характеризующиеся признаками этого комплекса, – долихокранные, со среднешироким, резко профилированным лицом и сильно выступающим носом. Такие черепа происходят в основном, из погребений, раскопанных в могильниках Журавлиха I и Тамбовский I, располагающихся в бассейне р. Большой Иргиз на южной окраине изучаемой территории.

Судя по суммарным характеристикам региональных мужских выборок, черепа, видимо, этого же компонента, мезоморфные, типично европеоидные (табл. 4), зафиксированы в таких географически близких памятниках степного Южного Приуралья, как могильники Шумаево I–II. Они фиксируются также в раннесарматских погребениях Дона, реже – Нижнего Поволжья. Носители этого краниологического комплекса, возможно, наследуют генетическую основу, прежде всего, от населения поздней и финальной бронзы (в частности, создателей срубной, ивановской, отчасти алакульской культур), что уже отмечалось в специальной антропологической литературе (Тот, Фирштейн, 1970; Балабанова, 2000 и др.).

По мнению Л.Т. Яблонского, первую основу физического типа ранних кочевников южноприуральских степей составили брахикранные, относительно широколицые европеоиды, иногда с более или менее выраженной монголоидной примесью. Этот краниологический тип, по устному опреде-

лению И.В. Перевозчикова, получил наименование «тип восточного европеоида» (Яблонский, 2010. С. 90). Сложение этого типа происходило в Южном Приуралье при постоянных передвижениях и контактах различных групп с включением или прямым участием представителей уральской расы или народов юга Западной Сибири, среди которых присутствовал особый монголоидный компонент (Шевченко, 1980; Яблонский, 2010; Багашев, 2017; Китов и др., 2019). Для степных территорий Нижнего Поволжья и Южного Средневожья кочевники, чей физический облик относится к данному антропологическому типу, являются определенно пришлым населением. В пользу этого свидетельствует также отмечаемое на некоторых черепках могильника Березки I уплощение затылочной кости, являющееся следствием бешиковой деформации (Хохлов, 2000. С. 156). Такая деформация фиксируется на краниологических материалах из погребений саков Южный Тагискен (Яблонский, 2017. С. 139), а также из раннесарматских комплексов могильников Покровка II и VII (Яблонский, 1997. С.155). Традиция бешиковой деформации черепов является, вероятно, показателем определенной культурной связи между некоторыми группами населения Приаралья, Южного Приуралья и Самарского Заволжья.

Интересно, что для большинства краниологических серий кочевников савроматского и раннесарматского времени, происходящих из могильников Нижнего и Среднего Поволжья, характерно (по средним данным) сочетание мезокрании или брахикрании с преимущественно низким или средневысоким сводом мозговой коробки, а также

умеренной горизонтальной профилировкой лица (см.: табл. 4, 5). Определенно, это какая-то общая наследственная первооснова, некая морфологическая доминанта.

Завершая обзор характеристик краниологических материалов, которые происходят из погребений савроматского и раннесарматского времени, исследованных на территории Самарского Поволжья, следует остановиться еще на одном моменте. Л.Т. Яблонский при исследовании краниологической серии из раннесарматских погребений Прохоровского могильника в Оренбургской области отметил в ее составе присутствие некоего уральского компонента. Исследователь отнес появление этого компонента физического облика у южноуральских кочевников к савроматскому периоду (Яблонский, 2010. С. 90). Однако морфологические характеристики некоторых черепов ранних сарматов из могильников в северной части Волго-Уралья позволяют предположить существование контактов (например, брачных) между ранними сарматами и оседлым населением лесостепных районов Поволжья и Приуралья. Так, на отдельных черепках из могильников Гвардейцы I и Шумаево II, в первую очередь, женских, прослеживается сочетание, в целом, мезоморфии, сравнительно резкого горизонтального профиля лица и несильно выступающего носа (Хохлов, 2003. С. 283–284). Такие признаки были свойственны носителям кара-абызской и пьяноборской культур Прикамья. Механизм происхождения таких черт, ввиду лакунарности археологических и антропологических данных этого времени и в этой части региона, в настоящее время не может быть установлен однозначно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П.** Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. М.: Наука, 1978. 284 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Багашев А.Н.** Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 408 с.
- Балабанова М.А.** Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С.** Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы, 2019. 299 с.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А.** Курганый могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Вып.2. Самара: СамГПУ, 2002. С.101–121.
- Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н.** Исследование могильника Журавлиха I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 142–164.
- Мышкин В.Н.** Раннесарматские погребения курганного могильника Карабаевка I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 335–346.
- Мышкин В.Н.** О дате кургана 5 могильника Березки I // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 231–234.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.** Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья

// Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996. С.196–223.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.3. Оренбург. 1999. С.147–175.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А. Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н.э. // Раннесарматская культура. Формирование. Развитие. Хронология. Вып.1. Самара: СНЦ РАН, 2000. С.71–84.

Мышкин В.Н., Платонов В.И., Рослякова Н.В., Хохлов А.А. Раннесарматские погребения курганного могильника Карабаевка I: некоторые результаты комплексного исследования // Археология ранних кочевников Евразии. Самара: «Книжное издательство», 2018. С.105–113.

Седова М.С. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок курганного могильника Николаевка I в Волжском районе Самарской области в 2015 году. Самара, 2016.

Скарбовенко В.А. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 383–393.

Скарбовенко В.А., Ломейко П.В. Раннесарматские погребения могильников Бобровка I и Заплавное I в долине реки Самары // Археология ранних кочевников Евразии. Самара, 2018. С. 96–104.

Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные

к вопросу о великом переселении народов. Авары и Сарматы. Л.: Наука, 1970. 202 с.

Хохлов А.А. Краниология ранних кочевников I тыс. до н.э. Самарского Заволжья // Раннесарматская культура. Формирование. Развитие. Хронология. Вып. 2. Самара: СНЦ РАН, 2000. С.155–157.

Хохлов А.А. Антропологический материал из погребений Шумаевских могильников Оренбуржья // **Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.** Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. С.275–292.

Хохлов А.А., Фризен С.Ю. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. С. 257–266.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Ленинград: Наука, 1980. С.136–183.

Яблонский Л.Т. Социальная стратификация степных популяций в физико-антропологическом аспекте // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматологии и истории». Донские древности. Вып.5, Азов, 1997. С. 154–163.

Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 382 с.

Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017. 398 с.

Таблица 1.

Половозрастные определения по скелетам людей из погребений савроматского и раннесарматского времени на территории Самарского Поволжья

№	№ кургана, погребения, скелета	Культура, дата	Пол	Возраст (лет)
Гвардейцы I. Борский район, раскопки 1994 г. (Мышкин и др., 1999).				
1	Кург. 25, погр.1, ск. 1	савроматская, IV в. до н.э.	мужчина?	14–16
2	Кург.25, погр. 1, ск. 2	савроматская, IV в. до н.э.	подросток	-
3	Кург.25, погр.1, ск.3	савроматская, IV в. до н.э.	ребенок	-
4	Кург. 25, погр. 2	раннесарматская, IV–II вв. до н.э.	женщина	60–65
5	Кург. 25, погр. 3	савроматская, IV в. до н.э.	подросток	-
6	Кург. 31, погр. 1	раннесарматская, III–I вв. до н.э.	мужчина	50–55
7	Кург. 31, погр. 2	раннесарматская, III–I вв. до н.э.	женщина	20–25
8	Кург. 31, погр. 4	савроматская	женщина?	13–14
Гвардейцы II. Борский район, раскопки 1996 г. (Крамарев и др., 2002).				
9	Кург. 2, погр.4	раннесарматская, III–I вв. до н.э.	мужчина	45–55
Березки I. Волжский район, раскопки 1996 г. (Мышкин и др., 2000).				
10	Кург.1, погр.1	V – рубеж V–IV вв. до н.э.	мужчина	30–35
11	Кург. 1, погр. 2	V – рубеж V–IV вв. до н.э.	мужчина	17–25

№	№ кургана, погребения, скелета	Культура, дата	Пол	Возраст (лет)
12	Кург. 1, погр.3	V – рубеж V–IV вв. до н.э.	мужчина	20–35
13	Кург. 2, погр.1	V – рубеж V–IV вв. до н.э.	мужчина	20–25
14	Кург. 2, погр. 2	V – рубеж V–IV вв. до н.э.	подросток	Ок.13
15	Кург. 3, погр.1, ск. 1	V – рубеж V–IV вв. до н.э.	мужчина	30–35
16	Кург. 3, погр.1, ск. 2	V – рубеж V–IV вв. до н.э.	мужчина	55–65
Тамбовский I. Большеглушицкий район, раскопки 1986 г. (Мышкин, Скарбовенко, 1996).				
17	Кург. 2, погр. 5	раннесарматская, рубеж IV–III вв. до н.э. – III в. до н.э.	мужчина	35–50
Журавлиха I. Большеглушицкий район, раскопки 1998 г. (Кузнецов, Мышкин, 2003).				
18	Кург. 1, погр.1	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.		до 2 лет
19	Кург. 1, погр. 2	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.		9 лет
20	Кург. 1, погр. 3	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	мужчина	25–30 лет
21	Кург. 1, погр. 4	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.		до 3 лет
22	Кург. 1, погр. 6	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.		ок. 5 лет
23	Кург. 1, погр. 8, ск. 1	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	мужчина	20–25 лет
24	Кург. 1, погр. 8, ск. 2	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.		ново-рожд.
25	Кург. 1, погр. 9	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	-	7–8 лет
26	Кург. 1, погр. 10	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	женщина	18–20 лет
27	Кург. 1, погр. 11	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.		5–6 лет
28	Кург. 1, погр. 12	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	мужчина	40–45 лет
29	Кург. 1, погр.13	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	Жен.	25–35 лет
30	Кург. 1, погр. 14	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	мужчина	35–45 лет
31	Кург. 1, погр.15, ск. 1	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	мужчина	35–40 лет
32	Кург. 1, погр. 15, ск. 2	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	женщина	ок. 50 лет
33	Кург. 1, погр. 17, ск. 1	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	мужчина	17–20 лет
34	Кург. 1, погр. 17, ск. 2	раннесарматская, III – первая пол. II в. до н.э.	-	ок. 1 года
Бобровка I. Кинельский район, раскопки 2000 г. Скарбовенко, Ломейко. 2018.				
35	Кург. 2, погр. 3	V в. до н.э.	мужчина	35–40
36	Кург. 2, погр. 9	раннесарматская	-	Ок.2 мес.
Колокольцовка I. Красноармейский район, раскопки 2001 г. (Михайлова, 2021).				
37	Кург. 2, погр. 4	раннесарматская	мужчина	55–65
Карабаевка I. Сергиевский район раскопки 2008 г. (Мышкин и др., 2018).				
38	Кург. 1, погр. 6	Раннесарматская, раннепрохоровское время, IV в. до н.э.	мужчина	25–35
39	Кург. 1, погр. 7	Раннесарматская, раннепрохоровское время, IV в. до н.э.	мужчина	30–40
Николаевка I. Волжский район, раскопки 2015 г. (Седова, 2016)				
40	Кург. 1, погр. 7	раннесарматская	женщина	30–40

Таблица 2.

Некоторые серии эпохи финальной бронзы – РЖВ в сравнении. Мужчины.

Признак	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Продольный диаметр	174.5(2)	184.2(24)	184.7(19)	179.8(9)	178.2(6)	181.0(4)	177.8(12)	178.0(6)	183.0	183.2
Поперечный диаметр	152.5(2)	145.3(25)	148.2(19)	148.4(9)	144.3(6)	143.2(4)	143.9(12)	147.0(6)	147.4	148.3
Черепной указатель	87.4(2)	78.9 (24)	80.5(19)	82.7(9)	81.3(6)	79.2(4)	81.0(12)	82.8(6)	80.9	81.1
Высотный диаметр	-	134.3(15)	129.7(10)	131.1(8)	132.0(2)	129.5(4)	130.0(10)	134.0(5)	133.0	132.7
Наименьшая ширина лба	94.5(2)	98.7(26)	99.1(24)	100.0(9)	97.6(7)	95.8(4)	98.6(13)	98.5(6)	98.4	98.4
Скуловой диаметр	141.5(1)	138.0(24)	137.4(17)	137.5(8)	139.8(5)	137.5(4)	137.8(14)	137.0(6)	139.7	142.2
Верхняя высота лица	71.0(2)	71.3(25)	70.8(21)	72.9(8)	74.4(5)	72.5(4)	70.6(14)	71.0(6)	73.4	74.6
Верхнелицевой указатель	50.2(1)	51.7 (24)	51.2(17)	53.0(8)	53.2(5)	52.7(4)	51.3(14)	51.8(6)	51.7	52.5
Орбитный указатель	80.2(1)	77.3*	74.4(19)	78.4(8)	78.9(5)	78.6(4)	75.9(14)	81.2(5)	76.0	80.2
Носовой указатель	46.4(1)	48.5*	47.8(20)	47.0(8)	49.1(5)	48.2(4)	50.7(14)	50.4(6)	49.9	49.3
Угол наклона лба	74.0° (1)	80.8° (22)	82.4° (14)	81.6° (8)	79.0° (3)	79.0° (4)	79.7° (11)	82.6° (5)	81.7°	84.4°
Назональный угол	143,0° (2)	139.5° (23)	138.3° (11)	141.4° (9)	144.6° (4)	144.5° (4)	141.0° (8)	141.8° (4)	141.3°	143.7°
Зигмаксиллярный угол	135,0° (1)	129.5° (20)	130.4° (9)	132.2° (8)	133.6° (4)	130.5° (4)	132.7° (13)	132.0° (6)	130.8°	135.0°
Угол выступания носа	42,0° (1)	31.5° (18)	30.3° (16)	29.3° (8)	25.3° (3)	33.8° (4)	26.2° (11)	31.0° (4)	30.9°	27.2°

Примечание: 1 – мог. Гвардейцы I; 2 – савроматы Нижнего Поволжья (Тот, Фирштейн, 1970, с.126 / * – вычислено по средним); 3 – сарматы ранние, саратовская группа (Тот, Фирштейн, 1970); 4 – саки, мог. Асар, Приаралье (Алексеев, Гохман, 1984, с.56); 5 – саки, мог. Тагискен, Приаралье (Алексеев, Гохман, 1984, с.56); 6 – саки, Сев. Казахстан (Алексеев, Гохман, 1984, с.57); 7 – саки, Вост. Казахстан (Алексеев, Гохман, 1984, с.57); 8 – саки Тянь Шаня (Алексеев, Гохман, 1984, с.57); 9 – карасукская культура, эпоха бронзы (Шевченко, 1980, с.178); 10 – черкасукская культура, мог. Красногорский (Шевченко, 1980, с.178).

Таблица 3.

Краниологические данные ранних сармат Самарской области

Признак	Мужские черепа										Женские черепа				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	A/n	11	12	13	A
Линейные диаметры:															
1. Продольный д.	175,0?	189,0	-	180,0	180,0	189,0	186,0	188,0	170,0	177,0	181,6/9	184,0	182,0	187,0	184,3
8. Поперечный д.	-	-	-	142,0	136,5	139,0	143,0	140,0	151,0	-	141,9/6	137,0	141,0	143,0	140,3
17. Высотный д.	147,0	145,0	-	128,0	128,0	139,0	136,0	137,0	-	-	137,1/17	133,0	132,0	137,0	134,0
20. Ушная высота	-	110,0	-	110,0	110,0	114,0	123,0	116,0	-	-	113,8/6	114,0	113,0	117,0	114,7
5. Длина осн. черепа	-	-	-	101,0	102,0	110,0	101,0	106,0	-	93,5	102,3/6	102,0	99,0	101,0	100,7
9. Наим. ширина лба	96,0	96,0	103,0	93,0	92,0	98,0	100,0	95,0	101,0	-	97,1/9	92,0	95,0	90,0	92,3
11. Шир. осн. черепа	-	133,0	-	126,5	123,0	132,0	125,0	127,5	-	-	127,8/6	122,0	116,0	125,0	121,0
12. Ширина затылка	-	115,0	-	109,0	111,0	-	108,0	113,0	-	-	111,2/5	107,0	105,0	112,0	108,0
40. Длина осн. лица	-	-	-	100,0	101,5	103,0	101?	97,0	-	-	100,5/5	-	95,0	95,0	95,0
43. Верхняя ширина лица	108,0	110,0	111,0	103,0	106,0	105,0	110,0	108,5	103,0	-	107,2/9	103,0	103,0	99,5	101,8
45. Скуловой д.	-	140,0??	136??	134,0	133,0	132,0	138,0	139,0	-	-	135,3/5	124,0	123,0	128,5	125,2
46. Средняя ширина лица	-	93,0?	91,0	94,0	94,0	94,0	82,0	100,0	-	-	92,6/7	83,5	94,0	93,0	90,2
48. Верхняя высота лица	71,0?	74,0	65,0	68,0	70,0	70,0	70,0?	68,3	79,0??	-	69,5/8	-	66,0	69,0	67,5
51. Ширина орбиты	-	41,1	44,3	40,4	42,3	41,0	45,4	45,1	-	-	42,8/7	41,3	42,8	41,9	42,0
52. Высота орбиты	-	34,4	31,5	33,1	33,3	30,6	33,5	32,0	35,3?	-	33,0/8	36,0	34,8	35,4	35,4
54. Ширина носа	-	23,9	21,1	23,5	21,3	21,2	24,3	27,3	25,0	-	23,5/8	24,5	21,7	23,4	23,2
55. Высота носа	-	54,4	47,0	49,8	47,8	47,0	53,0	52,1	56,8	-	51,0/8	49,5	51,2	47,6	49,4
60. Длина альвеол. дуги	-	56,0	-	55,5	53,0	57,0	57,0	-	-	-	55,7/5	-	-	51,5	51,5
61. Шир. альвеол. дуги	-	62,0	65,4	61,5	63,0	66,0	60,0	62,0	-	-	62,8/7	-	-	60,0	60,0
ss. Симотическая высота	-	5,8	-	5,0	4,6	4,7	9,4	3,8	-	-	5,6/6	4,0	5,0	1,5	3,5
sc. Симотическая ширина	9,4	8,4	8,5	7,7	9,3	7,0	6,9	5,3	-	-	7,8/8	8,4	7,5	2,2	6,0
ms. Максиллофронт. выс.	-	-	-	6,8	19,0	9,0	10,3	7,7	-	-	10,6/5	7,2	-	7,0	7,1
mc. Максиллофронт. шир.	-	-	-	18,6	20,0	19,7	17,5	20,7	-	-	19,3/5	20,6	-	17,2	18,9
FC. Глуб. клыковой ямки	-	-	4,4	5,9	3,9	6,5	4,4	3,7	-	-	4,8/6	6,7	-	2,5	4,6

Таблица 3 (продолжение).

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	А/п	11	12	13	А
Указатели:															
8/1. Черепной	84,0?	76,7	-	-	-	-	-	-	88,8	-	75,9/5	-	-	-	76,1
48/45. Лицевой	-	-	48,7??	-	-	-	-	-	-	-	51,2/5	-	-	-	53,7
52/51. Орбитный	-	-	71,1	-	-	-	-	-	-	-	76,4/7	-	-	-	84,3
54/55. Носовой	-	-	44,9	-	-	-	-	-	44,0	-	46,0/8	-	-	-	47,0
ss/sc. Симотиический	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	76,4/6	-	-	-	60,8
Углы:															
32. Наклона лба	-	75,0°	-	76,0°	79,0°	82,0°	82,0°	78,0°	-	-	78,7°/6	90,0°	90,0°	85,0°	88,3°
33(1). Угол верхн. части зат.	-	-	-	84,0°	91,0°	85,0°	-	78,0°	-	-	84,5°/4	93,0°	95,0°	82,0°	90,0°
72. Общелицевой	-	82,0°	-	84,0°	85,0°	86,0°	83,0°	86,0°	-	-	84,3°/6	-	85,0°	87,0°	86,0°
74. Альвеолярной части	-	-	-	74,0°	71,0°	77,0°	-	-	-	-	74,0°/3	-	74,0°	79,0°	76,5°
75(1). Выступания носа	-	36,0°	-	36,0°	36,0°	36,0°	47,0°	26,0°	-	-	36,2°/6	14,0°	25,0°	35,0°	24,7°
77. Назомаллярный	142,0	139,0°	143,0	144,5°	135,0°	139,0°	137,0°	141,0°	-	-	140,1°/8	-	-	141,0°	141,0°
zm. Зигомаксиллярный	-	121,0°	128,0	134,0°	127,5°	130,0°	115,0°	134,0°	-	-	127,1°/7	-	-	125,0°	125,0°
Рельеф и форма:															
Надпереносье	-	-	-	5,0	5,0	5,0	5,0	4,5	4,5	-	4,8/6	4,0	3,0	4,5	3,8
Наружный затылочный бугор	-	-	-	2,0	1,0	2,0	5,0	2,5	2,0	-	2,4/6	0,0	1,0	0,0	0,3
Сосцевидный отросток	-	-	-	1,0	2,0	1,5	3?	2,0	2,0	-	1,7/5	1,0	1,0	1,5	1,2
Переденосовая ость	-	-	-	4,0	1,5	4,5	5,0	-	4,0	-	3,8/5	2,0	2,0	1,5	1,8
Нижняя челюсть:															
65. Мышечковая ширина	-	-	-	-	118,0	117,5	-	126,0	-	-	120,5/3	116,0	-	116,0	116,0
66. Угловая ширина	-	-	-	-	107,5	103,0	-	103,0	-	-	104,5/3	87,0	-	97,5	92,3
69. Высота симфиза	-	-	31,0	-	34,3	38,0	-	31,0	-	-	33,6/4	31,0	29,0	-	30,0
С. Угол выст. подбородка	-	-	-	-	62,0°	68,0°	-	54,0°	-	-	61,3°/3	60,0°	76,0°	68,0°	68,0°

Примечание: 1 – Гвардейцы I, 31/1; 2 – Гвардейцы II, 2/4; 3 – Березки I, 1/2; 4 – Журавлиха I, 1/3; 5 – Журавлиха I, 1/12; 6 – Журавлиха I, 1/14; 7 – Тамбовский, 2/5; 8 – Колокольцовка, 2/4; 9 – Карабаевка I, 1/7; 10 – Бобровка I, 2/3; 11 – Гвардейцы I, 25/2; 12 – Гвардейцы I, 31/2; 13 – Журавлиха I, 1/13;

А/п – средняя арифметическая признака/ количество измерений

Средние данные краниологических серий ранних сарматов. Мужчины.

Серии		1	2	3	4	5	6	7	8
Признак	Кол-во черепов	1–2	4	1–7	10–18	22–57	43–87	32–42	5–42
1.	Продольный диаметр	182,0	183,8	178,3	182,3	183,5	184,2	181,9	184,2
8.	Поперечный диаметр	146,0	140,1	151,4	150,1	146,2	145,9	145,4	142,9
17.	Высотный диаметр	-	132,8	134,0	130,9	131,5	133,9	132,2	136,2
20.	Ушная высота	110,0	114,2	116,0	115,2	116,1	115,9	114,3	115,1
9.	Наименьшая ширина лба	96,0	95,8	97,9	97,4	97,8	98,6	98,6	97,8
45.	Скуловой диаметр	140,0?	134,5	140,2	137,9	137,1	137,7	135,2	133,6
48.	Верхняя высота лица	72,5?	69,5	70,9	68,8	71,1	71,4	69,9	70,4
51.	Ширина орбиты	41,1	42,3	44,8	43,3	43,7	43,5	44,0	42,8
52.	Высота орбиты	34,4	32,6	32,5	33	33,1	33,2	33,2	33,0
54.	Ширина носа	23,9	22,6	24,5	24,4	25,1	24,9	25	24,4
55.	Высота носа	54,4	49,4	50,5	50,2	51,9	51,7	50	50,7
ss.	Симотическая высота	5,8	5,3	4,1	4,4	4,6	4,9	4,5	4,8
sc.	Симотическая ширина	8,4	8,4	8,7	8,3	8,6	8,6	8,4	8,5
32.	Угол профиля лба от п.	75,0°	79,8°	83,0°	82,9°	82,5°	81,5°	83,8°	85,8°
72.	Общий лицевой угол	82,0°	84,5°	83,0°	86,3°	85,9°	-	87,8°	89,5°
74.	Угол альвеолярной части	-	74,0°	74,0°	78,8°	77,2°	-	73,1°	73,7°
75(1).	Угол выступания носа	36,0°	38,8°	34,0°	30,4°	30,0°	30,5°	29,8°	33,6°
77.	Угол назомалярный	140,5°	138,9°	139,5°	141,9°	140,0°	139,3°	140,7°	138,7°
Zm.	Угол зигомаксиллярный	121,0°	126,6°	128,3°	131,7°	130,0°	130,0°	130,9°	129,2°
8/1.	Черепной указатель	80,4	76,2	84,9	82,6	80,6	79,2	80,1	77,8
40/5.	Ук. выступания лица	-	97,4	95,9	94,9	96,4	95,7	96,2	95,4
52/51.	Ук. орбитный	83,7	77,3	73,1	76,6	75,8	76,3	75,8	76,4
54/55.	Ук. носовой	43,9	45,7	48,5	48,8	48,3	48,2	49,9	48,5
ss/sc.	Ук симотический	69,0	63,7	47,9	55,6	55,1	57,9	55,0	58,4

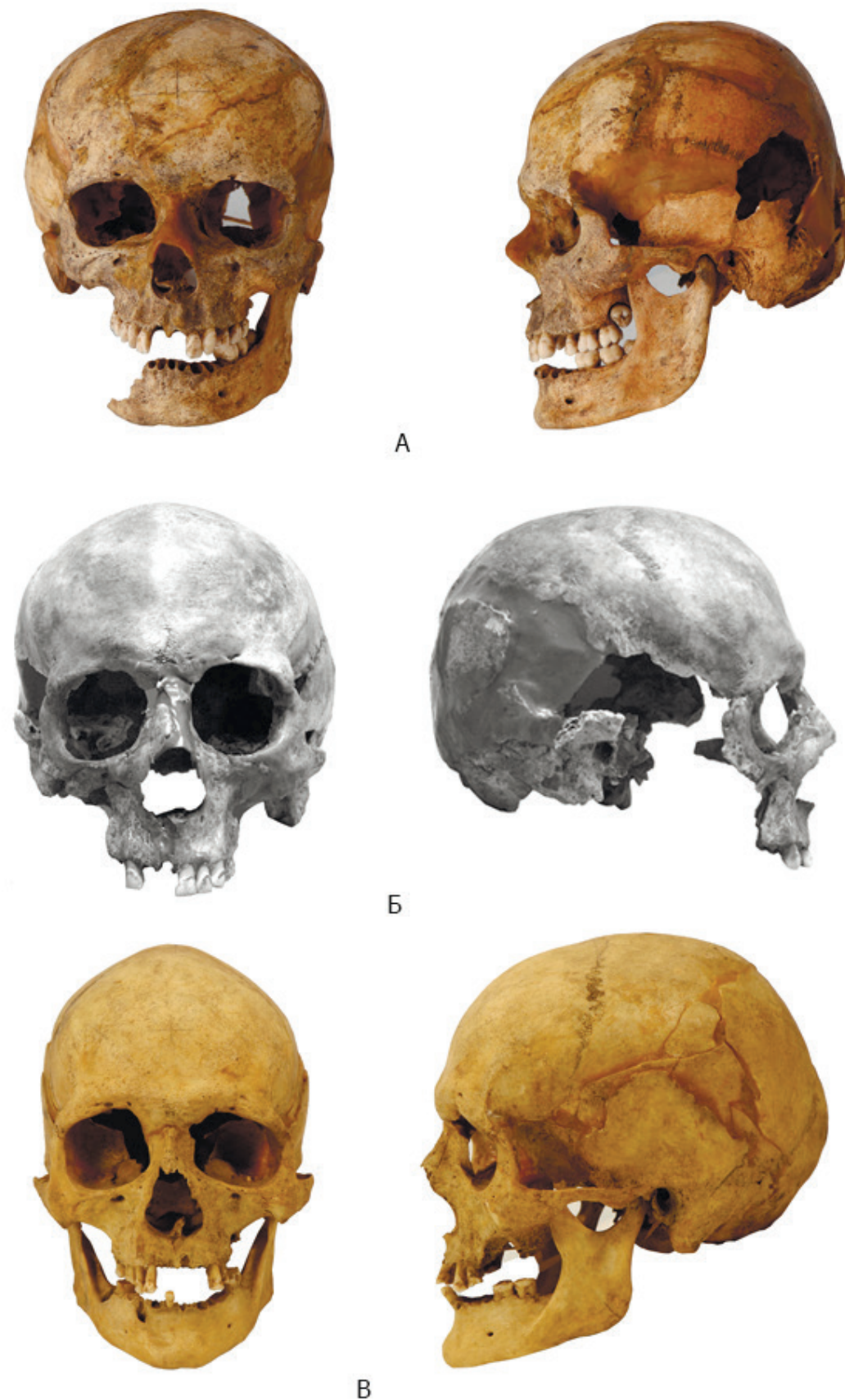
Примечание: 1 – Гвардейцы I, Гвардейцы II; 2 – Тамбовка II, Журавлиха I; 3 – Шумаево II (Хохлов, 2003); 4 – приуральская гр.; 5 – заволжская гр.; 6 – саратовская группа; 7 – астраханская гр.; 8 – донская гр.; 4, 5, 7, 8 – данные М.А. Балабановой (Балабанова, 2003, с.63); 6 – данные Н.М. Глазковой, Г.Ф. Дебеца, Б.В. Фирштейн (Тот, Фирштейн, 1970, с.118).

Таблица 5.

Средние данные краниологических серий ранних сарматов. Женщины.

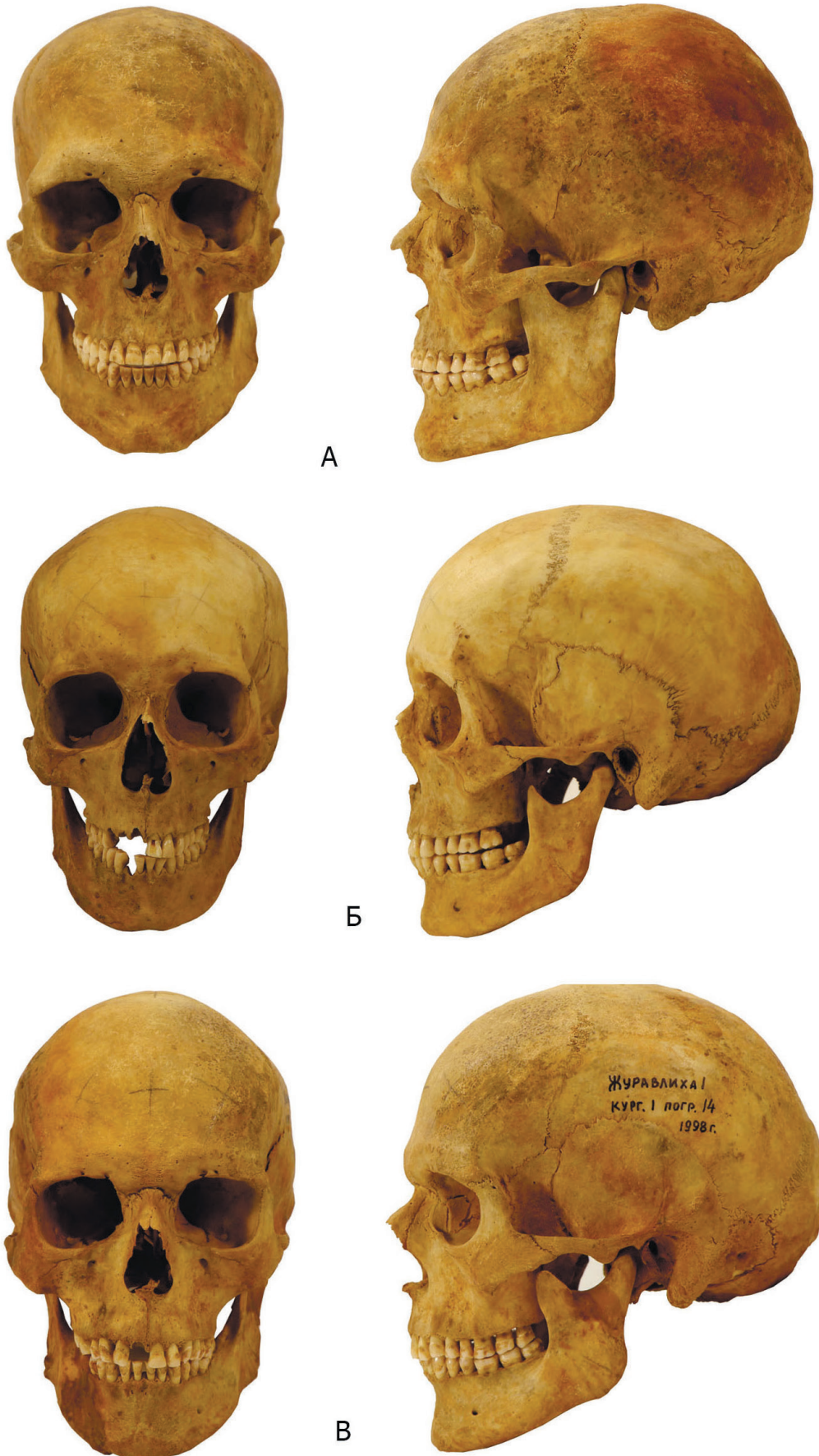
Признак	Серии	1	2	3	4	5	6
	Кол-во черепов	1–2	2–6	6–12	33–57	21–26	3–4
1. Продольный диаметр		183,0	176,8	173,4	174,9	177,3	181,2
8. Поперечный диаметр		139,0	142,5	144,4	141,5	144,1	146,7
17. Высотный диаметр		132,5	128,0	125,5	127,5	129,6	128,0
20. Ушная высота		113,5	112,3	114,6	112,3	114,6	115,7
9. Наименьшая ширина лба		93,5	94,5	98,3	94,0	98,6	96,8
45. Скуловой диаметр		123,5	130,0	132,7	128,2	130,3	129,7
48. Верхняя высота лица		66,0	67,6	65,3	66,1	68,0	66,7
51. Ширина орбиты		42,1	42,0	42,3	42,2	43,1	43,7
52. Высота орбиты		35,4	33,3	32,4	32,8	34,1	32,7
54. Ширина носа		23,1	25,1	24,4	24,1	24,0	25,2
55. Высота носа		50,3	49,6	48,3	48,8	48,8	49,0
ss. Симотическая высота		4,5	4,4	3,7	4,3	4,4	4,6
sc. Симотическая ширина		7,9	7,9	8,3	8,6	8,6	9,0
32. Угол профиля лба от п.		90,0°	81,7°	84,3°	85,1°	87,0°	88,0°
72. Общий лицевой угол		85,0°	87,0°	85,2°	84,6°	89,4°	90,0°
74. Угол альвеолярной части		74,0°	75,3°	75,8°	75,6°	75,4°	75,0°
75(1). Угол выступания носа		19,5°	23,7°	26,3°	25,3°	26,4°	25,0°
77. Угол назомалярный		140,0°	139,3°	141,6°	141,1°	141,5°	144,6°
Zm. Угол зигомаксиллярный		127,0°	127,4°	132,4°	130,5°	130,4°	138,9°
8/1. Черепной указатель		76,0	79,3	83,2	80,9	81,2	80,2
40/5. Ук. выступания лица		95,9	93,0	97,1	96,0	96,6	97,3
52/51. Ук. орбитный		84,2	78,7	75,8	78,2	79,2	74,7
54/55. Ук. носовой		45,9	48,9	50,7	49,2	49,4	51,7
ss/sc. Ук. симотический		57,2	52,2	44,7	51,3	51,3	52,0

Примечание: 1 – Гвардейцы I; 2 – Шумаево I, Шумаево II; (Хохлов, 2003); 3 – приуральская гр.; 4 – за-волжская гр.; 5 – астраханская; 6 – донская; 3, 4, 5, 6 – данные М.А. Балабановой (Балабанова, 2003, с.64).

Илл. 1. Черепа из погребений V–IV вв. до н.э. европеоидного брахикранного широколицего типа (все мужские).

А – Берёзки I, 1/2; Б – Карабаевка I, 1/7; В – Колокольцовка I, 2/4.

Илл. 2. Черепа из погребений раннесарматской культуры III–I вв. до н.э. мезоморфного европеоидного типа.

А – Журавлиха I, 1/12 (мужской); Б – Журавлиха I, 1/13 (женский); В – Журавлиха I, 1/14 (мужской).

КИНЖАЛЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ УЛЬЯНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. И.А. ГОНЧАРОВА

© 2021 М.Р. Гисматулин, А.В. Денисов

Аннотация. В статье опубликованы два кинжала из фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. Типологический анализ находок и поиск аналогий позволяют датировать оба предмета эпохой раннего железного века (середина I тыс. до н.э.) и отнести их к древностям ранних кочевников Урало-Поволжья.

Ключевые слова: кинжал, ранний железный век, ранние кочевники, Урало-Поволжье.

DAGGERS OF THE FIRST MILLENNIUM BC FROM COLLECTION OF ULYANOVSK LOCAL HISTORY MUSEUM NAMED AFTER I. A. GONCHAROV

© 2021 M.R. Gismatulin, A.V. Denisov

Abstract. This article is about two daggers from the collection of Ulyanovsk Local History Museum named after I. A. Goncharov. This is the first mention of these daggers in the scientific researches. Ranking of these daggers helps to date both items to Early Iron Age (middle of the I millennium BC) and to include them to early nomads of Ural Mountains and Volga Region heritage.

Keywords: dagger, Early Iron Age, early nomads, Ural Mountains and Volga Region.

В фондах Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова хранится несколько единиц клинкового оружия (кинжалы и мечи), относящихся к эпохе раннего железного века. Два меча, датируемые концом V в. до н.э. – серединой II в. н.э., были опубликованы одним из авторов данной статьи (Денисов, 2018). В представленной работе рассматриваются еще два кинжала этого времени.

1. **Железный кинжал** (УКМ 32427) был найден в 1973 г. у лесопосадки колхоза «Победа» Красноярского сельсовета Чердаклинского района Ульяновской области и передан в музей А.П. Кузнецовым в 1980 г. (илл. 1, 1). Фото меча ранее было опубликовано в научно-популярном издании (Гисматулин, Семькин, 2019. Фото на с. 86).

Навершие кинжала, по нашему мнению, следует рассматривать как зооморфное, выполненное в виде когтей хищной птицы. В пользу этого говорит приостренный конец когтя, а также прочеканенная линия, повторяющая его изгиб. Одна часть навершия обломана. Перекрестье кинжала по своей форме занимает промежуточное положение между узким «бабочковидным» и сломанным под прямым углом брусом. Клинок с почти па-

раллельными лезвиями, сходящимися в последней трети, имеет ромбическое сечение в верхней части и линзовидное – в нижней. Оформление сторон прямоугольной в сечении рукояти различается.

Одна из сторон, условно «лицевая», украшена богаче: двумя горизонтальными полосками выделена зона под навершием, она имитирует колодочку. Такие же две горизонтальные линии проведены в нижней части рукояти около перекрестия. По вертикали рукоять разделена на три части двумя линиями. Центральную часть рукояти занимает неглубокий вертикальный желобок линзовидной формы. Боковые части украшены вертикальными зигзагами. С лицевой стороны основание навершия украшено горизонтальным зигзагом, кроме того, по «когтю» прочеканена линия, повторяющая его изгиб. На второй, условно «оборотной», стороне рукояти также под навершием двумя горизонтальными полосками выделена зона, имитирующая колодочку. Эта зона заполнена вертикальными линиями. Такие же две горизонтальные линии проведены в нижней части рукояти около перекрестия.

Общая длина кинжала – 36 см. Длина клинка – 24 см, ширина – 3,3 см, толщина – 0,5 см. Длина рукояти – 7,2 см, ширина 2,3 см (у перекрестья) и

2,1 см (у навершия), толщина – 0,8 см. Размеры навершия 3×4 см, перекрестия 6,2×2,8 см.

Мечи и кинжалы данного типа (имеющие простое когтевидное навершие и бабочковидное перекрестие) были широко распространены у ранних кочевников Восточной Европы (Топал, 2017. С. 311–316. Рис. 15–18). Достаточно много аналогичных мечей и кинжалов было найдено и на территории Южного Урала. Они найдены в кургане 20 могильника Алебастрово I (Железчиков, 2000. С. 298. Рис. 6, 4), кургане 3 и погребении 1 кургана 5 Гумаровского могильника (Зуев, Исмагилов, 1999. Табл. 7, 8; 10, 7, С. 110), погребении 2 кургана 19 могильника Лебедевка VII (Железчиков и др., 2006. С. 37–38. Рис. 76, 2), кургане 5 могильника Новый Кумак (Смирнов, 1977. Рис. 4, 7), погребении 2 кургана 4 могильника Три Мара (Смирнов, 1981. Рис. 9, 9. С. 84). Кроме того, можно назвать серию аналогичных акинаков, случайно найденных у деревень Воскресенка (Исмагилов, Скарбовенко, 1977. С. 91. Рис. 3, 5), Качеганово, Тяттер-Арсланово (Исмагилов, 2003. С. 118. Табл. I, 2, 3), Тугызтеши (Воробьева, 2014. Кат. 11. С. 122), на территории Аргаяшского района Челябинской области (Таиров, Ульянов, 1996. С. 143. Рис. 2), а также экземпляр из частной коллекции Шабалина (Васильев, Обыденнов, 1994. С. 96. Рис. 1, 3).

Дата абсолютного большинства этих находок укладывается в пределы V в. до н.э., лишь некоторые датированы V – IV вв. до н.э.

Наиболее близким в географическом плане является меч, случайно найденный у совхоза Серноводский Самарской области. Этот меч с кинжалом из Чердаклинского района Ульяновской области помимо схожих форм навершия и перекрестия сближает оформление черена рукояти. У серноводского экземпляра на рукояти также нанесены три вертикальные линии (желобки), под навершием имеется «колодочка», украшенная горизонтальными линиями (Мышкин, 1987. С. 106. Рис. 3; Денисов, Мышкин, 2008. С. 65. Рис. 4, 12).

Орнамент в виде вертикального или горизонтального зигзага довольно часто встречается на мечах с навершиями в виде голов грифонов. Можно назвать находки кинжалов на 116 км г. Самара (Мышкин и др., 2007. С. 40–41. Рис. 3, 1), у деревень Нарбутово, Мукачево, в пещере Алиан-Тау (Исмагилов, 1980. С. 219–221. Рис. 1, 1–3), у дер. Малое Ибраево, г. Стерлитамак (Исмагилов,

2003. С. 118. Табл. I, 5, 7). Все они могут датироваться в пределах второй половины VI – V в. до н.э. (Денисов, Мышкин, 2008. С. 66; Топал, 2017. С. 307). Традиция украшать рукояти зигзагом иногда встречается и в IV в. до н.э., в частности, она зафиксирована на экземплярах клинкового оружия этого времени, найденных на территории городища Курман-Тау (Смирнов, 1961. С. 25. Рис. 5, 4), у деревни Александровка (Исмагилов, 2003. С. 118. Табл. III, 28), на территории Башкирии (Исмагилов, 1978. С. 234. Рис. 1, 4).

Кроме Южного Приуралья находки мечей и кинжалов данного типа широко распространены на территории лесостепной части среднего Днепра и на Северном Кавказе. По мнению Д.А. Топала, мечи и кинжалы с простым когтевидным навершием и бабочковидным перекрестием (тип Грищенцы) существуют в пределах V в. до н.э., а основная их масса относится к середине – третьей четверти V в. до н.э. (Топал, 2017. С. 316).

Таким образом, кинжал с полей колхоза «Победа» следует датировать V в. до н.э.

2. Железный кинжал (без номера) происходит из ранних поступлений и относится к числу депортированных находок (место обнаружения неизвестно) (илл. 1, 2). Он имеет брусковидное навершие овальной формы. Навершие было изготовлено отдельно и затем насажено на рукоять. Перекрестие бабочковидной формы. Необходимо отметить, что форма перекрестия несколько отличается на каждой из сторон кинжала. С одной стороны кинжала бабочковидная форма перекрестия по своим пропорциям приближается к узкой разновидности, с другой – к классической форме. Рукоять украшена тремя вертикальными линиями, центральная углублена больше и представляет собой неглубокий желобок. Боковины рукояти (профиль) покрыты горизонтальной насечкой. Традиционно подобные насечки рассматриваются как имитация проволочной или кожаной оплетки. Клинок с почти параллельными лезвиями, сходящимися в последней трети, имеет линзовидное сечение. По центру клинка проходит несколько вертикальных бороздок.

Общая длина кинжала – 32,6 см. Длина клинка – 21,5 см, ширина – 4 см, толщина – 0,4 см. Длина рукояти – 7,6 см, ширина – 2,2 см, толщина – 0,8 см. Размеры навершия 5,2×1,9 см, перекрестия 5,3×2,3 см.

Мечи и кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием были широко распространены у ранних кочевников Урало-Поволжья. К настоящему моменту известны десятки подобных находок, обнаруженных как в погребениях, так и представляющие собой случайные находки. Время существования мечей с подобным сочетанием навершия и перекрестия приходится на VII – IV вв. до н.э. (Денисов, Мышкин, 2008. С. 63). Значительную часть этих находок составляют мечи и кинжалы с так называемым узким бабочковидным перекрестием, датируемые в пределах конца VI – IV в. до н.э. (Васильев, 2001. С. 36–38; Денисов, 2010. С. 225; Скрипкин, 2007. С. 50; Соколов, 2009. С. 120, 121, 127; Фризен, Яблонский, 2017. С. 104–105).

Необходимо отметить, что внешне публикуемый кинжал сближается с т.н. «непарадной» се-

рией мечей и кинжалов типа Чертомлык. Помимо овального навершия и бабочковидного перекрестия к характерным особенностям мечей и кинжалов данной серии относится наличие вертикальных бороздок на клинке и горизонтальных насечек на боковинах рукояти. Время существования данного типа мечей и кинжалов приходится на IV в. до н.э. (Топал, 2014. С. 136–140).

Таким образом, данный кинжал предварительно можно датировать достаточно широко концом VI – IV в. до н.э.

Подводя итоги, отметим, что публикуемые в данной статье кинжалы относятся к первой половине – середине I тыс. до н.э. Их появление на территории Ульяновской области можно связать с проникновением ранних кочевников в данный регион и использованием его лесостепных районов в качестве летних пастбищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев В.Н.** Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI – II вв. до н.э. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.
- Васильев В.И., Обыденнов М.Ф.** Кинжалы савроматского и сарматского времени из Башкирии // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1994. С. 100–115.
- Воробьева С.Л.** Клинковое оружие эпохи раннего железа из фондов Национального музея Республики Башкортостан (случайные находки) // Черные металлы. 2014. № 4 (988). С. 118–124.
- Гисматулин М.Р., Семькин Ю.А.** Археологические памятники Ульяновска и его окрестностей // Серия «Археология Симбирского-Ульяновского Поволжья». Вып. 2. Ульяновск: АНО ЦСИ Ульяновской области, 2019. 118 с.
- Денисов А.В.** Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Самара: ООО «Офорт», 2010. Вып. XV. С. 222–230.
- Денисов А.В.** Древние мечи из фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова (УОКМ) // Краеведческие записки. Сборник научных трудов. Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2018. Вып. 16. С. 376–381.
- Денисов А.В., Мышкин В.Н.** Клинковое оружие кочевого населения бассейна р. Самары в VII – IV вв. до н.э. // НАВ. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2008. Вып. 9. С. 62–75.
- Железчиков Б.Ф.** Сарматские погребения в могильнике Алебастрово I // НАВ. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. Вып. 3. С. 294–308.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.** Древности Лебедевки (VI – II вв. до н.э.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. 159 с.
- Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б.** Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // АПО. Оренбург: Печатный дом «Димур», 1999. Вып. III. С. 105–123.
- Исмагилов Р.Б.** Кинжалы позднесарматского времени из Башкирии // СА. 1978. № 4. С. 229–238.
- Исмагилов Р.Б.** Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. № 1. С. 219–228.
- Исмагилов Р.Б.** Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. Уфа, 2003. Вып. 3. С. 117–147.
- Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А.** Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 77–92.
- Мышкин В.Н.** Находки савроматского и сарматского оружия в Куйбышевской области и Западном Оренбуржье // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 104–113.
- Мышкин В.Н., Денисов А.В., Сташенков Д.А.** Находки клинкового оружия савроматского времени в Самарском Поволжье // Самарский край в истории России. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2007. Вып. 3. С. 39–45.
- Скрипкин А.С.** Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII – IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная ти-

пология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 38–50.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.: Наука, 1961. № 101. 162 с.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 3–51.

Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1981. С. 68–90.

Соколов П.М. Клинковое оружие кочевников Нижнего Поволжья скифского времени // НАВ. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2009. Вып. 10. С. 119–136.

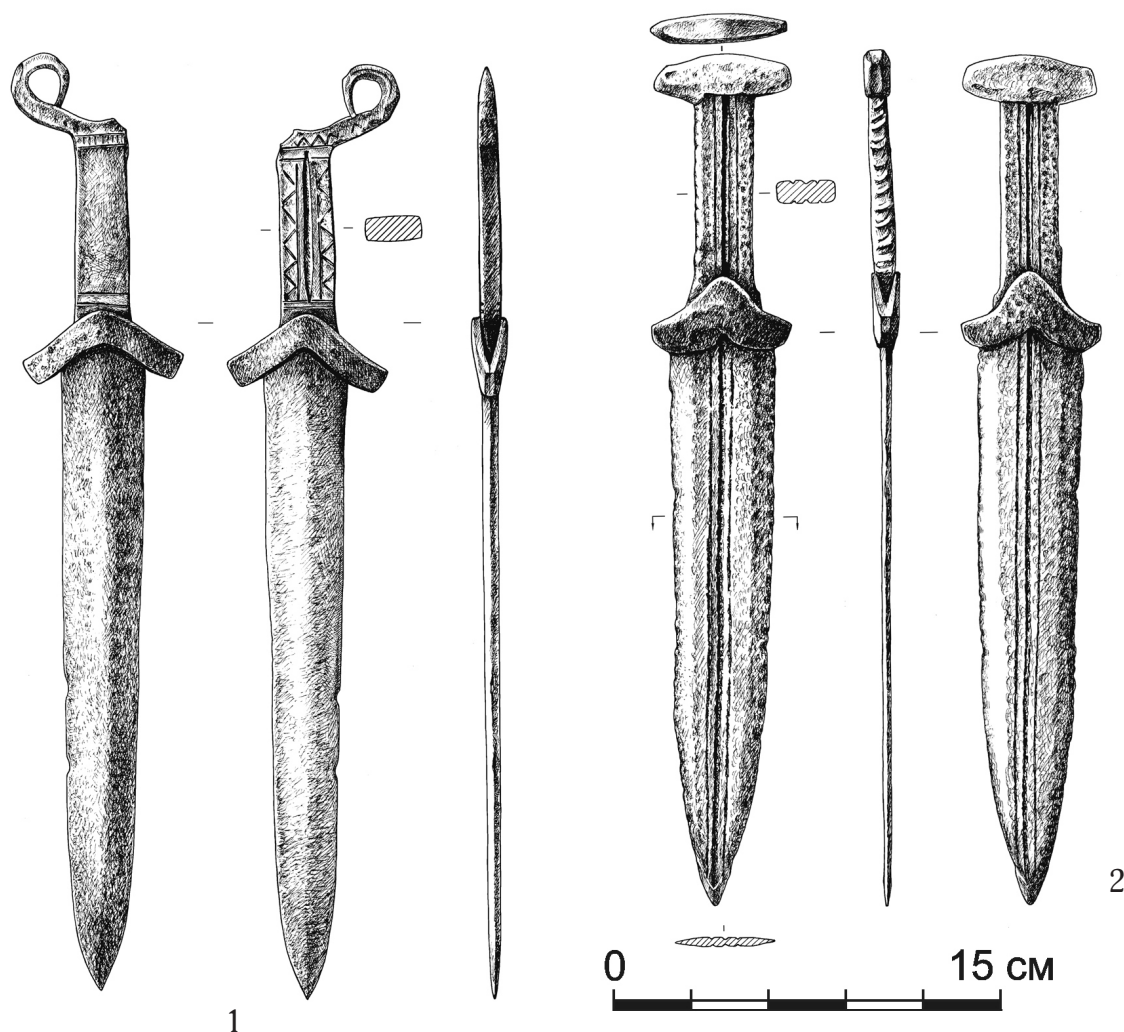
Таиров А.Д., Ульянов И.В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории архео-

логических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. С. 139–147.

Топал Д.А. Антенны скифских акинаков. Истоки и эволюция // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы III международной научной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». Казань, 2017. № 3. С. 299–353.

Топал Д.А. Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка // Stratum plus. 2014. № 3. С. 129–156.

Фризен О.И., Яблонский Л.Т. Клинковое оружие ранних кочевников Южного Приуралья: культурно-хронологический аспект // Альманах «История оружия и военного дела». Часть 1. Эпоха раннего железа. Киев: Видавець Олег Філюк, 2017. С. 101–114.

Илл. 1. Кинжалы из фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова:

1 – кинжал (УКМ 32427) был найден в 1973 г. у лесопосадки колхоза «Победа», 2 – кинжал (без номера) место обнаружения не известно.

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ ИЗ «КУРГАНА-СВЯТИЛИЩА» МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА II

© 2021 Н.В. Рослякова*, И.М. Григорьева

** Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 18-09-40031 «Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона»*

Аннотация. В статье публикуются результаты изучения погребальных комплексов с костями животных в «кургане-святилище» могильника Филипповка II. Рассмотрение видового состава животных из этих комплексов, анатомического спектра их костей и следов искусственного воздействия на них позволило выделить комплексы, имеющие разное семантическое значение. Среди остатков жертвенных комплексов и, возможно, поминальных тризн наиболее многочисленными оказались кости лошади. Значительно реже в них встречаются костные остатки крупного рогатого скота и верблюда. Погребальный инвентарь представлен астрагалами мелкого рогатого скота, костями лисицы, зайца и птицы. Аналогичные комплексы известны в погребальных памятниках и святилищах Южного Приуралья в V – IV вв. до н.э.

Ключевые слова: погребальный обряд, кости животных, погребальный инвентарь, ранний железный век, Южное Приуралье, ранние кочевники.

ANIMALS BONE REMAINS FROM BARROW-SANCTUARY OF THE BURIAL GROUND FILIPPOVKA II

© 2021 N.V. Roslyakova, I.M. Grigorieva

Abstract. The article publishes the results of a study of animal bones from the burial complexes of the sanctuary mound of the Filippovka II burial ground. Consideration of the species composition, anatomical spectrum of their bones and traces of artificial influence on them made it possible to identify complexes that have different semantic meanings. Among the remains of funeral feasts and sacrificial complexes, the most numerous were the bones of a horse. Bone remains of cattle and camel are found much less frequently in them. The burial items are represented by the astragals of small ruminants, the bones of a fox, a hare and a bird. Similar complexes are known in burial sites and in sanctuaries of the Southern Urals in the 5th-4th centuries. BC.

Keywords: funeral rite, animal bones, funerary equipment, early Iron Age, Southern Urals, early nomads.

Одной из характерных черт погребального обряда ранних кочевников Южного Приуралья является использование частей туш и отдельных костей животных, которые помещали в погребения, укладывали на перекрытия могильных ям, а также оставляли в насыпях курганов во время их сооружения. Специфика формирования таких остеологических комплексов может быть изучена только после их детального описания с указанием видового состава входивших в них животных, элементного состава их скелетов, возраста, пола, размеров забитых особей, их индивидуальных особенностей и следов искусственного воздействия на костях. Настоящая статья посвящена введению в научный

оборот результатов исследования костей животных из погребальных комплексов в кургане-святилище (курган 1) могильника Филипповка II, раскопанного в 2012 году Л.Т. Яблонским в Илекском районе Оренбургской области (Яблонский, 2013; 2014). В кургане обнаружены: разрушенное погребение эпохи поздней бронзы, погребения раннего железного века (V – начало III в. до н.э.) и раннего средневековья (Яблонский, 2013. С. 309–310).

Описание и анализ археозоологического материала были проведены по методической схеме, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (Антипина, 2004). Рост в холке лошадей, границы их относительного

роста высчитывались по длине пястной кости по методике В.О. Витта (Витт, 1952. С. 172–173). Показатели тонконогости лошадей определялись по классификации А.А. Браунера (Браунер, 1916. С. 45). Промеры костей лошади выполнены по методике В. Эйзенманн с соавторами (Eisenmann et al., 1988), промеры астрагалов овец – по методике А. Дриш (Driess, 1976).

Остеологический материал происходит из погребений 2, 4, 5 и 6. Основным в кургане является погребение 2. Остальные погребения были впущены в насыпь, насыпанную над ним (Яблонский, 2013. С. 309–310). Естественная сохранность костей оценивается как неудовлетворительная и удовлетворительная (2–3 балла по пятибалльной шкале). При такой сохранности поверхностный слой компакты на костях частично или значительно разрушен, из-за чего на них не всегда четко фиксируются следы искусственного воздействия.

Погребение 2 датировано концом V – началом III в. до н.э. (Яблонский, 2013. С. 307). По данным автора раскопок, захоронения в погребении 2 совершались в течение продолжительного времени.

В могиле обнаружены 17 скелетов людей. По мнению авторов раскопок, яму не засыпали, она лишь заполнялась естественным образом грунтом с отвалов. Кости животных находились в заполнении могильной ямы на разной глубине. Кроме того, погребение дважды подвергалось ограблениям (Яблонский, 2013. С. 305–306). Поэтому некоторые кости в заполнении могильной ямы могут быть переотложены. С южной стороны погребения находился коридорообразный дромос, который отходил строго на юг к разрыву в валу. В толще заполнения дромоса встречались отдельные кости животных. В частности, в его северной части находился целый череп лошади (Яблонский, 2012. С. 46). К сожалению, кости из дромоса не были нам переданы.

В СВ секторе могильной ямы, севернее скелетов людей № 11, 15, 16, находился череп старой особи крупного рогатого скота (*Bos taurus*) (далее КРС), фрагмент левой верхней челюсти взрослой особи КРС, основание черепа и фрагмент правой верхней челюсти молодой лошади (*Equus caballus*) в возрасте около года, левая берцовая кость взрос-

Таблица 1. Анатомический состав костей лошади, КРС и верблюда и их распределение в кургане 1 курганного могильника Филипповка II.

Элементы скелета	Лошадь			КРС	Верблюд			Всего
	Погребение 2, заполнение	Погребение 2, скелет № 10	Погребение 5	Погребение 2, заполнение	Погребение 2, заполнение	Погребение 2, скелет № 6	Погребение 2, скелет № 10	
Череп	1	1		1				3
Верхняя челюсть				1				1
Нижняя челюсть	1		1				1	3
Зубы	5							5
Позвонки	1			2	2			5
Лопатка	1		4					5
Плечевая	2					1		3
Лучевая	5							5
Бедренная	1			2*	1			4
Берцовая	3		1					4
Пясть	4							4
Астрагал			1					1
Фаланги	4							4
Всего	28	1	7	6	3	1	1	47

* одна из костей принадлежит крупному домашнему быку или самке тура

лой лошади, нижний конец правой бедренной кости верблюда (*Camelus sp.*).

В СВ секторе ямы, к востоку от скелетов людей № 11, 15, 16, обнаружены второй шейный позвонок верблюда; целая правая берцовая, фрагмент нижнего конца правой берцовой, нижний конец левой плечевой и целая правая пястная кость лошади. Все кости происходят от взрослых особей. Рост лошади, высчитанный по длине пястной кости, составлял 136–144 см в холке, что соответствует средним по росту лошадям. Индекс ширины диафиза пясти, равный 16,6%, позволяет отнести ее к группе полустолстоногих лошадей (табл. 1).

В других частях ямы были найдены кости КРС, крупного быка или тура (*Bos primigenius*), лошади, верблюда.

КРС принадлежат 2 поясничных позвонка полувзрослых особей и фрагмент нижнего эпифиза правой бедренной кости взрослой особи среднего размера. На боковом отростке одного из позвонков имеется надруб. Еще один нижний конец правой бедренной кости происходит от взрослого крупного домашнего быка или самки тура. Ее верхний конец был отбит в древности тяжелым тупым предметом.

От взрослых лошадей происходят: 3 зуба из левой верхней челюсти лошади в возрасте около 5 лет; 2 зуба из левой верхней челюсти лошади в возрасте 5–8 лет; фрагмент зубного ряда правой нижней челюсти от особи в возрасте около 8–10 лет; поясничный позвонок от особи старше 5 лет; правая лопатка, левая плечевая кость; 2 целые левые и нижние концы правой и двух левых лучевых костей; нижний конец левой бедренной кости; 2 правые и 1 левая целые пястные кости; первая фаланга из передней левой конечности; вторые фаланги из правой и левой задних конечностей (табл. 2); третья фаланга из правой задней конечности. Высота в холке 3 особей, высчитанная по длине пястной кости, составляла 136–144 см, что соответствует средним по росту лошадям. По степени тонконогости 2 из них относятся к группе полутонконогих лошадей и одна – к средненогом (табл. 1). На диафизе одного из фрагментов лучевой кости зафиксирован след от разбивания кости тяжелым тупым предметом. Медиальная часть ости лопатки срезана, поверхность среза и участок около него залощены.

Взрослой особи верблюда принадлежал поясничный позвонок.

Над черепом скелета № 6 (мужчины 40–45 лет) (Яблонский, 2013. С. 306) находился нижний конец с частью диафиза правой плечевой кости верблюда.

В ногах женщины 35–40 лет (скелет № 10) (Яблонский, 2013. С. 306) были обнаружены: фрагмент черепа (место сочленения черепа и нижней челюсти) молодой лошади, правый и левый астрагалы овцы (*Ovis aries*). На передней поверхности обоих астрагалов овцы имеются порезы острым лезвием, оставленные при вычленении костей из конечностей. У левой бедренной кости погребенной располагались: левая берцовая кость взрослой особи лисицы (*Vulpes vulpes*), левая берцовая кость взрослой особи корсака (*Vulpes corsac*), 5 правых и 4 левые берцовые кости зайца (*Lepus sp.*), правая и левая берцовые кости птицы (*Aves indet.*). Кости зайца происходят от 5 взрослых, 1 полувзрослой и 1 молодой особи. У всех берцовых костей зайца обломаны малые берцовые кости. Диафизы костей заполированы. Следы искусственного воздействия на костях позволяют рассматривать их как предметы. Их функциональное назначение неизвестно. Над скелетом этой же погребенной, у ног, находилась левая нижняя челюсть взрослого верблюда. Судя по наличию клыка – это был самец. Правая часть нижней челюсти отбита в древности.

Размеры астрагалов овцы (мм) правый/левый: длина латеральная – 34,9/34,7; длина медиальная – 33,3/32,7; длина сагиттальная – 27,5/27,3; ширина нижнего конца – 22,8/21,9; поперечник латеральный – 18,4/18,1.

Остальные погребения в кургане 1 были впущены в IV – начале III в. до н.э. в полы насыпи, возведенной над погребением 2 (Яблонский, 2013. С. 309).

Погребение 4 датировано IV – III вв. до н.э. (Яблонский, 2013. С. 308). В нем обнаружен скелет молодой женщины. Под восточной стенкой подбоя в комплексе погребального инвентаря находились 3 астрагала МРС (эти кости не были переданы нам для изучения, их описание приведено в статье автором раскопок).

Погребение 5 представляло собой кенотаф, его точная дата не определена. Кости лошади находились во вкопе в дромос катакомбы, засыпанный обвалом (Яблонский, 2012). Найдены целая правая нижняя челюсть, нижняя половина правой берцовой кости (сломы на диафизе современные), 3 левые и 1 правая лопатки и 1 правый астрагал ло-

Таблица 2. Размеры пястных костей лошадей из могильника Филипповка II (мм)

Комплекс	Максимальная длина	Ширина верхнего конца	Поперечник верхнего конца	Ширина диафиза	Поперечник диафиза	Ширина нижнего конца	Поперечник нижнего конца	Индекс ширины диафиза
к. 1, п. 2	225,7	51,2	35,4	34,0	25,6	50,0	38,0	15,1
к. 1, п. 2	226,0	-	31,4	36,5	26,7	48,5	35,0	16,2
к. 1, п. 2	233,9	-	-	34,3	26,4	48,0	35,2	14,7
к. 1, п. 2, СВ сектор	222,5	51,2	32,2	37,0	26,0	49,4	35,1	16,6

шад. Челюсть принадлежала взрослой особи около 10 лет. Астрагал происходит от особи средних размеров, относительные размеры берцовой кости оцениваются как крупные. Лопатки происходят от 4-х особей. У одной из левых лопаток подрезаны медиальный край ости, верхний и нижний край кости. У другой левой лопатки подрезан латеральный край ости. На еще одной левой лопатке зафиксированы стертость ости и слабая его залощенность. На правой лопатке видны следы лощения на ости. Слабые следы лощения имеются также на ее нижнем и верхнем крае. Размеры берцовой кости лошади (мм): ширина диафиза – 45,0; ширина нижнего конца – 78,1; поперечник нижнего конца – 48,8.

Погребение 6 датировано IV – III вв. до н.э. (Яблонский, 2013. С. 309). В нем обнаружен скелет женщины 50–55 лет (Яблонский, 2013. С. 309). В погребении обнаружены кости лисицы и зайца. Сохранность костей крайне неудовлетворительная (1 балл по 5 балльной шкале). Зайцу принадлежит диафиз правой берцовой кости. От лисицы происходят 3 левые и 1 правый диафиз берцовой кости.

Таким образом, в кургане 1 кости животных находились в четырех из шести погребений. Наиболее насыщенным комплексами с костями животных было центральное погребение 2. Кости находились в его заполнении и сопровождали отдельных погребенных. Большая часть костей в заполнении принадлежит лошади. Найдены остатки минимум от 4-х особей этого вида. Реже встречаются кости крупного рогатого скота и верблюда. Одна бедренная кость происходит от крупного домашнего быка или самки тура. Анатомический состав костей лошади и КРС представлен фрагментами черепов,

верхних челюстей, зубами, позвонками, лопатками, целыми трубчатыми костями и нижними концами длинных трубчатых костей, астрагалом, фалангами (табл. 1). От взрослой особи (или нескольких особей) верблюда происходит нижняя челюсть, второй шейный позвонок, поясничный позвонок, нижние концы бедренной и плечевой кости.

Кости головы и дистальных частей конечностей (метаподии вместе с фалангами) традиционно рассматриваются как составляющие жертвенных комплексов (Рослякова, 2012). Череп лошади и нижняя челюсть самца верблюда, сопровождавшие костяк № 10 в погребении 2, вероятно, относятся к этой категории. К ней же можно отнести крупные фрагменты черепов лошадей и целый череп КРС, пястные кости и фаланги лошади из заполнения погребения 2.

Остальные элементы скелетов крупных копытных и верблюда также могли быть оставлены в процессе совершения ритуальных действий. Часть из этих костей в кургане 1 были целыми, другая часть представляет собой крупные фрагменты костей. На боковом отростке одного из позвонков КРС имеется надруб. На нижних концах длинных трубчатых костей КРС, лошади и верблюда присутствуют следы от разбивания тяжелым тупым предметом. Все следы оставлены в процессе разделки туш. Не исключено, что некоторые из таких фрагментов являются остатками поминальной пищи.

Практически все костные остатки из заполнения погребения 2 принадлежат взрослым особям. Одна из особей КРС была старой. Лошади забивались в возрасте от 5 до 10 лет. Одна особь была забита в возрасте около года. Все кости верблю-

да происходят от взрослых животных. Размеры лошадей характеризуют их как средних по росту (136–144 см в холке). По степени тонконогости они принадлежат к группам полутонконогих, средненогих и полутолстоногих лошадей (табл. 2). Размеры фаланг лошадей приведены в таблице 3.

Использование коней при совершении погребальных обрядов зафиксировано в ряде курганов ранних кочевников Южного Приуралья конца VI – IV вв. до н.э. (Мышкин, 2012). Кроме того, кости лошади (представлены все элементы скелета) встречены в насыпях и на уровне погребенной почвы в курганах 3 и 6 могильника Филипповка I, кургане 1 могильника Покровка II (Пшеничнюк, 2012. С. 31; 39; Косинцев, 1995. С. 81). Туши лошадей были расчленены, при этом длинные трубчатые кости конечностей оставались целыми (Косинцев, 1995. С. 93).

По мнению Л.Т. Яблонского, кости верблюда известны только в комплексах «савроматского» типа или в переходную эпоху от савроматской к раннесарматской культуре (Яблонский, 2013. С. 310). В ряде памятников этого времени встречаются кости верблюда и крупных быков. В заполнении погребения 1 кургана 2 могильника Покровка II встречены фрагменты длинных трубчатых костей и подиальные кости верблюда со следами дробления. В этом же комплексе находились фрагменты костей грудной клетки крупного быка или тура со следами воздействия огня, разрубов, погрызов хищником (по определениям авторов статьи). В кургане-святилище Переволоцкое (курган 6) (Моргунова, Ев-

геньев и др., 2016; Моргунова, Купцов, 2017; 2018) на жертвенной площадке среди костей обнаружены кости верблюда: клык из нижней челюсти крупного самца, три фрагмента позвонков и фрагмент пяточной кости (по определениям авторов статьи). В курганном могильнике Самородово I в насыпи кургана 1 находились фрагмент лучевой (вместе с локтевой) и 5 карпальных костей взрослой особи крупного быка или тура (Купцова, 2020. С. 129–146).

В состав сопровождающего инвентаря женщин, чьи скелеты обнаружены в погребениях 2 (кость № 10), 4 и 6 рассматриваемого кургана 1 могильника Филипповка II, входили астрагалы МРС и длинные трубчатые кости диких животных. На передней поверхности астрагалов имеются порезы, оставленные при вычленении костей из туши, на костях лисицы и зайца – следы обработки и использования. Астрагалы МРС широко использовались в ритуальной практике в различные эпохи. Обработанные длинные трубчатые кости лисицы, зайца и птиц на дне могильных ям встречены в погребении 5 кургана 8 Мечетсайского могильника (Смирнов, 1975. С. 143), погребении 15 кургана 1 могильника Покровка VIII (Косинцев, 1995. С. 90), погребении 6 кургана 2 могильника Прохоровка I (Рослякова, 2010. С. 255) в Оренбургской области, погребении 6 кургана 1 могильника Карабаевка I в Самарской области (Мышкин и др., 2018. С. 109). Их назначение не определено.

У лопаток лошади из погребений 2 и 5 кургана 1 могильника Филипповка II зафиксированы следы

Таблица 3. Размеры фаланг лошадей из могильника Филипповка II (мм).

Комплекс	Передняя/задняя	Максимальная длина	Сагитальная длина	Ширина верхнего конца	Поперечник верхнего конца	Ширина диафиза	Поперечник диафиза	Ширина нижнего конца	Ширина нижнего сустава	Поперечник нижнего сустава
первая фаланга										
к. 1, п. 2, СВ сектор	передняя	87,7	77,9	57,9	37,6	36,6	23,7	50,4	46,0	26,5
вторая фаланга										
к. 1, п. 2, СВ сектор	задняя	48,5	35,9	46,9	30,2	40,5	-	-	44,5	-
к. 1, п. 2, СВ сектор	задняя	48,0	35,9	46,3	30,1	40,0	-	-	44,0	-

подрезания и лощения. Возможно, их использовали для каких-то целей в качестве орудий труда или ритуальных предметов. Сохранность поверхностного слоя лопаток не позволяет говорить об этом однозначно. В погребении 5 помимо лопаток находилась целая нижняя челюсть, фрагмент берцовой кости и астрагал лошади.

Использование частей туш животных в обрядовых действиях на святилищах кочевников раннего железного века известно и за пределами Южного Приуралья и изучено на материалах Устюрта (Косинцев, 2017). В святилищах Байте III, Кызылуйик и Акпан найдено значительное количество костей животных. Домашние виды представлены лошадью, КРС и МРС, также найдены единичные кости верблюда. Большая часть костей копытных относится к остаткам тризн. Разрозненные астрагалы овцы, ребра кулана и лопатки сайги с многочис-

ленными следами искусственного воздействия являются ритуальными предметами. Характерной особенностью ритуальных обрядов на данной территории является частое использование частей туш диких копытных – сайги и кулана (Косинцев, 2017. С. 304, 310).

Погребальные комплексы с костями животных в кургане 1 могильника Филипповка II схожи по своему видовому и анатомическому составу с аналогичными комплексами из курганов-святилищ и курганов, содержащих погребения V – IV вв. до н.э. на территории Южного Приуралья и святилищ ранних кочевников, населявших сопредельные территории. Для более детальной характеристики ритуальных практик кочевников Южного Приуралья в раннем железном веке в святилищах необходимо дальнейшее накопление и изучение материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина Е.Е.** Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: сборник ст. М.: ИА РАН, 2004. С. 7–33.
- Браунер А.А.** Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. 1916. Т. 86. Кн. 1. 184 с.
- Витт В.О.** Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. № XVI. С. 163–205.
- Косинцев П.А.** Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1995. Вып. 3. С. 79–100.
- Косинцев П.А.** Фауна позвоночных из святилищ раннего железного века на плато Устюрт // Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 301–319.
- Купцова Л.В.** Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок курганного могильника у с. Самородово в Оренбургском районе Оренбургской области по открытому листу № 818 в 2018 году. Оренбург, 2020.
- Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Харламов П.В., Файзуллин И.А.** Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования // Археологические памятники Оренбуржья: сб. науч. тр. Под ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2016. Вып. 12. С. 21–51.
- Моргунова Н.Л., Купцов Е.А.** Исследование кольцевого святилища сарматской культуры у поселка Переволоцкого (предварительные результаты) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2017. С. 80–85.
- Моргунова Н.Л., Купцов Е.А.** Кольцевое святилище сарматской культуры у поселка Переволоцкий // «Евразийский перекресток». Сборник материалов научно-практических мероприятий. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2018. Вып. 9. С. 19–29.
- Мышкин В.Н.** Конь и сбруя в курганах кочевников скифского времени на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2012. Вып. 12. С. 81–96.
- Мышкин В.Н., Платонов В.И., Рослякова Н.В., Холлов А.А.** Раннесарматские погребения курганного могильника Карабаевка I: некоторые результаты комплексного исследования // Археология ранних кочевников Евразии. Самара, 2018. С. 105–113.
- Пшеничнюк А.Х.** Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 287 с.
- Рослякова Н.В.** Кости животных из могильника Прохоровка // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии. Материалы и исследования по археологии России. М.: Таус, 2010. № 12. С. 252–261.
- Рослякова Н.В.** Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 399–404.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 180 с.

- Яблонский Л.Т.** Отчет о раскопках кургана 1 могильника Филипповка 2 в 2012 году. М., 2012. Т. 1.
- Яблонский Л.Т.** Кургan-святилище могильника Филипповка-2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейской степи. Ред. В.А. Лопатин. Саратов: СГУ, 2013. Вып. 10. С. 305–311.
- Яблонский Л.Т.** Кургan-святилище могильника Филипповка 2 (предварительное сообщение) // Всадники Великой степи: традиции и новации. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 88–93.
- Driesch A.** A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Harvard: Harvard University, Peabody Museum. Bulletin 1, 1976. 71 p.
- Eisenmann V., Alberdi M.T., de Giuli G., Staesche U.** Studying fossil horses. V. 1. New York: E.J. Brill. Leiden, Kobenhavn, Koln, 1988. 71p.

ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ АМУНИЦИИ ИЗ КУРГАНА 9 МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА I

© 2021 В.Н. Мышкин

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о назначении некоторых предметов (бронзового кольца и треугольной пряжки, одна из вершин которой завершается кольцом), обнаруженных в кургане 9 могильника Филипповка I. Бронзовое кольцо рассматривается как подпружная застежка или ее деталь. Такие кольца бытовали у кочевников Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э. Второй предмет – пряжка, которая, судя по аналогии с находками из скифских курганов Северного Причерноморья, могла использоваться для скрепления удила с поводом в качестве чумбурного блока, а также для скрепления ремней седла. Появление этой пряжки в составе амуниции коня, погребенного в кургане 9 могильника Филипповка I, является, вероятно, результатом связей кочевников Южного Приуралья с западным скифским миром. Время использования кочевниками таких пряжек приходится на V–IV вв. до н.э., но наибольшее распространение они получили в IV в. до н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, кочевники, Южный Урал, курган, снаряжение коня.

ITEMS OF HORSE HARNESS FROM MOUND 9 OF THE FILIPPOVKA I BURIAL GROUND

© 2021 V.N. Myshkin

Abstract. The article is devoted to the question of the purpose of some objects (a bronze ring and a triangular buckle, one of the vertices of which ends with a ring) found in mound 9 of the Filippovka I burial ground. The bronze ring is considered as a girth clasp or its part. Such rings were common among the nomads of the Southern Urals in the 6th–4th centuries BC. The second item is a buckle, which, judging by the analogy with the finds from the Scythian mounds of the Northern Black Sea region, could have been used to fasten a bit to a halter, as a chumbur block, as well as to fasten saddle straps. The appearance of this buckle in the ammunition of the horse buried in mound 9 of the Filippovka I burial ground is probably the result of the connections of the nomads of the Southern Urals with the Western Scythian world. The use of such buckles by nomads falls on the 5th–4th centuries BC, but they were most widespread in the IV century BC.

Keywords: Early Iron Age, nomads, South Urals, mound, horse harness.

Раскопки курганного могильника Филипповка I, осуществлявшиеся археологическими экспедициями на территории Оренбургской области сначала под руководством А.Х. Пшеничнюка (Пшеничнюк, 2012), а впоследствии Л.Т. Яблонского (Яблонский, 2008, 2013), позволили получить богатейшую коллекцию вещей, которая существенным образом увеличила источниковую базу изучения культуры и истории кочевого населения южноуральских степей в середине I тыс. до н.э. Необходимым важным этапом исследовательской деятельности становится интерпретация функционального назначения ряда находок, происходящих из курганов этого некрополя, а также определение времени их бытования у кочевников Южного Приуралья.

К числу погребальных комплексов, содержащих вещи, назначение которых осталось неясным, относится курган 9 могильника Филипповка I. Этот курган имел диаметр 34×36 м и высоту 2,05 м от уровня подножия насыпи. Коллективное захоронение (не менее 3 человек) было совершено на уровне древней дневной поверхности в полой деревянной погребальной постройке, шатрообразной и округлой в плане. Эта конструкция носила следы воздействия огня. Погребение оказалось ограбленным. Судя по частям скелетов, которые не были потревожены грабителями, погребенные лежали вытянуто на спине, один головой на юг, двое – на запад-юго-запад (Пшеничнюк, 2012. С. 45–46. Рис. 101–103).

После ограбления на погребальной площадке остались части жертвенного животного (ребра лошади) и сравнительно небольшое количество погребальный инвентаря. Он представлен двумя стеклянными бусинами, железными и костяными пластинами панциря; четырьмя бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел, три из которых – втульчатые и один – черешковый; железным крючком, длинным железным ножом, бронзовой и золотой ворворками (Пшеничнюк, 2012. С. 46. Рис. 104, 1–3, 9–17). Среди предметов, назначение которых осталось неясным, следует указать обломки костяного, квадратного в сечении, предмета из мелового камня в виде небольшого (1,5 см высотой) усеченного конуса с двумя круглыми сквозными отверстиями, расположенными перпендикулярно друг другу, а также три железных колечка, бронзовое кольцо и бронзовую треугольную рамку с кольцом на одной из вершин (Пшеничнюк, 2012. С. 46. Рис. 104, 4–8).

В данной статье предложена интерпретация функционального назначения двух находок, упомянутых последними в приведенном перечне, а именно – бронзового кольца и бронзовой треугольной рамки с кольцом на одной из вершин. Кроме того, рассматривается время бытования аналогичных предметов у кочевников Южного Приуралья и других регионов Евразии.

Захоронение в кургане 9 было ограблено и находки сделаны вне их первоначального обрядового контекста, что делает интерпретацию этих предметов предположительной.

Бронзовое кольцо (илл. 1, 1) диаметром 6 см. Прут кольца в сечении круглый и имеет диаметр 0,6 см (Пшеничнюк, 2012. С. 46. Рис. 104, 6). Оно лежало вместе с железными колечками восточнее скелета 1 рядом с пластинами панциря и недалеко от ребер лошади.

Это кольцо может быть интерпретировано как деталь конского снаряжения, которое использовалось в качестве подпружной застежки или ее части. Оно было отнесено к типу 1.1. подпружных металлических колец-застежек без выступов и петель. В погребениях кочевников Южного Приуралья достаточно много случаев, когда такие кольца в количестве от одного до трех лежали вместе с предметами конской амуниции. Всего среди находок, происходящих из погребений VI–IV вв. до н.э., учтено восемнадцать деталей конского снаряжения

этого типа (Мышкин, 2019. С. 45). Три больших железных кольца лежали вместе с уздечными обоймами и псалиями в погребении кургана 5 Аландского III могильника (Мошкова, 1972. С. 61. Рис. 3, VI; 4, 8–9; 5, 4–6). Два бронзовых кольца входили в состав конской амуниции (подпружных застежек, пронизей, обойм, обойм для перекрестных ремней, бляшек), помещенной в погребение 1 кургана 7 Ново-Кумакского могильника (Мошкова, 1962. С. 211. Рис. 6, 7–9). Железное кольцо обнаружено вместе с удилами и псалиями, обоймами для перекрестных ремней, бляшкой-подвеской на налобный или наносный ремень на перекрытии погребения в кургане 1 могильника Сапибулак (Мамедов, Китов, 2015. С. 22. Рис. 3, 3). Такие кольца обнаружены также в погребениях коней. Два экземпляра найдены в кургане 3 могильника Три Мара (Смирнов, 1981. С. 74, 78), три – возле коня 2 и один – около правого бока коня 1 в кургане 8 могильника Пятимары I (Смирнов, 1964. С. 50; 1975. С. 32, 35), еще один – в кургане 19 могильника Кырык-Оба II (Гуцалов, 2010. С. 62, 64). В могильнике Филипповка I несколько колец диаметром 5,3–7,5 см: железные – в кургане 12 (Пшеничнюк, 2012. С. 51. Рис. 118, 15), погребении 2 кургана 26, в 150–160 м к западу от кургана 1 и бронзовое – в погребении 2 кургана 29 (Яблонский, 2013. С. 184, 206, 226. Кат. 2425, 2771, 3151). Дата функционирования этого могильника определяется по-разному: началом IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2012. С. 87), временем в пределах между рубежом V–IV вв. до н.э. и третьей четвертью IV в. до н.э. (Трейстер, Яблонский, 2012. С. 284), второй половиной IV в. до н.э. (Васильев, 2004. С. 153–172).

Способ затягивания подпружных ремней с помощью металлических колец без выступов и петель (илл. 2, 1–2; 3, 1–2) ранее уже убедительно продемонстрирован современными фотографиями подобного использования данных предметов в Казахстане, опубликованными А.М. Мамедовым (Мамедов, 2016. С. 124–127. Рис. 3–4)¹. Следует отметить, что такие кольца, вероятно, были многофункциональными и могли применяться для застегивания не только подпруги, но и нагрудного ремня (Мышкин, 2016. С. 9, 11). Их использование в качестве как правой одночастной застежки,

¹ Выражаю искреннюю признательность А.М. Мамедову за фотографии, любезно предоставленные для использования в настоящей статье.

так и частей левой двухчастной зафиксировано при исследовании коня 2 в кургане 8 могильника Пятимары I (Смирнов, 1975. С. 32). Случай, когда они служили для скрепления нагрудного ремня с подпругой или седлом, по всей видимости, прослежен в погребении коня в кургане 3 могильника Три Мара (Смирнов, 1981. С. 74. Рис. 4, 1).

Второй предмет – бронзовая рамка (илл. 1, 2), имеющая форму треугольника, одна из вершин которого завершается кольцом, расположенным в той же плоскости, что и треугольная часть. Диаметр кольца – 2,5 см, длина сторон треугольной рамки – 4,5–5 см, общая длина рамки и кольца – 6,2 см (Пшеничнюк, 2012. С. 46. Рис. 104, 5).

Она найдена среди плохо сохранившихся костей человека в юго-восточной части погребальной постройки, на незначительном удалении от костей лошади и набора предметов (пластин панциря, железных колечек, бронзового кольца и ножа, связанных с погребением взрослого мужчины (скелет № 1). По предположению автора раскопок, этот предмет является подвеской (Пшеничнюк, 2012. С. 46. Рис. 103). Однако есть основания полагать, что эта находка представляет собой деталь конской амуниции.

В материалах, происходящих из кочевнических курганов Южного Приуралья первой половины – середины I тыс. до н.э., вещи, имеющие такую форму, отсутствуют. В определенной степени рассматриваемая находка из филипповского кургана 9 напоминает чумбурные блоки, широко распространенные у южноуральских кочевников в этот период. Однако эти детали конской сбруи имели несколько иную форму. Они представляли собой небольшие кольцевидные, округлые с заостренным концом или ромбовидные блоки с боковой прямоугольной, трапециевидной или округлой скобой (Мышкин, 2015. С. 532–536). К.Ф. Смирнов полагал, что такие детали сбруи могли использоваться для затягивания подпруги (Смирнов, 1961. С. 88). Такую возможность нельзя исключать, но местоположение этих предметов в непо потревоженных захоронениях коней возле их головы в настоящее время не подтверждает это предположение (Мышкин, 2015. С. 534).

Вместе с тем, большое количество предметов, являющихся близкими аналогиями филипповской находке, обнаружено в скифских курганах Северного Причерноморья. При этом у одной группы

таких находок кольцо и треугольная рамка расположены во взаимоперпендикулярных плоскостях, у другой – в одной плоскости. Остановимся только на второй группе.

Такие детали, сделанные из железного или бронзового стержня и имеющие вид кольца с треугольной рамкой, использовались скифскими всадниками для крепления повода. Кольцо продевали в петлю удила, а к рамке крепили повод. Эти предметы использовали также как чумбурные блоки и для скрепления ремней, удерживающих седло на спине коня (Петренко, 1967. С. 38; Ильинская, 1968. С. 115–116; 1973. С. 62; Мелюкова, 1989. С. 96–97; Алексеев и др., 1991. С. 84–85; Бессонова, 2007. С. 28).

Использование таких предметов для скрепления повода и удила зафиксировано, в частности, в уздечном наборе 1 из кургана 1 (1897 г.) у с. Волковцы (илл. 4). Расположение таких же железных пряжек, вложенных в кольца удила, прослежено в курганах 63 у с. Берестняги и 6 у с. Башмачки (Ильинская, 1968. С. 115–116. Рис. 34). Одна бронзовая пряжка с круглой и треугольной петлями, расположенными в одной плоскости, найдена слева у головы коня в первом (впускном) погребении кургана Гайманова Могила (Ильинская, 1973. С. 55. Рис. 8, 5). В данном случае она выполняла, вероятно, функцию чумбурного блока. В составе снаряжения второго (нижнего) коня в конской гробнице Мелитопольского кургана такая же бронзовая пряжка найдена слева около передней части корпуса животного. По всей видимости, эта деталь служила для скрепления и регулировки нагрудного ремня и ремней, завязывавшихся на холке (Ильинская, 1973. С. 50. Рис. 4, 1, 9). Таким образом, рассматриваемые пряжки выполняли в конском снаряжении несколько функций.

В Скифии такие пряжки, по мнению исследователей, получают широкое распространение в IV в. до н.э. Однако появляются они уже в V в. до н.э., что для лесостепного Поднепровья зафиксировано благодаря находке в кургане 3 урочища Галуцино второй половины V в. до н.э. (Петренко, 1967. С. 38) и кургане 1 у с. Аксютинцы, датированном V в. до н.э. (Ильинская, 1968. С. 77, 116. Табл. XVIII, 1). Несколько пряжек происходят из кургана 1 у с. Волковцы, датированного по чернолаковому килику второй половиной IV в. до н.э. (Ильинская, 1968. С. 79). Пряжка этого типа входит в состав конского

снаряжения из кургана 409 могильника у с. Журовка, отнесенного А.И. Мелюковой ко второй половине V – первой половине IV в. до н.э. и включенного исследователем В.Г. Петренко в группу памятников IV–III в. до н.э. (Петренко, 1967. С. 95. Табл. 25, 3). Сводка из 34 находок, происходящих из скифских памятников лесостепного Северного Причерноморья, представлена в работе О.Д. Могилова. Согласно этой сводке, такие пряжки появились в V в. до н.э. и получили широкое распространение в IV в. до н.э. Исследователь включил их в число предметов второй и третьей среднескифских групп курганов, датированных второй – четвертой четвертями V в. до н.э. и концом V – началом IV в. до н.э. соответственно, а также первой и второй позднескифских групп памятников, которые отнесены им к первой половине IV в. до н.э. и второй половине IV в. до н.э. – началу III в. до н.э. (Могилов, 2008. С. 66, 120, 125, 130, 422, 432, 434. Рис. 193; 198, 4; 201, 9; 204, 8).

Следует отметить наличие аналогичной пряжки в составе снаряжения коня 2 из конского захоронения, связанного с совершением впускного погребения кургана Солоха в Нижнем Поднепровье (Манцевич, 1987. С. 26–27, 108–109. Кат. 101). По мнению А.П. Манцевич, курган, в целом, может быть датирован рубежом V–IV вв. до н.э., т.к. время совершения основного и впускного погребений разделял незначительный отрезок времени (Манцевич, 1987. С. 117–121). А.Ю. Алексеев отнес время совершения вторичного (впускного) погребения Солохи приблизительно к 400–375 гг. до н.э. Он отметил, что С.Ю. Монахов определил время совершения впускного захоронения Солохи восьмидесятью годами IV до н.э. Приведенная А.Ю. Алексеевым комбинированная радиоуглеродная дата этого погребального комплекса – 398–389 гг. до н.э. (при 1σ) и 402–383 гг. до н.э. (при 2σ) (Алексеев, 2003. С. 260–261, 296). В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин по амфорам (определение выполнено И.Б. Брашинским) датировали впускное погребение кургана Солоха чуть более поздним временем, приходящимся на начало второй четверти – середину IV в. до н.э. (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 126–127). Железные круглые пряжки с треугольными петлями входили в состав амуниции коня 2, погребенного в Братолюбковском кургане, датированном первой половиной IV в. до н.э. (Бессонова, 2007. С. 28, 30). Большое количе-

ство (43 экз.) таких деталей конского снаряжения, изготовленных из бронзы, найдены в центральном погребении кургана Чертомлык, еще одна пряжка входила в состав уздечного набора, обнаруженного в его насыпи (Алексеев и др., 1991. С. 84, 148, 150. Кат. 5, 10). Центральное захоронение этого комплекса датировано 350–320 гг. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 268). Аналогичные пряжки входили в состав снаряжения коня, найденного в первом впускном погребении кургана Гайманова могила (Ильинская, 1973. С. 55. Рис. 8, 5), время совершения которого приходится на период в пределах 360–325 гг. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 296). Курган Толстая Могила, в котором найдены такие же пряжки (Мелюкова, 1989. Табл. 36, 33), датирован серединой IV в. до н.э. (Мозолевский, 1979. С. 237), 350–320 гг. (Алексеев, 2003. С. 264), третьей четвертью IV в. до н.э. (Онайко, 1982. С. 258). Аналогичные предметы найдены в погребении коня 2 в Мелитопольском кургане (Ильинская, 1973. С. 48. Рис. 4, 9), отнесенном ко второй половине IV в. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 266), и погребении коня в кургане 6 у пос. Днепрорудный (Кузнецов, Кузнецова, 2005. С. 328). Фрагмент такой же пряжки обнаружен в погребении коня в кургане Чмырева могила, датированном 330–315 гг. до н.э. (Болтрик, Фіалко, 2012. С. 57. Рис. 12, 9).

На Среднем Дону такая деталь конского снаряжения найдена в кургане 13 могильника у с. Русская Тростянка, который датирован по удилам с бронзовыми псалиями и бронзовым наконечникам стрел V–IV вв. до н.э. (Пузикова, 2001. С. 134. Рис. 18, 5).

Таким образом, наиболее близкие аналогии филипповской находке в большинстве своем происходят из скифских курганов Северного Причерноморья и представляют собой приспособления для скрепления удил с поводом, чумбурные блоки. Они использовались также для затягивания нагрудного ремня или подпруги. Это позволяет предположить, что рассматриваемый предмет – треугольная пряжка, одна из вершин которой завершается кольцом, происходящая из кургана 9 могильника Филипповка I, – использовался как часть конской амуниции по какому-то из этих назначений.

В VI–IV вв. до н.э. кочевники Южного Приуралья использовали для застегивания подпруги металлические застежки с одним, двумя или тремя выступами-фиксаторами в виде круглых колец или

зооморфных блях, реже – колец без фиксаторов и рамки, имеющей две прорези, и выступ, расположенный снаружи в одной с ней плоскости. Для крепления нагрудных ремней использовались, по видимому, кольца без выступов-фиксаторов и отверстий (Смирнов, 1961. С. 88–89; Очир-Горяева, 2012. С. 264–269; Мышкин, 2018. С. 41–62).

Чумбурные блоки, распространенные в VI–IV вв. до н.э. у южноуральских кочевников, как отмечалось выше, имели несколько иную форму.

Какие-то дополнительные приспособления для скрепления повода с удилами кочевники Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э. практически не использовали. Исключением являются удила из кургана 7 у с. Сара в Оренбургской области, датированного концом VI – началом V в. до н.э. Они имеют дополнительные обоймы, крепившиеся во внешних кольцах и имевшие отверстие для крепления поводьев (Смирнов, 1961. Рис. 45, 1. С. 82–83).

Учитывая изложенное, а также наличие значительного количества довольно близких анало-

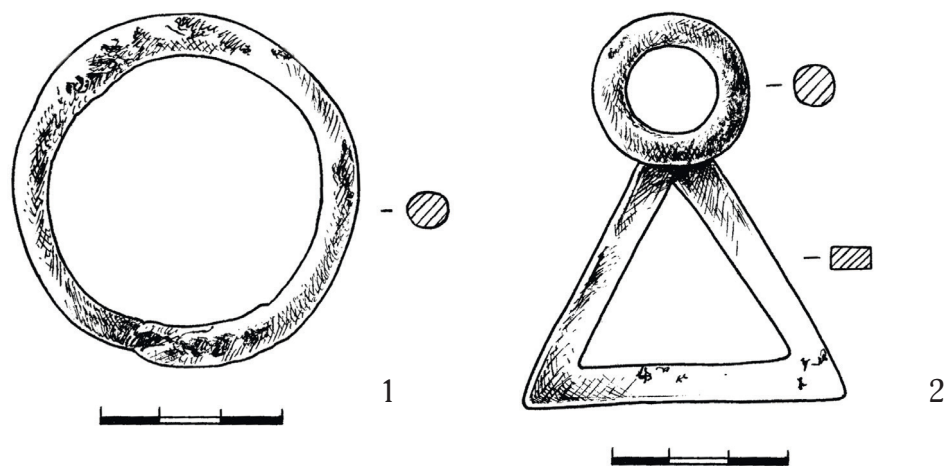
гий среди кочевнических древностей Северного Причерноморья, можно предположить, что рассматриваемая пряжка из кургана 9 могильника Филипповка I появилась у кочевников Южного Приуралья в результате связей с западным скифским миром.

Все указанные выше западные аналогии этой находке, судя по указанным выше датам, происходят из памятников, датированных V–IV вв. до н.э. В большинстве своем эти предметы обнаружены в памятниках IV в. до н.э. Таким образом, рассматриваемая пряжка из филипповского кургана 9 дает для этого погребального комплекса широкую дату, укладывающуюся в рамки V–IV в. до н.э. Однако учитывая период наиболее широкого распространения таких предметов у скифов Северного Причерноморья, наиболее вероятным временем появления ее у южноуральских кочевников является IV в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.** Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.** Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991. 416 с.
- Бессонова С.С.** Конские наборы Братолюбовского кургана // Ранній залізний вік Євразії; до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна. Київ, 2007. С. 27–30.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є.** Останні дослідження кургану Чмирева Могила // Археологія і давня історія України: Київ: ІА НАН України. Вип. 8. 2012. С. 50–57.
- Васильев В.Н.** К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа: Гилем, 2004. С. 153–172.
- Гуцалов С.Ю.** Погребение сооружения могильника Кырык-Оба в Западном Казахстане // РА. 2010. № 2. С. 51–66.
- Ильинская В.А.** Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья) // Киев: «Наукова думка», 1968. 268 с.
- Ильинская В.А.** Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев: Наукова Думка, 1973. С. 42–63.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.** Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наукова Думка, 1983. 380 с.
- Кузнецова Т.М., Кузнецов С.В.** Курганы скифского времени у пос. Днепрорудный и с. Большая Белозерка (краткий очерк) // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 317–332.
- Мамедов А.М.** Железные подпружные пряжки и блоки ранних Кочевников Южного Урала // Саки и савроматы казахских степей: контакт культур: Сборник статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмухамбетова. Алматы, 2016. С. 121–127.
- Мамедов А.М., Китов Е.П.** Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека по материалам могильника Сапибулак // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. № 6 (304), 2015. С. 19–60.
- Манцевич А.П.** Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 143 с.
- Мелюкова А.И.** Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 92–100.
- Могилев О.Д.** Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ – Кам'янець-Подільський, 2008. 439 с.
- Мозолевский Б.Н.** Товста Могила. Київ: «Наукова думка», 1979. 252 с.
- Мошкова М.Г.** Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. М.: Наука, 1962. С. 204–241.
- Мошкова М.Г.** Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153. М.: Наука, 1972. С. 49–78.
- Мышкин В.Н.** Чумбурные блоки из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // Из-

- вестия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3–2. С. 532–536.
- Мышкин В.Н.** О некоторых особенностях использования подпружных застёжек кочевниками Южного Приуралья в скифское время // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. Том 15. Вып. 1. С. 1–20.
- Мышкин В.Н.** Подпружные застёжки из курганов кочевников Южного Приуралья скифского времени // Археология ранних кочевников Евразии Самара: Книжное издательство, 2018. С. 40–63.
- Онайко Н.А.** О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Приднепровья // СА. № 4. 1982. С. 248–251.
- Очир-Горяева М.А.** Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.
- Петренко В.Г.** Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. САИ Д1–4. М.: Наука, 1967. 180 с.
- Пшеничнюк А.Х.** Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Пузикова А.И.** Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья. М.: Индрик, 2001. 272 с.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов. МИА № 101. М.: АН СССР, 1961. 163 с.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Смирнов К.Ф.** Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала / Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк (ред.). Уфа: БФАН СССР, 1981. С. 68–90.
- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т.** К вопросу об абсолютной дате могильника комплекс с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Под редакцией М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. Т. I. М.: Таус. С. 282–284.
- Яблонский Л.Т.** Новые раскопки Филипповского I могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов: Научная книга, 2008. С. 253–268.
- Яблонский Л.Т.** Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

Илл. 1. Предметы снаряжения коня из кургана 9 могильника Филипповка I.

1 – бронзовая подпружная застежка, 2 – бронзовая пряжка.

Илл. по: Пшеничнюк, 2012. Рис. 104, 5-6.

Илл. 2. Способы скрепления приструги и подпруги, заканчивающихся гладкими металлическими кольцами, использующиеся в современности, общие виды. 1–2 – фотографии представлены А.М. Мамедовым.

Илл. 3. Способы скрепления приструги и подпруги, заканчивающихся гладкими металлическими кольцами, использующиеся в современности.

Рис. по: Мамедов, 2016. Рис. 4.

Илл. 4. Узда с бронзовым набором из скифского кургана 1 у с. Волковцы (1897) в лесостепном Среднем Поднепровье. Стрелками указано местоположение пряжек в виде рамок треугольной формы с кольцом для соединения удил с поводом.

По: Ильинская, 1968. Рис. 28.

ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА КОЛОКОЛЬЦОВКА I В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

© 2021 О.В. Михайлова

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов погребений раннего железного века, обнаруженных при раскопках курганного могильника Колокольцовка I в Красноармейском районе Самарской области. Приводится характеристика археологических находок, антропологические сведения о погребенных, а также публикуется дата, полученная в результате радиоуглеродного анализа дерева из погребения № 4 кургана № 2.

Ключевые слова: курганный могильник, погребение, кочевники, раннесарматская культура, ранний железный век, радиоуглеродные даты.

BURIALS OF EARLY NOMADS OF THE BURIAL MOUND KOLOKOLTSOVKA I ON THE LEFT BANK OF THE VOLGA RIVER IN THE SAMARA VOLGA REGION

© 2021 O.V. Mikhailova

Abstract. The article is devoted to the publication of materials of the Early Iron Age burials discovered during the excavations of the burial mound Kolokoltsovka I in the Krasnoarmeysky district of the Samara region. The characteristics of archaeological finds, the anthropological information about the buried are given, and the date of radiocarbon wood's analysis of the burial № 4 of the mound № 2 is published.

Keywords: burial mound, burial, nomads, Early Sarmatian culture, Early Iron Age, radiocarbon dating.

К настоящему времени накоплено значительное количество источников по истории ранних кочевников Самарского Поволжья. Итогам исследования культуры и истории кочевых скотоводческих племен Самарского Поволжья посвящена работа В.Н. Мышкина и В.А. Скарбовенко (Мышкин, Скарбовенко, 2010). Однако введение в научный оборот новых источников по данной теме продолжается. Одним из таких источников является могильник Колокольцовка I, в кургане № 2 которого обнаружены два погребения раннего железного века, публикуемые в настоящей статье.

Курганный могильник Колокольцовка I находится восточнее-северо-восточнее с. Колокольцовка и западнее пос. Медведевский Красноармейского района Самарской области (илл. 1, 1). Могильник расположен на распаханной площадке высокой надпойменной террасы правого берега реки Чагра. К западу от площадки начинается резкое понижение к пойме реки, к северу и востоку рельеф падает в сторону разветвленной балки Каракозов, раскрывающейся в русло Чагры на южной окраине деревни Сытовка.

Могильник состоял из 5 курганных насыпей, расположенных на пахотном поле цепочкой, в направлении северо-запад – юго-восток, на расстоянии 45–350 м друг от друга.

Диаметры курганов 15–40 м. Высота курганов – 0,4–1,0 м (илл. 1, 2).

Могильник выявлен в 2001 году. В том же году были проведены раскопки курганов №№ 2, 5 (Фадеев, 2001)¹. В процессе раскопок этих курганов исследованы 6 погребений срубной культуры эпохи бронзы и два погребения раннесарматского времени, которые были впущены в насыпь кургана № 2.

Курган № 2 располагался в центральной части могильника. Он имел округлую в плане форму. Современный диаметр насыпи кургана – 31 м, максимальная высота (со стороны западной полы кургана) – 0,65 м. Судя по стратиграфическим наблюдениям (протяженности погребенной почвы), первоначальный диаметр кургана составлял 19,4–19,7 м (илл. 1, 3).

¹ Автор выражает искреннюю признательность В.Г. Фадееву за любезное разрешение опубликовать результаты раскопок кургана № 2 могильника Колокольцовка I.

Стратиграфия кургана довольно проста. Пахотный слой имел мощность 0,2–0,3 м. Это рыхлый, аморфный гумусированный суглинок черного цвета. Переход к нижележащему слою заметен по изменению цвета, увеличению неоднородности окраски и усилению плотности. Ниже слоя пахоты, в центральной части бровки, зафиксирован слой древней насыпи кургана, не затронутый распашкой. Мощность древней насыпи от 0,2 до 0,5 м. Насыпь сложена из гумусированного мешаного суглинка темно-коричневого цвета с материковыми включениями, аморфного и плотного по структуре. Под слоем насыпи залегал слой погребенной почвы, мощностью от 0,6 до 0,8 м. Погребенная почва представлена очень плотным, однородным по структуре и темно-коричневым по цвету суглинком. Ниже слоя пахоты в северной и южной части профиля кургана зафиксирован подпахотный гумусово-аккумулятивный слой мощностью 0,5–0,8 м. Слой имеет темно-серую окраску, хорошо оструктурен и слабо уплотнен. Под слоем насыпи на поверхности погребенной почвы зафиксированы линзы двух могильных выкидов из погребения № 3, состоящих из материкового суглинка желтого цвета. Первый выкид располагался к северу от погребения пятном овальной формы, размерами 2,0×1,1 м, мощностью до 0,1 м. На профиле он фиксировался линзой протяженностью 1,1 м. Второй выкид лежал к югу от погребения, пятном овальной формы, размерами 2,0×0,9 м, мощностью до 0,1 м. На профиле кургана второй выкид обозначался линзой протяженностью 0,7 м. Подстилающим слоем в общей картине стратиграфии был слой материка, зафиксированный на глубине -1,25–1,4 м. Материк представлен желтым пятнистым плотным суглинком, испещренным многочисленными норами грызунов.

Под насыпью кургана исследованы 4 погребения: 2 погребения, относящиеся к раннему железному веку, и 2 погребения срубной культуры эпохи бронзы (в данной публикации они не рассматриваются).

Погребение № 3 (илл. 2, 1) находилось в 1,5 м к северу от 0. Очертания могильной ямы зафиксированы на глубине -1,25 м от 0. Могильная яма имела подтрапещевидную форму со скругленными углами, размерами 1,65×1,25 м. Дно ямы зафиксировано на глубине -1,9 м от 0. Могила была врезана в материк на 0,65 м. Общая глубина ее от древней

поверхности составила 1,3 м. Яма в разрезе имела форму прямоугольника. Стенки ямы прямые. Заполнение могилы состояло из рыхлого суглинка темно-коричневого цвета. Яма ориентирована длинной осью по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Находок в погребении не обнаружено. Восточный борт погребения практически всем фронтом переходил в огромную сурчиную колонию, благодаря которой и был, по всей видимости, полностью разрушен.

Погребение № 3 являлось центральным в кургане. Мощный выброс из него зафиксирован на погребенной почве. Именно с этим погребением и была связана насыпь кургана. Материалы эпохи бронзы, как и скелет погребенного, в могиле не сохранились.

В погребение № 3 бронзового века было впущено погребение раннего железного века. В процессе выборки заполнения погребения № 3, на глубине 1,27 м от 0, ближе к восточному борту погребения расчищен череп, который отличался от других черепов антропологической серии этого могильника. Череп найден без нижней челюсти. Он лежал основанием вниз, лицевой частью направлен на северо-северо-запад. Другие кости скелета не найдены. Череп, судя по определениям антропологов, предположительно принадлежал женщине 40–50 лет². Череп сравнительно массивный, довольно крупный по поперечным размерам, брахикранный, со средне- или высоким сводом. По мнению А.А. Хохлова, череп имеет монголоидные признаки и по ряду морфологических характеристик сближается с сарматским черепом из погребения № 4 этого же кургана (Хохлов, 2001. С. 3).

Погребение № 4 (илл. 2, 1) находилось в 2,5 м к северо-северо-востоку от 0. Юго-восточный угол погребения почти вплотную подходил к условной восточной-северо-восточной стенке погребения № 3. Очертания могильной ямы зафиксированы на глубине -1,42 м от 0. Могильная яма имела прямоугольную форму со скругленными углами, размерами 2,10×1,1 м. Дно зафиксировано на глубине -1,66 м от 0. Могила была врезана в материк на 0,07–0,15 м. В разрезе яма имела форму прямоугольника, с прямыми стенками. Заполнение могилы состояло из рыхлого серого мешаного суглинка. Яма ориентирована длинной осью по линии С-Ю.

² Антропологические определения выполнены А.А. Хохловым.

Могильная яма имела поперечное деревянное перекрытие, от которого в южной части могилы сохранились фрагменты колотых плашек. На глубине -1,40–1,43 м расчищено три плашки. Они имели ширину 6–8 см, толщину – 4–5 см.

Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на юг. Череп стоял на основании, лицевой частью на северо-восток, на глубине -1,54 м от 0. Нижняя челюсть располагалась отдельно, здесь же. Грудная клетка, тазовые кости, а также правая бедренная кость отсутствовали. Все сохранившиеся кости лежали в анатомическом порядке. Левая нога зафиксирована на глубине 1,58–1,63 м от 0, правый голеностопный сустав – на глубине 1,54–1,59 м от 0. В могиле был похоронен мужчина преклонного возраста – 55–70 лет. По мнению А.А. Хохлова, череп погребенного можно отнести к умеренно гиперморфному и умеренно массивному краниологическому варианту, формировавшемуся при метисации монголоидных и европеоидных популяций в районах к востоку от Волги. Этот вариант с отчетливыми монголоидными чертами не идентичен гиперморфному, представленному у местных савромато-сармат (Гвардейцы I, Березки I, Бобровка I и др.). Он близок к сарматскому черепу из курганного могильника Бариновка II (Хохлов, 2001. С. 6).

У западной стенки могильной ямы, напротив левой большеберцовой кости скелета, на глубине -1,54 м от 0 лежала лопатка и верхняя часть передней левой конечности, отчлененная в луче-локтевом суставе, принадлежащая овце в возрасте моложе 2,5 лет³. Инвентарь погребения представлен глиняным миниатюрным сосудом, абразивным камнем и двумя фрагментами железного ножа, сломанного пополам.

Сосуд (илл. 2, 2) был поставлен в северо-западный угол ямы, в 30 см к западу от левой стопы. Он зафиксирован на глубине -1,47 м от 0.

Сосуд имеет форму закрытой банки с сильно раздутым туловом и уплощенным дном. Срез венчика уплощен, скошен внутрь. Внешняя поверхность сосуда хорошо заглажена. Черепок коричневого цвета, с темно-серыми следами неравномерного обжига, в изломе – черный, крошится. На внутренней поверхности фиксируются черные следы нагара. В составе формовочной массы сосу-

да присутствуют редкие белесые включения, возможно, толченой раковины или кальцинированных костей. По внешнему краю венчика нанесен орнамент – поясok оттисков птичьей косточкой (?), под ними – две тонкие горизонтальные прорезанные линии. Высота сосуда 59 мм, диаметр венчика – 67 мм, диаметр тулова – 85 мм, диаметр дна – 50 мм.

Между берцовыми костями погребенного, на глубине -1,57 м от 0 лежал нож. Нож железный, однолезвийный, с прямой спинкой и изогнутым лезвием, с коротким черешком. Сохранились два фрагмента лезвия ножа. Длина одного фрагмента лезвия 7 см, ширина – 0,9–1,4 см. Толщина зауженного конца – 0,3 см, расширенного – 0,7 см (илл. 2, 3).

Второй фрагмент ножа находился рядом с костями животного, у западной стенки погребения, на уровне берцовых костей погребенного, на глубине -1,59 м от 0. Это фрагмент лезвия с примыкающим к нему черешком. Фрагмент имеет подпрямоугольную в плане форму и линзовидное сечение, профиль лезвия изогнут. Длина фрагмента – 5,2 см, ширина – 1,5 см, толщина – 0,2–0,3 см. Длина черешка – 0,7–0,8 см, ширина – 0,7 см, толщина – 0,2 см (илл. 2, 4).

Абразивный камень (илл. 2, 5) найден в северо-западном углу могилы, рядом с сосудом, в 18 см к западу от левой стопы костяка. Он зафиксирован на глубине -1,44 м от 0.

Абразивный камень – это плитка серого песчаника. Она имеет подтрапециевидную в плане форму. Одна из торцевых сторон абразива прямая, другая – округлая. В профиле плитка имеет неправильную четырехугольную форму. В разрезе абразивная плитка овальная. Орудие имеет длину 118 мм, ширину – 59–66 мм, толщину – 35 мм, вес орудия – 500 г.

Орудие полифункционально. Торцевые стороны его использовались в качестве абразива для заточки крупных железных изделий. От длительного употребления на торцах орудия образовались узкие желобки, заходящие на обе стороны плитки. Кроме того, на плоскостях плитки хорошо заметны мелкие выбоинки, формирующиеся в канавки. Такие следы позволяют предположить, что перед заточкой лезвие орудия отбивалось на абразиве, как на наковальне. После этой операции в зернистой структуре поверхности плитки остались темно-

³ Остеологические определения выполнены Н.В. Росляковой.

рыжие зерна окислов от обрабатываемых изделий из железа. И, наконец, абразив использовался в качестве песта. Об этом свидетельствуют характерные следы от растирания на одной из его торцевых сторон⁴.

Выводы. Южная ориентировка костяка, впускной характер погребений, инвентарь могут свидетельствовать о раннесарматской принадлежности погребений (Мошкова, 1963. С. 22). Датирующий погребальный инвентарь в могилах отсутствует, а тот, который обнаружен (нож, абразив), использовался кочевниками длительное время.

Для датировки памятника был проведен радиоуглеродный анализ образцов дерева, отобранных из перекрытия погребения № 4. Анализ выполнен

⁴ Трассологические наблюдения проведены автором статьи.

в лаборатории радиоуглеродного датирования Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Полученная дата (Le-6038) – 2350 ± 16 . Калибровочный возраст погребения при 2σ (95,4%) укладывается в период с 408 по 389 гг. до н.э., при 1σ (68,3%) укладывается в период с 403 по 397 гг. до н.э.

Таким образом, мы получили очень точный временной промежуток для даты совершения погребения.

Публикуемые в настоящей статье археологические материалы из кургана № 2 курганного могильника Колокольцовка I пополняют серию находок из погребальных комплексов рубежа V–IV вв. до н.э., исследованных на территории Самарского Заволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

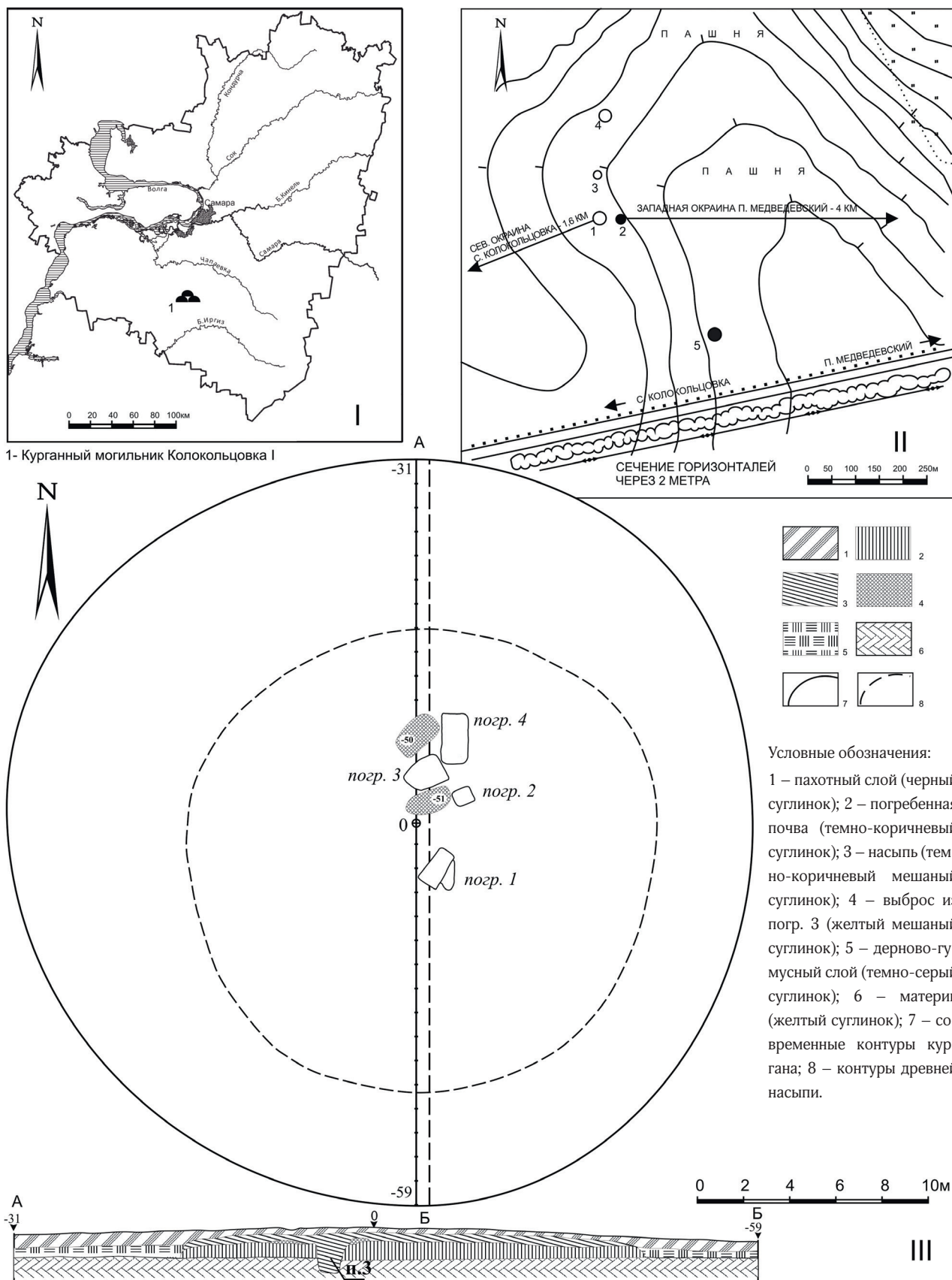
Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Наука, 1963. С. 56.

Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 87–100.

Фадеев В.Г. Отчет о результатах проведения охранных археологических раскопок на курганном могильнике Колокольцовка I в Красноармейском районе Самарской области в 2001 году // Архив Самарско-

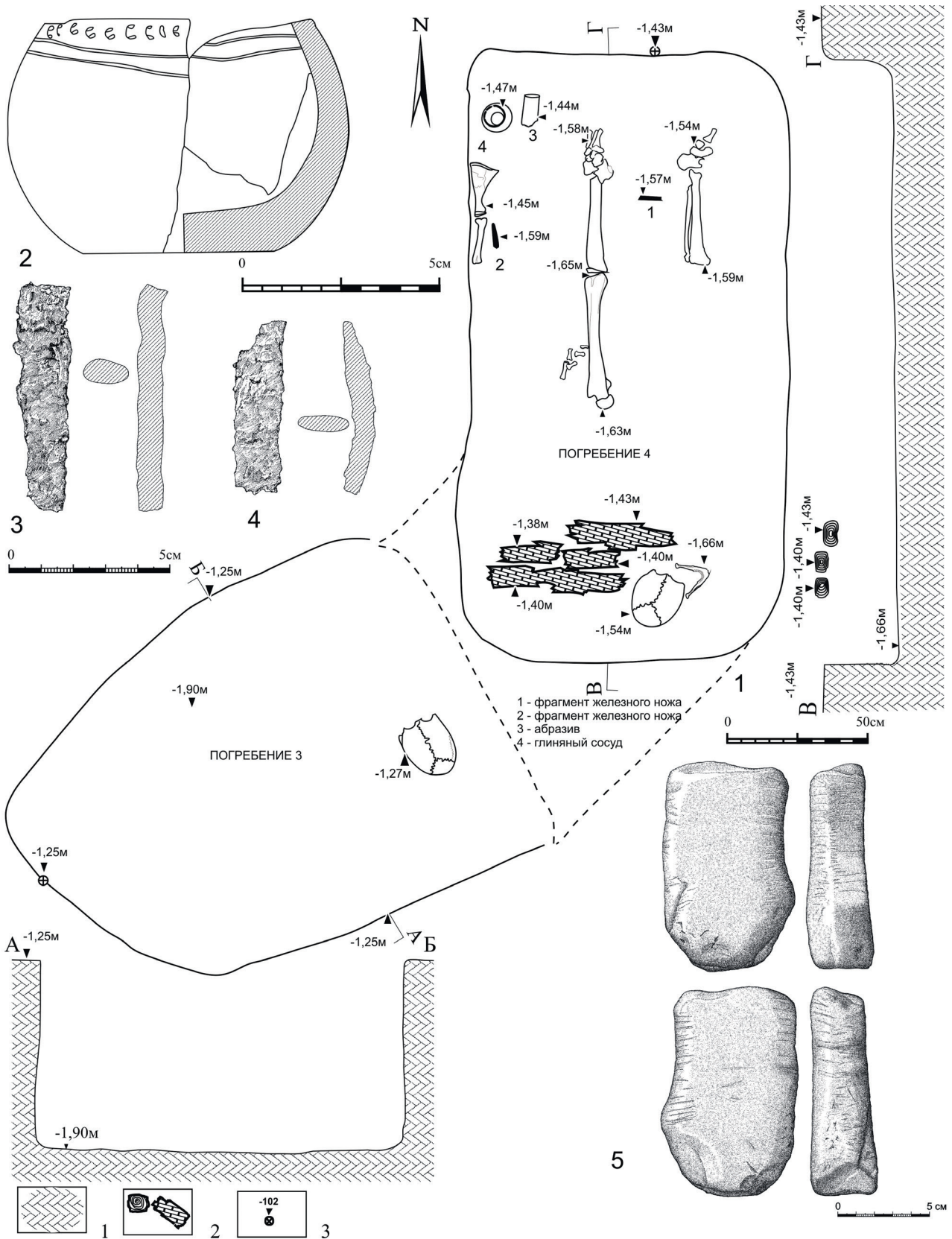
го областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.

Хохлов А.А. Палеоантропологические материалы курганного могильника Колокольцовка I Красноармейского района Самарской области (раскопки 2001 года). Приложение к отчету Фадеева В.Г. «Отчет о результатах проведения охранных археологических раскопок на курганном могильнике Колокольцовка I в Красноармейском районе Самарской области в 2001 году» // Архив Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина.

Илл. 1. Колокольцовка I, курганный могильник.

I – карта-схема расположения курганного могильника; II – план курганного могильника (съемка Михайлова О.В., 2001 г.); III – план и разрез кургана № 2.

Условные обозначения: 1 – материк, 2 – остатки деревянного перекрытия, 3 – точка привязки.

Илл. 2. Колокольцовка I, курганный могильник. Курган 2. Погребения 3 и 4.

1 – планы погребений; 2 – глиняный сосуд; 3, 4 – фрагменты железного ножа; 5 – абразив.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ИЗ ВОСТОЧНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

© 2021 О.Ф. Бытковский, С.М. Умрихин

Аннотация. В статье опубликованы материалы могильника Калиновка 1, исследованного в Восточном Оренбуржье. Исследовано два погребения из двух курганов, в которых обнаружены глиняные сосуды, фрагменты бронзовых зеркал, глиняное пряслице и фрагмент железного ножа. Курганы могут быть датированы IV в. до н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, раннекочевнический комплекс, прохоровское погребение, сосуд, бронзовое зеркало, пряслице, железный нож.

BURIAL MONUMENT OF EARLY NOMADS FROM EASTERN ORENBURG

© 2021 O.F. Bytkovskiy, S.M. Umrihin

Abstract. The article published materials of the burial ground Kalinovka 1, studied in the Eastern Orenburg region. Two burials from two mounds were investigated, in which clay vessels, fragments of bronze mirrors, a clay spindle ware and a fragment of an iron knife were found. The mounds can be dated to the 4th century BC.

Keywords: Early Iron Age, early nomad complex, Prokhorovka burial, vessel, bronze mirror, spindle ware, iron knife.

Введение

В 2019 г. археологической экспедицией ООО «Научно-исследовательский археологический центр» под руководством С.М. Умрихина были проведены спасательные раскопки могильника Калиновка 1, которые завершились исчерпывающим исследованием археологического объекта (Умрихин, 2019).

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот материалов данных погребальных комплексов.

Описание погребальных комплексов

Могильник Калиновка 1. Расположен в 2,8 км к С от северной оконечности улицы Колхозная п. Калиновка, в 4,8 км к СВ от пересечения улиц Промышленная и Оренбургская г. Гая, на территории Гайского городского округа (илл. 1). Памятник представляет собой два каменных кургана округлой формы из колотых камней среднего размера. Объекты имеют схожие конструктивные особенности устройства. В центре каждого кургана фиксируется понижение на 0,2–0,15 м, диаметром 2,0–2,5 м. Поверхность курганов слабо задернована, частично заросшая невысоким кустарником чилиги. Камни для строительства курганов представляют собой сургучную яшму, из которой и состоит данная горная гряда. Ее выходы наблюдаются повсеместно по вершине горы с севера на юг. В 13 м к ЮЮВ от кургана 2 расположен триангуляционный знак с отметкой 420,6 м над уровнем моря. В 20 м к западу от памятника проходит полевая дорога (илл. 2).

Следует отметить, что на стадии выявления и фиксации памятника его объекты (курганы) предположительно были приняты за мазары Нового времени. Однако исчерпывающие исследования могильника Калиновка 1 показали, что его объекты представляют собой каменные курганы эпохи раннего железа, подвергшиеся в прошлом ограблению.

Курган 1 имел округлую в плане форму. Насыпь представляла собой каменную наброску диаметром 4 м, с максимальной высотой 0,3 м. В центре фиксируется понижение диаметром около 2 м. Материковое основание фактически представляет собой скалу из яшмовых плит, имеющих общий

небольшой уклон с запада на восток. В некоторых местах основание представлено целыми плитами, но, как правило, в верхних слоях они подвержены естественному разрушению с образованием плотного спрессованного щебня.

После полного сноса каменной конструкции кургана никаких дополнительных конструкций в виде ровиков не обнаружено. Диаметр раскопа составил 4 м. Следует отметить, что в процессе сноса насыпи по кругу диаметром 2,0–2,5 м фиксировались более крупные камни, которые, вероятно, служили основой формирования кургана и укладывались вокруг погребения (илл. 3).

Слой погребенной почвы не фиксировался. Возможно, перед сооружением площадка была расчищена от гумуса до скального основания. Кроме того, на вершине данной возвышенности отмечается повсеместный выход яшмовых плит и весьма слабый слой гумуса вообще. Нельзя исключить, что на период формирования надмогильной конструкции площадка представляла собой ровную, состоящую по большей части из плит поверхность, фактически лишенную гумусного слоя. Похожая ситуация на данный момент фиксируется на межкурганном пространстве.

На подкурганной площадке (глубина раскопа – 0,08 м) после зачистки материкового основания (скалы) (с контрольным углублением на 0,03–0,05 м) была выявлена одна могильная яма (илл. 3, 1).

Погребение линзовидной в сечении формы располагалось в центре кургана (илл. 4, 1, 2). На уровне древнего горизонта по внешнему контуру яма имела округлоовальные очертания размером 2,38×1,93 м и была ориентирована меридионально, с небольшим отклонением к СЗ. Заполнение погребения представляло собой колотые камни мелких и средних размеров, аналогичные по фактуре тем, что использовались при сооружении кургана. Грунтовый выброс из ямы не фиксировался.

Стенки погребальной камеры состоят из скальной породы (яшма), в которой она и была вырублена. Западная половина ямы состоит из наклонной плиты, прорубленной в центре, с образованием неглубокой расщелины. Перепад высот в уклоне плиты составляет около 0,5 м. Восточная часть ямы представляет собой плавно изогнутую стенку, прорубленную в нескольких скальных плитах, которые также имеют уклон на восток. Верх-

ние слои толщиной 10–20 см имеют более мягкую структуру и представляют собой растрескавшуюся скальную породу. Максимальная глубина ямы составляет -61 см от нулевой отметки, -53 см от уровня материка. Судя по внешним признакам погребение было ограблено в древности. Следы погребения человека не выявлены.

Погребальный инвентарь:

1. Фрагмент плоского бронзового зеркала круглой формы обнаружен в заполнении западной части образовавшейся расщелины, в границах погребения, на глубине -9 см (от нулевой отметки). Первоначальный диаметр диска составлял около 16 см (илл. 4, 3).

Курган 2 имел округлую в плане форму. Надмогильная конструкция объекта, по сути, представляет собой каменно-земляную конструкцию диаметром 6 м и высотой до 0,3 м. В центре сооружения прослеживается понижение заплывшего грабительского раскопа. В процессе сноса насыпи по ее периферии (в 1,7–2,0 м от условного центра) фиксировались отдельные более крупные камни, которые, вероятно, выполняли функцию удержания каменно-земляного массива в результате естественного руинирования (илл. 5). После полного сноса каменной конструкции кургана никаких дополнительных элементов конструкций не обнаружено. Подкурганная площадка кургана 2 аналогична кургану 1.

На подкурганной площадке (глубина раскопа – 0,02 м) после сноса насыпи и зачистки материкового скального основания (с контрольным углублением на 0,03–0,05 м) была выявлена одна могильная яма (илл. 5, 1). Грунтовый выброс из погребения не зафиксирован.

Погребение располагалось в центре кургана (илл. 5, 1; 6). Погребальная камера вырублена в плитах скальной (яшмовой) породы. Яма размером 2,45×1,2 м имела подпрямоугольные очертания с округлыми торцевыми стенками и была ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Заполнение погребения представляло собой колотые камни мелких и средних размеров, аналогичные по фактуре тем, что использовались при сооружении насыпи кургана. В южной части встречались отдельные, более крупные камни.

Центральные и нижние части стенок были почти отвесными, в верхней части яма несколько расширяется. Верхние слои толщиной 10–20 см

имеют более мягкую структуру и представляют собой растрескавшуюся скальную породу. Дно ямы состоит из двух несколько наклонных друг к другу и плотно стыкующихся плит с небольшой щелью между ними. Максимальная глубина ямы составляет -70 см от нулевой отметки, -68 см от уровня материка. Вероятнее всего, погребение было ограблено в древности. Следы погребения человека не выявлены. Непотревоженным остался только небольшой участок у северо-западной торцевой стенки могилы (илл. 6, 1), где обнаружен достаточно яркий и информативный погребальный инвентарь, в том числе расположенный *in situ*.

Погребальный инвентарь:

1. Глиняное дисковидное пряслице, изготовленное из стенки сосуда (диаметр – 4 см, толщина – 0,6 см), с отверстием в центре ($d = 5-7$ мм). С внешней стороны сохранился орнамент, нанесенный плоским штампом в виде вертикальной елочки. К ее основанию примыкает горизонтальный ряд концевых вдавлений. В глине присутствует обильное количество талька. Предмет обнаружен в заполнении южной части погребения, в юго-восточном углу, на глубине 32 см (илл. 8, 1).

2. Глиняный сосуд 1. Представлял собой плавнопрофилированный лепной горшок шаровидной формы с округлым дном и воронкообразным горлом. Сосуд декорирован в верхней части тулова горизонтальными каннелюрами и тремя орнаментальными бордюрами из ямочных вдавлений, вертикальной елочки и тройного дискретно нанесенного горизонтального зигзага, выполненных оттисками плоского штампа, разделенных тремя горизонтальными прочерченными линиями. Поверхность коричневого цвета с черными пятнами, обжиг неравномерный, в формовочной массе прослеживается примесь талька, дресвы и шамота. Диаметр венчика – 11,3 см, диаметр тулова – 24 см, высота около 25 см. Сосуд располагался *in situ* у северной торцевой стенки могилы (илл. 6, 1; 7, 1).

3. Глиняный сосуд 2. Представлял собой лепной асимметричный грушевидный горшок с плавным профилем тулова, имеющим максимальное расширение в нижней трети высоты, с плоским дном и слегка отогнутой воронковидной горловиной, образующей внутреннее сглаженное ребро в основании венчика. Сосуд орнаментирован в верхней части тулова оттисками плоского штампа, образующими спрямленную горизонтальную елочку и обращенные вершинами вверх равнобедренные треугольники с частичной горизонтальной или наклонной штриховкой. Орнамент выполнен крайне небрежно с нарушением ритма и морфологии геометрических фигур. Поверхность коричневого цвета с черными пятнами, обжиг неравномерный, в формовочной массе прослеживается примесь талька, дресвы и шамота. Диаметр венчика – 16,2 см, диаметр тулова – 17,8 см, диаметр дна – около 11,5 см, высота – 16,3 см. Сосуд располагался *in situ* у северо-западной стенки могилы, в специально подрубленном в скале углублении (илл. 6, 1; 7, 2).

4. Фрагмент плоского бронзового зеркала размерами 12,8×11,2 см обнаружен *in situ* у северной торцевой стенки могилы под сосудом 1 (илл. 6, 1; 8, 3). При графической реконструкции (метод зеркально-симметричного сочленения фрагмента) форма зеркала имеет необычный подпрямоугольный контур с сильно скругленными углами (размером около 13,5×10,2 см). В основании расположены два миниатюрных отверстия, вероятно, для крепления ручки из органического материала. На тыльной стороне изделия прослеживается декор в виде дуговидного отрезка.

5. Железный миниатюрный однолезвийный нож с горбатой спинкой располагался *in situ* под обломком бронзового зеркала. Сохранился фрагмент лезвия размерами 7,5×1,1 см (илл. 6, 1; 8, 2).

Заключение

В ходе охранных археологических работ проведено исчерпывающее научное исследование двух курганов могильника Калиновка 1, в которых выявлено два погребения раннего железного века.

Одним из характерных признаков кочевнических курганов является их месторасположение на вершинах горных массивов, холмов, увалов, а

также на господствующих возвышенностях обширного степного пространства. Эти сооружения служили основными маркерами территорий, принадлежавших тому или иному объединению древних кочевников, а также своего рода ориентирами для путников.

Отсутствие костных останков в курганах связано с малой глубиной погребальных ям (скальный массив), а также с последующей переотложенностью в результате ограбления могил, что и стало, в свою очередь, следствием разрушения органики в агрессивной среде (доступ воздуха и воды). Подобные последствия встречаются в погребальных конструкциях южно-уральского региона: Курган у д/к Энергетиков в Орске, Курган Кушалыкуак-1 в Башкирии и др. (Заседателева, 1988; Савельев, 2006). Следует отметить, что обрядовые особенности, наличие и разнообразие сопутствующего инвентаря характеризуют исследованные объекты именно как погребальные памятники, а не символические (кенотафы).

С точки зрения культурно-хронологической характеристики исследованных объектов диагностирующим репером является наличие набора сопутствующего погребального инвентаря, элементы которого свойственны для классических раннекочевнических комплексов.

Морфологические и орнаментальные характеристики обнаруженных в кургане № 2 глиняных сосудов типичны для группы прохоровских погребений Южного Урала. Шаровидный сосуд 1 (с учетом частичной утраты донной части) по классификации М.Г. Мошковой относится к отделу III круглодонной прохоровской посуды и датируется IV в. до н.э. (Мошкова, 1963). Такой элемент орнамента, как косая сетка, свойственен для ранней группы южно-уральских прохоровских погребений. Этот элемент декора зафиксирован на сосудах из курганов № 16, 18 и 21 Ново-Кумакского могильника (Смирнов, 1964; 1977), № 10 Новоорского I могильника, № 8 могильника у телевышки (Заседателева, 1985; 2013) и др. Комбинация горизонтальных лент косой сетки и зигзага присутствует на прохоровском сосуде из кургана № 8 могильника у телевышки (Заседателева, 1985). Грушевидный сосуд 2 относится к отделу I плоскодонной прохоровской посуды по классификации М.Г. Мошковой и также датируется IV в. до н.э. Морфологически горшок имеет близкую аналогию в кургане № 4 могильника у телевышки (Бытковский, 1996). Большая примесь талька в глине сосудов является характерной чертой южно-уральской прохоровской посуды.

Круглые плоские пряслица, изготовленные из стенок сосудов, часто встречаются в женских погребениях южно-уральских сарматских памятников. К этой категории инвентаря относится и пряслице из кургана № 2, а фрагмент элемента орнамента на его поверхности в виде вертикальной елочки имеет близкое сходство с рисунком на сосуде из прохоровского кургана № 3 Новоорского I могильника (Заседателева, 1980).

Бронзовые зеркала в виде плоского диска или диска с ручкой, а также их отдельные фрагменты тоже нередко встречаются в сарматских погребениях. Обломок небольшого (d – ок. 16 см) круглого плоского зеркала из кургана № 1 являлся частью целого артефакта, вероятно, разбитого и утерянного в результате ограбления погребения. Фрагмент зеркала из кургана № 2 сохранился в положении *in situ*. Это говорит о том, что предмет был изначально преднамеренно или случайно разбит, а затем помещен в могилу. Нахождение обломков или разбитых зеркал в погребениях являлось характерным обычаем в среде ранних кочевников. В результате графической реконструкции можно предположить, что экземпляр из кургана № 2 имел необычную подпрямоугольную форму с сильно скругленными углами. Условно близкие южно-уральские аналогии данному экземпляру встречены в кургане № 3 Новоорского I могильника, в кургане № 8 Мечетсайского могильника и в погребении IV – III вв. до н.э. из раскопок Н.К. Минко под Челябинском (Заседателева, 1980; Смирнов, 1975). Эти факты не противоречат утверждению о принадлежности данной категории инвентаря к прохоровскому периоду истории ранних кочевников.

Однолезвийные железные ножи с горбатой спинкой (курган № 2) часто встречаются в большинстве сарматских могил. Эти ножи по своей форме относятся к первой группе по классификации М.Г. Мошковой (Мошкова, 1963) и бытуют у кочевников на протяжении нескольких столетий.

Отсутствие костных останков затрудняет определение ориентировки погребенных. Меридиональная же ориентировка могил в обоих курганах появляется в среде ранних кочевников

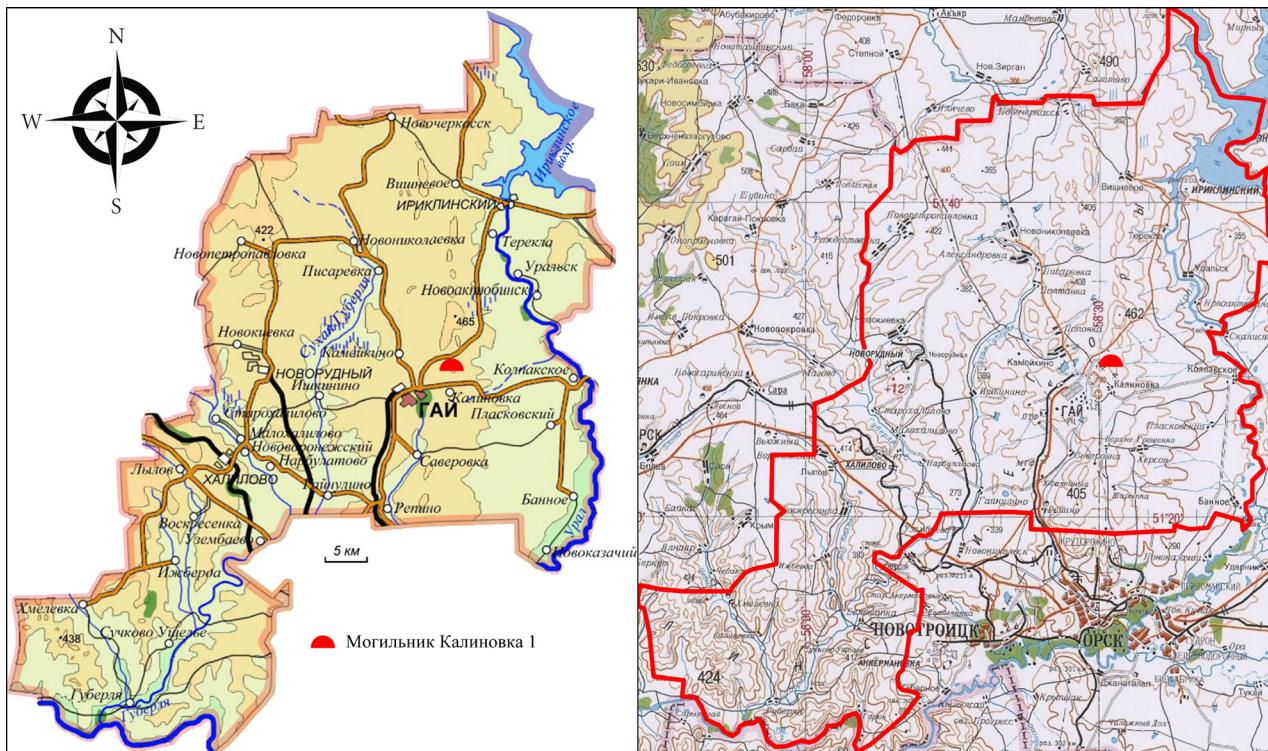
во второй половине V в. до н.э. и получает господствующее распространение в IV в. до н.э.

Таким образом, обрядовые характеристики и сопутствующий инвентарь погребений могильника Калиновка 1 типичны для системы по-

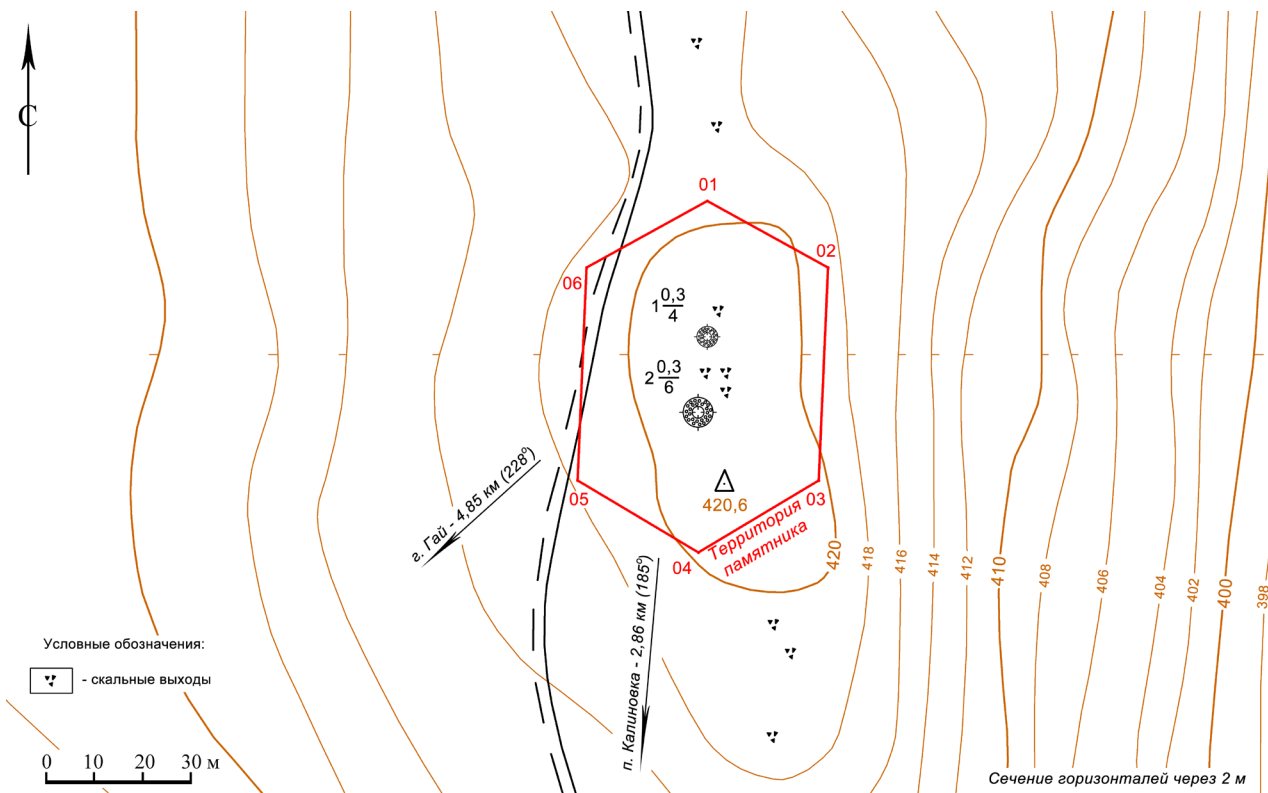
гребальной обрядности ранних кочевников IV в. до н.э. Южного Зауралья. Полученные в ходе раскопок материалы дополняют историю Восточного Оренбуржья в эпоху раннего железа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

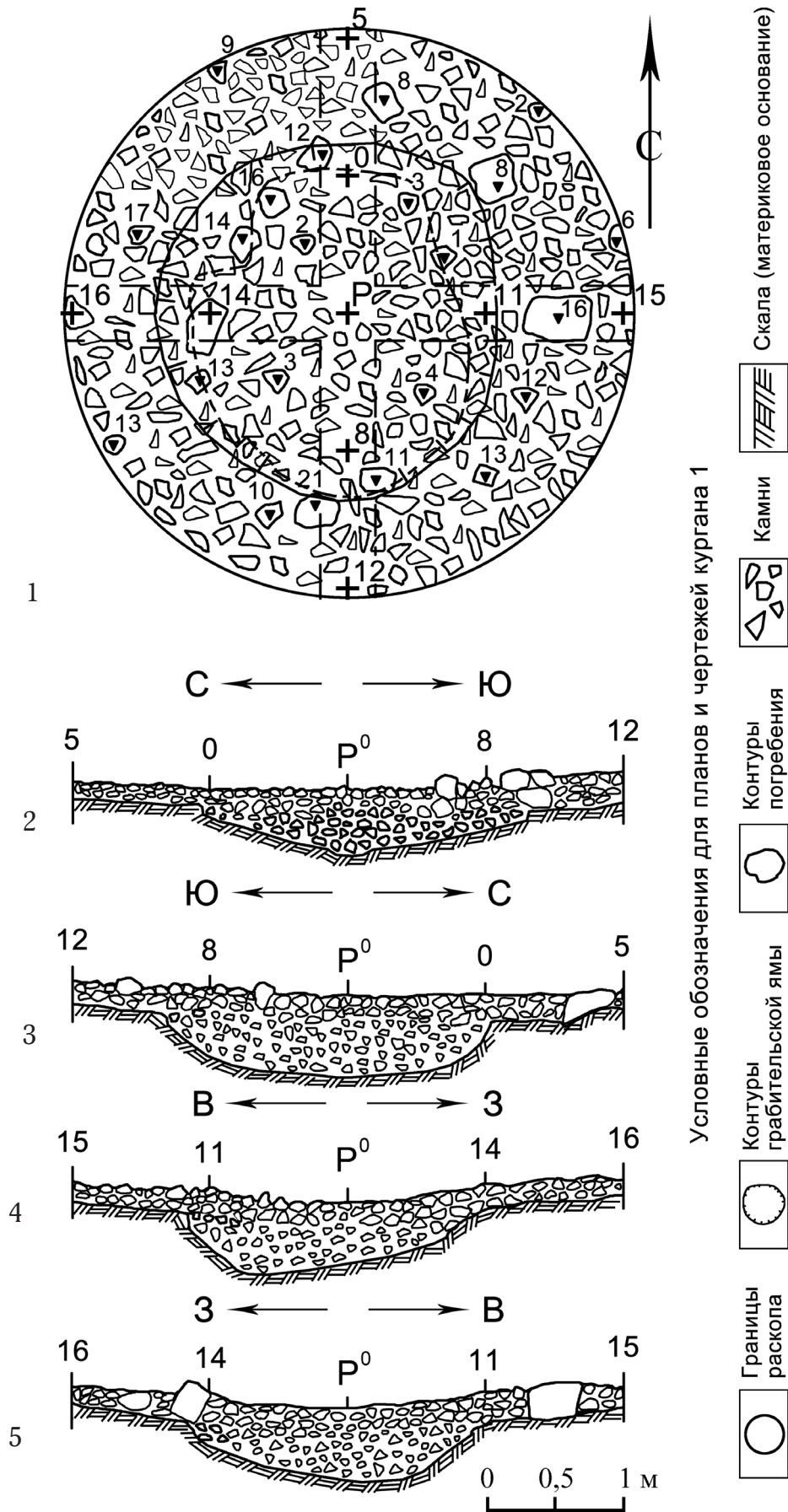
- Бытковский О.Ф.** Работы Орской экспедиции // Археологические открытия 1995 года. М.: ИА РАН, 1996. С. 255–256.
- Заседателева С.Н.** Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея. Орск, 1980 // Архив ОКМ. № 1125а.
- Заседателева С.Н.** Отчет о работе археологической экспедиции Орского краеведческого музея. Орск, 1985 // Архив ОКМ, б/н.
- Заседателева С.Н.** Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея. Орск, 1988 // Архив ОКМ, б/н.
- Заседателева С.Н.** Отчет о проведении археологического обследования земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение в Оренбургской области в 2012 году. Орск, 2013 // Архив НИИЦ.
- Мошкова М.Г.** Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников (САИ). Вып. Д. 1–10. М., 1963. С. 24, 26, 28, 38.
- Савельев Н.С.** Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа: Гилем, 2006. С. 92–104.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. С. 360.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. С. 134, 166–167.
- Смирнов К.Ф.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 3–51.
- Умрихин С.М.** Отчет о проведении спасательных археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Могильник Калиновка 1» в зоне строительства объекта ПАО «Гайский ГОК», комплекс производства сгущенных отвальных хвостов обогатительной фабрики для проведения горнотехнической рекультивации карьеров № 1 – № 3 в Гайском городском округе Оренбургской области по Открытому листу № 1999–2019 в 2019 году. Орск, 2019 // Архив НИИЦ.

Илл. 1. Местоположение курганного могильника Калиновка I.

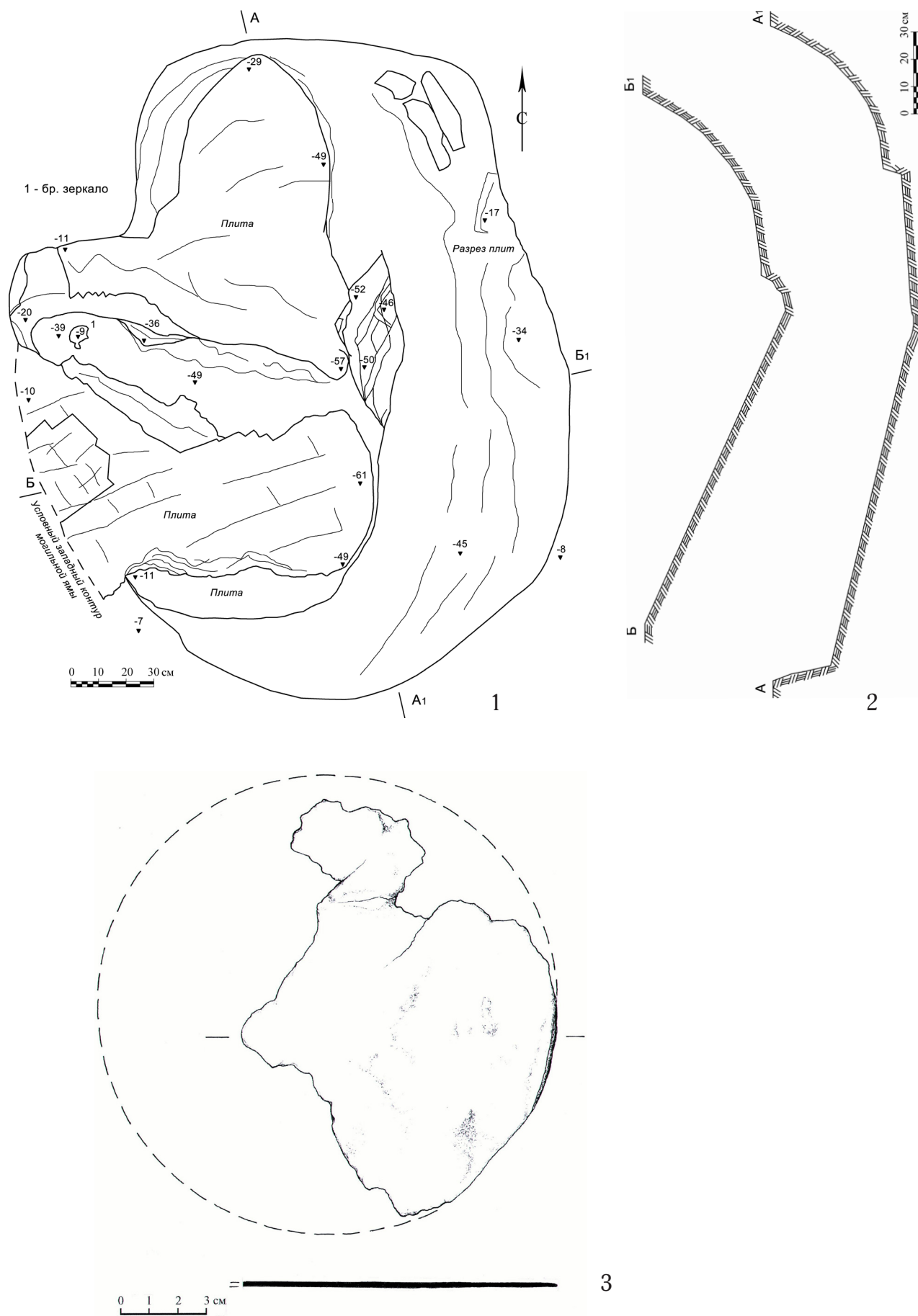

Илл. 2. План курганного могильника Калиновка I.

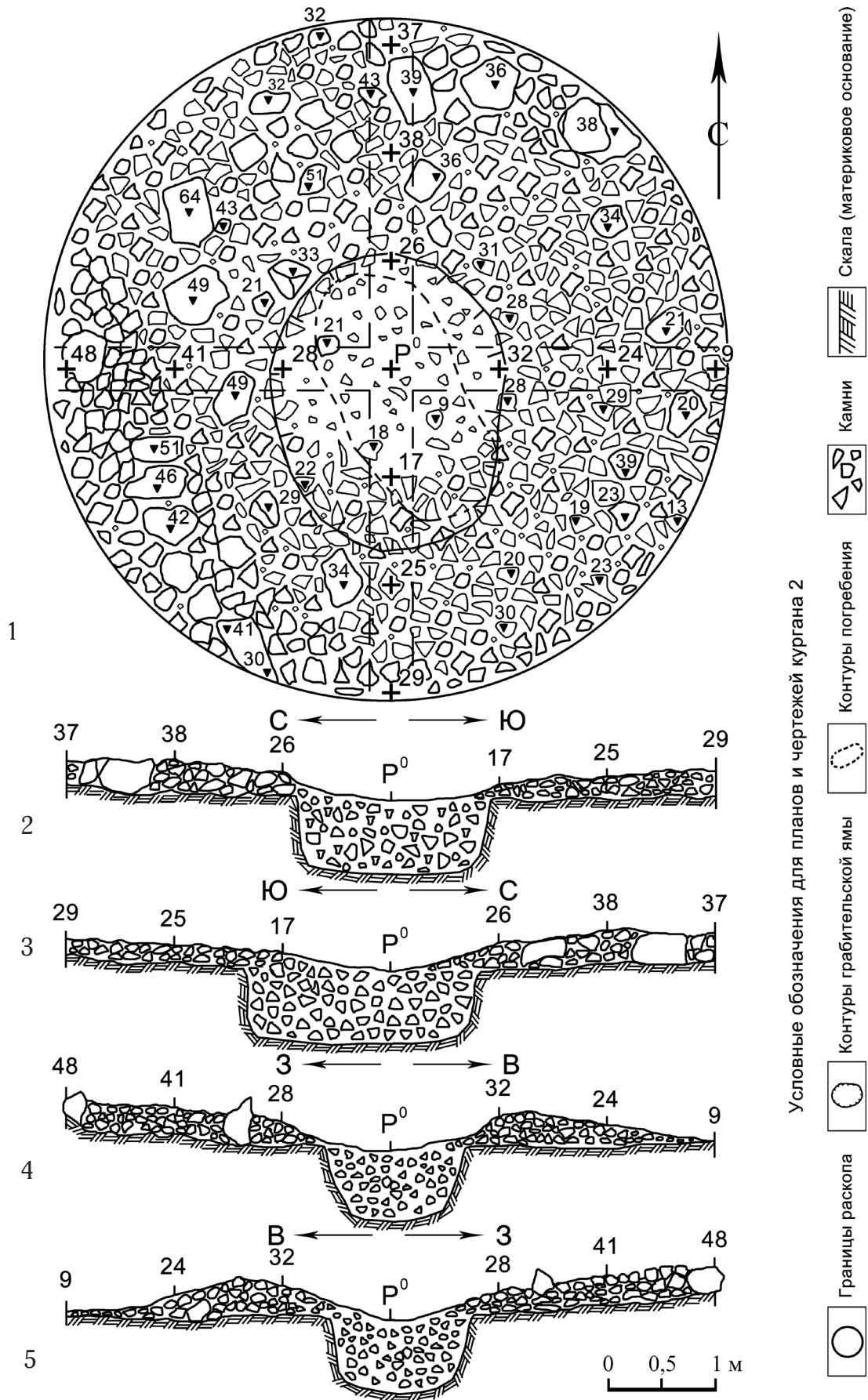
Илл. 3. Курганный могильник Калиновка I. Курган 1, план и профили.

1 – план кургана; 2-3 – профили бровки, ориентированной по линии С-Ю; 4-5 – профили бровки, ориентированной по линии 3-В.

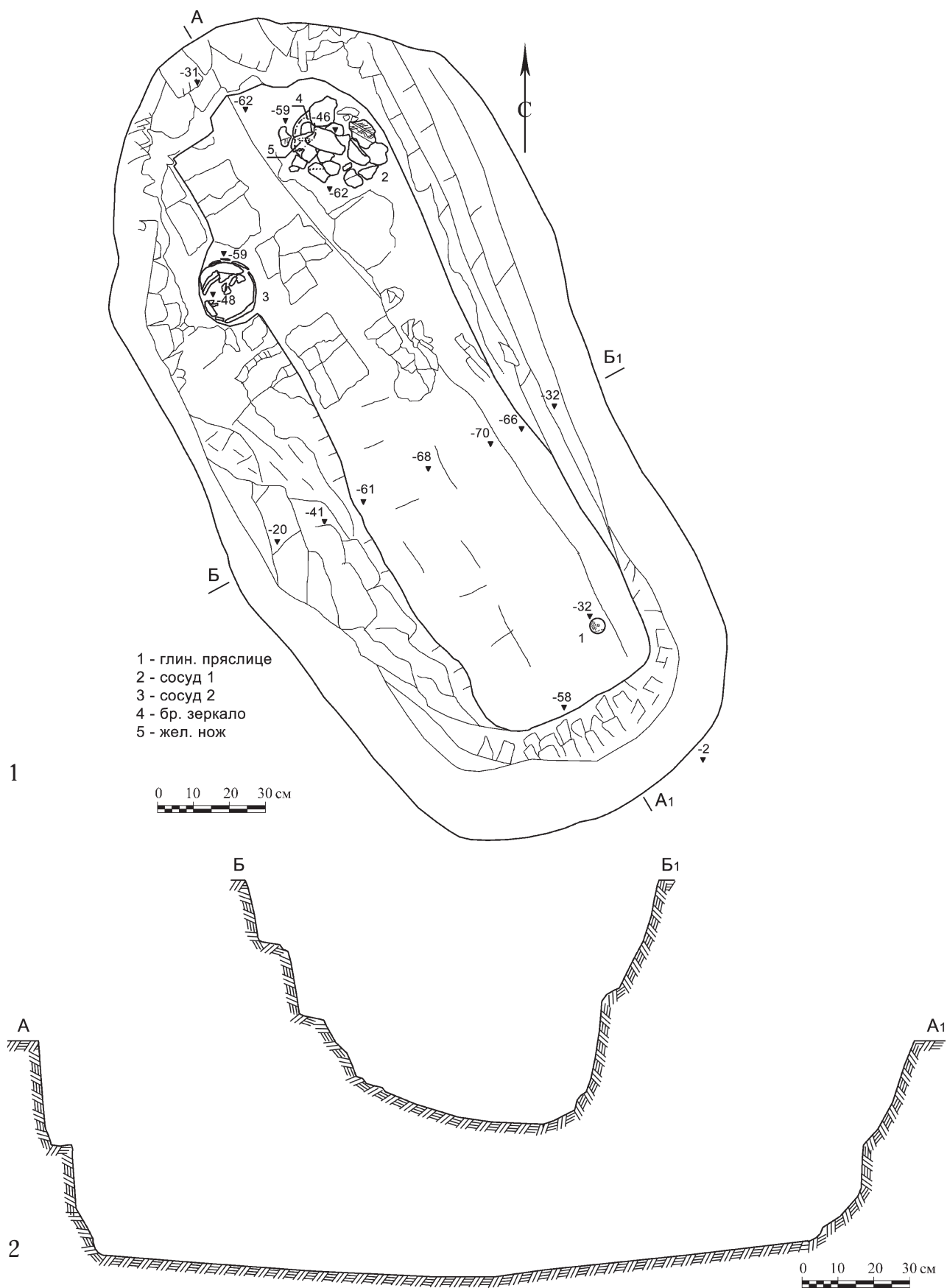
Илл. 4. Курганный могильник Калиновка I. Курган 1. Погребение.

1 – план погребения, 2 – разрезы погребения, 3 – фрагмент бронзового зеркала из погребения.

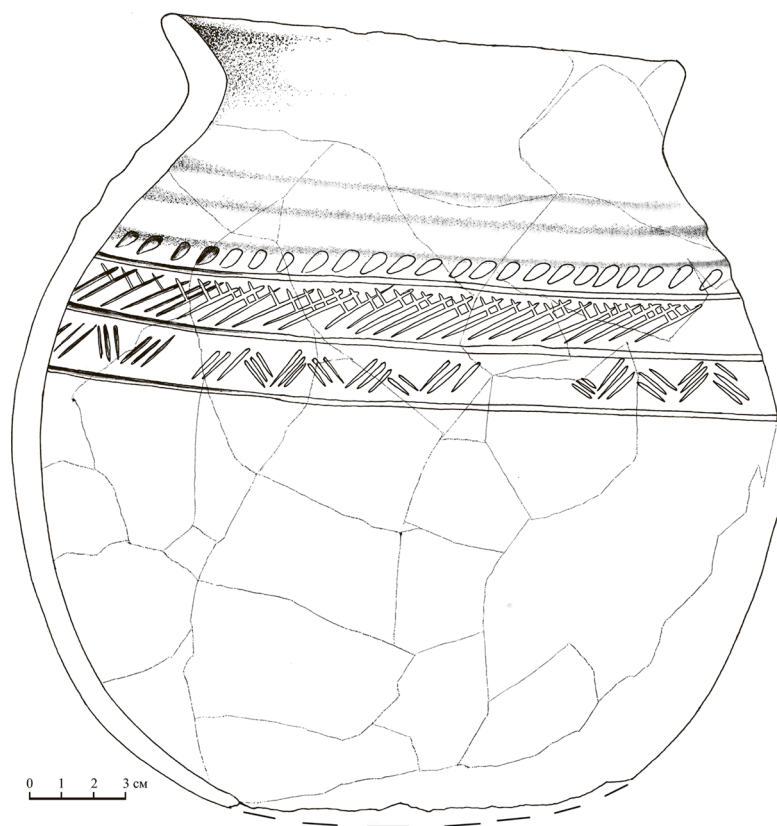

Илл. 5. Курганный могильник Калиновка I. Курган 2, план и профили.

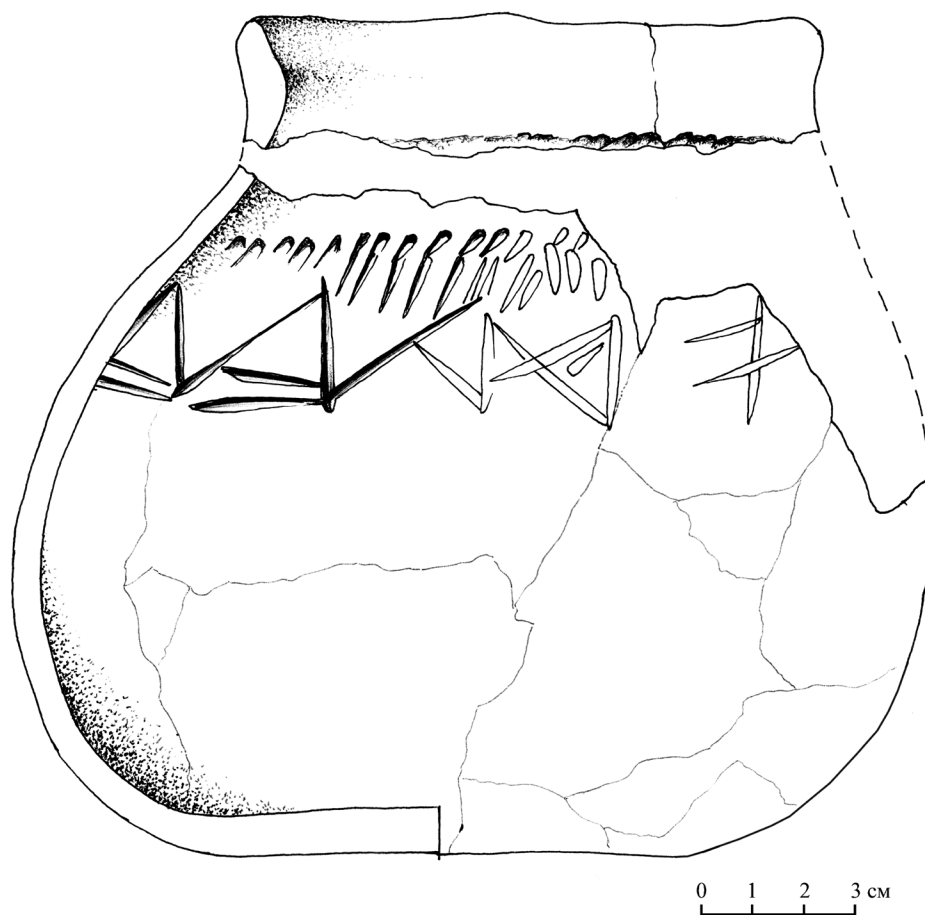
1 – план кургана; 2-3 – профили бровки, ориентированной по линии С-Ю; 4-5 – профили бровки, ориентированной по линии 3-В.

Илл. 6. Курганный могильник Калиновка I. Курган 2. План и разрезы погребения.
1 – план, 2 – разрезы.

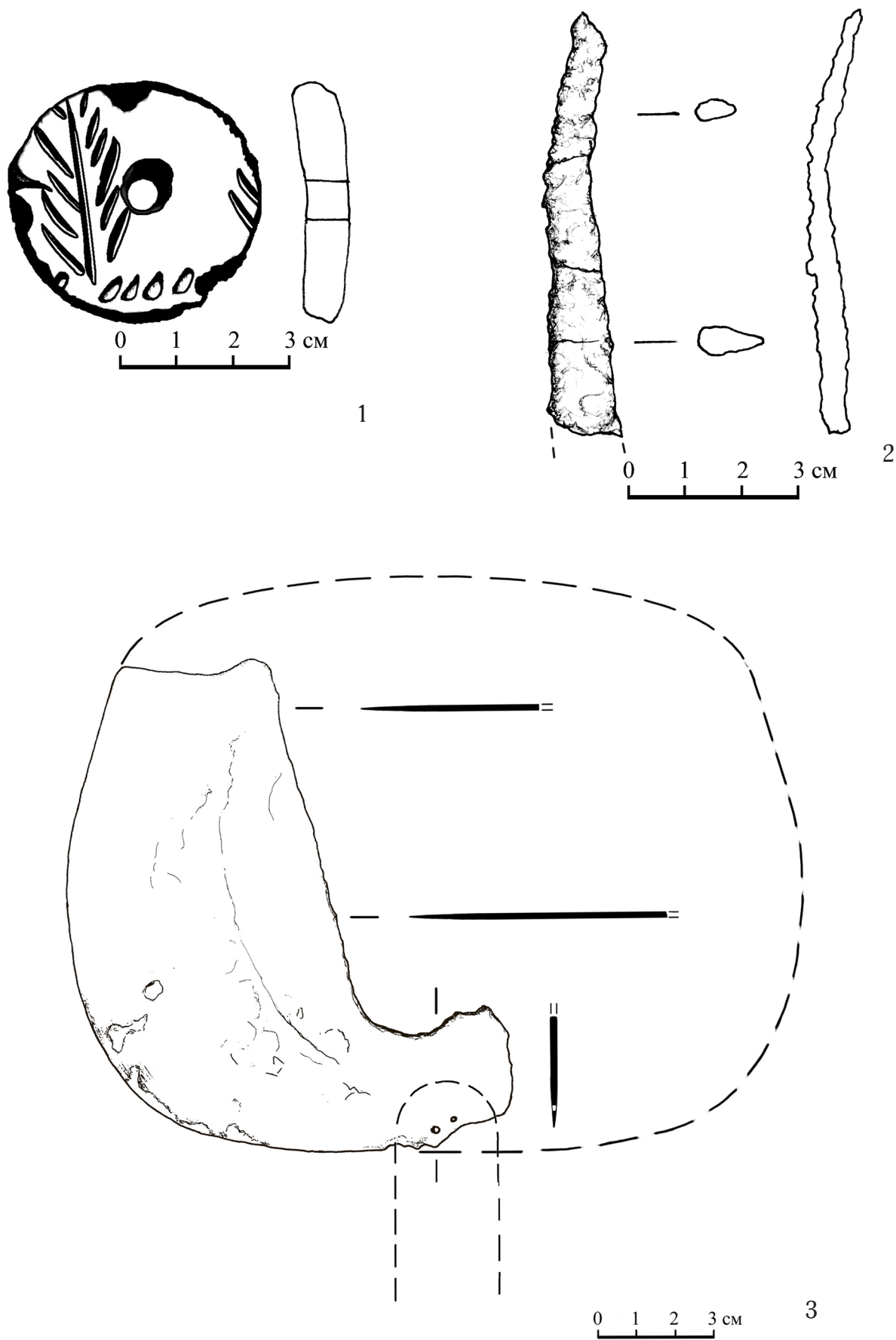

1

2

Илл. 7. Могильник Калиновка 1. Курган 2, керамика из погребения.
1 - сосуд 1; 2 - сосуд 2.

Илл. 8. Могильник Калиновка 1. Курган 2, вещи из погребения.

1 - глиняное пряслице; 2 - фрагмент железного ножа; 3 - фрагмент бронзового зеркала.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО ПРОХОРОВСКИЕ КУРГАНЫ

© 2021 Н.В. Рослякова *, И.М. Григорьева

** Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 18-09-40031 «Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона».*

Аннотация. Статья посвящена вводу в научный оборот не публиковавшихся ранее остеологических материалов из Прохоровских курганов, которые дополняют результаты изучения комплексов с костями животных из этого памятника. Проведенный совокупный анализ всех археозоологических комплексов в курганах позволяет получить более полное представление о вариантах использования животных в ритуальной практике оставившего их населения.

Ключевые слова: погребальный обряд, кости животных, напутственная пища, погребальный инвентарь, жертвенный комплекс, ранний железный век, Южное Приуралье, кочевники.

NEW DATA ON THE USE OF ANIMALS IN THE FUNERAL RITE OF THE POPULATION WHO LEFT THE PROHOROV MOUNDS

© 2021 N.V. Roslyakova, I.M. Grigorieva

Abstract. The article is devoted to the introduction into scientific circulation of previously unpublished osteological materials from Prokhorovsky barrows, which complete the previously obtained results of studies of complexes with animal bones. A comprehensive analysis of all archaeological complexes in the mounds allows us get a more complete picture of the options of using animals in the ritual practice of the population that left them.

Keywords: funeral rite, animal bones, parting food, funerary equipment, sacrificial complex, Early Iron Age, Southern Urals, nomads.

Прохоровские курганы в Оренбургской области хорошо известны исследователям истории ранних кочевников (Яблонский, 2010). Значение этого эпонимного памятника для науки чрезвычайно велико: с одной стороны, материалы в основной массе типичны и выразительны, с другой – присутствуют уникальные импортные вещи. В комплексе это позволяет решать многие важные, в том числе дискуссионные вопросы раннесарматской археологии. В связи с этим особое значение приобретают естественнонаучные исследования материалов памятника. Так, археозоологический материал из могильников позволяет получить важные сведения об использовании животных в погребальном обряде кочевых скотоводов, населявших степи Южного Приуралья в раннем железном веке.

Первому исследователю Прохоровских курганов С.И. Руденко во время раскопок 1916 года удалось сделать описание находок костей животных в

разграбленных в 1911 году местными крестьянами курганах. В частности, указывалось, что в заполнении могильной ямы центрального погребения кургана 1 были обнаружены ребра лошади или КРС, кости «молодой овцы» сохранились *in situ* в южной части погребальной камеры центрального погребения кургана 2, а также кости животных были встречены в заполнении центрального погребения кургана 4 (Руденко, 1918. С. 5–10). К сожалению, судьба остеологических находок из первых раскопок осталась неизвестной.

В процессе раскопок, проведенных экспедицией ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского в 2003 г. и Д.В. Мещерякова в 2005 г., было исследовано 7 курганов, в которых в общей сложности находилось 39 погребений, в большинстве из них были найдены кости животных. Некоторое количество

ство костей было обнаружено в насыпях курганов (Яблонский, Мещеряков, 2008; Яблонский, 2010)¹.

Изучено 39 погребений, относящихся к прохоровской культуре, датируемой IV – первой половиной II в. до н.э. (большинство захоронений относится к концу IV – III в. до н.э.) (Яблонский, 2010. С. 82). Из них 26 погребений сопровождалось костями животных.

Основная часть археозоологической коллекции памятника изучена и опубликована Н.В. Росляковой (Рослякова, 2010. С. 252–261). Однако часть костей животных стала доступна для исследования только после выхода работы в печать.

Ниже приводятся описание неопубликованных остеологических комплексов и их предполагаемая реконструкция. Под «остеологическим комплексом», или «комплексом», подразумевается набор костных фрагментов или даже один фрагмент, обнаруженный в кургане отдельно от других наборов костей животных (Яворская, 2012. С. 116). Промеры костей овцы (*Ovis aries*) выполнены по методике А. Дриш (Von den Driesch, 1976), они приведены в таблицах (табл. 1–5).

Курган 1, погребение 7.

В заполнении врезанной в погребение ямы обнаружены два черепа лошади (*Equus caballus*) и один череп крупного рогатого скота (*Bos taurus*), далее – КРС. (Рослякова, 2010. С. 255). Здесь же находился еще один череп лошади (зуб М1 есть, М2 нет).

Реконструкция.

На перекрытие могильной ямы было помещено 3 черепа лошади (2 из которых принадлежат жеребцам старше 5 лет и один – особи моложе 2 лет) и один череп КРС (старше 2,5 лет).

Курган 2, погребение 6.

На поверхности ступеньки в центральной части восточного борта расчищены лежащие в анатомическом порядке кости овцы: левые лопатка, плечевая (проксимальный эпифиз не прирос), лучевая (дистальный эпифиз не прирос), локтевая (проксимальный эпифиз не прирос) кости. Правые берцовая (проксимальный эпифиз не прирос), таранная, пяточная кости, лучевая (дистальный эпифиз не прирос), пястная (дистальный эпифиз не

прирос) кости. А также 6 ребер с левой и 9 с правой стороны из средней и задней части грудной клетки. На 5 левых ребрах обнаружены следы от разрубов.

Реконструкция.

На ступеньку были положены 3 части туши овцы: реберная часть грудной клетки вместе с проксимальной частью передней левой конечности, отрубленная от позвонков, средняя и дистальная часть правой передней конечности, голень правой задней конечности. Все они могут происходить как от одной, так и от разных особей моложе 3,5 лет.

У стоп погребенной находилось скопление костей лисицы (*Vulpes vulpes*), корсака (*Vulpes corsac*), зайца (*Lepus sp.*) и птицы со следами лощения и подрезания, в количестве 21 штуки (Рослякова, 2010. С. 255–256) (илл. 1).

Курган 3, погребение 2.

В юго-западном углу погребения обнаружены кости овцы: левые лопатка, плечевая (проксимальный эпифиз не прирос), лучевая (дистальный эпифиз не прирос), локтевая (проксимальный эпифиз не прирос) кости, 9 левых ребер из передней и средней части грудной клетки (на 3 ребрах имеются разрубы).

Реконструкция.

В могилу положена левая передняя часть туши овцы: часть грудной клетки с проксимальной частью передней конечности, отрубленной от позвонков. Животное забито в возрасте до 3,5 лет.

Курган 3, погребение 3.

В южном углу могильной ямы находились левая и правая плечевые (эпифизы приросли) и левая локтевая кости птицы отряда гусеобразных (*Anseriformes*). Проксимальные эпифизы плечевых костей имеют одинаковые следы подрезания (илл. 2).

Курган «Б», погребение 2в.

У южного борта могильной ямы расчищены кости овцы: левые лопатка, плечевая (проксимальный эпифиз не прирос), локтевая (проксимальный эпифиз не прирос), лучевая (дистальный эпифиз не прирос), берцовая (проксимальный эпифиз не прирос), таранная (на дорсальной поверхности кости фиксируются порезы острым лезвием), пяточная (бугор не прирос) и две мелкие суставные кости запястья.

¹ Авторы выражают признательность за важные замечания в процессе работы над текстом заведующему научно-методическим отделом Историко-мемориального музея В.С. Черномырдина Д.В. Мещерякову.

Реконструкция.

В могилу поместили проксимальную часть левой передней конечности с лопаткой и голень задней левой конечности. Части туш происходят минимум от одной особи моложе 3,5 лет.

Курган «Б», погребение 5.

У головы погребенной расчищено скопление костей от двух особей овцы. Особи 1 принадлежат правые лопатка (фиксируются порезы острым лезвием на шейке, ближе к суставной впадине), плечевая (виден эпифизарный шов), локтевая, лучевая кости, 6 правых мелких костей запястья. У плечевой кости под верхним эпифизом имеется искусственное отверстие неизвестного назначения (илл. 3). Особи 2 принадлежат правые и левые: лопатки (бугры не приросли), плечевые (эпифизы не приросли), локтевые (эпифизы не приросли), лучевые (дистальные эпифизы не приросли) кости. Здесь же обнаружено 4 ребра со следами разрывов и грудной позвонок (эпифизы не приросли), вероятно, от вышеперечисленных животных.

Реконструкция.

В могилу поместили проксимальную часть правой передней конечности вместе с лопаткой от особи в возрасте около 3,5 лет и переднюю часть туши от особи в возрасте около 3–4 месяцев.

Курган «Б», погребение 8.

Погребение разрушенное. В заполнении могильной ямы на разных уровнях встречены кости животных. В юго-восточном углу расчищены кости овцы: 7 шейных и 1 грудной позвонки (эпифизы не приросли). В северной части ямы находились кости овцы: левые лопатка, лучевая (дистальный эпифиз не прирос) и локтевая (проксимальный эпифиз не прирос, диафиз погрызен грызунами) кости. А также: лопатки – правая и левая (на них фиксируются порезы острым лезвием у шеек, ближе к суставной впадине), таз (не сросся, обнаружены порезы острым лезвием у суставной впадины правой лонной кости, у суставной впадины левой лонной кости имеются погрызы грызунов); фрагмент правой пястной кости и 5 правых и 2 левых ребра из средней части грудной клетки. На одном из левых ребер и на двух правых присутствуют следы подрезания.

Реконструкция.

Вероятно, части туш первоначально располагались на дне могильной ямы. Реконструируются следующие части туши: шея, две части грудных клеток с лопатками (правая и левая), проксималь-

ная часть передней левой конечности, костреч (отчленен в тазобедренном суставе). Все они происходят от животных моложе 3,5 лет. Таким образом, в могилу положены 5 частей туши минимум от двух особей. Ввиду того, что погребение разрушено, первоначально положенное количество частей туш может не совпадать с реконструируемым.

Курган «В», погребение 3.

Комплекс 1. В заполнении могильной ямы находились плотные скопления костей животных и человека, которые залегали в три яруса. В северной половине ямы – лопатки и тазовые кости лошади и КРС. (Рослякова, 2010. С. 253). Под южной стенкой входной ямы было расчищено компактное скопление костей овцы, разрозненные кости скелета овцы встречались и в толще заполнения центральной части входной ямы. Зафиксированы: череп (МЗ есть), левая нижняя челюсть (МЗ есть), фрагмент подъязычной кости, 2 шейных и 9 грудных позвонков, левые лопатка, плечевая, локтевая, лучевая, 4 мелкие кости запястья и фрагмент правой части таза.

Комплексы 2 и 3. Около черепа скелета 2 и у стоп скелета 2 найдены кости овцы (2 особи). (Рослякова, 2010. С. 253).

Реконструкция.

Вероятно, часть туши овцы из заполнения первоначально была помещена на дно могильной ямы (относилась к комплексу 2). У головы погребенного были положены: передняя часть туши овцы вместе с головой от особи в возрасте 3–5 месяцев; голова, левая передняя часть туши, правая часть костреча барана (пол определен по тазу) старше 3,5 лет. У стоп располагались левая передняя часть туши, задняя правая часть туши (часть костреча), правая голень от особи моложе 1,5 лет. Таким образом, в могилу было положено 7 частей туши, минимум от 3 особей.

Всего в могильнике реконструировано 30 комплексов с костями животных. По одному комплексу встречено в насыпи и на перекрытии погребения, в заполнении могильных ям – 4, на дне погребений – 24. Не исключено, что в заполнение могильной ямы кости животных попали с перекрытия и/или дна могильной ямы.

В насыпи встречены лишь разрозненные кости лошади и овцы. На перекрытии одного из погребений находился жертвенный комплекс, включавший череп взрослых лошадей и КРС (К1/П7). Для двух особей лошадей определен пол – это были жереб-

цы. Большая часть комплексов (80,0%) представляла собой мясные части туш животных, которые были помещены туда в качестве «напутственной пищи» погребенному (Рослякова, 2013а. С. 205).

В качестве напутственной пищи, как правило, использовали части туш овец. Наиболее часто встречаются мясные проксимальные части передней конечности вместе с лопаткой, реже – части костреца и голень. В остеологических комплексах встречены как левые (18 достоверно реконструируемых частей туш), так и правые (14 частей туш) передние конечности. Среди задних частей конечностей – 8 левых и 4 правых. Животные забивались в возрасте до полугода и 1,5–3,5 лет. Пол определен лишь в одном случае – кости принадлежали барану. Лошадь (2 комплекса) и КРС (3 комплекса) представлены частями грудин и лопатками. Напутственная пища сопровождала мужские, женские и детские захоронения независимо от возраста, а также встречена в кенотафе (К«Б»/П6). Напутственную пищу чаще всего укладывали у головы (6 реконструируемых случаев) и у ног погребенного (7), реже – в углах (2) и у стен могильных ям (4), на заплечиках (3), в 1 случае кости зафиксированы на блюде (К«Б»/П3), в 1 – в сосуде (К2/П3). На костях из данных комплексов зачастую фиксируются следы разделки. В 7 случаях вместе с костями животных найдены железные однолезвийные ножи.

Подобные результаты были получены П.А. Косинцевым и Н.В. Росляковой при исследовании археозоологических коллекций из погребений Шумаевских курганов (Рослякова, 2003) и могильников Покровка 1, 2 и 8 (Косинцев, 1995).

Трубчатые кости диких животных и птиц с лошением и подрезанием (в женском погребении (К2/П6) и в мужском – (К3/П3) являются своеобразными предметами и помещены в погребения в качестве погребального инвентаря (Рослякова, Косинцев, 2013). Аналогичные комплексы встречены в Мечетсайском могильнике (К8/П5) (Смирнов, 1975. С. 143), в КМ Покровка 8 (К1/П15) (Косинцев, 1995. С. 90) в Оренбургской области и в КМ Карабаевка I (К1/П6) в Самарской области (Мышкин и др., 2018. С. 109). Подобные находки ставят перед исследователями вопрос об их функциональном назначении, а также о возможном разнообразии видов хозяйственной деятельности сарматов.

Полученные результаты дополняют наши представления о погребальном обряде населения, оставившего Прохоровский некрополь. Они не противоречат выводам, сделанным по другим могильникам V–II вв. до н.э. с территории Южного Приуралья – Покровка 1, 2 и 8 (Косинцев, 1995. С. 79–100), Бердянка V (Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 124–146), КМ Шумаево I, II (Рослякова, 2003. С. 293–313).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Косинцев П.А.** Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. М.: ИА РАН, 1995. Вып. 3. С. 79–100.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В.** «Прохоровские погребения V Бердянского могильника» // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1999. Вып. 3. С. 124–146.
- Мышкин В.Н., Платонов В.И., Рослякова Н.В., Хохлов А.А.** Раннесарматские погребения курганного могильника Карабаевка I: Некоторые результаты комплексного исследования. // Археология ранних кочевников Евразии. Самара, 2018. С. 105–113.
- Рослякова Н.В.** Костные остатки животных из I и II Шумаевских курганов могильников // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С. 293–313.
- Рослякова Н.В.** Кости животных из могильника Прохоровка // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М., 2010. С. 252–261.
- Рослякова Н.В.** Костные остатки мясных частей туш животных из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия СамНЦ РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 205–210.
- Рослякова Н.В., Косинцев П.А.** Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия СамНЦ РАН. Самара, 2013. Т. 15. № 1. С. 211–218.
- Руденко С.И.** Отчет о раскопках Прохоровских курганов // Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37. Петроград, 1918. 123 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 180 с.
- Яблонский Л.Т.** Прохоровка. У истоков Сарматской археологии // Материалы и исследования по археологии России. М., 2010. № 12. 384 с.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В.** Доисследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы Международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. С. 177–205.

Яворская Л.В. Погребальные ритуалы по археозоологическим материалам // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований): коллективная монография / Под ред. А.С. Скрипкина. Волгоград:

Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАН-ХиГС, 2012. С. 116–126.

Von den Driesch A. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Peabody Museum Press, Cambridge, 1976.

Таблица 1. Размеры лопаток овец из могильника Прохоровка, мм.

Курган, погребение	Правая (dex) Левая (sin)	Максимальная длина	Максимальная ширина сустава через шишковидный бугор	Максимальная ширина суставной впадины	Максимальный поперечник суставной впадины	Минимальная ширина шейки
Кург. «В»/П3	sin	199,6	38,7	31	25,2	23
Кург. 3/П2	sin	–	39,6	30,5	25	23,1
Кург. «Б»/П5	dex	173	37,3	27,7	24,9	22,8
Кург. 2/П6	sin	–	33,2	26,5	20,5	18,4
Кург. «Б»/П2в	sin	177,5	40,5	30	24	21

Таблица 2. Размеры плечевой кости овец из могильника Прохоровка, мм.

Курган, погребение	Правая (dex) Левая (sin)	Максимальная длина	Ширина верхнего конца	Ширина диафиза	Поперечник диафиза	Ширина нижнего конца	Поперечник нижнего конца	Минимальный диаметр в середине нижнего блока.
Кург. «В»/П3	sin	170,8	–	20	24,5	33,8	32	17,3
Кург. 3/П2	sin*	–	–	16,3	19,7	33,6	31,6	16,4
Кург. «Б»/П5	dex	162	47,4	17,4	21,4	31,8	30,8	16,2
Кург. 2/П6	sin*	–	–	15	16,4	28,7	27	14,6
Кург. «Б»/П2в	sin*	–	–	16,8	20	33,4	32,2	16,8

Таблица 3. Размеры лучевой кости овец из могильника Прохоровка, мм.

Курган, погребение	Правая (dex) Левая (sin)	Макс. длина	Ширина верхнего конца	Поперечник верхнего конца	Ширина диафиза	Поперечник диафиза	Ширина нижнего конца
Кург. «В»/П3	sin	176,7	38	24,2	21,2	12,7	35,7
Кург. 3/П2	sin**	–	35,3	19,5	19	11	–
Кург. «Б»/П5	dex	176,6	34,7	17,7	18,6	10,5	34
Кург. «Б»/П8	sin**	–	33,7	18,4	18,6	9,7	–
Кург. 2/П6	sin**	–	31,3	17	16,4	8,5	–
Кург. «Б»/П2в	sin**	–	35,5	19	20	10,3	–

* верхний эпифиз не прирос

** нижний эпифиз не прирос

Таблица 4. Размеры берцовой кости овец из могильника Прохоровка, мм.

Курган, погребение	Правая (dex) Левая (sin)	Ширина диафиза	Поперечник диафиза	Ширина нижнего конца	Поперечник нижнего конца
Кург. 2/П6	dex	19,5	–	28,5	21,3
Кург. «Б»/П2в	sin*	16,8	13	30,6	24,7

Таблица 5. Размеры таранных костей овец из могильника Прохоровка, мм.

Курган, погребение	Правая (dex) Левая (sin)	Длина латеральная	Длина медиальная	Длина сагитальная	Ширина дистальная	Поперечник латеральный
Кург. 2/П6	dex	30	29	23,7	18,5	16,2
Кург. «Б»/П2в	dex	32,4	31	25,5	22	19

* верхний эпифиз не прирос

** нижний эпифиз не прирос

Илл. 1. Могильник Прохоровка, курган 2, погребение 6. Берцовые кости зайца с лощением на диафизах и подрезами на проксимальных эпифизах. Вид на дорсальную поверхность.

Илл. 2. Могильник Прохоровка, курган 3, погребение 3. Плечевые кости птицы с подрезами на проксимальных эпифизах, вид на латеральную (А) и дорсолатеральную (Б) поверхности.

Илл. 3. Могильник Прохоровка, курган «б», погребение 5. Плечевая кость овцы с искусственным отверстием под проксимальным эпифизом на медиальной поверхности.

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА НИКОЛАЕВКА I В БАССЕЙНЕ Р. САМАРЫ

© 2021 А.В. Денисов, Р.Р. Саттаров, М.С. Седова

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов, полученных при исследовании двух сарматских погребений могильника Николаевка I, расположенного в степях нижнего течения р. Самары. Приводятся характеристика погребального обряда, описание найденных предметов: глиняных сосудов, стеклянных и каменных бусин, бронзовых серег, каменного орудия. Одно из погребений датировано II–I вв. до н.э., второе – I в. н.э.

Ключевые слова: ранний железный век, Среднее Поволжье, р. Самара, ранние кочевники, раннесарматская культура, среднесарматская культура.

SARMATIAN BURIALS OF THE BURIAL MOUND NIKOLAEVKA I IN THE SAMARA RIVER BASIN

© 2021 A.V. Denisov, R.R. Sattarov, M.S. Sedova

Abstract. The article is devoted to the publication of materials obtained by study of two Sarmatian burials of the Nikolaevka I burial mound located in the steppes of the lower course of the Samara River. The article describes the burial rites and finds: clay vessels, glass and stone beads, bronze earrings, stone implements. One of the burials is dated II–I centuries BC., the second is dated I century AD.

Keywords: Early Iron Age, Middle Volga region, river. Samara, early nomads, Early Sarmatian culture, Middle Sarmatian culture.

Курганный могильник Николаевка I расположен к юго-западу от с. Николаевка Волжского района Самарской области, на краю первой надпойменной террасы р. Самары, на расстоянии около 2 км от ее современного русла. Высота площадки памятника над поймой р. Самары около 20 м. Территория, занимаемая могильником, имеет небольшой наклон в северном направлении в сторону р. Самары (илл. 1).

Памятник был открыт И.Р. Тихомоловой в 1973 г. (Тихомолова, 1973). В 1991 году П.Ф. Кузнецов раскопал курганы № 2 и № 6 могильника, содержавшие погребения срубной культуры эпохи поздней бронзы (Кузнецов, Мочалов, 2002. С. 122–133). В 2015 году М.С. Седова исследовала еще 5 курганов (№ 1, 3, 5, 7, 8). В этих курганах помимо захоронений бронзового века были обнаружены 2 сарматских погребения (Седова, 2016; 2017).

Погребения ранних кочевников располагались в кургане 1, который находился в северо-западной части могильника. Курганная насыпь первоначально была возведена над захоронением ямной культуры, имела в плане овальную форму. Современная высота составляла около 1 м, диаметр – 36×42 м. Поверхность курганной насыпи неровная, повреж-

дена ямами и траншеями, ранее распахивалась, позже заросла травой и местами – отдельными кустами карагача. Судя по стратиграфии, курган насыпали в два приема. Нижняя насыпь 1 имела диаметр около 23 м, зафиксирована на всех бровках в центральной части кургана. Насыпь 1 сложена из суглинка бурого цвета и перекрывает могильный выкид из основного погребения ямной культуры № 8. Насыпь 2 (верхняя) представляет собой серый с легким «шоколадным» оттенком легкосуглинистый слой. Она прослежена в центральной части кургана только на центральном профиле кургана. Возможно, насыпь 2 является досыпкой и связана с впускным сарматским погребением 7, расположенным в центре кургана.

Погребение 5 (илл. 2; 3А) обнаружено на уровне материка на глубине 2,08–2,10 м от 0. Могильная яма имела в плане неправильную овальную форму. Ее длина равнялась 1,18 м, ширина – 0,46 м, глубина – 2,13–2,21 м от 0. Длинной осью могила была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Заполнение ямы состояло из гумусированного суглинка темно-серого цвета с включениями желтого материкового суглинка.

На дне могильной ямы лежал скелет ребенка. Некоторые кости (длинные кости конечностей, позвонки) были сдвинуты землероями и располагались беспорядочно. Череп завалился к левому плечу. Судя по лежащим в анатомическом порядке костям позвоночника и левой ноги, погребенный лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. Вдоль юго-восточной стенки ямы лежали остатки деревянной плашки, поставленной на длинный торец, являвшейся, вероятно, остатками гроба или деревянной рамы.

Между черепом и грудной клеткой на скелете и под ним были найдены бусы (23 экз.), изготовленные из одноцветного и многоцветного стекла.

Одноцветные бусины (4 экз.) – сдвоенные шаровидные, изготовленные из глухого бурого стекла (илл. ЗБ, 17–20). Поверхности некоторых экземпляров частично покрыты желтовато-бежевой патиной. Бусины мелкие, их размеры – 3×5 мм, они изготовлены из тянутых трубочек, имеют характерные закраинки вокруг отверстий и продольную структуру ядра.

Многоцветные бусы (19 экз.) – округлые, из прозрачного темно-зеленого стекла, пересеченные веткой из глухого желтого стекла (илл. ЗБ, 1–16). Размеры бусин варьируют от 3×3 мм до 5×5 мм.

В ногах погребенного располагался сосуд 1. Сосуд (илл. ЗБ, 21) сохранился частично. Он лепной, имеет плоское дно, тулово округло-вытянутой (в виде усеченного овала) формы, стянутое устье и короткий, отогнутый наружу венчик. Поверхность сосуда гладкая, местами подлощена, черного цвета с многочисленными пятнами сажи. Сосуд асимметричен. В тесте в качестве примеси присутствует мелкий шамот. Диаметр дна сосуда – 8 см, диаметр тулова в наиболее широкой части – 12,8 см, толщина стенок в верхней части – 0,4 см, в придонной – 1,2 см, толщина днища – 1,6 см. Высота сосуда – 16 см.

В юго-восточном углу могилы, около правой стороны головы погребенного, стоял сосуд 2 (илл. ЗБ, 22). Сосуд горшковидной формы имеет стянутое устье и раздутое асимметричное тулово, плоское дно и прямой венчик. Наиболее широкая часть тулова приходится на его срединную часть. Поверхность светло-коричневого цвета с многочисленными пятнами сажи, гладкая. Сосуд лепной, плохо обожженный. В глине визуальнo фиксируется примесь мелкого шамота. Диаметр дна сосу-

да – 6,2 см, венчика – 6,9 см, тулова в наиболее широкой части – 12 см. Толщина стенок в верхней части – 0,4 см, в придонной части – 0,9 см, днища – 1,0 см. Высота сосуда – 11,1 см.

Если говорить о погребальном обряде, то южный сектор ориентировки погребенных и использование дощатых гробов характерны как для раннесарматского, так и для среднесарматского времени. Для раннесарматского времени характерна ориентировка погребенных головой на юг, юго-запад или юго-восток. Гораздо реже погребенных клали головой на восток, запад или север. На рубеже IV–III вв. до н.э. в погребальном обряде ранних сармат начинают использоваться деревянные гробы (Мошкова, 1963. С. 22). По данным С.Ю. Гуцалова, для Южного Приуралья в III–II вв. до н.э. южная ориентировка характерна для 75 % погребных, юго-восточная – для 5,2 %, юго-западная – для 8,3 %, западная – для 7,3 %, восточная – для 5,2 %. Из выборки в 101 погребение наличие гробов было зафиксировано 21 раз и еще в 11 случаях – более, чем вероятно (Гуцалов, 2004. С. 110). Для среднесарматской культуры характерно положение погребенного головой на юг с небольшими отклонениями к востоку или западу. Также обычными для того времени были юго-западная и юго-восточная ориентировки (Мошкова, 1989. С. 179). Сохраняется традиция, хотя и гораздо реже, чем в предыдущий период, использования гробов в погребальном обряде (Скрипкин, 2006. С. 7).

Дата погребения может быть определена по найденным в нем бусам.

Бусы различных цветов, подобные сдвоенным шаровидным, изготовленные из глухого бурого стекла (илл. ЗБ, 17–20), были распространены на широкой территории на протяжении всего античного времени (Стоянова, 2004. С. 266). В Северном Причерноморье бусы типа 14 связаны с комплексами I в. до н.э. – II в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 64).

Округлые бусы из прозрачного темно-зеленого стекла, пересеченные веткой из глухого желтого стекла (илл. ЗБ, 1–16), могут быть отнесены к типу 417, выделенному Е.М. Алексеевой, датированному I в. н.э. (Алексеева, 1982. С. 38).

Таким образом, погребение может быть отнесено к среднесарматскому времени и датировано I в. н.э. Не противоречит этой дате облик керамической посуды и характеристики погребального обряда.

Погребение 7 (илл. 2; 4) располагалось в центральной части кургана. Оно было обнаружено при расчистке могильной ямы погребения ямной культуры № 8 в верхней части ее заполнения на глубине 1,29–1,32 м. Очертаний могильной ямы в довольно однородном слое заполнения погребения эпохи бронзы проследить не удалось. Сарматское погребение потревожено землероями: некоторые части скелета погребенного, имевшего плохую сохранность, сдвинуты или вовсе отсутствовали.

Женщина, умершая в возрасте 30–40 лет (см. статью Хохлова А.А., Мышкина В.Н. в настоящем сборнике), была погребена вытянуто на спине, головой на юг. Череп, вероятно, потревоженный землероями, лежал на правом плече. На ногах погребенной и частично на левом предплечье лежали разрозненные кости коровы и лошади. Возможно, эти кости не связаны с сарматским погребением и ранее располагались в пределах жертвенного места эпохи бронзы. Это жертвенное место было разрушено при совершении сарматского погребения, и кости животных попали в его заполнение. К западу от костяка, вплотную к нему, в области ног обнаружена нижняя челюсть лошади. К западу от головы погребенной находились кости овцы, которые могут быть связаны как с данным погребением, так и с погребением эпохи бронзы № 8. С обеих сторон погребенного вдоль него обнаружены остатки плашек толщиной 2–3 см, шириной 5–6 см, поставленных на ребро. Одна из них лежала плашмя, скорее всего, она упала в процессе разрушения. Плашки, по-видимому, являются остатками гроба или погребальной деревянной рамы.

Около головы погребенного, западнее нее, находился сосуд 1 (илл. 5, 1). Сосуд лепной, имеющий округлое слегка асимметричное тулово, короткую, отогнутую наружу шейку и уплощенное слабовыраженное дно – округлоуплощенное, по определению М.Г. Мошковой (Мошкова, 1963. С. 28). Он орнаментирован двумя нарезными горизонтальными полосами по границе шейки и тулова и тремя параллельно расположенными рядом друг с другом вертикальными полосами по тулову. Поверхность светло-коричневого цвета с черными пятнами, гладкая, лощеная. В глине в качестве примесей присутствуют шамот и толченая белая крошка в небольшом количестве. Диаметр дна сосуда – 6,0 см, диаметр венчика – 10,1 см, диаметр тулова в наиболее широкой части – 17,7 см, тол-

щина стенок в верхней части – 0,7 см, в придонной части – 0,7 см, днища – 0,6 см. Высота сосуда – 17,6 см.

К востоку от головы погребенного находился сосуд 2 (илл. 5, 2). Сосуд лепной, имеет слегка асимметричное тулово округлой формы, уплощенное слабовыраженное дно и короткую отогнутую наружу шейку. Поверхность светло-коричневого цвета с черными пятнами сажи, шершавая. В глине визуально зафиксированы примесь шамота и небольшое количество толченой белой крошки. Диаметр дна сосуда – 3,0 см, венчика – 5,7 см, тулова в наиболее широкой части – 8,8 см. Толщина стенок в его верхней части – 0,7 см, в придонной части – 0,7 см, днища – 0,5 см. Высота сосуда – 8,4 см.

Оба сосуда имеют ярко выраженные черты раннесарматской керамики и относятся к отделу III (шаровидные и эллипсоидные сосуды) группы круглодонных сосудов, по классификации М.Г. Мошковой (Мошкова, 1963. С. 28). При этом такие черты, как округлоуплощенное дно, низкое горло, орнамент в виде пучков вертикальных линий, начинающихся от желобка, расположенного у края горла горшка, характерны для развитого этапа раннесарматской культуры (III–II вв. до н.э.). К I в. до н.э. круглодонные горшки почти полностью исчезают, преобладающей становится плоскодонная посуда (Мошкова, 1963. С. 28). К схожим выводам пришел и А.С. Скрипкин, по наблюдениям которого круглодонные сосуды и орнамент в виде пучков вертикальных линий характерны для III–I вв. до н.э., в среднесарматское же время (I – первая половина II вв. н.э.) керамические сосуды с такими характеристиками встречаются крайне редко (Скрипкин, 1990. С. 167–174. Рис. 45, 46, 48–49).

Под черепом погребенной лежали бронзовые изделия из округлого в сечении бронзового прутка. Три из них (илл. 5, 4–6) представляют собой несомкнутые колечки. Диаметр колечек – 1,1 см, диаметр проволоки – 0,1 см. Данные изделия могут быть идентифицированы как серьги (височные кольца). Четвертый предмет (илл. 5, 7) представляет собой пруток (диаметр проволоки – 0,1 см), согнутый под прямым углом. Еще одно изделие представляет собой обломок украшения и выглядит как припаянный к бронзовому основанию бронзовый шарик. Размеры основания – 4×4 мм, диаметр шарика – около 2,5 мм (илл. 5, 8).

Тип серег, найденных в описываемом погребении (в виде кольца с чуть заходящими друг за друга концами или в полтора оборота), появляется у кочевников Урало-Поволжья с V в. до н.э. и становится преобладающим в раннесарматское время (Смирнов, 1964. С. 143). Малый размер изделий (менее 2 см), по мнению М.Г. Мошковой, характерен прежде всего для развитого этапа раннесарматской культуры (Мошкова, 1963. С.44. Табл. 29, 12–28). В III–II вв. до н.э. встречаются золотые серьги в виде несомкнутого кольца с припаянными к ним спиралевидными стерженьками или плоскими кружочками, заканчивающимися украшениями в виде гроздей, сделанных из зерни (Мошкова, 1963. С.44. Табл. 29, 29, 33, 35). Таким образом, изделие в виде бронзового шарика, припаянного к основанию, могло быть частью украшения одной из сережек.

На дне могилы около правого плеча погребенной лежало кремневое орудие типа скребка (илл. 5, 10), имеющее трапециевидную форму и рабочий край, обработанный ретушью. Длина оснований орудия – 1,4 см и 3,0 см, высота – 4,3 см.

В заполнении погребения в норе найден фрагмент песчаника овальной формы розоватого цвета (илл. 5, 3). Один конец округло сточен. Вероятно, обломок использовался как орудие (абразив?). Размеры обломка – 9,3×2,1 см, толщина – 1,8 см.

Под головой, в районе шеи, ключицы и плеча погребенной, лежали бусы, составлявшие ожерелье, в том числе стеклянные с металлической прокладкой (илл. 5, 11–16), изготовленные из одноцветного стекла (илл. 5, 17–19) и гагата (илл. 5, 20). Кроме того, под шеей погребенной были обнаружены обломки сильно корродированных мелких железных предметов (илл. 5, 9), которые могли являться застежками ожерелья. Их размеры – 1,8×0,2 см, 0,3×0,2 см, 1,4×0,5 см, 0,35×0,2 см.

Ожерелье состояло из разнотипных бусин, их набор послужил основой датировки погребения.

Бусы из одноцветного стекла (3 экз.) представлены тремя типами. Одна из них представляет собой цилиндрическую пронизь с валиками из глухого бесцветного стекла (илл. 5, 18). Близкая по форме бусина, но из глухого желтого стекла (тип 261, по Н.Е. Берлизову), происходит из погребения 1 кургана 7 могильника близ станции Бердия на Иловле, датированного II–I вв. до н.э. (Берлизов, 2011. Табл. 45, тип 261). Еще один экземпляр –

эллипсоидная бусина из черного непрозрачного стекла (илл. 5, 17). Аналогичные бусы (тип 1, по Е.М. Алексеевой) в Северном Причерноморье датируются временем с конца VI в. до н.э. по IV в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 63). Третья бусина из одноцветного стекла – фрагментированная цилиндрическая (илл. 5, 19). Цвет основы этой бусины утрачен, поэтому найти аналогии и определить ее дату не представляется возможным.

Гагатовые бусы (45 экз.) – короткоцилиндрические, неорнаментированные, с гладкой матовой и блестящей поверхностью. Отверстия расположены на плоских торцах, которые срезаны вертикально или наклонно. Вокруг отверстий некоторых бус имеются мелкие выколки. Размеры бусин: 1–2 × 3,0–3,5 мм (илл. 5, 20). Их следует отнести к типу 27а, по Е.М. Алексеевой. В Северном Причерноморье эти бусы появились в III в. до н.э. Число комплексов, относящихся к эллинизму, незначительно. Комплексы, содержавшие такие бусы, в большинстве своем относятся к I–III вв. н.э., при значительном перевесе комплексов I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 14). Большинство аналогий гагатовые бусы находят на Боспоре, в Предкавказье и Нижнем Поволжье (Стоянова, 2004. С. 289). В Нижнем Поволжье короткоцилиндрические гагатовые бусы имели широкое распространение у кочевников в III–I вв. до н.э. и продолжали использоваться вплоть до II–III вв. н.э. (Мошеева, 1998. С. 156–157). При этом следует обратить внимание на то, что бусы типа 27а эллинистического и римского времени различаются размерными характеристиками. В эллинистическое время преобладают тонкие нарезки с диаметром диска 3–4 мм и толщиной 1–2 мм, то есть аналогичные тем экземплярам, которые представлены в ожерелье из публикуемого погребального комплекса могильника Николаевка I. В римское время преобладают экземпляры диаметром 5–7 мм, цилиндрики этих бус толще (Алексеева, 1978. С. 14). Таким образом, преобладающие в рассматриваемом наборе гагатовые бусы позволяют датировать погребение III–I вв. до н.э.

Подтверждают эту дату стеклянные бусы с внутренней позолотой (6 экз.), которые представлены вытянутыми цилиндрическими экземплярами. Бусы сделаны из двух слоев бесцветного и слегка желтоватого прозрачного стекла. Между слоями помещен тонкий слой металла желтого

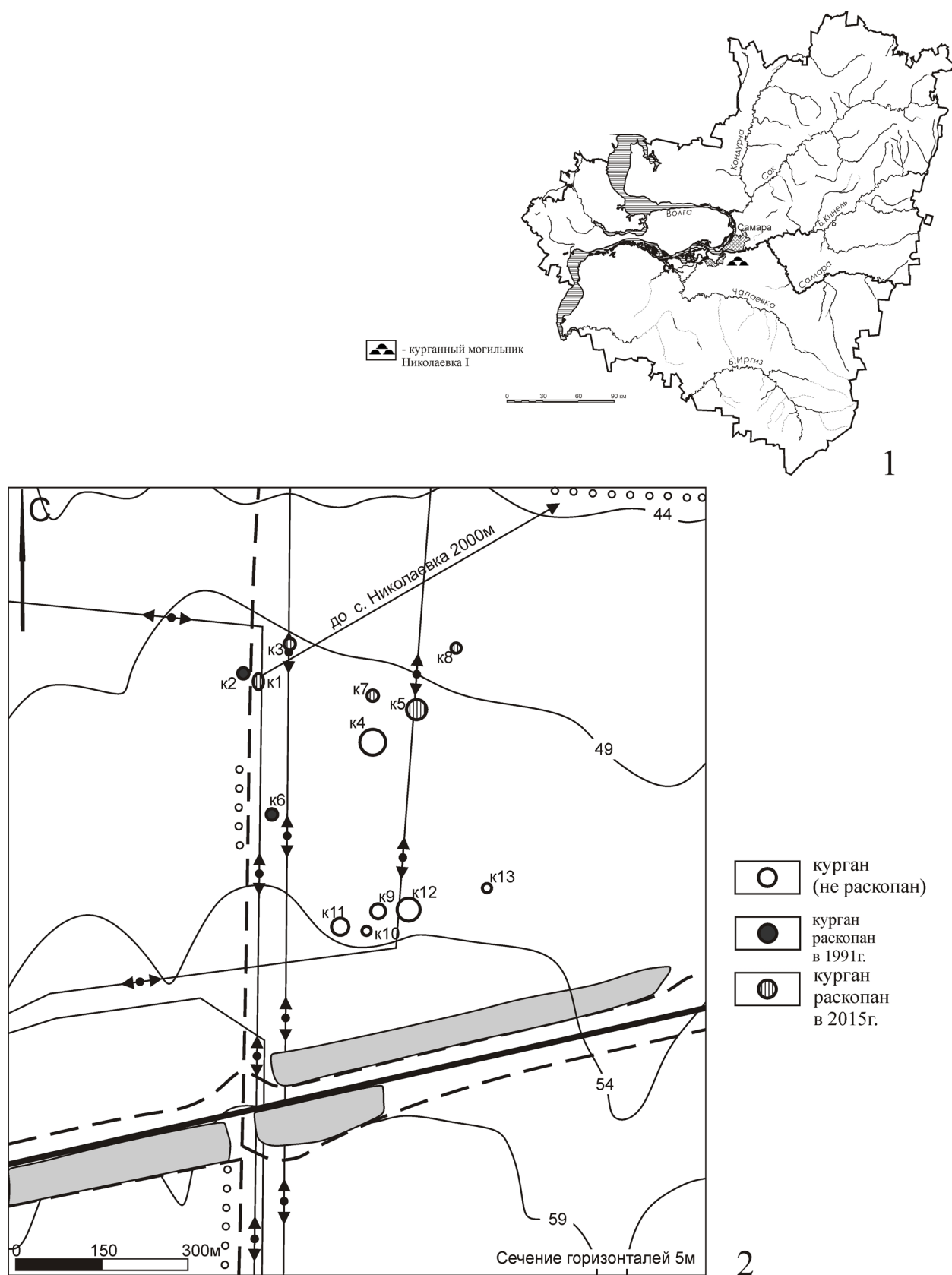
цвета. Вокруг отверстий двух экземпляров имеются закраины. Размеры: 3–5 × 5–8 мм (илл. 3, 1–6). Их можно отнести к типу 4 бус с металлической прокладкой, по Е.М. Алексеевой. Такие бусы в Северном Причерноморье были распространены в эпоху эллинизма, а также в I–II вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 28, 30). Хронология бус с металлической прокладкой рассматривалась В.Ю. Зуевым. По мнению исследователя, диапазон бытования подобных бус «более соответствует финалу раннесарматской культуры и характерен для памятников среднесарматской культуры» (Зуев, 2004. С. 30). Находки из Нейзацкого могильника (Центральный Крым) позволяют продлить период бытования бус этого типа до второй половины III–IV вв. н.э. (Стоянова, 2004. С. 287). По наблюдениям Е.М. Алексеевой, технология изготовления бус с внутренней позолотой со временем изменялась. Поэтому края

отверстий бусин эллинистического времени всегда гладкие и никогда не бывают окружены закраинами, которые появляются на бусинах только с рубежа I в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 28). Наличие в ожерелье двух бусин с металлической прокладкой и закраинами вокруг отверстий – характерного признака бусин римского времени – дает основания полагать, что в рамках раннесарматского периода наиболее вероятным временем совершения погребения 7 является II–I вв. до н.э.

В пользу этой датировки свидетельствует также цилиндрическая пронизь с валиками из глухого бесцветного стекла (см. выше). Наличие в составе погребального инвентаря глиняных сосудов, типичных для раннесарматской культуры, серег и особенности погребального обряда также не противоречат этой дате.

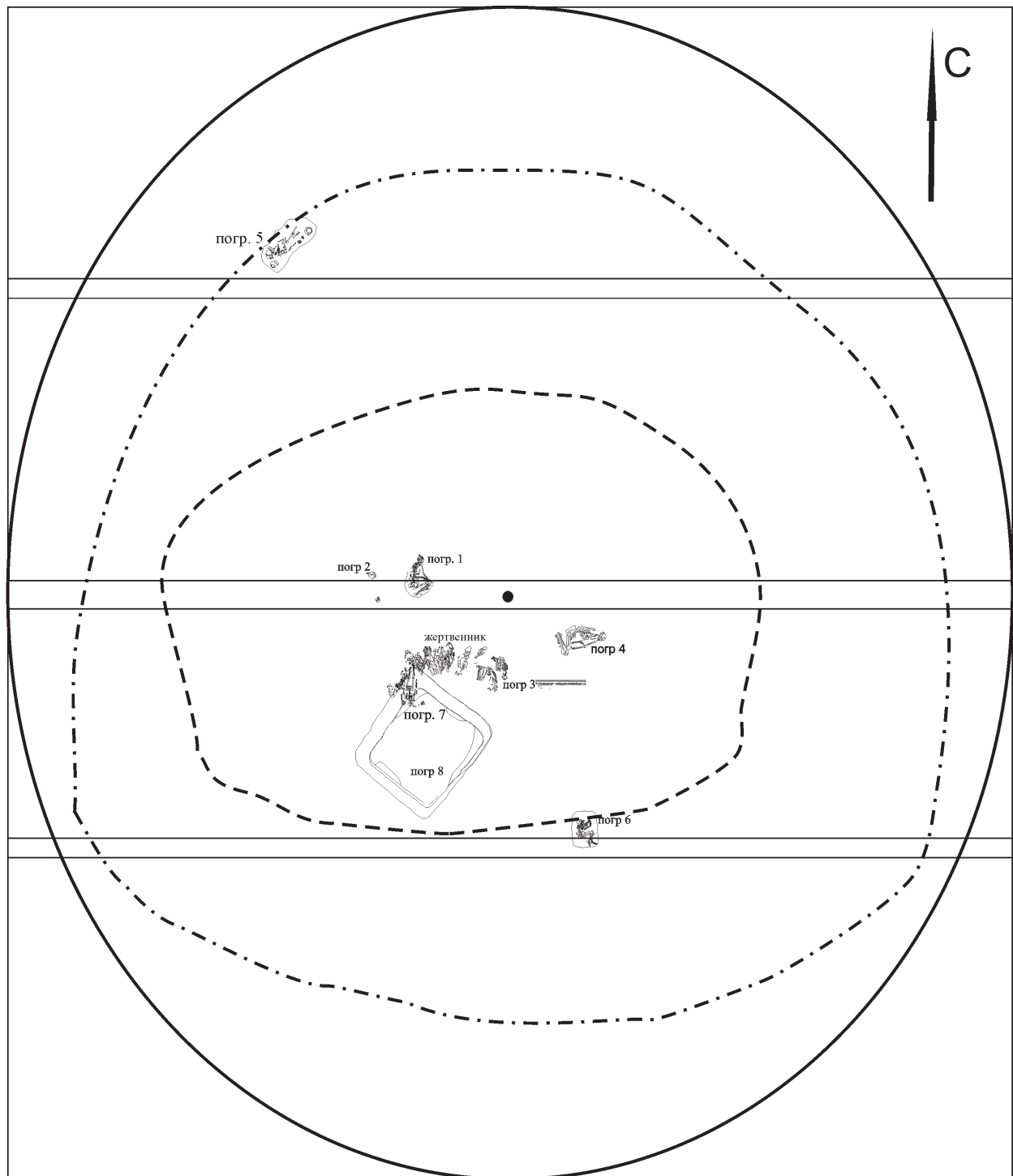
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1978. 120 с.
- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М.: Наука, 1982. 104 с.
- Берлизов Н.Е.** Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.
- Гуцалов С.Ю.** Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.
- Зуев В.Ю.** Хронология бусин с внутренней позолотой античной эпохи Северного Причерноморья (по данным свода Е.М. Алексеевой) // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. С. 6–32.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.** Курганный могильник срубной культуры в устье реки Самары // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, СамГПУ, 2002. С. 122–133.
- Мошкова М.Г.** Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д. 1–10. М.: Наука, 1963. 56 с., 32 отд. л. ил. в папке
- Мошкова М.Г.** Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. С. 177–191;
- Мошьева О.Н.** Гагатовые бусы в сарматских погребениях Нижнего Поволжья III–I вв. до н.э. // РА. 1998. № 1. С. 156–161.
- Седова М.С.** Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок курганного могильника Николаевка I в Волжском районе Самарской области в 2015 году. Самара, 2016 // Архив ИА РАН.
- Седова М.С.** Работы на курганном могильнике Николаевка I в бассейне р. Самары // Археологические открытия. 2015 год. М., 2017. С. 356–358.
- Скрипкин А.С.** Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Саратовский государственный университет, 1990. 303 с.
- Скрипкин А.С.** К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 1. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2006. С. 5–36.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Издательство «Наука», 1964. 381 с.,
- Стоянова А.А.** Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. 2004. № V. Симферополь-Керчь. С. 263–319.
- Тихомолова И.Р.** Отчет о разведках в Волжском районе Куйбышевской области в 1973 году. Куйбышев, 1973 // Архив ИА РАН.

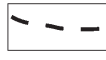
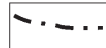

Илл. 1. Курганный могильник Николаевка I.

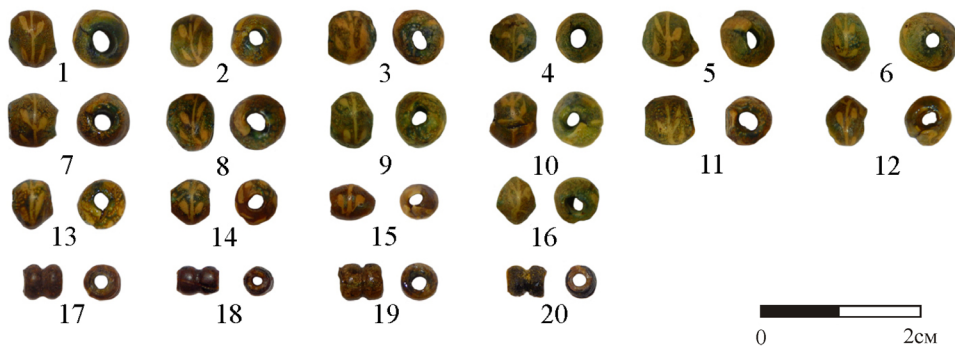
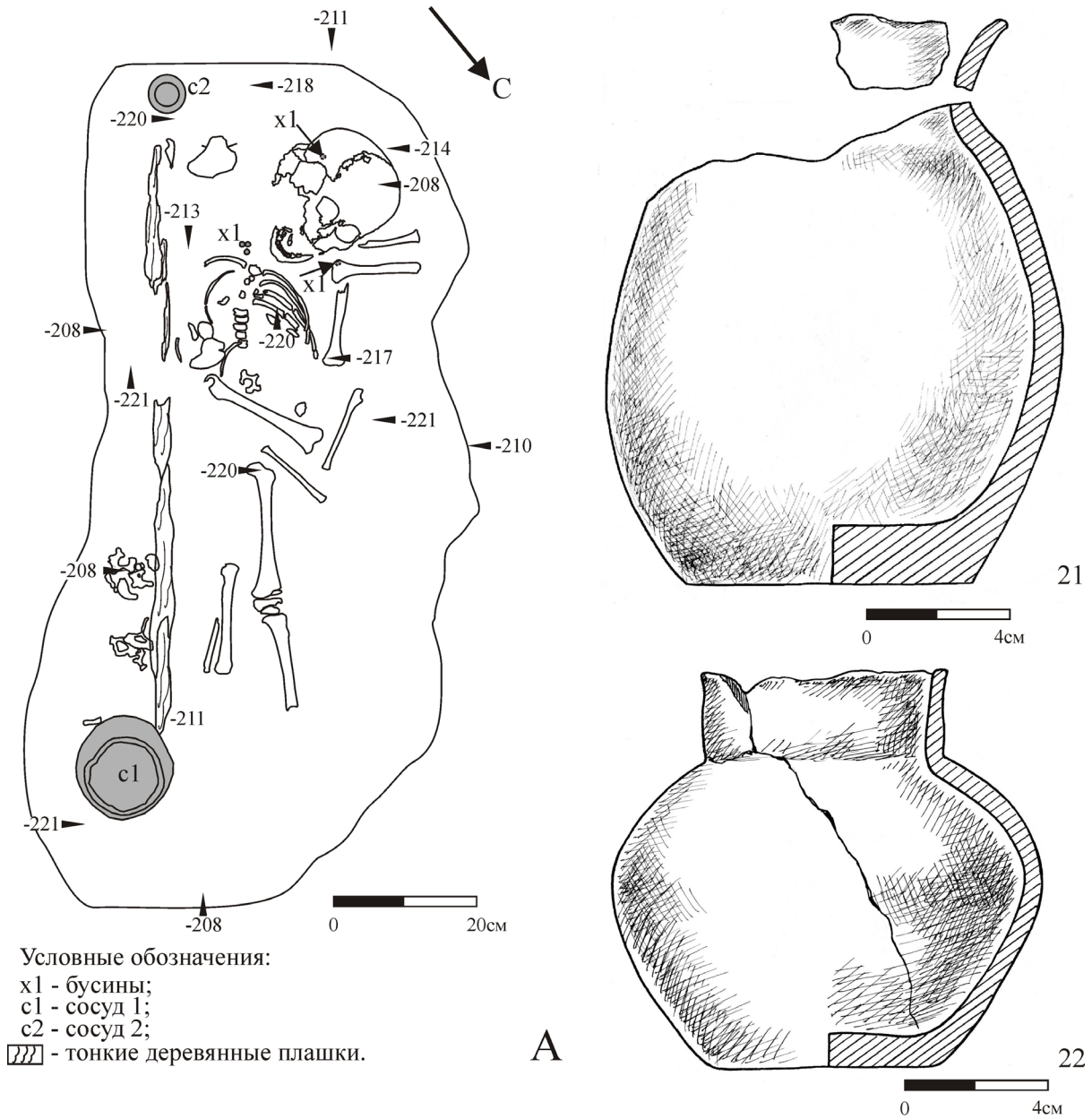
1 – местоположение могильника; 2 – план памятника.

0 10 м

- - границы современной насыпи кургана
- - примерная граница насыпи I кургана
- - примерная граница насыпи II кургана

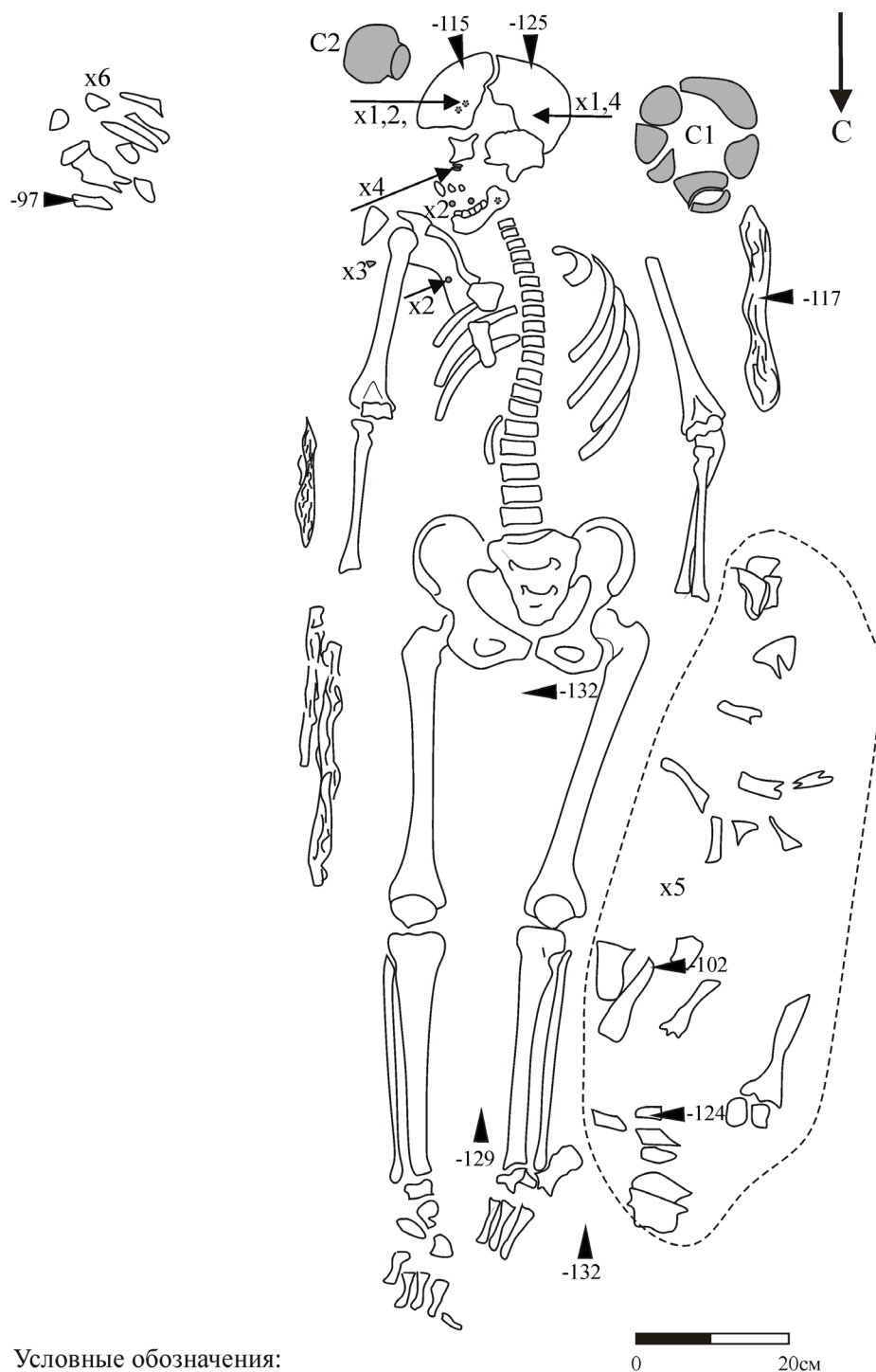
Илл. 2. Курганный могильник Николаевка I. Курган 1. План кургана.

Б

Илл. 3. Курганный могильник Николаевка I. Курган 1, погребение 5.

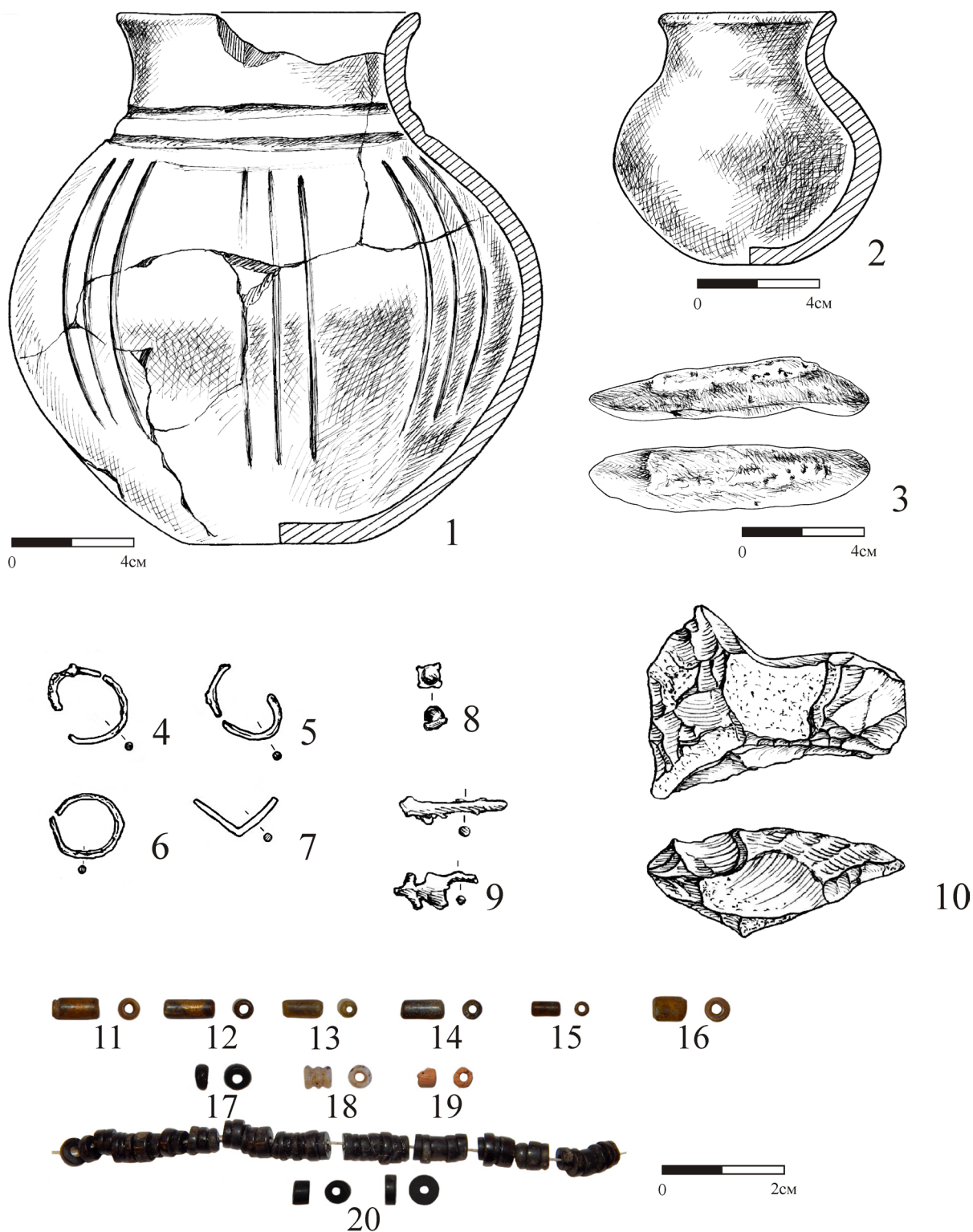
А – план погребения; Б – инвентарь: 1–20 – бусы, 21 – сосуд 1, 22 – сосуд 2 (1–16 – многоцветное стекло, 17–20 – одноцветное бурое стекло, 21, 22 – глина).

Условные обозначения:

- x1 - бронзовые колечки под черепом;
- x2 - стеклянные цилиндрические бусы с внутренней позолотой;
- x3 - кремневое орудие;
- x4 - окислы мелких железных предметов;
- x5 - кости лошади;
- x6 - кости барана;
- c1 - сосуд 1;
- c2 - сосуд 2;
- ▨ - тонкие деревянные плашки.

Илл. 4. Курганный могильник Николаевка I. Курган 1, погребение 7. План погребения.

Илл. 5. Курганный могильник Николаевка I. Курган 1, погребение 7. Инвентарь.

1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – абразив (?); 4–6 – серьги; 7–8 – бронзовое изделия (фрагменты серёг?); 9 – мелкие железные предметы; 10 – кремневое орудие; 11 – 20 – бусы (1, 2 – глина, 3 – песчаник, 4–8 – бронза, 9 – железо, 10 – кремнь, 11–16 – стекло с металлической прокладкой, 17–19 – стекло, 20 – гагат).

САРМАТО-АЛАНСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ЭТНОГЕНЕЗЕ СРЕДНЕВОЛЖСКИХ СЛАВЯН (ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСКУССИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2021 А.В. Богачев, А.В. Кузнецов, А.А. Хохлов

Аннотация. В статье дается анализ материалов, связанных с вопросами происхождения и дальнейшей судьбы именьковской культуры. Опубликованная 40 лет назад гипотеза Г.И. Матвеевой о генетической связи именьковского населения Поволжья и протославян Поднепровья в настоящее время признана большинством специалистов. И в настоящее время идет разработка новых материалов в рамках этой концепции. Анализ археологических источников позволяет увидеть, что именьковская культура была полиэтничной и помимо собственно славян включала, в частности, сармато-аланов. Возможно, именно этот симбиоз различных этносов обозначался в источниках как *венедо-сарматы*, а позднее как *анты*. Это подтверждает анализ амулетов I тыс. н.э. (кольцевые подвески с выпуклинами и антропоморфные амулеты), которые являются значимыми этнокультурными маркерами.

Ключевые слова: сарматы, венеды, анты, амулеты, именьковская культура, Средняя Волга.

SARMATO-ALAN COMPONENT IN ETHNOGENESIS OF THE CENTRAL VOLGA SLAVS (RESULTS AND PERSPECTIVES OF THE DEBATE ABOUT THE ORIGIN IMENKOVSKAYA CULTURE)

© 2021 A.V. Bogachev, A.V. Kuznetsov, A.A. Khoklov

Abstract. The article analyzes materials related to the origin and further fate of the Imenkovskaya culture. The hypothesis of G.I. Matveeva about the genetic relationship of the Imenkovian population of the Volga region and the Proto-Slavic population of the Dnieper region is currently recognized by most specialists. Currently, new materials are being developed within the framework of this concept. The analysis of archaeological sources allows us to see that the Imenkovskaya culture was multiethnic. This culture, in addition to the Slavs proper, included, in particular, the Sarmatian-Alans. Perhaps it was this symbiosis of various ethnic groups that was designated in the sources as the Venedo-Sarmatians, and later as the Antes. This is confirmed by the analysis of amulets of the 1st millennium AD (ring pendants with bulges and anthropomorphic amulets), which are significant ethnocultural markers.

Keywords: Sarmatians, Wends, Antes, amulets, the Imenkovskaya culture, Middle Volga.

К 40-летию открытия Г.И. Матвеевой средневолжских славян

В 1981 году вышла статья самарской исследовательницы Галины Ивановны Матвеевой «О происхождении именьковской культуры», в которой была сформулирована и обоснована гипотеза о том, что «значительное сходство материальной культуры, погребального обряда, основных отраслей хозяйства именьковской и зарубинецкой культур свидетельствует о наличии генетических связей между ними» (Матвеева, 1981. С. 70). Сегодня по прошествии почти полувека можно констатировать, что для понимания исследователями этнических и культурных процессов, происходив-

ших на Средней Волге в середине I тыс. н.э., эта публикация стала поворотной. И проверку временем гипотеза Г.И. Матвеевой выдержала. Хотя новые археологические материалы, безусловно, вносят определенные коррективы.

История воззрений исследователей по вопросу этноса носителей именьковской культуры настолько динамична, интересна и показательна, что заслуживает специального рассмотрения¹.

¹ Этот вопрос уже начинает изучаться историографами (см., например: Жих, 2016; 2020) и наверняка еще будет изучаться. Однако это будет взгляд, что называется, стороннего наблюдателя, черпающего информацию

Их считали финнами, уграми, тюрками, балтами, кельтами, иранцами, славянами (венетами, антами, северянами). Такой диапазон оценок объясняется прежде всего тем, что материальная культура «именьковцев» резко выбивается из череды средневожских культур, представленных в традиционной хронологической и этнической парадигме *финно-угры – тюрки*.

Именно в этой парадигме были даны первые оценки именковских памятников еще до выделения их в отдельную археологическую культуру. Например, Н.Ф. Калинин, целенаправленно изучавший эти памятники на Нижней Каме, считал их локальным вариантом позднегородецкой культуры (Калинин, 1951. С. 11–45). Эту точку зрения в той или иной степени разделяли многие авторитетные исследователи. Даже Г.И. Матвеева ровно за год до выхода своей сенсационной статьи (Матвеева, 1981) была уверена, что «наиболее приемлемой является точка зрения о формировании именковской культуры на городецкой основе» (Матвеева, 1980. С. 44).

Известный мордовский археолог П.Д. Степанов, исследовавший и опубликовавший материалы именковского городища Ош-Пандо, считал, что они принадлежат угро-мадярам (Степанов, 1964; 1967).

В.Ф. Генинг, выделивший именковские памятники в отдельную культуру, первоначально разделял точку зрения Н.Ф. Калинина, но потом склонился к мысли о ее сибирских (тюркских) корнях (Генинг, 1961. С. 42).

В названную финно-угорско-тюркскую версию происхождения именковской культуры вполне укладывался вывод П.Н. Старостина, который он сделал в монографии «Памятники именковской культуры», вышедшей в серии «Свод археологических источников»: «Именковская культура, вероятно, сформировалась на базе двух компонентов – местного финно-угорского и пришлого тюркского» (Старостин, 1967. С. 31).

главным образом из публикаций. Мы же, будучи учениками (а потом и коллегами) Г.И. Матвеевой, принимали участие во всех этих процессах (конференции, раскопки знаковых археологических памятников, подготовка к печати научных материалов, обсуждение и рецензирование книг), были в эпицентре событий. А посему наш читатель имеет возможность получить из первых рук информацию, которая в силу ряда причин оказалась неопубликованной. Конечно же, прежде всего важна суть собственно самого открытия. Но не менее интересно то, как исследователь к нему шел.

Сравнительно недавно известный тюрколог С.Г. Кляшторный, написавший совместно с П.Н. Старостиным главу об именковской культуре в первом томе «Истории татар», отметил, что «Петр Николаевич Старостин тоже пришел к убеждению, что именковская культура была славянской, но в отличие от Матвеевой, долго этого не высказывал: его «поприжали» очень сильные оппоненты, и он, к сожалению, не решился этот тезис отстаивать» (Кляшторный, 2013. С. 67–72).

Нам, к счастью, довелось лично быть знакомым с П.Н. Старостиным и даже работать в его экспедиции на раскопках Богородицкого могильника. Именно ему удалось найти, исследовать и ввести в научный оборот материалы целого ряда могильников именковской культуры (Старостин, 1983; 1986). И, конечно же, он не мог не видеть очевидного сходства именковских кремаций и трупосожжений культур полей погребений – зарубинецкой, пшеворской и др. Но написал он об этом лишь в 2002 году: «племена именковской культуры создали в Среднем Поволжье мощный пласт славянского земледельческого населения» (Кляшторный, Старостин, 2002. С. 216).

Этот сюжет трудно комментировать. Приходится констатировать, что люди во всем мире занимаются наукой не в «безвоздушном пространстве» и не в стерильных условиях, а в конкретной социально-экономической и политической ситуации.

К этому остается добавить, что известный советский археолог А.П. Смирнов в публикации 1971 года (Смирнов, 1971) указывал на сходство материальной культуры «именьковцев» (Рождественский могильник) со славянскими древностями (Волынцевский могильник): «Все могильники типа полей погребальных урн из области лесостепи могут быть сопоставлены с Рождественским... (который) может быть датирован временем около VI в. н.э. ... еще до движения болгар. Судя по некоторым сообщениям византийских писателей, к северу от болгарских орд располагались племена антов» (Смирнов, 1971. С. 82–83).

Казалось, сами материалы «подталкивали» исследователей к открытию. Но впервые артикулированно сформулировала тезис о генетической связи именковской культуры с западными культурами полей погребений (зарубинецкой) Галина Ивановна Матвеева. В 1981 году она выступила с докладом на эту тему на заседании сектора славя-

но-русской археологии ИА АН СССР, но «реакция московских коллег не была однозначной. Некоторые из них не поддержали предложенную гипотезу, тем не менее Г.И. Матвеева опубликовала ее в статье «О происхождении именьковской культуры», вышедшей в 1981 г.» (Васильев, Скарбовенко, 2004. С. 9).

Природа любого этапного для науки открытия – всегда тайна. Но в случае с открытием Г.И. Матвеевой можно уверенно говорить, что оно не было кабинетным, сделанным, что называется, «на кончике пера» и что у него было достаточно предположений. Работая и в Башкирии, и в Куйбышевской (Самарской) области, исследовательница проводила раскопки памятников I тыс. н.э., в частности, именьковских городищ и селищ, т.е. прекрасно (не по книжным публикациям) знала материал во всех деталях. Г.И. Матвеева специально занималась изучением этнокультурного контекста процессов, происходивших в III–VIII вв. в Приуралье, – этому была посвящена ее диссертация (Матвеева, 1969).

Наконец, не последнюю роль в продвижении открытия сыграли личностные качества исследовательницы. Ее ученики и коллеги отмечали необычайную жажду научного поиска, мощную энергетику, азартность и неутомимость в работе (Богачев, 2004. С. 5; Васильев, Скарбовенко, 2004. С. 8).

Удивительным образом в Г.И. Матвеевой сочетались нерешительность и смелость. Она не раз делилась с нами (А.В. Богачев был рецензентом некоторых ее работ) своими сомнениями: стоит ли публиковать ту или иную статью. Но если решение о публикации принималось, то это означало, что исследовательница на 100% уверена в правильности своих научных выводов.

В этой связи совершенно не случайна позиция (в самом конце сборника, изданного по итогам выездного заседания Ученого Совета ИА АН СССР, проведенного в марте 1985 г. в Куйбышеве) ее программной статьи (Матвеева, 1986), которую она переписывала много раз, ровно до того момента, пока 26 декабря 1986 года (эту дату можно увидеть на технической странице сборника) редакция Куйбышевского государственного университета в категоричной форме не потребовала отдать рукопись, поскольку мог сорваться годовой книгоиздательский темплан, что привело бы к лишению коллектива редакции премии и т.п. К слову заметим, что индекс цитируе-

мости статей из сборника продолжает оставаться очень высоким, несмотря на то, что прошло почти сорок лет.

Именно на страницах этого сборника ведущий казанский археолог А.Х. Халиков согласился с гипотезой Г.И. Матвеевой: «следует отказаться от поисков истоков именьковской культуры на юго-востоке и признать ее преимущественно западное и юго-западное (истоки в днепровском левобережье в зарубинецко-черняховской среде) происхождение» (Халиков, 1986. С. 79). Хотя уже через год Альфред Хасанович несколько скорректировал свою точку зрения. Он приводит ряд балто-литовских и марийских лексических параллелей, которые, на его взгляд, достались марийцам от их предков – носителей азелинской культуры. Последние же, с его точки зрения, проживали на Нижней Каме чересполосно с «именьковцами» – потомками зарубинецких племен, и переняли эти лексемы от них. «По мнению В.В. Седова и ряда других исследователей, зарубинецкие и позднезарубинецкие племена были носителями западнобалтского (протолитовского) этноса. Если это так, то и носителей именьковской культуры, тесно увязанных своим происхождением с позднезарубинецкой, следует считать балтскими племенами» (Халиков, 1987. С. 85)².

² Эта точка зрения выдающегося исследователя средневожских древностей представляется нам весьма интересной. Хотя мы не разделяем тезис о чересполосном проживании «азелинцев» и «именьковцев» на Нижней Каме. Данные хронологического анализа свидетельствуют о том, что именьковское население проживало в этом регионе позднее азелинского (Богачев, 1992. С. 25–36). Исследовательница азелинской культуры Н.А. Лещинская в своей фундаментальной монографии пишет, что нижнекамские могильники функционируют в III–IV вв. (Лещинская, 2014. С. 176).

Есть основания полагать, что «именьковцы» и «азелинцы» даже враждовали (Богачев, 2007. С. 14–23). П.Н. Старостин, много лет посвятивший исследованию нижнекамских азелинских могильников, полагал, что в V веке племена именьковской культуры вытесняют из этого региона «азелинцев», которые, в свою очередь, отходят в более северные районы Волго-Вятского междуречья (Старостин, 1990. С. 145).

Таким образом, данные археологии свидетельствуют, что на каком бы языке ни говорили носители именьковской культуры, они не могли передать какие-то слова из своего лексикона марийцам посредством контактов с «азелинцами», поскольку таковые (контакты) археологически не фиксируются.

Кроме того, в настоящее время лингвисты (в частности, В.В. Напольских) склоняются к тому, что «именьковцы» были протославянами.

Откуда же в лексиконе марийцев, которых небезосновательно считают потомками азелинских племен, балтские слова?

Ленинградская исследовательница К.В. Каспарова (ее статьей открывался сборник 1986 г.) отметила, что между самыми поздними зарубинецкими памятниками и самыми ранними именьковскими (городище Лбище) существует хронологический разрыв в 400 лет: «Переселение носителей зарубинецкой культуры, даже так далеко за пределы исконной территории, само по себе вполне допустимо, с учетом ситуации, сложившейся после ее распада. Непонятным пока остается, как и где могли сохраниться погребальные традиции собственно зарубинецких племен, которые не прослеживаются столь явно ни у прямых наследников, ни у далеких потомков зарубинцев» (Каспарова, 1986. С. 17).

М.Б. Шукин в своей статье «Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования», говоря о круговороте событий I в. н.э., отметил, что «центро-стремительные силы этого круговорота могли выбросить какие-то группы зарубинецкого населения далеко на восток, что и привело в дальнейшем к появлению памятников типа Лбище и именьковской культуры» (Шукин, 1986. С. 32). И в более поздних своих работах М.Б. Шукин писал, что «сопоставления Г.И. Матвеевой выглядят весьма убедительно, беглое знакомство с материалом у специалистов по зарубинецкой культуре тоже вызывает впечатление сходства» (Шукин, 1994. С. 237).

Надо отметить, что взгляды Г.И. Матвеевой на происхождение именьковской культуры претерпевали определенную эволюцию. Если в статье 1981 года речь шла только о зарубинецких (постзарубинецких) ее корнях (Матвеева, 1981), то в работе 1986 года исследовательница пришла к выводу о том, что «основные черты именьковской культуры свидетельствуют об участии в ее формировании племен зарубинецкой и пшеворской культур. После переселения в Поволжье пришлые племена вступали в контакты с местным городецким и пьяноборским населением, впитывая культурные традиции этого населения» (Матвеева, 1986. С. 168).

Такого рода уточнения в рамках ранее предложенной концепции были обусловлены объективными причинами: материалами новых исследова-

ванных памятников (городище Лбище), а также новыми научными разработками учеников и коллег Г.И. Матвеевой.

В частности, очень важные данные были получены в результате изучения Н.П. Салугиной технологии изготовления именьковской керамики с помощью бинокулярного микроскопа по методике, разработанной А.А. Бобринским (Салугина, 1986).

В окончательном виде результаты исследования Н.П. Салугиной представлены в ее кандидатской диссертации (Салугина, 1987) и в одной из глав коллективной монографии самарских исследователей: в формировании населения эпохи раннего средневековья Среднего Поволжья «приняли участие как минимум две группы населения: продолжатели местных традиций и выходцы из районов распространения культур полей погребений. Группы населения, владеющие разными навыками изготовления глиняной посуды, вступали в контакты друг с другом, в результате чего складываются смешанные культурные традиции» (Салугина, 2000. С. 238).

Культурная и этническая неоднородность именьковского общества достаточно определенно фиксируется также в биритуализме погребальной обрядности, которая особенно ярко проявилась в материалах Кушнаренковского, Коминтерновского II, Ташкирменского и Новославского II могильников, где наряду с классическими именьковскими кремациями было найдено достаточно большое число захоронений-ингумаций (Генинг, 1977; Казаков, 1998; Старостин, 1994; Валиев, 2018).

Причем исследование и публикация именно Коминтерновского II и Ташкирменского могильников в конце XX века придало новый импульс дискуссии о корнях именьковской культуры.

Исследованный в 1950-е годы В.Ф. Генингом Кушнаренковский могильник на р. Белой, где наряду с несколькими десятками ингумаций VI–VII вв. было исследовано две именьковские кремации, воспринимался исследователями в контексте контактной зоны. И это объяснение было вполне логичным, т.к. памятник находится на самой восточной окраине именьковского мира, где Средней Белой «именьковцы» контактировали с племенами турбаслинской и бахмутинской культур.

Однако и Коминтерновский II, и Ташкирменской могильники располагаются в низовьях Камы, т.е., по сути, в самом центре именьковских терри-

Нам представляется, что в данном случае мы имеем еще одно свидетельство факта миграции из Прибалтики в Прикамье племен рогов/рогов (Богачев и др., 2019). Они и были носителями каких-то лексем, используемых племенами, проживавшими в первые века нашей эры в Прибалтийском регионе.

торий, что никоим образом не позволяет объяснить биритуализм их погребального обряда некими внешними контактами.

Автор раскопок Е.П. Казаков пишет: «Материалы II Коминтерновского могильника также свидетельствуют, что он оставлен представителями турбаслинско-именьковской общности. Судя по детально представленному костюму в именьковско-турбаслинских памятниках, включающему парные плечевые фибулы, застежки и ряд нагрудных (бутыльчатых в виде «медведок», пластинчатых и др.) подвесок на ремешках, украшенных бронзовыми пронизками и др., данное население, скорее всего, связано с поздними сарматами» (Казаков, 2004. С. 283–284).

Г.И. Матвеева, полемизируя с Е.П. Казаковым, писала: «нет оснований связывать появление обряда ингумации с проникновением в Среднее Поволжье турбаслинских племен. Особенно много общих черт именьковская культура имеет с черняховской, для могильников которой характерен биритуализм. В черняховских погребениях, совершенных по обряду ингумации, можно найти некоторые параллели обряду и инвентарю коминтерновских погребений. Так, наряду с простыми прямоугольными могилами встречаются могильные ямы с заплечиками круговыми или в длинных стенках. В могилах иногда встречаются следы дерева от каких-то внутримогильных конструкций, возможно, гробов. Северная ориентировка, иногда с отклонением к западу, отмеченная в Коминтерновском II могильнике, является типичной и для черняховских погребений» (Матвеева, 1996. С. 62–63).

В более поздней своей работе Г.И. Матвеева не возвращалась к идее о черняховских истоках коминтерновских ингумаций и высказала несколько иной взгляд на эту проблему: «Сложнее решить вопрос о происхождении обряда трупоположения в Коминтерновском II могильнике. Скорее всего, появление этого обряда у именьковского населения, оставившего этот могильник, связано с притоком иноэтничных групп населения на территорию именьковской культуры. Об исходном районе миграции иноэтничного населения судить пока трудно, однако наличие в составе погребального инвентаря некоторых вещей (пряжки, ленчики седел) позволяет видеть в пришельцах племена степной полосы Восточной Европы гуннского времени» (Матвеева, 2004. С. 73).

С этим тезисом Г.И. Матвеевой тогда согласились и мы (Богачев, 1998. С. 38), поскольку обкладки седел из золотой фольги с чешуйчатым орнаментом в тот период времени у археологов прочно ассоциировались с гуннскими (постгуннскими) кочевническими комплексами. Но уже в более поздних работах А.В. Богачев показал, что этот признак скорее хронологический, нежели культурно-этнический (Богачев, 2010; 2011).

В целом ряде недавних публикаций Е.П. Казаков развивает мысль о том, что «часть элементов погребального обряда турбаслинско-именьковского населения (наличие трупосожжения и трупоположения, сопровождение женских погребений богатым набором, в том числе шкурой лошади) имеет параллели по письменным источникам X в. в культуре буртас» (Казаков, 2012. С. 118). По его мнению, в VII в. кочевнические племена кушнаренковской культуры вытеснили представителей турбаслинско-именьковской общности «в правобережье Саратовского Поволжья, где они проживали в соседстве с салтовскими болгарами» (Казаков, 2013. С. 25). К сожалению, Е.П. Казаков не называет конкретные археологические памятники с территории Саратовского Поволжья, материалы которых могли бы подтвердить его точку зрения.

И в настоящее время Е.П. Казаков продолжает считать, что «часть сарматских племен уже в раннем средневековье, в южных районах Среднего Поволжья и Приуралья вели оседлый образ жизни, занимаясь земледелием. Они оставили памятники именьковской культуры» (Казаков, 2020. С. 523).

Мы не согласны с тезисами Е.П. Казакова о том, что сарматы были земледельцами и что именно с сарматами следует связывать захоронения, совершенные по обряду трупосожжения. Но мы разделяем мысль исследователя об участии сарматского (иранского) населения в сложении именьковской культуры в качестве одного из компонентов (подробнее см. ниже).

Возвращаясь к работам Г.И. Матвеевой, посвященных генезису «именьковцев», следует сказать, что исследовательница далеко не сразу высказалась в пользу их славянства, хотя была уверена в этом изначально. И тому есть подтверждение.

В вузовской археологии есть традиция, что сразу несколько студентов-археологов работают в створе проблематики своего научного руководителя. И, на наш взгляд, это очень правильная практи-

ка, поскольку обучение (в том числе и в поле) идет предметно. Причем опытный научный руководитель (а Г.И. Матвеева, безусловно, таковым была) направляет своих подопечных в нужное русло крайне деликатно. Например, А.В. Богачев, написавший на 1 курсе работу по ямной культуре, уже на 2 курсе (после летней археологической практики на именинковском селище Ош-Пандо-Нерь II) на Урало-Поволжской археологической студенческой конференции в Казани (1982 г.) делал доклад на тему «О происхождении именинковской культуры».

Конечно же, это был конспект знаменитой статьи научного руководителя, но Г.И. Матвеева при подготовке доклада убедила своего ученика в том, что «именинковцы», безусловно, были славянами. Эту мысль и озвучил студент в своем докладе, после прочтения которого началась жаркая дискуссия, в которой помимо студентов (ныне доктора наук И.Л. Измайлов и Г.Н. Белорыбкин) приняли участие и руководители секции средневековой археологии (А.Х. Халиков, П.Н. Старостин, Р.Д. Голдина). Так началась апробация этой идеи Г.И. Матвеевой. К слову, доклад был признан одним из лучших и рекомендован на Всесоюзную археологическую студенческую конференцию, где и был прочитан зимой 1982 года.

Апробация продолжалась в диалогах с коллегами в экспедициях и на рабочем месте в кабинете археологии Куйбышевского госуниверситета. Многие проговоренные тогда аргументы в пользу славянства носителей именинковской культуры впоследствии были опубликованы Г.И. Матвеевой, а некоторые – нет. К числу последних относится пассаж Ибн Фадлана о головных уборах волжских болгар: «Все они носят шапки. Когда царь едет верхом... по базару, никто не остается сидящим, – [каждый] снимает с головы свою шапку и кладет ее себе подмышку. Когда же он проедет мимо них, то они опять надевают свои шапки себе на головы» (Ибн Фадлан, 2006. С. 735).

«Только славяне «ломают шапки» перед начальством. И потому какая-то часть населения именинковской культуры была интегрирована в раннеболгарскую среду», – говорила в этой связи Г.И. Матвеева.

И лишь в 1988 году исследовательница опубликовала свою точку зрения о славянской атрибуции именинковской культуры (Матвеева, 1988. С. 11–13). Но и в этой публикации автор, приведя

ряд очень весомых аргументов в пользу славянства «именинковцев», тем не менее, заканчивает ее словами: «Вопрос о языке племен именинковской культуры пока не может быть решен, но следует отметить, что на территории ее распространения довольно много славянских гидронимов, некоторые из них упоминаются Ибн-Фадланом (Сок, Черемшан, Майна, Утка, Бездна). Следует отметить, что в восточных источниках волжские болгары всегда именуется славянами или тюрко-славянами» (Матвеева, 1988. С. 13).

Необходимо отметить, что Г.И. Матвеева, в отличие от многих коллег, обосновывала происхождение именинковской культуры системно. Она не ограничивалась выборочными ссылками на какие-то отдельные аналогичные детали в материалах сравниваемых культур и этносов. Сравнительный анализ проводился по максимальному числу базовых параметров, характеризующих археологическую культуру: погребальный обряд, топография и типы поселений, домостроительство, украшения, керамика и предметы быта, оружие и орудия труда, структура хозяйства и т.п. Важно, что Г.И. Матвеева доказывала свои выводы не только при помощи текста, но и графически, воспроизводя сравниваемые материалы (керамику, украшения и т.п.) из конкретных памятников в сравнительных таблицах.

Поэтому ее гипотеза о славянстве «именинковцев», получившая свой законченный вид в работах конца XX – начала XXI века (Матвеева, 2000; 2004), выглядит более чем убедительно. И сегодня ее разделяют многие ведущие историки и археологи современности.

Одним из первых поддержавших идеи Г.И. Матвеевой о славянском этносе носителей именинковской культуры был В.В. Седов. В своей фундаментальной монографии «Славяне в древности» он писал: «Г.И. Матвеева, утверждая, что основным компонентом носителей именинковской культуры были племена, переселившиеся в Поволжье с запада на рубеже IV – V вв., предполагает их славянскую принадлежность... Заключение ее о формировании именинковской культуры в условиях миграции днепровского населения на Среднюю Волгу представляется достаточно авторитетным» (Седов, 1994. С. 314, 315). В более поздней своей работе В.В. Седов связал «именинковцев» со славянами-антами (Седов, 2002. С. 253).

Новая, сформировавшаяся в первые десятилетия XXI века, генерация историков-славистов продолжила изучать и интерпретировать материалы именьковской культуры Поволжья уже в рамках новой – славянской – парадигмы, сформулированной Г.М. Матвеевой.

Так, С.В. Назин высказал точку зрения о том, что этноним «именьковцев» – венеты (вятичи) и что правый приток Камы река «Вятка получила свое имя от названия племени, а именно от «именьковского» населения. На это указывает в первую очередь старинное мордовское название чувашей... Мордовским названием чувашей было слово «ветьке», «ведень»... Будущие земли чувашей между Сурой и Волгой были заняты в V–VII веках именьковскими племенами, и, вероятно, что имя «ветьке» было перенесено мордвой на чувашей с предшествующего «вятического» населения... Имя вятичей происходит от имени венетов. Последнее имя первоначально обозначало не собственно «славян», а антов» (Назин, 2017. С. 90–91).

В основании этой логической цепочки, которая нам представляется действительно заслуживающей пристального внимания, тем не менее лежит один не совсем верный (точнее – совсем не верный) тезис о том, что между жившими на Вятке «азелинцами» и «именьковцами» можно поставить знак равенства: «Пришельцы (*население именьковской культуры*. – *Авт.*) обосновались преимущественно при слиянии Волги и Камы, но связанные с ними памятники появляются еще далее к северу и востоку, в глубине областей, занятых местным населением. Достаточно сказать, что им принадлежит азелинский (*Азелинский*. – *Авт.*) могильник, давший название одноименной культуре предков удмуртов» (Назин, 2017. С. 84).

В связи с балтской гипотезой А.Х. Халикова мы уже говорили о том (см. выше), что азелинская культура датируется более ранним временем, нежели именьковская, и что ингумации Азелинского могильника по определению не сопоставимы с именьковскими кремациями, равно как не сопоставимы и все другие материалы (керамика, украшения, оружие и т.д.) двух этих совершенно разных культур. В ряде специальных работ (Богачев, 2016б; 2017; Богачев и др., 2019), основанных на данных археологии, антропологии, письменных источников и топонимики, мы попытались доказать, что азелинское население Волго-Вятского между-

речья было рогами из списка воинственных северных племен, покоренных королем Германарихом в IV в.

Таким образом, на наш взгляд, С.В. Назин допустил ошибку (погрешность), которая в логике называется *подмена основания*, т.е. первый тезис, на котором, собственно, и базировались дальнейшие рассуждения, оказался ложным. К слову, на культурное наследие «азелинцев» кроме удмуртов и чувашей претендуют (и небезосновательно) марийцы.

Хотя, повторимся, очень многие гипотезы и сопоставления С.В. Назина весьма ценны, но тем не менее нуждаются в дополнительных доказательствах. И феномен появления топонима *Вятка* в Прикамье, конечно же, нуждается в дальнейшем изучении.

Историк из Санкт-Петербурга М.И. Жих за последние годы опубликовал несколько работ, в которых были подробно рассмотрены взгляды советских (российских) исследователей по проблеме этнокультурной идентификации населения именьковской культуры (Жих, 2016; 2020). Сам автор присоединился к точке зрения В.В. Седова, согласно которой племена волынцевской культуры (и роменской культуры), будучи летописными славянами-северянами днепровского левобережья, вероятнее всего, унаследовали этот этноним от своих предков – «именьковцев», переселившихся со Средней Волги (Седов, 1995; Жих, 2020. С. 96–97).

Впоследствии академик В.В. Седов изменил свою точку зрения (см. ниже), но, как видно из историографического обзора М.И. Жиха, у этой концепции продолжают оставаться сторонники. Сам автор также продолжает придерживаться этой точки зрения и развивает ее: «выводы о том, что какие-то группы именьковского населения именовались *словенами* и *северянами*, являются вполне допустимыми. Дать какое-то иное убедительное объяснение упоминанию народа *С.л.виюн* в письме хазарского царя Иосифа, четко локализирующего его в Среднем Поволжье, едва ли возможно. Точно так же иначе затруднительно объяснить упомянутый там же поволжский этноним С.в.р., который оказывается как бы «лишним» – сувары названы в этом же перечне поволжских народов. Если верна гипотеза В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур, то можно говорить и о том, что именно с миграцией именьковцев

связано появление этого этнонима, вытеснившего древнее местное имя анты, в регионе днепровского левобережья» (Жих, 2020. С. 105).

Однако если вернуться от сугубо теоретических построений собственно к археологическому материалу, то следует сказать, что в последние годы археологами из Самары, Ульяновска и Казани были открыты и исследованы новые памятники, которые позволяют увидеть, что именьковская культура не столь монолитна, как представлялось ранее.

Интересные в этой связи данные были получены Д.А. Сташенковым, исследовавшим в Самарском Поволжье памятники Сиделькино и Тимяшево, выделенные автором раскопок в отдельный тип – Сиделькино - Тимяшево (Сташенков, 2005). Анализ материалов из этих и ряда других памятников первой половины I тыс. н.э. из этого региона позволил автору сделать целый ряд интересных выводов: «В Самарском Поволжье в первой половине I тыс. н.э. существовало четыре группы памятников оседлого населения. Оседлое население в регионе появляется в результате миграции из районов Поднепровья и Верхнего Дона. Население Среднего Поволжья в этот период формировалось в результате смешения различных этнокультурных групп, среди которых выделяются позднескифские, киевские и сарматские» (Сташенков, 2007. С. 4).

Не менее интересные материалы были получены Д.А. Сташенковым в 2013 году в результате раскопок на Самарской Луке близ г. Жигулевск. На Жигулевском II грунтовом могильнике им были исследованы погребения-кремации, типологически близкие именьковским, которые автор раскопок датировал временем конца VII – IX в., т.е. временем, когда на территории Самарской Луки проживало население, оставившее могильники новинковского типа. Датировка памятника выстраивалась Д.А. Сташенковым на основании находки двух глазчатых (бородавчатых) бус, происходящих из полностью разрушенного погребения 2 раскопа 2 (Сташенков, 2014. С. 93). Однако если обратиться к материалам из неразрушенного погребения 4 раскопа 3, то найденные в нем артефакты указывают на VI век. Именно этим временем датируются в Поволжье и Приуралье застежки скульгамного типа с парными полукруглыми выступами по внешней стороне кольца. Таковые найдены, например, в хорошо датированных комплексах Бир-

ского и Коминтерновского II могильников (Мажитов, 1968. Табл. 8, 11; 16, 5; Казаков, 1998. Рис. 25, 12, 23). А это уже не «новинковское», а «именьковское» время.

Интересно, что в 2020 году в Жигулевске был найден еще один могильник с погребениями-кремациями – Жигулевск I – II селища, грунтовый могильник. Авторы раскопок датировали его IV–VI вв. (Барынкин и др., 2020. С. 353–356), т.е. временем, когда на Самарской Луке жили племена именьковской культуры.

Изученный в Ульяновском Поволжье Комаровский могильник позволил автору раскопок Л.А. Вязову говорить о том, что «в погребальном обряде населения, оставившего Комаровский могильник, наблюдаются отличия от именьковских традиций», выраженные в наличии ритуально испорченного оружия, иных формах керамических сосудов и т.д. (Вязов, Петрова, 2013. С. 19).

Не менее интересные результаты были получены в результате раскопок в том же регионе городища и селища Новая Беденьга. Анализ материалов привел авторов раскопок Л.А. Вязова и Ю.А. Семькина к выводу о том, что «ядром миграционной волны, достигнувшей Ульяновского Предволжья в гуннскую эпоху, стали группы носителей традиций киевской культуры, в которой с большой долей вероятности можно видеть раннеславянское население. Однако в ходе миграционных процессов культурный комплекс этого населения испытал сильное влияние других этнокультурных групп. В результате к моменту заселения изучаемой территории культурный облик пришлых групп уже был неоднородным. Вероятно, что определенный вклад в его формирование внесло и местное население позднеримского времени» (Вязов, Семькин, 2016. С. 91).

К интересному выводу пришли авторы, исследовавшие новые открытые (Комаровский могильник) типы именьковского вооружения: «Таким образом, имеющиеся сведения о комплексе вполне позволяют интерпретировать его как одно из погребений именьковской культуры, относящееся ко второй половине VI в. н.э., с яркими чертами, нехарактерными для большинства именьковских комплексов и отражающими распространение в именьковской среде новых традиций южного и восточного «степного» происхождения... По-видимому, в середине-второй половине VI в. в

Среднем Поволжье происходит формирование нескольких групп именьковского населения, ориентированных на различные направления культурных связей. Результатом этого становится распространение в различных группах специфических типов импортных изделий, в первую очередь украшений, деталей костюма и оружия... Именьковское население на глазах теряет свой статус «достойного презрения из-за [слабости их] оружия», но «могущественного благодаря своей многочисленности» (Иордан, Гетика, 119)» (Вязов и др., 2020. С. 113–115).

Напомним читателям, что приведенный авторами пассаж из «Гетики» Иордана – это описание венетов, против которых Германарих «двинул войско... Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавен» (Иордан, Гетика, 119).

Таким образом, авторы статьи об оружии «именьковцев» поставили знак равенства между последними и венетами.

Выше мы уже говорили о том, что академик В.В. Седов еще в работе 2002 года сопоставил население именьковской культуры с антами (Седов, 2002. С. 253).

Мы в ряде своих работ писали о том, что биритуализм именьковских могильников можно объяснить в рамках гипотезы об антском (венедском) этносе племен именьковской культуры (Богачев, 2007; 2011; 2013).

Согласно письменным источникам (Иордан), анты, равно как и склавины/славяне, являются потомками венедов: «...от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами. Славяне живут от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на севере до Висклы, болота и леса заменяют им города. Анты же самые могущественные из них...» (Свод..., 1991. С. 107–109).

Одним из ценнейших источников, в котором значатся *венеды*, является Певтингерова таблица (Tabula Peutingeriana), названная так по имени одного из ее владельцев в XVI в. Эта карта мира, изготовленная в XII–XIII вв., по своей форме и со-

держанию восходит к первым векам нашей эры. По мнению большинства исследователей, в ее основе лежит официальный справочник дорог Римской империи, предназначенный для государственных служащих, отправляющихся в путь (Подосинов, 1991. С. 64). На этой карте венеды обозначены в двух местах. Один раз имя *венеды-сарматы* (venadisarmatae) помещено на самом побережье Северного океана над Дунаем, северо-западнее горного массива с названием Alpes Bastarnice, т.е. Бастарнские Альпы. При нанесении этого этнонима на современную карту он оказывается севернее или северо-восточнее Карпатских гор – в верховьях Вислы и Днестра (Седов, 1994. С. 6). Второй раз имя венедов – Venedi – нанесено юго-восточнее Бастарнских Альп (Карпат), в междуречье Дуная и реки Agalingus, которая, беря начало на восточных склонах Карпат, впадает в Черное море северо-восточнее Дуная. Обычно ее отождествляют с Днестром. Венеды занимают последнее на востоке место в ряду названий: Piti, Gaetae, Dagaе, Venedi (Подосинов, 1991. С. 73), то есть рядом с гетами и даками.

Говоря об этнической ситуации в междуречье Дуная и Днестра в период составления Певтингеровой карты (III в.), В.В. Седов писал, что чересполосно с готами, сарматами и гето-даками там жили и славяне, которых германцы и римляне именовали венетами. В этом регионе «имел место славяно-иранский симбиоз» (Седов, 1994. С. 277).

В настоящее время археологическими исследованиями выявлены следы однозначного сарматского присутствия на биритуальных (кремации + ингумации) грунтовых могильниках ареала черняховской культуры. В частности, М.В. Любичевым проанализирована значительная выборка погребений с позднескифскими/сарматскими признаками на могильниках черняховской культуры в Днепродонецкой лесостепи. Автор заключает, что погребения такого рода «присутствуют фактически на каждом могильнике региона с числом погребений 10 и более, введенных в научный оборот. Бесспорными позднескифскими/сарматскими признаками обладают погребения, совершенные в конструкциях разных типов: ямах, ямах с подбоем, ямах с плечиками. Причем все эти типы относят как к сарматам, так и к поздним скифам» (Любичев, 2011. С. 50).

Сходная картина наблюдается на другом конце черняховского мира. Для могильников первых веков н.э., исследованных в районах Поднестровья и прилегающего Подунавья, биритуализм в погребальном обряде был нормой. А ингумации на могильниках этого региона связываются в первую очередь с влиянием западных сарматов.

«Условия обитания западных сарматов – не цельным этническим массивом, а вперемешку с поселениями других племен – благоприятствовали тому, что западносарматская культура оказывала глубокое влияние на культуру соседей, которое особенно сильно проявилось в эпоху Великого переселения народов» (Рикман, 1975. С. 65).

Э.А. Рикман, в частности, отмечает, что в могильнике Поянешть карпские трупосожжения и труположения оседлых сарматов расположены рядом и датируются одинаково. Погребения детей с сарматским инвентарем в Габэра служат свидетельством о браках между карпами и сарматами (Рикман, 1975. С. 66).

Примерно такая же картина наблюдается и на Коминтерновском II могильнике именьковской культуры, с той лишь разницей, что этот памятник оставлен не гето-сарматами (как, например, могильник Поянешть в Поднестровье), а переселившимися в Поволжье антами – потомками венедо-сарматов.

Римский историк Корнелий Тацит (56–117 гг.) в своем труде «О происхождении германцев и местоположении Германии» отмечает: «Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов» (Тацит Корнелий, 1993. С. 372).

Таким образом, суммируя все приведенные выше данные, можно говорить о том, что археологические источники фиксируют в ареале черняховской культуры зоны с биритуальным обрядом захоронения. Авторы констатируют наличие на этих могильниках сарматской этнической составляющей.

Важным представляется и то, что смешанный этнический характер части населения приграничных Риму территорий зафиксирован в тот период в этнониме *венедо-сарматы* (Певтингерова карта). Интересно и приведенное выше замечание Тацита о *смешанных браках* сарматов с венедатами.

По всей видимости, интегрированные в культурную среду населения черняховской культуры эти метисированные группы в конце IV в. н.э. приняли участие в миграции значительной части населения этой культуры (вероятно, этнических антов) из районов Приднестровья на Среднюю Волгу и сформировали на новой территории единую именьковскую культуру.

Таким образом, предложенное нами в работе 2013 года (Богачев, 2013. С. 33–39) решение проблемы вполне укладывалось в рамки гипотезы Г.И. Матвеевой о формировании именьковской культуры на базе западных культур «полей погребений» (Матвеева, 2004) и развивало ее.

Именьковская археологическая культура достаточно монолитна. В то же время имеющиеся факты – наличие биритуальных (наряду с моноритуальными) могильников, различные (полуземлянки и большие дома) домостроительные традиции, неоднородные керамические комплексы – позволяют говорить о том, что потомки венедо-сарматов – «именьковцы»-анты были единым народом, включившим в себя разные этнические группы.

«То, что древние воспринимали как народ, этнос, было, скорее всего, неким конгломератом различных родственных или даже неродственных группировок населения. По всей вероятности, именно эти конгломераты и улавливаются археологами под явлениями, которые они называют археологическими культурами» (Щукин, 2005. С. 13–14).

Костюм (украшения костюма и орнаменты) является одним из наиболее значимых этнических маркеров (Богачев, Французов, 2014). Не менее значимым маркером этноса являются сакральные вещи, и прежде всего амулеты-обереги.

В наших работах мы уже рассматривали такие типы амулетов-украшений, как кольца с выпуклинами и антропоморфные амулеты I тыс. н.э. (Богачев, 1998; 2011; 2016а). Однако новые материалы и новые гипотезы, связанные с культурной и этнической идентификацией племен именьковской культуры, позволяют вновь обратиться к этой теме и расставить акценты.

Если говорить о кольцевых подвесках с выпуклинами, то следует сказать, что с момента выхода нашей статьи, где мы впервые опубликовали сводку всех известных нам на тот момент украшений

этого типа (Богачев, 1998), вышло еще несколько публикаций на эту тему.

Прежде всего следует назвать работу З.Х. Албеговой и В.Б. Ковалевской «Кольцевые амулеты раннего средневековья», в которой авторы обогатили нашу сводку информацией о более чем 20 памятниках (главным образом с территории Кавказа), где были найдены эти украшения (Албегова, Ковалевская, 2012).

В обстоятельной статье Д.В. Журавлева была предпринята попытка доказать, что браслеты и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Причерноморья не являются производными от кельтских образцов: «Вероятно, наши кольца с выступами связаны происхождением с экземплярами из Фракии или, скорее, Гето-Дакии» (Журавлев, 2014. С. 80).

Представляется, что новые данные (как опубликованные, так и полученные нами в результате работы непосредственно с музейными коллекциями), а также новые возможности их обработки (в частности, точное картирование на платформе Яндекс) позволяют продвинуться в решении многих вопросов, связанных с распространением кольцевых подвесок с выпуклинами в пространстве и во времени.

В свое время нами было выделено два подтипа этих украшений (Богачев, 1998). Однако несмотря на отдельные нюансы (сечение кольца в месте выпуклины) с точки зрения формы – это один тип: замкнутое кольцо с округлыми выступами по внешнему краю. Морфологический «канон» этих изделий, которые многими исследователями трактуются как амулеты-обереги, считается однозначно, примерно так же, как и форма христианского нательного креста, при всем морфологическом разнообразии конкретных изделий.

Самое раннее воплощение этого «канона» мы находим в материалах V–IV вв. до н.э. культуры голасекка в Юго-Восточной Швейцарии: «Крупная, тяжелая литая фибула с овальной в сечении и симметричной спинкой, короткой ножкой и подвесками-амулетами – двумя кольцами с «пуговками» (на одном – девять, на другом одиннадцать) принадлежит к самым ранним формам пиявковидных фибул позднеальпийского типа С» (Железный век..., 2020. С. 425).

Хотим обратить внимание на два обстоятельства. В связи с тем, что подвески были нанизаны

на иглу фибулы, – это единый комплекс. Интересно, что нечто подобное (кольцевидная подвеска была закреплена на фибуле) было воспроизведено на Средней Волге через тысячу лет в погр. 43 Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998. С. 143. Рис. 31). Кроме того, количество выпуклин на швейцарских амулетах – девять и одиннадцать. Нечетное количество выпуклин будет воспроизводиться на большинстве изделий такого рода на протяжении всей истории их бытования.

Таким образом, канон (за которым, помимо всего прочего, стоят не только эстетические, но и идеологические представления) подвесок-амулетов с выпуклинами сложился в Центральной Европе в середине I тыс. до н.э.

Следует отметить, что типологически близкий тип изделий в конце V в. до н.э. появляется и у скифов Северного Причерноморья. В частности, в кургане у с. Богдановка (Украина, Херсонская область) были найдены бронзовые литые кольца (в том числе продетые одно в другое – отлитые парно) с тремя шишечковидными выступами диаметром 2,0–2,2 см (Битковский, Полин, 1987. С. 74–85. Рис. 7, 5–6).

Такого рода небольшие кольца с тремя шишечками известны во фракийских памятниках второй половины V в.: в погребении 102 могильника Аполлония «три пары колец лежало на груди вместе с двумя фибулами фракийского типа» (Мелюкова, 1979. С. 227). По мнению А.И. Мелюковой, скифы восприняли идею такого рода изделий от фракийцев. В свою очередь «фракийцам Балкано-Дунайского региона кольца с тремя выступами из шишечек стали известны из более южных регионов, куда они проникали, вероятно, из Малой Азии. Можно предполагать, что и в Северном Причерноморье эти предметы появились, скорее всего, с юга и, видимо, значительную роль в этом сыграли фракийцы» (Мелюкова, 1979. С. 229).

Так или иначе, несмотря на определенные морфологические сходства и, возможно, некую общую идеологическую подоплеку, связанную с культом плодородия (Дашевская, 1991. С. 39), кольца с тремя шишечками и кольцевые подвески с выпуклинами – это типологически разные вещи. Диаметр первых никогда не превышал 1,5–3,0 см (Мелюкова, 1979. С. 227), в то время как диаметр вторых достигал 9,6 см (Богачев, 1998. Табл. 1). Кроме того, неизвестно ни одного случая (и это

при том, что количество находок приближается к 200 экз.), когда кольцевые подвески с выпуклинами были бы продеты одна в другую, т.е. были отлиты единой парой. В свою очередь, каждая вторая находка изделий с тремя шишечками представляет собой сцепки из двух-трех колечек (Мелюкова, 1979. С. 228. Рис. 48). Остается добавить, что история бытования колец с тремя шишечками ни территориально, ни хронологически практически не выходит за пределы скифо-фракийского мира, в то время как история кольцевых подвесок с выпуклинами разворачивалась на огромной территории (от Пиренеев и Альп до Кавказа и Урала) на протяжении более тысячи лет.

Применительно к древним украшениям и деталям одежды, изготовленным мастерами в единой стилистике, археологи нередко используют слово «гарнитур» (гарнитура). И если говорить о кольцевых подвесках, то в культурах раннего железного века Центральной Европы они были частью некоего единого художественного стиля: разного рода выпуклинами помимо собственно подвесок в тот период украшались и браслеты, и фибулы, и гривны (Железный век..., 2020. С. 396–400. № 76.1; № 80.1; № 81.1; № 83.1–2; № 85. 1–2). В скифо-фракийских древностях такого рода ансамблей украшений с выпуклинами неизвестно. И это еще один аргумент в пользу того, что кольцевые подвески появились в Центральной Европе в культурах латенского круга, т.е. у кельтов.

Исследователи отмечают, что уже в V веке до н.э. кельты – носители ранней латенской культуры – доходят до северо-восточной оконечности Альп и Словакии, а в IV в. до н.э. – до Днепра (Железный век..., 2020. С. 149–160; Brun, Ruby, 2007. P. 89–90). Расселение кельтов на восток, северо-восток, юго-восток и их взаимодействие с местным населением привело к формированию ряда культур (зарубинецкая, пшеворская, оксывская, ясторфская, поянешты-лукашевская), за которыми закрепился термин «латенизированные». Как отметил В.Е. Еременко: «понятие «латенизированная культура» подразумевает не только то, что она подверглась сильному кельтскому влиянию, но и то, что благодаря этому произошла структурная перестройка всех ее звеньев. Так, для латенизированных культур характерен ряд общих признаков: наличие фибул, преобладание неукрепленных поселений и грунтовых могильников с урновыми или

ямными трупосожжениями, близость форм украшений (выделение наше. – Авт.), оружия, орудий труда и в меньшей степени керамики» (Еременко, 1997. С. 3).

Подвески с выпуклинами известны в материалах зарубинецкой, пшеворской, ясторфской культур и любошицко-лужицкой группе памятников, где датируются в хронологическом диапазоне III в. до н.э. – III в. н.э. В целом ранняя дата их появления к востоку от Карпат согласуется с датой появления в регионе стилистически близких браслетов с выпуклинами/шишечками (Еременко, 1997. С. 43; Нефедова, 1992. С. 31). Обозначенные культуры локализуются в лесной и лесостепной зонах Европы на достаточно большой территории – от Скандинавии до Среднего Днепра.

Вместе с тем, кельтское влияние ощутимо в материальной культуре и степных народов – скифов и сарматов, на памятниках которых также найдены подвески с выпуклинами. Они представлены на обширной территории от Карпатского бассейна до Волги в материалах главным образом I – III вв. позднескифской и позднесарматской культур. Хотя известны и более ранние экземпляры IV–III вв. до н.э. (Восточное Бельское городище).

Существует авторитетное мнение Д.С. Раевского, что к причерноморским скифам кольца с шишечками попали вместе с пришедшими в Крым во второй трети I в. н.э. сарматами (Раевский, 1971. С. 143–151). Венгерские исследователи полагают, что «самыми типичными находками второй сарматской волны, появившейся на Венгерской низменности после Маркоманнских войн, в конце II века, являются кольца с шишечками, весьма характерные для крымских находок» (Иштванович, Кульчар, 2005. С. 341).

Важно отметить, что, несмотря на то, что сарматы-языги «становятся постоянными обитателями Венгерской пушты» в середине I в. (Шукин, 2005. С. 66), кольцевые подвески с выпуклинами появляются там лишь полтора века спустя. Значит ли это, что обладателями этих специфических украшений были какая-то другая группа сарматов?

Судя по нашей карте в районах Восточного Приазовья и Нижнего Дона сосредоточены сарматские памятники, датированные рубежом эр. На основе анализа материалов Неаполя Скифского Д.С. Раевский констатирует «факт массового переселения боспорских сармато-меотов в Неаполь во

второй трети I в. н.э. Что касается сарматских погребений на городище, то по времени они синхронны готскому нашествию, разрушившему многие города Северного Причерноморья, и находятся в последнем слое. Поэтому можно предполагать, что аланы были увлечены в Крым готами» (Раевский, 1971. С. 151).

Территории Поднепровья к северу от скифов и сарматов на рубеже эр были заняты племенами зарубинецкой культуры, в материалах которой также представлены кольцевые подвески с выпуклинами. В обобщающих монографиях они обозначены как «браслеты латенской и сарматской форм – имеют вид литых обручей с круглыми шишечками по ободу» (Максимов, 1972. С. 84). Специалисты по зарубинецким древностям не обозначают эти украшения как некий этнокультурный маркер этой культуры, в отличие, скажем, от фибул с треугольным щитком. Действительно, подвески/браслеты с выпуклинами не найдены вместе с зарубинецкой посудой или с фибулами ни в одном закрытом комплексе. Вероятнее всего, эти находки следует рассматривать как результат некоего взаимопроникновения скифо-сарматского и зарубинецкого миров, которое тем не менее закончилось тем, что «около середины I в. н.э. воинственные сарматы заселяют южные земли Среднего Поднепровья и создают опасную ситуацию для оседлого земледельческого населения зарубинецкой культуры. Последнее вынуждено было покинуть эти области» (Седов, 2002. С. 136).

М.Б. Щукин в этой связи писал: «Бастарнская общность, представленная зарубинецкой культурой, под ударом сарматов, очевидно, распадается, и большая часть населения разбегается в разные стороны, ища спасения в Подесенье и брянских лесах, в Посеймье и в верховьях Сулы и Псла, достигает верховьев Дона, а некоторые, возможно, даже Самарского Поволжья. Беглецы представлены археологически разрозненными группами небольших недолговременных поселений, называемых то памятниками «киевского типа», то позднезарубинецкими или постзарубинецкими памятниками, то «горизонтом Рахны-Почеп»» (Щукин, 2005. С. 68).

Памятники киевского типа в настоящее время обрели статус археологической культуры, которая «является ключевым звеном цепочки археологических общностей, началом которой были зарубинецкая культура и позднезарубинецкие группи-

ровки» (Обломский, 2007. С. 51). В контексте этой культуры рассматриваются в том числе памятники типа Инясево в Донском Прихоперье (Хреков, 2007. С. 108–109) и памятники типа Сиделькино-Темяшево в Самарском Поволжье (Стащенко, 2007. С. 109–112).

Важным и интересным представляется утверждение А.М. Обломского о том, «что население киевской культуры было предками, скорее всего, не собственно славян («склавинов») раннего средневековья, а антов» (Обломский, 2007. С. 53).

Была высказана гипотеза, что население Прихоперьа – это венеды, мигрировавшие из районов лесостепного Левобережья Днепра, Донца, Оскола (Медведев, 2007; Берестнев, 2016).

Согласно итогам диссертационного исследования Р.С. Берестнева, в лесостепном Прихоперье в первые века нашей эры «пересеклись две различные этногенетические волны – сарматская и вenedская» (Берестнев, 2016. С. 24). Причем среднесарматские материалы региона он связывает «с аланами (с асэями и закатами, по Птолемею) и старым аорским населением, вытесненным из низовий междуречья; позднесарматские памятники, скорее всего, принадлежали аланам-танаитам Марцеллина» (Берестнев, 2016. С. 24).

Последний тезис, на наш взгляд, достаточно хорошо иллюстрирует находка именно в этом регионе кольца с выпуклинами из могильника у с. Большая Дмитриевка (Табл. 1, № 44; Илл. 2, 15). Именно из низовьев Дона-Танаиса и Приазовья, где эти кольца были найдены в относительно большом количестве, и могли мигрировать обладатели этих украшений сарматы-аланы.

Развивая гипотезу Р.С. Берестнева, И.В. Зиньковская высказала предположение о том, что этноним *venadisarmatae* Певтингеровой карты отражает процессы интеграции двух этносов не только в западных регионах Сарматии – на Висле и Днестре, «такие же процессы могли проходить и в ее восточных пределах, в том числе и в Доно-Волжском лесостепном междуречье» (Зиньковская, 2018. С. 88).

В этой связи чрезвычайно важны находки кольцевых подвесок с выпуклинами в соседнем Тамбовском регионе (Обломский, Масленников, 2016. С. 173–175. Рис. 4, 1). Найденные в культурных слоях двух поселений эти украшения, вероятно, отражают процесс оседания сармато-аланов

на землю и окончательную их интеграцию в оседло-земледельческие общины венодов. Еще одним свидетельством в пользу этого тезиса являются найденные там же «подвески в виде человечков, имеющие аналогии на Северном Кавказе» (Обломский, Масленников, 2016. С. 175. Рис. 3, 11–12) на памятниках, оставленных аланами.

Наиболее ярко и однозначно процесс метисации сармато-аланов со славянами фиксируется на многочисленных материалах именковской культуры Среднего Поволжья. Именно в этом регионе представлены биритуальные могильники, на которых славянские погребения-кремации перемежаются с аланскими (гото-аланскими) погребениями-ингумациями (Богачев, 2013; 2016).

Исследователи отмечали факт сарматского присутствия на самых ранних стадиях формирования именковской культуры: «население, оставившее памятники лбищенского типа, было пришлым, оно состояло из разных по происхождению групп населения: ираноязычных сармат, пришедших из Верхнего и Среднего Подонья, и праславян из Поднепровья» (Матвеева, 2007. С. 213). «О сарматском компоненте в формирующейся именковской культуре могут свидетельствовать находки в комплексах Новинковского V селища на Самарской Луке в слоях III – V вв. н.э.» (Сташенков, 2005. С. 47).

Сармато-аланское присутствие в Волго-Камье в середине I тыс. неоднократно отмечалось исследователями (Казаков, 2004; Мажитов, 1959; Богачев, 2013; 2016а). В частности, Е.П. Казаков, говоря о населении, оставившем Коминтерновский II могильник, полагает, что «данное население, скорее всего, связано с поздними сарматами» (Казаков, 2004. С. 283–284).

Автор раскопок Ново-Турбаслинского могильника Н.А. Мажитов, публикуя его материалы, писал: «Ново-Турбаслинский могильник относится к числу типичных памятников аланских племен на территории Башкирии и Приуралья и имеет близкое сходство с памятниками аланских племен Поволжья и Северного Кавказа» (Мажитов, 1959. С. 143).

Причем интегрированные в именковскую среду аланы (гото-аланы) сохранили и свой погребальный обряд (Богачев, 2013; 2016а), и свой костюм, составной частью которого (наряду с фи-

булами, полиэдрическими серьгами, подвесками-колтами) были подвески с выпуклинами.

Интересно, что этот же комплект украшений был выявлен в материалах ряда синхронных именковской культур (бахмутинская, турбаслинская, кушнаренковская) бассейна Белой. Однако на Средней и Верхней Каме (ломоватовская, неволинская культуры) присутствуют исключительно кольцевые подвески с выпуклинами. А такие знаковые элементы гото-аланского костюма, как полиэдрические серьги и парные фибулы, в том регионе не представлены. Не найдены там и антропоморфные амулеты. Важно отметить, что в материалах ломоватовской и неволинской культур Прикамья кольцевые подвески известны в комплексах конца VI – VII в., когда, на наш взгляд, именковская культура перестала существовать как цельное этнокультурное образование (Богачев, 1995; 1998).

Следует отметить, что в материалах середины I тыс. н.э. Среднего Поволжья и Средней Белой представлено несколько разновидностей (модификаций) подвесок. Помимо простых колец с выпуклинами-вздутиями здесь были найдены так называемые «рамчатые» (илл. 2, 7) с двумя кольцами изделия (Мажитов, 1968. Табл. 16, 7), украшения с фигуркой во внутреннем пространстве кольца (Кондрашин, 2011), подвески с четырьмя симметричными выступами в виде вытянутых полуovalов (илл. 2, 12) или «лежащих восьмерок» (Мажитов, 1968. Табл. 7, 21; 8, 11), шарообразные подвески с шишками и петелькой (илл. 2, 8). Кроме того, сравнительно недавно в этом регионе обнаружены кольца с тремя шишечками-выпуклинами в одной точке сечения кольца (Богачев и др., 2019) (илл. 2, 13), которые, как мы считали ранее, не характерны для Волго-Камья (Богачев, 1998).

Самая восточная известная нам находка кольцевой подвески с выпуклинами происходит из Приаралья из склепа № 27 могильника Томпаксар джетыасарской культуры (Левина, Чижова, 1995). В этом комплексе также была найдена двупластинчатая фибула, калачиковидная серьга и поясная гарнитура V–VI вв. (Богачев, 1996. С. 101. Рис. 3).

Самая западная известная нам находка такого рода изделий выставлена в экспозиции Musee Saint-Raymond в Тулузе. Этикетаж гласит, что «кольцо с протуберанцами» относится к римскому времени (илл. 2, 3). Вместе с тем, поскольку не вполне ясен контекст находки, мы допускаем, что

в районы Юго-Западной Франции оно могло попасть как в эпоху расселения кельтов, так и позднее – с аланами (германо-аланскими племенами). В пользу последнего свидетельствуют находки в этом регионе серег и двупластинчатых фибул и калачиковидных, а также полиэдрических серег (Богачев и др., 2019. Илл. 93, 3–5, 9–10).

Такой же набор украшений (подвески с выпуклинами, серьги, фибулы) мы можем видеть в древностях лангобардов Венгрии и Италии второй половины VI – первой половины VII в. (Jorgensen, 1992. Fig. 5, 6). И мы не исключаем, что в переселении лангобардов из Паннонии на Апеннины (2 апреля 568 года) участвовали и выходцы из сармато-аланской среды. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов возможность существования подвесок собственно в культуре самих лангобардов. Автор «Истории лангобардов» Павел Диакон называет лангобардов «народом виннилеров» (Павел Диакон, 2008. С. 42). Переводчик и комментатор этого текста Ю.Б. Циркин в свою очередь замечает, что «в трактате «О происхождении лангобардов, восходящем еще ко времени существования в Италии самостоятельного Лангобардского королевства, они называются *виннилами*» (Циркин, 2008. С. 256). В этой связи важно вспомнить о кельтском народе *венеллов*, который упоминается Юлием Цезарем как одна из нескольких ареморийских общин, живущих у берегов Океана: «в их числе были кориосолиты, редоны, амбибарии, колеты, осисмы, венеты, лексовии и венеллы» (Цезарь, VII, 75). Этноним VENELLI есть на картах «Географии» Птолемея, фрагменты из различных манускриптов которой были нами опубликованы (Богачев, Захарова, Кузнецов, Хохлов, 2020. С. 241. Илл. 5).

Таким образом, анализ географии, хронологии и состава комплексов с кольцевидными подвесками с выпуклинами позволяет говорить о том, что, появившись в кельтской среде во второй половине I тыс. до н.э., эти украшения (очевидно, вместе с их носителями) проникли в среду латенизированных культур Центральной Европы, а также к поздним скифам и сарматам. Последние в свою очередь активно взаимодействовали с оседло-земледельческими племенами Восточной Европы, включая население латенизированных культур. Причем диапазон взаимодействия был достаточно широк – от войны и захвата чужих территорий до мирного взаимовыгодного симбиоза.

Важно отметить, что *venadisarmatae* Певтингеровых таблиц – это европейская реальность III в. н.э., времени создания этой карты. А «именьковское население – крупная культурно-племенная группировка славян-антов» (Седов, 2002. С. 253) – это реальность уже конца IV – VI в. н.э. И если проанализировать составленную нами точную карту находок кольцевидных подвесок с выпуклинами, то эти две реальности («кружки» маркируют материалы до III в. включительно, «запятые» – материалы IV–IX вв.) достаточно определенно распадаются географически (илл. 1).

Согласно Иордану венеды «происходят из одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов» (Иордан, 119), а готские короли воевали и с венетами (Германарих), и с антами (Винитарий) (Иордан, 119, 236). Что касается последнего, то, по мнению ряда исследователей, «Винитарий получил имя-прозвище как покоритель венедов. Готы же воевали с той частью венедов, которые именовались антами. Следовательно, готы звали своих славянских соседей антов общим для германского мира названием – венетами» (Седов, 2002. С. 192).

Так или иначе, но следы готского присутствия на Средней Волге фиксируются и археологическими данными, и данными топонимики (Богачев, 1991; 2011; Богачев и др., 2019). Множество больших/длинных домов на городище Старая Майна (Богачев, 1991; Матвеева, 1993) в Ульяновской области со всей определенностью свидетельствует об этом. Городище раскапывалось много лет, собрана большая коллекция разнообразного материала V в. н.э.: орудия труда, оружие, керамика и украшения. Однако кольцевых подвесок с выпуклинами, найденных на большинстве исследованных именьковских памятников, здесь не обнаружено. Да и керамика, найденная в котлованах больших домов, имеет свою специфику: «изделия категорий I–IV и VIII имеют повсеместное распространение на поселениях именьковской культуры, а сосуды категорий V–VII – локальное, что уже на данном этапе обозначает специфику комплекса и неоднородность бытовых традиций населения, оставившего его» (Никитина, 2016. С. 92).

Но вот был ли это центр сбора дани с покоренных венедов/антов или нечто иное – об этом судить достаточно трудно.

Еще одним важным маркером присутствия сармато-аланов в том или ином регионе являются небольшие (до 5 см) бронзовые фигурки человечков (илл. 3; 4).

Антропоморфные металлические амулеты I тысячелетия не раз оказывались в поле зрения специалистов (Ковалевская, 1983; Шелов, 1987; Левина, Чижова, 1995; Щеглова, 2010).

За последние десятилетия источниковая база этих изделий значительно расширилась, что позволяет вновь вернуться к их изучению.

Все фигурки с точки зрения морфологии и иконографии достаточно индивидуальны. В самом общем виде их разделяют на две разновидности: первые – «изображение мужское, обнаженное, фаллическое» (Ковалевская, 1983. С. 44); вторые «изображают одетого мужчину» (Ковалевская, 1983. С. 45).

Первые (на карте (илл. 3) показаны «запятами») в массе своей представлены в Крыму, Приазовье и на Северном Кавказе; вторые – в восточноевропейской лесостепи (Молдова, Украина, Центральная Россия), в Джетыясарском оазисе Казахстана, на Кавказе (Дагестан, Осетия).

В Волго-Камье обе разновидности амулетов представлены, но «одетых» фигурок все же больше – свыше 65%.

Следует отметить новые находки (Украина) так называемых «пляшущих человечков» (илл. 4, 9–10, 13), подобные находкам из Мартыновского клада (Щеглова, 2010).

Большинство амулетов, происходящих из комплексов, датируется V–VII вв. На Кавказе они известны и в материалах более позднего времени – в VIII–IX вв.

Металлический антропоморфный амулет, найденный в Поднестровье на поселении Лукашевка, с точки зрения хронологии и морфологии (в отличие от остальных его ноги сомкнуты калачиком, одна рука на поясе, другая – в районе груди) несколько «не вписывается» в контекст вышеописанных амулетов. Однако сам факт его присутствия в районе взаимодействия целого ряда этнокультурных групп, так или иначе связанных с формированием культур праславянского и сармато-аланского круга, значим сам по себе.

Нам неизвестны находки антропоморфных металлических амулетов в Центральной и Западной Европе. Их распространение ограничивается

условной линией Варна – Кишинев – Киев – Орел – Москва.

Если говорить о северо-западном секторе их распространения, то это Средняя Волга и Средняя Белая. В отличие от кольцевых подвесок с выпуклинами, антропоморфные амулеты неизвестны на правобережье Камы. И здесь их бытование связано исключительно с именковскими (на Волге) и турбаслинско-бахмутинскими (на Белой) памятниками V–VI вв. Как мы показали в наших публикациях, и подвески, и антропоморфные фигурки найдены в регионе на памятниках (в т.ч. в закрытых комплексах), оставленных смешанным славянским (антским) и гото-аланским населением (Богачев, 2013; 2016).

В этой связи большой интерес представляет серия так называемых случайных находок, «собранных» на Самарской Луке близ городища Кармалы, некоторые из которых мы уже ввели в научный оборот (Богачев и др., 2019). Судя по представленным фотографиям на Кармалинском городище помимо подвесок с выпуклинами и антропоморфных фигурок (илл. 5, 2) были найдены проволочные височные кольца с одним закрученным в спираль концом. Такого рода украшения исследователи связывают с «древностями антов». Они найдены, в частности, в Мартыновском (вместе с антропоморфными фигурками), Козиевском и Гапоновском кладах, которые датированы 2-й – 3-й четвертями VII века (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 19, 1–2; 57; 59, 3). Академик Б.А. Рыбаков предложил реконструкцию женского головного убора (илл. 5, 1) с такого рода височными кольцами (Рыбаков, 1982. С. 77).

Согласно академику В.В. Седову «в настоящее время этнос носителей именковской культуры устанавливается генетической связью ее с волынцевской культурой» (Седов, 2002. С. 253).

Новые материалы подтверждают этот тезис: и на Средней Волге, и на левом берегу Среднего Днепра выявлены близкие феномены материальной культуры, в частности, антропоморфные амулеты («в одежде») и проволочные височные кольца с одним закрученным в спираль концом.

Интересно, что в волынцевских материалах не представлены кольцевые подвески с выпуклинами, которые продолжают бытовать в Волго-Камье в 3-й четверти I тыс. В этой связи можно предположить, что часть именковского населения

(собственно славяне-анты, оставившие погребения-кремации) мигрировали на Днепр, а другая (гото-аланы, оставившие ингумации) – осталась в Волго-Камье. Последние, судя по характеру распространения подвесок с выпуклинами, ушли на Среднюю и Верхнюю Каму, где были ассимилированы местными племенами неволинской и ломоватовской культур. Гото-аланы (Бирск, Ново-Турбаслы), проживавшие на Белой, были интегрированы в кушнареновскую среду (Ишимбай, Куштиряк, Лагерево). «Именьковцы», оставшиеся на Самарской Луке, вероятно, были ассимилированы болгаро-аланами (новинковский тип), пришедшими из Приазовья (Багаутдинов и др., 1998; Матвеева, 1997).

В этой связи очень интересные материалы о совместном длительном (более 100 лет) проживании славян и германцев в Висло-Одерском междуречье были опубликованы И.П. Русановой: «на поселении Вулька Ласецкая рядом находилось два поселения. Каждое сохраняло свои этнические традиции... Слияния и ассимиляции так и не произошло, так как в конце III – IV в. большие группы германцев ушли с этой территории» (Русанова, 1988. С. 15).

Нам представляется, что нечто подобное происходило и на Средней Волге, с той только разницей, что из региона выселились в массе своей славяне-анты, а гото-аланы и какая-то часть славянского населения остались здесь.

Судьба антов Поднепровья, по мнению исследователей, сложилась следующим образом: «Иначе происходило взаимодействие антов и их соседей с пришельцами-славянами. Очевидно, характер этих взаимоотношений был таков, что позволял смешение населения и способствовал довольно быстрому распространению единой культуры... В результате на Днепровском Левобережье формируется новая этнокультурная общность, дальнейшая судьба которой связана с историей одного из восточнославянских племен – северян» (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 148).

Так, может быть, правы авторы (см. выше), полагающие, что «именьковцы» были северянами?

Что касается пребывания на Средней Волге аланов, то этот народ оставил в регионе не только археологическое наследие. В современном Татарстане (Нижнекамский район) протекает небольшая (10 км) река Аланка. Вне всякого сомнения, этот топоним восходит к соответствующему этнониму. Не исключено, что названия современных сел *Аскулы* и *Турбаслы*, находящихся в непосредственной близости от древних именьковских поселений (Кармалинское городище, Ош-Пандо-Нерь II, Уфа II и др.) и могильников (Турбаслинский, Жигулевский), восходят к сармато-аланскому этнониму *асы* (ассы, ясы). Известный исследователь именьковско-турбаслинских древностей Е.П. Казаков неоднократно писал (см. выше), что народ буртасы – наследники культуры поздних сарматов. В недавней своей работе он предположил, что вождь «Пургасовой Руси» «был, вероятно, одним из потомков асов-сармат, судя по его имени» (Казаков, 2020. С. 169).

Таким образом, гипотеза Галины Ивановны Матвеевой и сегодня, сорок лет спустя после ее опубликования, продолжает оставаться в эпицентре дискуссии о корнях и судьбах населения именьковской культуры. Новые материалы и новые гипотезы корректируют наши представления об этом ярком неординарном этнокультурном феномене. Однако основной посыл Г.И. Матвеевой о том, что этническое ядро «именьковцев» составляли выходцы из славянской (протославянской) среды Поднепровья, своей актуальности не потерял. Сегодня исследователи занимаются детализацией и развитием этого тезиса.

Анализ археологических источников позволяет увидеть, что именьковская культура была полиэтнической и помимо собственно славян включала, в частности, сармато-аланов. Возможно, именно этот симбиоз различных этносов обозначался в источниках как *венедо-сарматы*, а позднее как *анты*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Албегова З.Х., Ковалевская В.Б. Кольцевые амулеты раннего средневековья // КСИА. Вып. 226. 2012. С. 109–122.
Ахмедов И.Р. Псалии в начале Великого переселения народов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2.

Самара, 2001. С. 220–251.
Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: Полдень. XXII век, 1998. 288 с.
Барынкин П.П., Иванова Н.В., Кондрашин В.В. Жигулевск I – II селища, грунтовый могильник // Куль-

- турное наследие Самарской области. Том 2. Объекты археологического наследия. Самара, 2020. С. 353–356.
- Берестнев Р.С.** Сарматы в лесостепном междуречье Дона и Волги (итоги исследования) // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. 2016. № 4. С. 19–26.
- Битковский О.В., Полин С.В.** Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V – IV вв. до н.э.) // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. С. 74–85.
- Богачев А.В.** Большой дом «Старо-Майнского городища» // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 159–171.
- Богачев А.В.** К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV – VIII вв. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 25–36.
- Богачев А.В.** К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 99–114.
- Богачев А.В.** Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Изд-во Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, 1998. С. 151–166.
- Богачев А.В.** Гармония творчества Г.И. Матвеевой // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Самарский университет, 2004. С. 3–10.
- Богачев А.В.** Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграций в Волго-Камье на рубеже IV – V веков // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 14–23.
- Богачев А.В.** В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010. С. 161–174.
- Богачев А.В.** Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. Саарбрюкен: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 340 с.
- Богачев А.В.** К истокам биритуализма погребальной обрядности племен именьковской культуры // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. № 4. С. 33–39.
- Богачев А.В.** Серьги с многогранником V – VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. 2016а. № 6. С. 7–56.
- Богачев А.В.** К вопросу об археологической идентификации рогов списка «воинственных северных племен» Иордана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016б. Т. 18. № 6. С. 219–223.
- Богачев А.В.** «Роги/руги» Иордана в свете новых археологических открытий в Волго-Камье // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 7–35.
- Богачев А.В., Захарова Л.Б., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.** Венеды-мореходы побережья «Океана» в свете данных топонимики // ВАП. Вып. 8. Самара, 2020. С. 229–245.
- Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.** Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы. Самара: Вояджер: мир и человек, 2019. 336 с.
- Богачев А.В., Французов А.А.** Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в. Самара: СамГТУ, 2012. 340 с.
- Валиев Р.Р.** Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 211–226.
- Васильев И.Б., Скарбовенко В.А.** К юбилею Г.И. Матвеевой // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Самарский университет, 2004. С. 3–10.
- Вязов Л.А., Петрова Д.А.** Комаровский могильник (предварительная публикация) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Материалы к V международной археологической конференции. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2013. С. 15–19.
- Вязов Л.А., Семькин Ю.А.** Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. Ульяновск: НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина, 2016. 227 с.
- Вязов Л.А., Петрова Д.А., Кондрашин В.В., Салова Ю.А.** Комплекс предметов вооружения из окрестностей с. Комаровка Ульяновской области: к изучению оружия ближнего боя у населения именьковской культуры // Археология Евразийских степей. № 6. 2020. С. 100–131.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.** Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.
- Генинг В.Ф.** Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 23–47.
- Генинг В.Ф.** Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI – VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа: ИЯЛИ БФАН, 1977. С. 90–136.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.** Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 1990. 176 с.
- Дашевская О.Д.** Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1–7. М.: Наука, 1991. 141 с.
- Еременко В.Е.** «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III – I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.: СПбГУ, 1997. 232 с.
- Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2020. 720 с.
- Жих М.И.** Проблема этнической атрибуции носителей именьковской культуры в науке 1950-х – 2000-х годов // Вояджер: мир и человек. 2016. № 6. С. 57–65.
- Жих М.И.** Восточные славяне накануне государ-

ственности. М.: Вече, 2020. 448 с.

Журавлев Д.В. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. С. 59–85.

Засецкая И.П. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII века // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII века / Отв. редакторы Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 31–40.

Зиньковская И.В. К вопросу о культурно-этнической атрибуции варварских эмалей в лесостепном Доно-Волжском междуречье // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. 2018. № 1. С. 83–88.

Ибн Фадлан // История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь: Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 714–745.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетей, 2000. 512 с.

Иштванович Э., Кульчар В. Северопричерноморские (?) золотые ювелирные изделия в культуре сарматов Карпатского бассейна // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005. С. 335–342.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенок. Самара: Изд-во Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Новые материалы к проблеме интерпретации именьковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 281–284.

Казаков Е.П. Раннеболгарские погребальные комплексы правобережья р. Волги в системе средневековых древностей Восточной Европы // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань: РИЦ, 2012. С. 117–132.

Казаков Е.П. О типологии и хронологии ранней Волжской Болгарии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Материалы к V Международной археологической конференции. Самара: «Издательство СНЦ РАН», 2013. С. 24–26.

Казаков Е.П. Сарматское наследие в Волжской Болгарии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 168–170.

Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии // История Татарской АССР. Казань: Таткнигиздат, 1951. Т. 1. С. 11–45.

Каспарова К.В. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 5–25.

Кляшторный С.Г. О славянах Среднего Поволжья

и о коллегах-славистах // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. редактор А.В. Богачев. Самара, 2013. С. 67–72.

Кляшторный С.Г., Старостин П.Н. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2002. Т. I. С. 210–217.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Харьковский госуниверситет, 1956. 348 с.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83–97.

Ковалевская В.Б. Антропоморфные амулеты VI – IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. № 176. С. 43–50.

Кондрашин В.В. Опыт изучения коллекции «случайных находок» из окрестностей городища Ош-Пандо-Нерь // Вояджер: мир и человек. Самара, 2011. № 1. С. 37–42.

Кропоткин В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 108–115.

Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М.: Наука, 1969. 242 с.

Левина Л.М., Чижова Л.В. О некоторых антропоморфных и зооморфных изображениях в джетыясарских памятниках // Джетыясарская культура. М., 1995. Часть 5. С. 185–201.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I – V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья, 2014. Т. 27. 472 с.

Любичев М.В. Погребения с позднескифскими/сарматскими признаками на могильниках черняховской культуры в Днепро-Донецкой лесостепи // Черняхівська культура: матеріали досліджень / OIUM. Київ; Луцьк: ІА НАН України; ІО НПУ ім М.П. Драгоманова, 2011. № 1. С. 33–52.

Мажитов Н.А. Ново-Турбаслинский курганный могильник // Башкирский археологический сборник. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1959. С. 114–142.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968. 162 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М., 1981. 164 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Уфа, 2009. Т. III. 368 с.

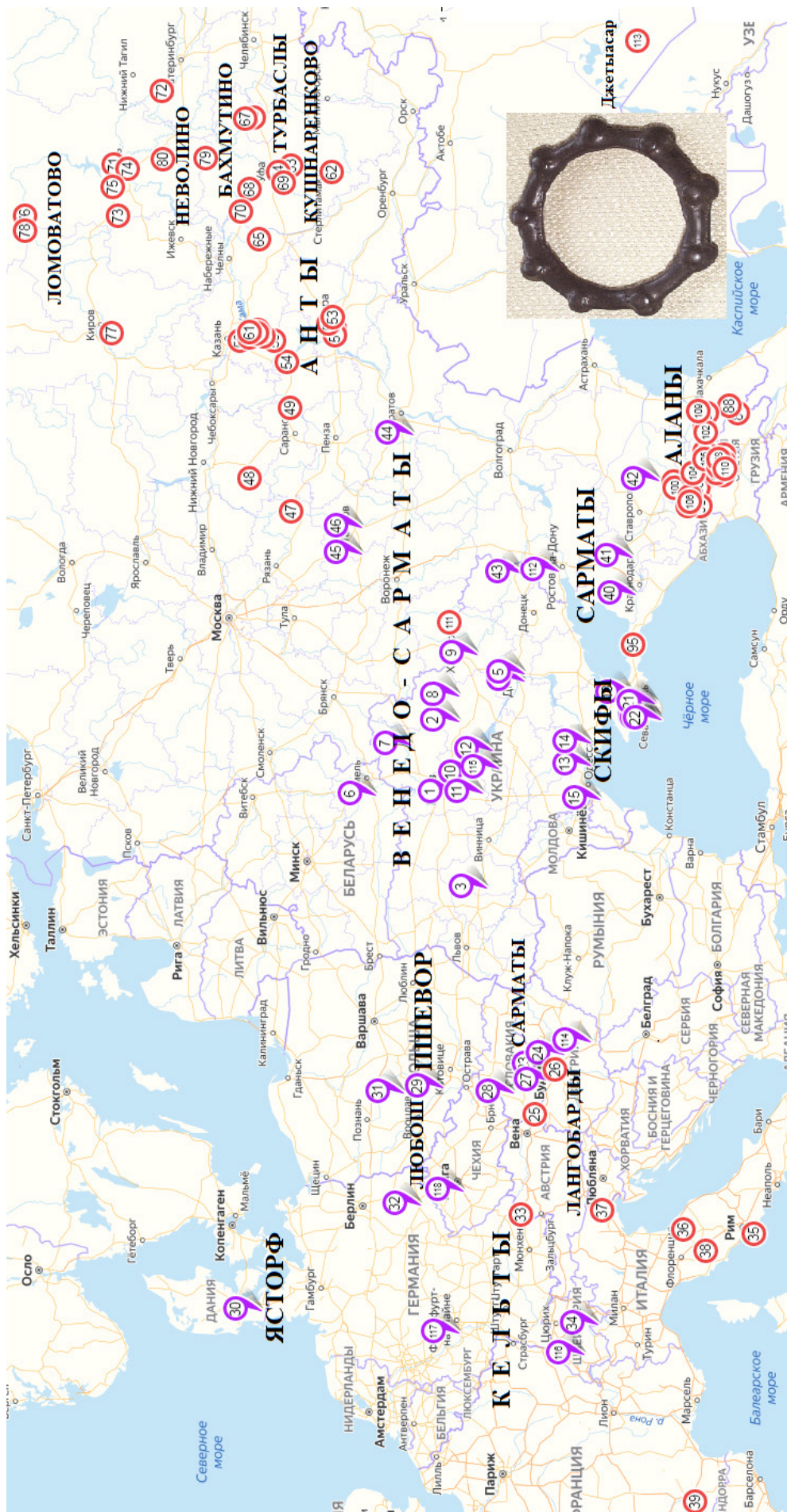
Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наукова думка, 1972. 184 с.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наукова думка, 1982. 184 с.

Матвеева Г.И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III – VIII вв. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969. 16 с.

- Матвеева Г.И.** Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области. Куйбышев: Куйбышевский госуниверситет, 1980. 94 с.
- Матвеева Г.И.** О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев: КГУ, 1981. С. 52–73.
- Матвеева Г.И.** Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в середине I тысячелетия н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 158–171.
- Матвеева Г.И.** К вопросу об именьковской принадлежности именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. Тезисы докладов. М., 1988. С. 11–13.
- Матвеева Г.И.** Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1993. С. 156–183.
- Матвеева Г.И.** К вопросу о происхождении погребений с труположениями на территории именьковской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара: СамВен, 1996. С. 58–65.
- Матвеева Г.И.** Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. 226 с.
- Матвеева Г.И.** Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 87–86.
- Матвеева Г.И.** Памятники начала эпохи великого переселения народов (II – IV вв. н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000а. С. 94–112.
- Матвеева Г.И.** Памятники именьковской культуры V–VII века н.э. // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000б. С. 113–134.
- Матвеева Г.И.** Среднее Поволжье в IV–VII вв.: Именьковская культура. Самара: Самарский университет, 2004. 168 с.
- Матвеева Г.И.** Памятники лбищенского типа // Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Самарский дом печати, 2007. 416 с.
- Медведев А.П.** Лесостепное Подонье накануне Средневековья // Средневековые древности Дона: материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д: Мосты культуры, 2007. Вып. 2. С. 11–24.
- Мелюкова А.И.** Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 256 с.
- Менхен-Хельфен Отто.** История и культура гуннов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 479 с.
- Монгайт А.Л.** Археология Западной Европы. М.: Наука, 1974. 408 с.
- Назин С.В.** Происхождение славян: реконструкция этнонима, прародины и древнейших миграций. М.: Грифон, 2017. 280 с.
- Нефедова Е.С.** К вопросу о браслетах «латенского стиля» // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений. СПб., 1992. С. 21–34.
- Никитина А.В.** Керамический комплекс большого дома Старо-Майнского городища // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 85–98.
- Обломский А.М.** Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной зоне в III – V вв. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 2007. 320 с.
- Обломский А.М., Масленников К.И.** Раскопки поселения Стаево 5 в Мичуринском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2016. С. 173–175.
- Павел Диакон.** История лангобардов. СПб.: Азбука классика, 2008. 320 с.
- Подосинов А.В.** Певтингерова карта // Свод древнейших письменных источников о славянах. Том I (I – VI вв.). М.: Наука, 1991. С. 63–80.
- Раевский Д.С.** Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971. С. 143–151.
- Рикман Э.А.** Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Русанова И.П.** Об общественной структуре пшеворских поселений // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988. С. 8–17.
- Рыбаков Б.А.** Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М.: Наука, 1982. 592 с.
- Салугина Н.П.** Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 105–117.
- Салугина Н.П.** Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. 16 с.
- Салугина Н.П.** Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 119–144.
- Салугина Н.П.** Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. С. 216–246.
- Свод древнейших письменных источников о славянах. Том I (I – VI вв.).** М.: Наука, 1991. 472 с.
- Седов В.В.** Славяне в древности. М.: Научно-производственное благотворительное общество «Фонд ар-

- хеологии», 1994. 344 с.
- Седов В.В.** Славяне в раннем средневековье. М.: Ин-т археологии РАН, 1995. 416 с.
- Седов В.В.** Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.
- Смирнов А.П.** Из этнической истории западного Приуралья в I тыс. н.э. // АЭБ. Уфа, 1971. Том IV. С. 79–84.
- Сокровища Алании.** М.: ЭКСМО, 2011. 240 с.
- Спасенных А.Н.** Первые боги славян. Древности антов с сакральной символикой // Издание для пользователей Интернета. 2019.
- Старостин П.Н.** Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1 – 32. 1967. 100 с.
- Старостин П.Н.** Богородицкий могильник // СА. 1983. № 1. С. 193–203.
- Старостин П.Н.** Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 90–104.
- Старостин П.Н.** Население Нижнего Прикамья в середине 1 тыс. н.э. // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum dissertationis historica, archaeologica et antropologica. Debrecen: Magyar Tudományos Akademia, 1990. С. 144–148.
- Старостин П.Н.** Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 123–133.
- Стащенко Д.А.** Металлические антропоморфные амулеты раннесредневекового времени в Среднем Поволжье // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара. 2004. Вып. 2. С. 285–287.
- Стащенко Д.А.** Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I – V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 7). М.: ИА РАН, 2005. 150 с.
- Стащенко Д.А.** Население Самарского лесостепного Поволжья I–V вв. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 25 с.
- Стащенко Д.А.** Лесостепное Поволжье // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 2007. С. 109–112.
- Стащенко Д.А.** Раскопки на Жигулевском селище и Жигулевском II грунтовой могильнике // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2014. С. 82–112.
- Степанов П.Д.** Памятники угро-мадьярских (венгерских) племен Среднего Поволжья // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. II. С. 136–147.
- Степанов П.Д.** Ош-Пандо. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1967. 211 с.
- Сулимирский Т.** Сарматы. Древний народ юга России / Пер. с англ. Т.В. Китаиной. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 191 с.
- Сунгатов Ф.А.** Турбаслинская культура. Уфа: Гилем, 1998. 168 с.
- Тацит Корнелий.** Сочинения в двух томах. М.: Ладомир, 1993. Т. I. 445 с.
- Федоров Г.Б.** Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1969. № 89. 380 с.
- Халиков А.Х.** Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский госуниверситет, 1986. С. 73–89.
- Халиков А.Х.** Балто-марийские контакты по данным языка и археологии // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола: МарГУ, 1987. С. 81–89.
- Хреков А.А.** Лесостепное Подонье. Саратовская область // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 2007. С. 108–109.
- Циркин Ю.Б.** История лангобардов. Комментарии. СПб., 2008. С. 253–317.
- Шелов Д.Б.** Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1987.
- Щеглова О.А.** Тайна «пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей». Антропо- и зооморфные изображения в раннеславянской металлопластике // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 146–171.
- Щукин М.Б.** Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 26–38.
- Щукин М.Б.** На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
- Щукин М.Б.** Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб.: Нестор, 1997. 268 с.
- Щукин М.Б.** Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.
- Эпоха Меровингов. Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. Каталог выставки. Берлин, М., Мюнхен, 2007. 591 с.
- Brun P., Ruby P.** L'âge du Fer en Franc. Premières villes, premières États celtiques. Paris: La Découverte, 2007. 180 p.
- Godlowski K.** The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970. P. 125.
- Jorgensen L.** AD. 568 – F Chronological Analysis of Lombard Graves in Italy // Chronological studies of Anglo-Saxon England, Lombard Italy and Vendel Period Sweden. Copenhagen, 1992. P. 94–122.
- Norling-Christensen H.** Haraldstedstagravpladsen af ældre germanske jernalder I Danmark. Aaboger, 1956. P. 14–143.

Илл. 1. Карта распространения кольцевых подвесок с выпукликами. Номера соответствуют номерам в табл. 1. «Запятые» обозначены находки V в. до н.э.; III в. н.э.; кружками — находки IV – IX вв. н.э.

Илл. 2. Образцы кольцевых подвесок с выпуклинами, происходящие из разных регионов Европы:

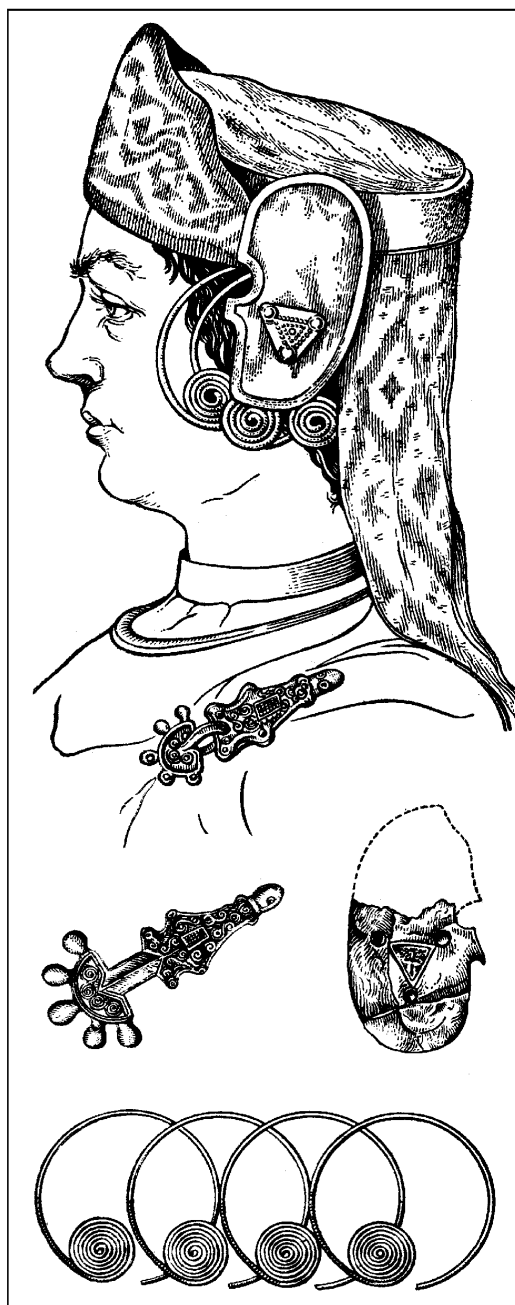
1 – Молинаццо д’Арбедео (Железный век..., 2020. С. 425); 2 – Соб (Железный век..., 2020. С. 431); 3 – Тулуза (Экспозиция Musée Saint-Raymond); 4 – селище Ош-Пандо-Нерь II; 5, 7–9, 13 – сборы близ Кармалинского городища; 6, 10–11 – Архонский, Садонский могильники (Сокровища Алании..., 2011. С. 179); 12 – Новинковский II могильник; 14 – Инцинг (Эпоха Меровингов. 2007. С. 411); 15 – Большая Дмитриевка (КУГ Саратовский областной музей краеведения. Экспозиция).

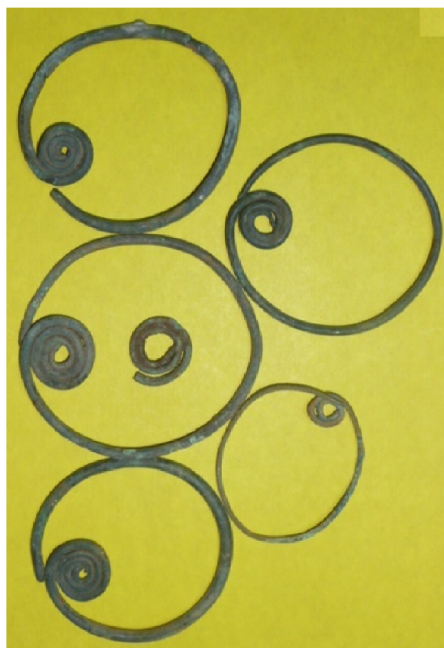
Илл. 3. Карта распространения антропоморфных амулетов. Номера соответствуют номерам в табл. 2. «Запятыми» обозначены изображения обнаженных фигур; кружками – фигуры в одежде.

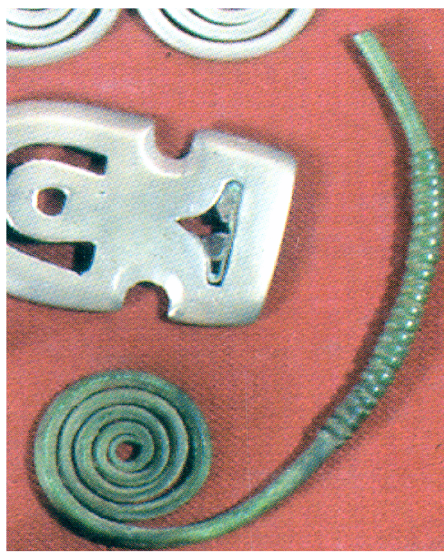
Илл. 4. 1 – селище Ош-Пандо-Нерь II; 2 – Бахмутинский могильник; 3 – Романовка селище; 4 – Новославский II могильник (Валиев, 2018. Рис. 8); 5, 8 – сборы близ Кармалинского городища; 6 – Тольятти (случ. находка); 7 – Лбище (Сташенков, 2004); 9 – Сумы (Интернет-источники); 10 – Украина (Интернет-источники); 11 – Дагомский могильник (Сокровища Алании..., 2011. С. 164); 12 – Нарышкино (Интернет-источники); 13 – Сваричевка (матрица) (Спасенных, 2019. С. 7.); 14 – Мартыновка (Щеглова, 2010. Цв. вкл. 3); 15 – Черкасский р-н «Клад Платонова» (Щеглова, 2010. Цв. вкл. 4, 2); 16 – Серпуховский р-н Московская обл., находка 2008 г. (Щеглова, 2010. Цв. вкл. 3, 4; 4, 3).

1

2

3

Илл. 5. Височные кольца с закрученным в спираль концом VI – VII вв.:

1 – Реконструкция убора на основе находок из кладов «древностей антов» (по: Рыбаков, 1982. С. 77); 2 – находки («сборы») из окрестностей Кармалинского городища (Самарская Лука); 3 – вещи из Гапоновского клада (по: Гавритухин, Обломский, 1996. Обложка).

Таблица 1. Кольцевые подвески с выпуклинами.

№	Памятник / культура / дата / источник	Страна / область	Координаты
1	Таченки / зарубинецкая / I в. до н.э – I в. (Богачев, 1998)	Украина / Киевская	50°09'39" с. ш. 30°40'35" в. д.
2	Басовка / зарубинецкая / III – II вв. до н.э.	Украина / Сумская	50°50'32" с. ш. 33°35'06" в. д.
3	Бережанка / зарубинецкая (постзарубинецкая) / II – III вв. (Богачев, 1998)	Украина / Хмельницкая	49°27'48" с. ш. 26°46'22" в. д.
4/5	Чаплин селище, могильник / зарубинецкая / III вв. до н.э. – I в. (Богачев, 1998)	Украина / Днепропетровская	48°28'00" с. ш. 35°01'05" в. д.
6	Горошков / зарубинецкая / I в. до н.э – I в. (Богачев, 1998)	Беларусь / Гомельская	52°17'08" с. ш. 30°29'28" в. д.
7	Долинское / IV – III вв. до н.э. (Богачев, 1998)	Украина / Черниговская	51°26'14" с. ш. 32°35'38" в. д.
8	Восточное Бельское / скифская / IV – III вв. до н.э. (Богачев, 1998)	Украина / Полтавская	50°05'29" с. ш. 34°38'35" в. д.
9	Ново-Филипповка / позднесарматская / I – III вв. (Богачев, 1998)	Украина / Харьковская	49°57'10" с. ш. 36°12'18" в. д.
10	Букрин (Богачев, 1998)	Украина / Киевская	49°56'50" с. ш. 31°18'57" в. д.
11	Ольшаница (Богачев, 1998)	Украина / Киевская	49°39'55" с. ш. 30°37'27" в. д.
12	Лубенцы (Богачев, 1998)	Украина / Черкасская	49°11'39" с. ш. 32°14'09" в. д.
13	Ольвия / позднескифская / II в. (Богачев, 1998)	Украина / Николаевская	46°41'33" с. ш. 31°54'13" в. д.
14	Николаевка / позднескифская / II в. (Богачев, 1998)	Украина / Херсонская	46°57'57" с. ш. 32°00'12" в. д.
15	Молога / позднескифская / II в. (Богачев, 1998)	Украина / Одесская	46°12'58" с. ш. 30°13'52" в. д.
16	Черноречье / позднескифская / II – III вв. (Богачев, 1998)	Крым	44°32'45" с. ш. 33°40'45" в. д.
17	Усть-Альминское / позднескифская / II – III вв. (Богачев, 1998)	Крым	44°55'12" с. ш. 33°52'44" в. д.
18	Заветное / позднескифская / I – III вв. (Богачев, 1998)	Крым	45°19'40" с. ш. 34°48'30" в. д.
19	Бельбек IV / позднескифская / I – III вв. (Богачев, 1998)	Крым	44°40'50" с. ш. 33°36'15" в. д.
20	Тавель / позднескифская / I в. до н.э – I в. (Богачев, 1998)	Крым	44°50'05" с. ш. 34°13'45" в. д.
21	Неаполь Скифский / позднескифская / I в. до н.э – III в. (Богачев, 1998)	Крым	44°56'34" с. ш. 34°07'14" в. д.
22	Херсонес / позднескифская / I – IV вв. (Богачев, 1998)	Крым	44°36'42" с. ш. 33°29'36" в. д.
23	Торокозентмиклош / позднесарматская / I – III вв. (Богачев, 1998)	Венгрия	47°31' с. ш. 19°05' в. д.
24	Монор / позднесарматская / II – сер. III в. (Богачев, 1998)	Венгрия / Центральная Венгрия	47°20'51" с. ш. 19°26'56" в. д.

№	Памятник / культура / дата / источник	Страна / область	Координаты
25	Bezenye (погр. 20) /лангобарды / втор. пол. VI в. (Jorgensen, 1992. Fig. 2, 6)	Венгрия / Дьер-Мошон-Шопрон	47°96'17" с. ш. 17°21'56" в. д.
26	Szentendre (погр. 56) /лангобарды / втор. пол. VI в. (Jorgensen, 1992. Fig. 2, 6)	Венгрия / медье Пешт	47°40'24" с. ш. 19°04'21" в. д.
27	Соб / латен / III-II вв. до н.э. (Железный век. Европа без границ, 2020. С. 431)	Венгрия / медье Пешт	47°49'04" с. ш. 18°52'00" в. д.
28	Очков (Očkov) / моравско-словацкая группа / ранняя фаза позднееримского периода 200–250 гг.(Godlowski, 1970. Pl. XX, 22)	Словакия / округ Тренчин	48°54' с. ш. 18°02' в. д.
29	Добродзень (Dobrodzien)/ пшеворская / Early Migration period III в. (Godlowski, 1970. Pl. IV, 13)	Польша / Опольское воеводство	50°43'40" с. ш. 18°26'40" в. д.
30	Дания / III в. н.э. (Norling-Christensen H., 1956. Pp. 14–143. Fig. 17, 4; Godlowski, 1970. P. 30)	Дания	55°41'13" с. ш. 12°35'00" в. д.
31	Пивонице / лужицкая / 400–125 гг. до н.э. (Кухаренко, 1969. XLIV, 8)	Польша / Велико-польское воеводство	51°45'27" с. ш. 18°04'48" в. д.
32	Горлсдорф (G rlsdorf) / любошско-лужицкая группа (Lubusz-Luzatian Group) / поздняя стадия позднееримского периода вт. пол. I – II вв. (Godlowski, 1970. Pl. V,31)	Германия / Земля Бранденбург	51°02'57" с. ш. 13°44'18" в. д.
33	Инцинг (Покинг-Инцинг . Погр. 168 (53)) /аллеманы, бювары / VI в. (Эпоха Меровингов. 2007. С. 411)	Германия / Бавария	48°24' с. ш. 13°19' в. д.
34	Молинаццо д'Арбедео. Погр. 1. Пиявковидная фибула с двумя, нанизанными на иглу двумя подвесками с 9 и 11 выпуклинами) /культура голасекка / V–IV вв. до н.э. (Железный век. Европа без границ, 2020. С. 425)	Швейцария / Кантон Тессин	46°11'59" с. ш. 9°00'59" в. д.
35	Рим / Экспозиция Museo dell'Alto Medioevo «Alessandra Voccaro»	Италия / Лацио	41°54'00" с. ш. 12°30'00" в. д.
36	Nocera Umbra (погр. 66) /лангобарды / втор. пол. VI в. (Jorgensen. 1992. Fig. 2, 6) (Jorgensen,1992. P. 94–122. Fig. 6)	Италия / Умбрия	43°7' с. ш. 12°47' в. д.
37	Gallo (погр. 1) /лангобарды / втор. пол. VI в. (Jorgensen. 1992. Fig. 2, 6)	Италия / Фриули-Венеция-Джулия	46°06' с. ш. 13°26' в. д.
38	Arcisa (погр. 4) /лангобарды / втор. пол. VI в. (Jorgensen, 1992. Fig. 2, 6)	Италия / Тоскана	43°01' с. ш. 11°57' в. д.
39	Тулуза / аланы (?) / V – VI вв. / Экспозиция Musee Saint-Raymond	Франция / Окситания	43°36'19" с. ш. 1°26'34" в. д.
40	Ново-Титаровка / Сарматская / II – I вв. до н.э. (Богачев, 1998)	Россия / Краснодарский край	45°14'09" с. ш. 38°58'16" в. д.
41	Тбилисская / Сарматская / (Богачев, 1998)	Россия / Краснодарский край	45°22' с. ш. 40°12' в. д.
42	Китаевка / Сарматская / II вв. до н.э. (Богачев, 1998)	Россия / Ставропольский край	44°45'15" с. ш. 43°26'04" в. д.
43	Ильевка / Сарматская / II – нач. IV (Богачев, 1998)	Украина / Луганская	48°32'50" с. ш. 39°43'42" в. д.
44	Большая Дмитриевка / сарматская / III вв. (КУГ Саратовской областной музей краеведения. Экспозиция)	Россия / Саратовская	51°20'48" с. ш. 45°15'17" в. д.
45/46	Стаево 4, Стаево 5 / РЖВ / Городецкая (?) (Обломский, Масленников, 2016. С. 173–175. Рис. 4, 1).	Россия / Тамбовская	52°51'43" с. ш. 40°25'36" в. д.

№	Памятник / культура / дата / источник	Страна / область	Координаты
47	Кошибеево / сер. IV в. (Богачев, 1998)	Россия / Рязанская	54°25'31" с. ш. 42°03'32" в. д.
48	Абрамово / III в. / (Ахмедов, 2001. Рис. 1, 2)	Россия / Нижегородская	55°24'30" с. ш. 43°39'51" в. д.
49	Ош-Пандо / именьковская / V – VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Мордовия	54°29'01" с. ш. 46°30'10" в. д.
50/51	Ош-Пандо-Нерь II (селище, городище) / именьковская / V – VI вв. (Богачев, 1998; Кондрашин, 2011)	Россия / Самарская	53°14'37" с. ш. 49°51'57" в. д.
52	Кармалы / именьковская / V – VI вв. (Богачев и др., 2019)	Россия / Самарская	53°12'13" с. ш. 49°30'46" в. д.
53	Новинки II / новинковский тип / VI – VII вв. (Богачев, 1998; Богачев, 2011)	Россия / Самарская	53°14'49" с. ш. 49°54'54" в. д.
54	Комаровка / именьковская / V – VI вв. (Вязов и др., 2020)	Россия / Ульяновская	54°35'38" с. ш. 48°19'09" в. д.
55	Танкеевка / раннеболгарская / IX – X вв. (Богачев, 1998)	Россия / Татарстан	54°48'07" с. ш. 49°07'19" в. д.
56	Маклашеевка IV / именьковская / V – VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Татарстан	54°58'00" с. ш. 49°02'00" в. д.
57	Богородицкий II / именьковская / V – VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Татарстан	54°58' с. ш. 49°02' в. д.
58	Щербеть / именьковская / V – VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Татарстан	55°47'27" с. ш. 49°06'52" в. д.
59	Рождествено II / именьковская / V – VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Татарстан	55°25'48" с. ш. 49°19'59" в. д.
60	Коминтерн II / именьковская, гото-аланы / VI в. (Казаков, 1998; Богачев, 2016а)	Россия / Татарстан	55°07'32" с. ш. 49°39'34" в. д.
61	Именьково I / именьковская / V – VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Татарстан	55°25'25" с. ш. 49°43'35" в. д.
62	Ишимбай / кушнарниковская (Богачев, 1998)	Россия / Башкирия	53°27'16" с. ш. 56°02'38" в. д.
63	Шареево / турбаслинская (аланы) / VI – VII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Башкирия	54°26'31" с. ш. 56°27'36" в. д.
64	Ново-Турбаслы / турбаслинская (аланы) / VI – VII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Башкирия	54°39'11" с. ш. 56°18'22" в. д.
65	Куштиряк / кушнарниковская / VI – VII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Башкирия	55°01'08" с. ш. 53°24'42" в. д.
66	Лагерево / кушнарниковская / VII – VIII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Башкирия	55°15'45" с. ш. 58°26'41" в. д.
67	Старохалилово / кушнарниковская / IX – X вв. (Богачев, 1998)	Россия / Башкирия	55°34'43" с. ш. 58°20'41" в. д.
68	Бирск / бахмутинцы+гото-аланы / V–VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Башкирия	55°25' с. ш. 55°32' в. д.
69	Уфа II / турбаслинская (аланы) / VI – VII вв. (Мажитов и др., 2009. С. 119)	Россия / Башкирия	54°44' с. ш. 55°58' в. д.
70	Маняк / кушнарниковская / VII – VIII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Башкирия	55°44'52" с. ш. 54°40'34" в. д.
71	Зародята / V–VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Пермский край	58°30' с. ш. 56°30' в. д.

№	Памятник / культура / дата / источник	Страна / область	Координаты
72	Больше-Висимский (Богачев, 1998)	Россия / Свердловская	57°24'25" с. ш. 59°33'55" в. д.
73	Канево / ломоватовская / конец VI – VII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Пермский край	58°21'32" с. ш. 54°20'35" в. д.
74	Корчя / VIII–IX вв. (Богачев, 1998)	Россия / Пермский край	58°00'50" с. ш. 56°14'56" в. д.
75	Морочата / V–VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Пермский край	58°34'10" с. ш. 55°41'39" в. д.
76	Агафоново I / ломоватовская / конец VI – VII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Пермский край	60°18'13" с. ш. 54°20'13" в. д.
77	Аверино II / ломоватовская / конец VI – VII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Кировская	58°36' с. ш. 49°39' в. д.
78	Плес / ломоватовская / конец VI – VII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Пермский край	60°17'49" с. ш. 53°58'26" в. д.
79	Верх-Сая / неволинская / VII в. (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. XXXVIII, 31)	Россия / Пермский край	56°27'20" с. ш. 56°56'26" в. д.
80	Неволино / неволинская / VII в. (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. XXXVIII, 30, 32)	Россия / Пермский край	57°23'02" с. ш. 56°54'58" в. д.
81	Бежта / аланская / VI – IX вв. (Богачев, 1998)	Россия / Дагестан	42°08'01" с. ш. 46°07'19" в. д.
82	Тырны-Ауз / аланская / V – VI вв. (Богачев, 1998)	Россия / Кабардино-Балкария	43°23'21" с. ш. 42°55'08" в. д.
83	Хулам / аланская / VIII–IX вв. (Богачев, 1998)	Россия / Кабардино-Балкария	43°16'34" с. ш. 43°32'47" в. д.
84	Чегем / сарматская / II – I вв. до н.э. (Богачев, 1998)	Россия / Кабардино-Балкария	43°34'00" с. ш. 43°35'00" в. д.
85	Верхний Чми / VII – IX вв. (Богачев, 1998)	Россия / Северная Осетия	42°51'06" с. ш. 44°38'14" в. д.
86	Гижгит / VII – VIII вв. (Богачев, 1998)	Россия / Кабардино-Балкария	43°27'03" с. ш. 43°00'22" в. д.
87	Архон / аланская / VI–IX вв. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Северная Осетия	42°49'34" с. ш. 44°06'57" в. д.
88	Байтль / аланская / VIII–X вв. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Дагестан	42°32'47" с. ш. 46°40'37" в. д.
89	Бермамыт / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Карачаево-Черкесия	43°42'22" с. ш. 42°26'27" в. д.
90	Верхняя Балкария / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Кабардино-Балкария	43°20'45" с. ш. 42°26'55" в. д.
91	Чир-Юрт / аланская / сер. VII – сер. VIII (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Чеченская республика	43°05'17" с. ш. 45°44'38" в. д.
92	Галиат / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Северная Осетия	42°54'31" с. ш. 43°51'10" в. д.
93	Гоуст / аланская / VIII – IX вв. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Ингушетия	43°10' с. ш. 44°49' в. д.
94	Гуни / аланская / VII – VIII вв. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Чеченская республика	43°03'24" с. ш. 46°06'22" в. д.
95	Ильичевское городище / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Краснодарский край	45°21'50" с. ш. 36°56'05" в. д.

№	Памятник / культура / дата / источник	Страна / область	Координаты
96	Камунта / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Северная Осетия	42°54'31" с. ш. 43°51'10" в. д.
97	Кисловодское Озеро / аланская / 2-я пол. V – VI в. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Ставропольский край	43°54'12" с. ш. 42°43'28" в. д.
98	Константиновка (Пятигорский окр.) / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Ставропольский край	44°03'00" с. ш. 43°03'36" в. д.
99	Кумбулта / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Северная Осетия	42°59'22" с. ш. 43°45'18" в. д.
100	Лермонтовская Скала / аланская / 2-я пол. VI – сер. VII в. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Ставропольский край	44°03'00" с. ш. 43°03'36" в. д.
101	Луначарский / аланская / VII – VIII вв. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Ставропольский край	43°54'12" с. ш. 42°43'28" в. д.
102	Мартан-Чу / аланская / пер. пол. VII в. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Чеченская республика	43°03'44" с. ш. 45°33'29" в. д.
103	Мокрая Балка / аланская / вт. пол. VI – 1-я пол. VIII в. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Ставропольский край	43°54'12" с. ш. 42°43'28" в. д.
104	Нальчик / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Кабардино-Балкария	43°29'07" с. ш. 43°36'25" в. д.
105	Осетия / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Северная Осетия	43°11' с. ш. 44°14' в. д.
106	Рим-гора 2 / аланская / VIII–IX вв. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Ставропольский край	43°54'12" с. ш. 42°43'28" в. д.
107	Рутха / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Северная Осетия	42°59'22" с. ш. 43°45'18" в. д.
108	Чми / аланская / кон. VII – сер. VIII в. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Северная Осетия	42°51'06" с. ш. 44°38'14" в. д.
109	Шелкозаводская / аланская / (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Чеченская республика	43°29'29" с. ш. 46°18'29" в. д.
110	Верхний Садон / аланская / (Сокровища Алании, 2011. С. 179. № 223)	Россия / Северная Осетия	42°51'03" с. ш. 43°59'23" в. д.
111	Ютановка / аланская / вт. пол. VIII – IX в. (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Россия / Белгородская	50°29'24" с. ш. 37°47'56" в. д.
112	Валовый / сарматы / II – пер. пол. III в. (раскопки 1987–88 гг. Е.И. Беспалова, Л.С. Ильюкова)	Россия / Ростовская	47°30'07" с. ш. 39°51'41" в. д.
113	Томпаксар (Албегова, Ковалевская, 2012. Табл. 1)	Казахстан / Кызылординская	44°48'47" с. ш. 59°36'55" в. д.
114	Сентеш (Экспозиция музея г. Сентеш). / сарматы / I–II вв. н.э. (Сулимирский, 2008. С. 48, 189)	Венгрия / медье Чонгард	46°39'07" с. ш. 20°15'26" в. д.
115	Прусы (г. Смелы) / сарматы / IV–III вв. до н.э. (Сулимирский, 2008. С. 114. Рис. 46, е)	Украина / Черкасская	49°13' с. ш. 31°52' в. д.
116	Швейцария / латен / 300–100 гг. до н.э. (Монгайт, 1974. С. 233. Рис. 21)	Швейцария / Берн	46°57'00" с. ш. 07°27'00" в. д.
117	Рейнланд-Пфальц / латен / IV в. до н.э. (Железный век. 2020. С. 400. № 85.3)	Германия / Рейнланд-Пфальц	50°00' с. ш. 8°16' в. д.
118	Тřebusice / латен / начало I в. н.э. (Шукин, 1994. С. 39–40. Рис. 6, 29)	Чехия / Центральная Богемия	50°12' с. ш. 14°11' в. д.

Таблица 2. Антропоморфные амулеты.

№	Памятник / культура / дата / источник	Страна / область	Координаты
1	Ново-Турбаслы к. 14 / турбаслинская / V – VI вв. (Сунгатов, 1998. Рис. 5, 20)	РФ / Башкортостан	54°39'11" с. ш. 56°18'22" в. д.
2	Кушнареново / турбаслинская / V – VI вв. (Генинг, 1977. Рис. 11, 1)	РФ / Башкортостан	55°06'18" с. ш. 55°20'52" в. д.
3	Бахмутино / бахмутинская / V – VI вв. (Мажитов, 1968. Рис. 30, 14)	РФ / Башкортостан	55°25' с. ш. 55°32' в. д.
4	Романовка / именьковская / V – VI вв. (Матвеева, 2004. Рис. 27, 5)	РФ / Башкортостан	55°18'13" с. ш. 55°39'11" в. д.
5	Коминтерн II п. 10 / именьковская / V – VI вв. (Казиков, 1998. Рис. 14, 11)	РФ / Татарстан	55°07'32" с. ш. 49°39'34" в. д.
6	Новославский п. 1 / именьковская / V – VI вв. (Валиев, 2018. Рис. 9)	РФ / Татарстан	54°58' с. ш. 49°02' в. д.
7	Ош-Пандо-Нерь II / именьковская / V – VI вв. (Матвеева, 2000. Табл. 9, 9)	РФ / Самарская	53°14'37" с. ш. 49°51'57" в. д.
8	Лбище (Сташенков, 2004. Рис. 1, 2)	РФ / Самарская	53°12'13" с. ш. 49°30'46" в. д.
9	Шелехметь (Матвеева, 2004. Рис. 27, 1)	РФ / Самарская	53°14'49" с. ш. 49°54'54" в. д.
10	Алтынасар 8 экз. / джетыасарская / V – VI вв. (Левина, Чицова, 1995. Рис. 1, 1–5, 7–9, 11)	Казахстан / Кызылординская	44°48'47" с. ш. 59°36'55" в. д.
11	Кескен-Куюккала джетыасарская / V – VI вв. (Левина, Чицова, 1995. Рис. 1, 6)	Казахстан / Кызылординская	44°48'47" с. ш. 59°36'55" в. д.
12	Косасар-2 / джетыасарская / V – VI вв. (Левина, Чицова, 1995. Рис. 1, 10)	Казахстан / Кызылординская	44°48'47" с. ш. 59°36'55" в. д.
13	Стаево-5 / аланы / VI – VII вв. (Обломский, Масленников, 2016. Рис. 3, 11–12).	РФ / Тамбовская	52°51'43" с. ш. 40°25'36" в. д.
14	Мартыновка клад (Седов, 1982. Табл. VI–VII)	Украина / Черкасская	49°38'07" с. ш. 31°17'32" в. д.
15	Лукашевка / Поянешты-лукашевская / рубеж эр (Федоров, 1969. С. 44–45. Табл. 6. 10–11)	Молдова / Оргеевский район	47°20'19" с. ш. 28°45'30" в. д.
16	Филипповская ст. (Шелов, 1987)	РФ / Ростовская	47°43'31" с. ш. 42°25'51" в. д.
17	Цимлянская ст. Простильная Балка (хут. Тимохина) (Шелов, 1987)	РФ / Ростовская	47°39'31" с. ш. 42°02'54" в. д.
18	Белосарайская коса (Шелов, 1987)	Украина / Донецкая	46°54'10" с. ш. 37°20'37" в. д.
19	Танаис / кон. IV – перв. треть V в. (Шелов, 1987)	РФ / Ростовская	47°16'14" с. ш. 39°20'29" в. д.
20	Ильичевское городище (Фонталовский п-ов) / V – VI вв. (Шелов, 1987)	РФ / Краснодарский край	45°21'50" с. ш. 36°56'05" в. д.
21	Сююр-Таш / позднесарматская / 305 г. н.э. (Менхен-Хельфен, 2014. С. 298)	Крым	45°25'20" с. ш. 36°04'35" в. д.
22	Тиритака / IV – VI вв. (Шелов, 1987)	Крым	45°16'37" с. ш. 36°24'25" в. д.
23	Айвазовское / конец IV – нач. V в. (Шелов, 1987)	Крым	45°06'30" с. ш. 35°04'45" в. д.

№	Памятник / культура / дата / источник	Страна / область	Координаты
24	Херсонес (Шелов, 1987)	Крым	44°36'42" с. ш. 33°29'36" в. д.
25	Боспорский некрополь (3 экз.) склепы 52, 78 / вт. пол. V – пер. пол. VI в. (Засецкая, 2003. Табл. 17, 5–7)	Крым	45°20'19" с. ш. 36°28'05" в. д.
26	Керчь / Глинище (3 экз.) / IV в. (Шелов, 1987)	Крым	45°20'19" с. ш. 36°28'05" в. д.
27	Чуфут-Кале / VI–VII вв. (Кропоткин, 1965. Рис. 44, 6)	Крым	44°44'27" с. ш. 33°55'28" в. д.
28	Пашковский мог. (2 экз.) / аланы / V–VI вв. (Шелов, 1987)	РФ / Краснодарский край	45°02'05" с. ш. 39°05'52" в. д.
29	Лермонтовская Скала / аланы / VI–VII вв. (Шелов, 1987; Ковалевская, 1981. Рис. 64, 11)	РФ / Ставропольский край	44°03'00" с. ш. 43°03'36" в. д.
30	Мокрая Балка / аланы / VII–VIII вв. (Шелов, 1987; Ковалевская, 1981. Рис. 64, 30, 46, 52)	РФ / Ставропольский край	43°54'12" с. ш. 42°43'28" в. д.
31	Подкумок / аланы / VI – сер. VII вв. (Шелов, 1987; Ковалевская, 1981. Рис. 64, 10)	РФ / Ставропольский край	43°57'43" с. ш. 42°46'18" в. д.
32	Преградная / аланы / VI – сер. VII в. (Ковалевская, 1981. Рис. 64, 3)	РФ / Ставропольский край	45°48'55" с. ш. 41°44'20" в. д.
33	Кугуль / аланы / VI – сер. VII в. (Ковалевская, 1981. Рис. 64, 12)	РФ / Ставропольский край	45°21'51" с. ш. 42°23'13" в. д.
34	Гиляч / аланы / кон. VII – сер. VIII в. (Ковалевская, 1981. Рис. 64, 31)	РФ / Карачаево-Черкессия	43°41'07" с. ш. 41°28'30" в. д.
35	Чми / аланская / кон. VII – сер. VIII в. (Ковалевская, 1981. Рис. 64, 67)	РФ / Северная Осетия	42°51'06" с. ш. 44°38'14" в. д.
36	Агач-Кала / аланская / VIII–IX в. (Ковалевская, 1981. Рис. 64, 67)	РФ / Дагестан	42°46'04" с. ш. 47°04'40" в. д.
37	Бавтугай / аланская / VIII–IX в. (Ковалевская, 1981. Рис. 64, 67)	РФ / Дагестан	43°10'16" с. ш. 46°50'12" в. д.
38	Тольятти (1 экз.) / именниковская / V–VII вв. Сборы.	РФ / Самарская	53°31' с. ш. 49°25' в. д.
39	Нарышкино (1 экз.). Сборы.	РФ / Орловская	52°58'09" с. ш. 35°43'37" в. д.
40	Сумы (1 экз.). Сборы.	Украина / Сумская	50°54'24" с. ш. 34°47'57" в. д.
41	Украина (1 экз.). Сборы.	Украина	
42	Крым (1 экз.). Сборы.	Крым	45°20' с. ш. 36°28' в. д.
43	Черкасский р-н «Клад Платонова» (Щеглова, 2010. Цв. вкл. 4, 2)	Украина / Черкасская	49°26'40" с. ш. 32°03'35" в. д.
44	Серпуховский р-н Московская обл., находка 2008 г. (Щеглова, 2010. Цв. вкл. 3, 4; 4, 3).	РФ / Московская	54°55' с. ш. 37°24' в. д.
45	Южная Добруджа. Музей в Добриче (Щеглова, 2010).	Болгария / Варнинская	43°34' с. ш. 27°50' в. д.
46	Кармалы (2 экз.). именниковская / V–VII вв. Сборы.	РФ / Самарская	53°12'13" с. ш. 49°30'46" в. д.
47	Сваричевка (матрица) (Спасенных, 2019. С. 7.)	Украина / Черниговская	50°57'37" с. ш. 32°20'08" в. д.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Богачев Алексей Владимирович

Доктор исторических наук

E-mail: figaro9@rambler.ru

Адрес служебный: Проспект Кирова, д. 328, кв. 92, 443125, Самара, Россия

Bogachev Aleksey Vladimirovich

Doctor of History

E-mail: figaro9@rambler.ru

Address: Kirov Avenue, 328, room 92, 443125, Samara, Russia

Бытковский Олег Федорович

Научный сотрудник

Научно-исследовательский археологический центр (г. Орск)

E-mail: orsk.bof@mail.ru

Адрес служебный: ул. Б. Хмельницкого, 52-9, 462411, Орск, Россия

Vytkovskiy Oleg Fedorovich

Researcher

Scientific Research Archaeological Center (Orsk)

E-mail: orsk.bof@mail.ru

Address: B. Khmel'nitsky st., 52-9, 462411, Orsk, Russia

Волкова Екатерина Вячеславовна

Заместитель директора по научно-исследовательской работе

Научно-производственный центр «Бифас»

E-mail: katerinathewolf@gmail.com

Адрес служебный: ул. Гагарина, д. 86, ком. 78, 443045, Самара, Россия

Volkova Ekaterina Vyacheslavovna

Deputy Director of research work

Research and Production Centre «Bifas»

E-mail: katerinathewolf@gmail.com

Address: Gagarina st., 86, room 78, 443045, Samara, Russia

Гисматулин Марат Рашитович

Старший научный сотрудник

Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова

E-mail: gismatu@yandex.ru

Адрес служебный: бульвар Новый Венец, дом 3/4, 432017, Ульяновск, Россия

Gismatulin Marat Rashitovich

Senior Researcher

Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore named after I.A. Goncharov

E-mail: gismatu@yandex.ru

Address: Novy Venets Boulevard, 3/4, 432017, Ulyanovsk, Russia

Григорьева Ирина Михайловна

Лаборант археологической лаборатории

Самарский государственный социально-педагогический университет

E-mail: irinasosnovtceva1996@yandex.ru

Адрес служебный: ул. Антонова-Овсеенко, 26, каб. 234, 443090, Самара, Россия

Grigorieva Irina Michailovna

Laboratory Assistant of Archaeological Laboratory

Samara State University of Social Sciences and Education

E-mail: irinasosnovtceva1996@yandex.ru

Address: Antonova-Ovseenko st., 26, office 234, 443090, Samara, Russia

Денисов Алексей Владимирович

Научный сотрудник археологической лаборатории

Самарский государственный социально-педагогический университет

E-mail: sarmat_samara@mail.ru

Адрес служебный: ул. Ленинская, 127, 443041, Самара, Россия

Denisov Aleksey Vladimirovich

Researcher of Archaeological Laboratory

Samara State University of Social Sciences and Education

E-mail: sarmat_samara@mail.ru

Address: Leninskay st., 127, 443041, Samara, Russia

Зуев Вадим Юрьевич

Кандидат исторических наук, Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки, научный работник

E-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

Адрес служебный: ул. Кирочная, д. 8-б, кв. 4, 191028, Санкт-Петербург, Россия

Zuev Vadim Yur'evich

PhD. Laureate of the State Prize of the Russian Federation in the field of science, researcher

E-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

Address: Kyrochnaja st., 8-b, 4191028, Sankt-Petersburg, Russia

Кузнецов Александр Викторович

Адвокат коллегии адвокатов г. Новокуйбышевска

E-mail: alexngssm@gmail.com

Адрес служебный: ул. Советская, д. 6, 446200, Новокуйбышевск, Россия

Kuznetsov Alexandr Viktorovich

Lawyer of the Bar Association of Novokujbishevsk

E-mail: alexngssm@gmail.com

Address: Sovetskaja st., 6, 443100, Novokujbishevsk, Russia

Михайлова Ольга Викторовна

Консультант аппарата Самарской Губернской Думы

E-mail: michail.sam-gd@mail.ru

Адрес служебный: ул. Молодогвардейская, 187, 443010, Самара, Россия

Mikhailova Olga Viktorovna

Consultant of the Samara Regional Duma Apparatus

E-mail: michail.sam-gd@mail.ru

Address: Molodogvardeyskaya st., 187, 443010, Samara, Russia

Мышкин Владимир Николаевич

Кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией Самарский государственный социально-педагогический университет

E-mail: vnm59@bk.ru

Адрес служебный: ул. Ленинская, 127, 443041, Самара, Россия

Myshkin Vladimir Nikolaevich

Candidate of History, Head of Archaeological Laboratory

Samara State University of Social Sciences and Education

E-mail: vnm59@bk.ru

Address: Leninskay st., 127, 443041, Samara, Russia

Павлов Артем Александрович

Научный сотрудник

Научно-производственный центр «Бифас»

E-mail: byzbor@gmail.com

Адрес служебный: ул. Гагарина, д. 86, ком. 78, 443045, Самара, Россия

Pavlov Artem Alexandrovich

Research Associate

Research and production Centre «Bifas»

E-mail: katerinathewolf@gmail.com

Address: Gagarina St., 86, room 78, 443045, Samara, Russia

Рослякова Наталья Валерьевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологической лаборатории Самарский государственный социально-педагогический университет

E-mail: roslyakova_n@mail.ru

Адрес служебный: ул. Ленинская, 127, 443041, Самара, Россия

Roslyakova Natalia Valeryevna

Candidate of History, Senior Researcher of Archaeological Laboratory

Samara State University of Social Sciences and Education

E-mail: roslyakova_n@mail.ru

Address: Leninskay st., 127, 443041, Samara, Russia

Саттаров Рузиль Раильевич

Кандидат исторических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес служебный: ул. Кремлевская, 18, 420008, Казань, Россия

Ученый секретарь

Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

Адрес служебный: ул. Бутлерова, 30, 420012, Казань, Россия
E-mail: sattarov.rr@rambler.ru

Sattarov Ruzil Railevich

Candidate of History, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Address: Kremlyovskaya st., 18, 420008, Kazan, Russia
Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Address: Butlerov st., 30, 420012, Kazan, Russia
E-mail: sattarov.rr@rambler.ru

Седова Маргарита Сергеевна

Ведущий научный сотрудник
Научно-производственная фирма «АрхГео»
E-mail: ritased@mail.ru
Адрес служебный: ул. Ленинская, д.100/87, оф. 1, 443020, Самара, Россия

Sedova Margarita Sergeevna

Leading researcher
Scientific-Production Company «ArchGeo»
E-mail: ritased@mail.ru
Address: Leninskaya st., 100/87, of. 1, 443020, Samara, Russia

Ткачев Виталий Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ОФИЦ УрО РАН)
E-mail: vit-tkachev@yandex.ru
Адрес служебный: ул. Пионерская, 11, 460000, Оренбург, Россия

Tkachev Vitaly Vasilyevich

Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher
Orenburg Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Science
E-mail: vit-tkachev@yandex.ru
Address: Pionerskaya st., 11, 460000, Orenburg, Russia

Умрихин Сергей Михайлович

Научный сотрудник
Научно-исследовательский археологический центр (г. Орск)
E-mail: umrikhin@inbox.ru
Адрес служебный: ул. Б. Хмельницкого, д. 52-9, 462411, Орск, Россия

Umrikhailin Sergey Mikhailovich

Researcher
Scientific-Research Archaeological Center (Orsk)
E-mail: umrikhin@inbox.ru
Address: B. Khmel'nitsky st., 52-9, 462411, Orsk, Russia

Хохлов Александр Александрович

Доктор исторических наук, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения естественно-географического факультета
Самарский государственный социально-педагогический университет
E-mail: khokhlov_aa@mail.ru
Адрес служебный: ул. Антонова-Овseenко, 24, 443067, Самара, Россия

Khokhlov Aleksandr Aleksandrovich

Doctor of History, Professor, Department of Biology, Ecology and Methods of Teaching, Natural-Geographical Faculty
Samara State University of Social Sciences and Education
E-mail: khokhlov_aa@mail.ru
Address: Antonova-Ovseenko st., 24, 443067, Samara, Russia

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНО ЦСИ Ульяновской области	– Автономная некоммерческая организация «Центр стратегических исследований Ульяновской области»
АПО	– Археологические памятники Оренбуржья
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии
БФАН СССР	– Башкирский филиал Академии наук СССР
ВАП	– Вопросы археологии Поволжья
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет
ГБУСО ЦГАСО	– Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области»
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИЯЛ УНЦ РАН	– Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
КГУ	– Куйбышевский государственный университет
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	– Материалы по археологии России
МарНИИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НАВ	– Нижневолжский археологический вестник
НИАЦ	– Научно-исследовательский археологический центр
НПЦ	– Научно-производственный центр
ОАК	– Отчеты археологической комиссии
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет
ОКМ	– Орский краеведческий музей
РА	– Российская археология
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СамГПУ	– Самарский государственный педагогический университет
СамГТУ	– Самарский государственный технический университет
СамНЦ РАН	– Самарский научный центр Российской академии наук
СОИКМ	– Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ТСА РАНИОН	– Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УАВ	– Уфимский археологический вестник
УОКМ (УКМ)	– Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова
ЮУрГУ	– Южно-Уральский государственный университет
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. ПАВЛОВ, А.В. ДЕНИСОВ, Е.В. ВОЛКОВА Новые данные об известном с конца XIX века курганном могильнике под историческим названием «Железный Мар»	3
В.Ю. ЗУЕВ О раскопках Б.Н. Тракова на Алебастровой горе у пос. Нежинского в 1927–1928 гг.	14
В.В. ТКАЧЕВ, О.Ф. БЫТКОВСКИЙ Материалы из раннекочевнических погребений Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье	59
А.А. ХОХЛОВ, В.Н. МЫШКИН Краниологические материалы из погребений савроматского и раннесарматского времени на территории Самарского Поволжья	70
М.Р. ГИСМАТУЛИН, А.В. ДЕНИСОВ Кинжалы I тысячелетия до н.э. из коллекции Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова	83
Н.В. РОСЛЯКОВА, И.М. ГРИГОРЬЕВА Костные остатки животных из «кургана-святилища» могильника Филипповка II	87
В.Н. МЫШКИН Предметы конской амуниции из кургана 9 могильника Филипповка I	94
О.В. МИХАЙЛОВА Погребения ранних кочевников курганного могильника Колокольцовка I в Самарском Заволжье	103
О.Ф. БЫТКОВСКИЙ, С.М. УМРИХИН Погребальный памятник ранних кочевников из Восточного Оренбуржья	109
Н.В. РОСЛЯКОВА, И.М. ГРИГОРЬЕВА Новые данные об использовании животных в погребальном обряде населения, оставившего Прохоровские курганы	121
А.В. ДЕНИСОВ, Р.Р. САТТАРОВ, М.С. СЕДОВА Сарматские погребения курганного могильника Николаевка I в бассейне р. Самары	128
А.В. БОГАЧЕВ, А.В. КУЗНЕЦОВ, А.А. ХОХЛОВ Сармато-аланская составляющая в этногенезе средневолжских славян (итоги и перспективы дискуссии о происхождении именьковской культуры)	138
Сведения об авторах	171
Список сокращений	174

CONTENTS

A.A. PAVLOV, A.V. DENISOV, E.V. VOLCOVA New Data about Famous Since the End of 19 Century Burial Mound Iron Mar	3
V.YU. ZUEV On the Excavations of B. N. Grakov on the Alabaster Mountain Near the Village Nezhinsky in 1927–1928.....	14
V.V. TKACHEV, O.F. BYTKOVSKIY Materials from Early Nomadic Burials Ishkininsky Archaeological Microdistrict in Eastern Orenburg.....	59
A.A. KHOKHLOV, V.N. MYSHKIN Craniological Materials from Burials of the Savromation and Early Sarmatian Periods on the territory of the Samara Volga	70
M.R. GISMATULIN, A.V. DENISOV Daggers of the First Millennium BC from Collection of Ulyanovsk Local History Museum named after I. A. Goncharov.....	83
N.V. ROSLYAKOVA, I.M. GRIGORIEVA Animals Bone Remains from Barrow-Sanctuary of the Burial Ground Filippovka II	87
V.N. MYSHKIN Items of Horse Harness from Mound 9 of the Filippovka I Burial Ground	94
O.V. MIKHAILOVA Burials of Early Nomads of the Burial Mound Kolokoltsovka I on the Left Bank of the Volga River in the Samara Volga Region	103
O.F. BYTKOVSKIY, S.M. UMRIHIN Burial Monument of Early Nomads from Eastern Orenburg.....	109
N.V. ROSLYAKOVA, I.M. GRIGORIEVA New Data on the Use of Animals in the Funeral Rite of the Population Who Left the Prohorov Mounds	121
A.V. DENISOV, R.R. SATTAROV, M.S. SEDOVA Sarmatian burials of the burial mound Nikolaevka I in the Samara River basin	128
A.V. BOGACHEV, A.V. KUZNETSOV, A.A. KHOKLOV Sarmato-Alan Component in Ethnogenesis of the Central Volga Slavs (Results and Perspectives of the Debate about the Origin Imenkovskaya Culture).....	138
Information about the Authors	171
List of Abbreviations	174

Научное издание
АРХЕОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ
Выпуск 2

Макет Ю.И. Колев
Корректурa О.А. Капустина
Технический редактор М.А. Турецкий

Подписано в печать 25.12.2021
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Объем 22 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № 1947
Отпечатано в типографии ООО «Слово»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267–36–82